

Вестник

МОСКОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия *Русская филология*

«БЕЛЫЙ МИР» АННЫ АХМАТОВОЙ: ОСОБЕННОСТИ
РЕАЛИЗАЦИИ СЕМАНТИКИ ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО
БЕЛЫЙ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПРОСТРАНСТВЕ ПОЭТА

ФОРМИРОВАНИЕ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ
ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИХ СИСТЕМ
В КОНТЕКСТЕ ОБЩЕГО
И СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА

ПОЭТИЧЕСКИЙ КОСМОС Е.А. БАРАТЫНСКОГО:
СТИХОТВОРЕНИЕ «ОСЕНЬ»
В СВЕТЕ КАРАМЗИНСКОЙ ТРАДИЦИИ

О ЗНАЧЕНИИ И РОЛИ «ПОЭЗИИ»
В ЛИРИКЕ РУССКОГО СЕНТИМЕНТАЛИЗМА

2016 / № 5

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2072-8522 (print)

2016 / № 5

ISSN 2310-7278 (online)

серия

РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

Научный журнал основан в 1998 г.

«Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология» включён в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание учёной степени доктора и кандидата наук» Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации (См.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России) по Филологическим наукам: группы специальностей Литературоведение (10.01.00) и Языкознание (10.02.00).

The academic journal is established in 1998

«Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Russian philology» is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation into “the List of leading reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a Ph.D. Candidate or Doctorate Degree” (See: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation) in Philological Sciences: Literary Studies (10.01.00) and Linguistics (10.02.00).

ISSN 2072-8522 (print)

2016 / № 5

ISSN 2310-7278 (online)

series

RUSSIAN PHILOLOGY

BULLETIN OF THE MOSCOW STATE
REGIONAL UNIVERSITY

Учредитель журнала «Вестник Московского государственного областного университета»:

Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области

Московский государственный областной университет

Выходит 5 раз в год

Редакционно-издательский совет «Вестника Московского государственного областного университета»

Хроменков П.Н. — к.филол.н., проф., ректор Московского государственного областного университета (председатель совета)

Ефремова Е.С. — к.филол.н., начальник Информационно-издательского управления Московского государственного областного университета (зам. председателя)

Клычников В.М. — к.ю.н., к.и.н., проф., проректор по учебной работе и международному сотрудничеству Московского государственного областного университета (зам. председателя)

Антонова Л.Н. — д.пед.н., академик РАО, Комитет Совета Федерации по науке, образованию и культуре

Асмолов А.Г. — д.псх.н., проф., академик РАО, директор Федерального института развития образования

Климов С.Н. — д.ф.н., проф., Московский государственный университет путей сообщения (МИИТ)

Клобуков Е.В. — д.филол.н., проф., МГУ им. М.В. Ломоносова

Маноило А.В. — д.пол.н., проф., МГУ им. М.В. Ломоносова

Новоселов А.Л. — д.э.н., проф., Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова

Пасечник В.В. — д.пед.н., проф., Московский государственный областной университет

Поляков Ю.М. — к.филол.н., главный редактор «Литературной газеты»

Рюмцев Е.И. — д.ф.м.н., проф., Санкт-Петербургский государственный университет

Хухун Г.Т. — д.филол.н., проф., Московский государственный областной университет

Чистякова С.Н. — д.пед.н., проф., член-корр. РАО

ISSN 2072-8522 (print)

ISSN 2310-7278 (online)

Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. — 2016. — № 5. — 332 с.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС77-26173

**Индекс серии «Русская филология»
по Объединенному каталогу «Пресса России» 40718**

© МГОУ, 2016.

© ИИУ МГОУ, 2016.

**Адрес Отдела по изданию научного журнала
«Вестник Московского государственного
областного университета»**

г. Москва, ул. Радио, д.10А, офис 98

тел. (495) 723-56-31; (495) 780-09-42 (доб. 6101)

e-mail: vest_mgou@mail.ru; сайт: www.vestnik-mgou.ru

Редакционная коллегия серии «Русская филология»

Ответственный редактор серии:

Лекант П.А. — д.филол.н., проф., МГОУ

Заместитель ответственного редактора серии:

Шаповалова Т.Е. — д.филол.н., проф., МГОУ

Ответственный секретарь серии:

Самсонов Н.Б. — к.филол.н., доц., МГОУ

Члены редакционной коллегии:

Алексеева Л.Ф. — д.филол.н., проф., МГОУ; **Аношкина В.Н.** — д.филол.н., проф., МГОУ; **Леденёва В.В.** — д.филол.н., проф., МГОУ; **Киселёва И.А.** — д.филол.н., доц., МГОУ; **Копосов Л.Ф.** — д.филол.н., проф., МГОУ; **Шаталова О.В.** — д.филол.н., проф., МГОУ; **Воропаев В.А.** — д.филол.н., проф., МГУ им. М.В. Ломоносова; **Моторин А.В.** — д.филол.н., проф., Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого; **Нагорный И.А.** — д.филол.н., проф., Белгородский государственный национальный исследовательский университет; **Петров А.В.** — д.филол.н., доц., Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова (г. Архангельск); **Рацибурская Л.В.** — д.филол.н., проф., Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского; **Супрун В.И.** — д.филол.н., проф., Волгоградский государственный социально-педагогический университет; **Аврамова В.Н.** — доктор филологии, проф., Шуменский университет имени Епископа Константина Преславского (Болгария); **Вегвари В.** — к.п.н., доц., Печский университет (Венгрия); **Гусман-Тирадо Р.** — д.филол.н., проф., Гранадский университет (Испания); **Догнал Й.** — к.филол.н., д.философии, доц., Институт славистики Университета им. Масарика (Чешская Республика); **Колларова Е.** — д.философии, проф., Католический университет в Ружомберке (Словакия); **Норман Б.Ю.** — д.филол.н., проф., Белорусский государственный университет (Республика Беларусь); **Финк-Арсовск Ж.** — д.филол.н., проф., Загребский университет (Хорватия); **Шеншина В.А.** — д.филол.н., Хельсинкский университет (Финляндия)

Журнал включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), имеет полнотекстовую сетевую версию в Интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), а также на сайте Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru)

При цитировании ссылка на конкретную серию «Вестника Московского государственного областного университета» обязательна. Воспроизведение материалов в печатных, электронных или иных изданиях без разрешения редакции запрещено. Опубликованные в журнале материалы могут использоваться только в некоммерческих целях. Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение редколлегии серии может не совпадать с точкой зрения автора. Рукописи не возвращаются.

Founder of journal «Bulletin of the Moscow State Regional University»:

Moscow State Regional University

————— Issued 5 times a year —————

Series editorial board «Russian philology»

Editor-in-chief:

P.A. Lecant – Doctor of Philology, Professor, MSRU

Deputy editor-in-chief:

T.Ye. Shapovalova – Doctor of Philology, Professor, MSRU

Executive secretary of the series:

N.B. Samsonov – Ph.D. in Philology Sciences, Associate Professor, MSRU

Members of Editorial Board:

L.F. Alekseyeva – Doctor of Philology, Professor, MSRU;

V.N. Anoshkina – Doctor of Philology, Professor, MSRU; **V.V. Ledeneva** – Doctor of Philology, Professor, MSRU; **I.A. Kiseleva** – Doctor

of Philology, Associate Professor, MSRU; **L.F. Kuposov** – Doctor of

Philology, Professor, MSRU; **O.V. Shatalova** – Doctor of Philology,

Professor, MSRU; **V.A. Voropayev** – Doctor of Philology, Profes-

sor, Lomonosov Moscow State University; **A.V. Motorin** – Doctor

of Philology, Professor, Yaroslav-the-Wise Novgorod State Uni-

versity; **I.A. Nagorny** – Doctor of Philology, Professor, Belgorod

State National Research University; **A.V. Petrov** – Doctor of

Philology, Associate Professor, Northern (Arctic) Federal Univer-

sity named after M.V. Lomonosov; **L.V. Ratsiburskaya** – Doctor

of Philology, Professor, N.I. Lobachevsky State University of Nizhny

Novgorod; **V.I. Suprun** – Doctor of Philology, Professor, VSPU;

V.N. Avramova – Doctor of Philology, Professor, University of Shu-

men Bishop Konstantin of Preslav (Bulgaria); **V. Vegvari** – Ph.D.

in Pedagogical Sciences, Associate Professor, University of Pécs

(Hungary); **R. Guzmán Tirado** – Doctor of Philology, Professor,

University of Granada (Spain); **J. Dohnal** – Ph.D. in Philological

Sciences, Doctor of Philosophy, Associate Professor, Institute of Sla-

vonian Studies, Masaryk University (Czech Republic); **E. Kollarova** –

Doctor of Philosophy, Professor, Catholic University in Ruzomberok

(Slovakia); **B.Yu. Norman** – Doctor of Philology, Professor, Belorus-

sian State University (Republic of Belarus); **Ž. Fink Arsovski** – Doc-

tor of Philology, Professor, University of Zagreb (Croatia); **V.A. Shen-**

shina – Doctor of Philology, Helsinki University (Finland)

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, has a full text network version on the Internet on the platform of Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru), as well as at the site of the Moscow State Regional University (www.vestnik-mgou.ru)

At citing the reference to a particular series of «Bulletin of the Moscow State Regional University» is obligatory. The reproduction of materials in printed, electronic or other editions without the Editorial Board permission, is forbidden. The materials published in the journal are for non-commercial use only. The authors bear all responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the author. Manuscripts are not returned.

Publishing council «Bulletin of the Moscow State Regional University»

P.N. Khromenkov – Ph. D. in Philology, Professor, Principal of MSRU (Chairman of the Council)

E.S. Yefremova – Ph. D. in Philology, Chief of information and editorial management of MSRU (Vice-Chairman of the Council)

V.M. Klychnikov – Ph.D. in Law, Ph. D. in History, Professor, Vice-Principal for academic work and international cooperation of MSRU (Vice-Chairman of the Council)

L.N. Antonova – Doctor of Pedagogics, Member of the Russian Academy of Education, The Council of the Federation Committee on Science, Education and Culture

A.G. Asmolov – Doctor of Psychology, Professor, Member of the Russian Academy of Education, Principal of the Federal Institute of Development of Education

S.N. Klimov – Doctor of Philosophy, Professor, Moscow State University of Railway Engineering

E.V. Klobukov – Doctor of Philology, Professor, Lomonosov Moscow State University

A.V. Manoylo – Doctor of Political Science, Professor, Lomonosov Moscow State University

A.L. Novosjolov – Doctor of Economics, Professor, Plekhanov Russian University of Economics

V.V. Pasechnik – Doctor of Pedagogics, Professor, MSRU

Yu. M. Polyakov – Ph.D. in Philology, Editor-in-chief of «Literaturnaya Gazeta»

E.I. Rjuntsev – Doctor of Physics and Mathematics, Professor, Saint Petersburg State University

G. T. Khukhuni – Doctor of Philology, Professor, MSRU

S.N. Chistyakova – Doctor of Pedagogics, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Education

ISSN 2072-8522 (print)

ISSN 2310-7278 (online)

Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Russian Philology. – 2016. – № 5. – 332 p.

The series «Russian Philology» of the Bulletin of the Moscow State Regional University is registered in Federal service on supervision of legislation observance in sphere of mass communications and cultural heritage protection. The registration certificate ПИ № 077-26173

Index series «Russian Philology» according to the union catalog «Press of Russia» 40718

© MSRU, 2016.

© Information & Publishing department of MSRU, 2016.

The Editorial Board address:

Moscow State Regional University

10A Radio st., office 98, Moscow, Russia

Phones: (495) 723-56-31; (495) 780-09-42 (add. 6101)

e-mail: vest_mgou@mail.ru; site: www.vestnik-mgou.ru

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Ба Юйсинь</i> . НАПОЛНЕНИЕ КАТЕГОРИИ «НЕОЛОГИЗМ» ПО ДАННЫМ СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ЭКСПЕРИМЕНТА	8
<i>Гун Цзинсун</i> . СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ И ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРИЧИННЫХ ПРЕДЛОГОВ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ	19
<i>Долгова Н.Г.</i> ЗНАЧЕНИЯ МОДАЛЬНО-ВОЛЕВЫХ ЧАСТИЦ В ПРОЗЕ А.П. ЧЕХОВА.....	28
<i>Канафьева А.В.</i> О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ИНТОНАЦИИ РИТОРИЧЕСКОГО ВЫСКАЗЫВАНИЯ	35
<i>Карпухина Н.М., Шерстюкова О.В.</i> ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ СОМАТИЧЕСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ КАК ОСНОВА ИХ СТРУКТУРИРОВАНИЯ	41
<i>Кириллина Н.В.</i> «БЕЛЫЙ МИР» АННЫ АХМАТОВОЙ: ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ СЕМАНТИКИ ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО <i>БЕЛЫЙ</i> В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПРОСТРАНСТВЕ ПОЭТА.....	47
<i>Кондрашкина Е. Ю.</i> ИНСТРУКТИВНЫЙ ДИСКУРС В КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ	55
<i>Крылова А.Г.</i> АНТРОПОНИМЫ С ПОЛОЖИТЕЛЬНЫМ ЭМОЦИОНАЛЬНО-ОЦЕНОЧНЫМ ЗНАЧЕНИЕМ В ПРОЗЕ Ю.В. БУЙДЫ	63
<i>Меркина В.В.</i> ФЛОРИСТИЧЕСКИЕ НАЗВАНИЯ ОВРАЖНО-БАЛОЧНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ ВЕРХНЕГО И СРЕДНЕГО ПОДОНЬЯ.....	71
<i>Набиева С.Я.</i> СЕМАНТИКО-СТРУКТУРНАЯ ЦЕЛОСТНОСТЬ КАК КАТЕГОРИАЛЬНЫЙ ПРИЗНАК СЛОЖНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ И ЕЁ ЯЗЫКОВОЕ ВЫРАЖЕНИЕ.....	79
<i>Низаметдинова Н.Х.</i> РУССКАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ В XVI В.	89
<i>Озолина М.Н.</i> ФОРМИРОВАНИЕ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИХ СИСТЕМ В КОНТЕКСТЕ ОБЩЕГО И СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА	97
<i>Пидченко М.В.</i> СЕМАНТИЧЕСКИЙ ОБЪЁМ СЛОВ С КОРНЕМ -МИЛ- СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ: ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ВОСПРИЯТИЯ ЗНАЧЕНИЯ	106
<i>Радзиховская В.К.</i> ЯЗЫКОВЫЕ ЯВЛЕНИЯ В СВЕТЕ ФСК ВЗАИМНОСТИ	113
<i>Смирнова М.А.</i> СЕМАНТИЧЕСКОЕ РАССОГЛАСОВАНИЕ АТРИБУТИВНЫХ КОМПОНЕНТОВ ОПИСАТЕЛЬНЫХ ГЛАГОЛЬНО-ИМЕННЫХ ОБОРОТОВ В ЭПИСТОЛЯРНЫХ ТЕКСТАХ.....	123
<i>Степанчиков М.А.</i> ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ БИСУБСТАНТИВНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ С ПОДЛЕЖАЩИМ ЭТО НА СТРАНИЦАХ СОВРЕМЕННЫХ ГАЗЕТ.....	129
<i>Тагирова Ф.И., Чумарина Г.Р., Акулина Л.В.</i> ПОТЕНЦИАЛ КОРПУСНЫХ И БУМАЖНЫХ СЛОВАРЕЙ ДЛЯ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ (НА ПРИМЕРЕ СРЕДСТВ ВЫРАЖЕНИЯ ПОНЯТИЯ «ЖЁЛТЫЙ» В ТАТАРСКОМ И УДМУРТСКОМ ЯЗЫКАХ)	137
<i>У Ляньлянь</i> . ПАРНЫЕ ИМЕНОВАНИЯ И СМЕЖНЫЕ ЯВЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ	145
<i>Фисун Р.С.</i> ОБ ОПРЕДЕЛЁННОСТИ НЕОПРЕДЕЛЁННЫХ МЕСТОИМЕНИЙ.....	158
<i>Халикова Н.В.</i> ФУНКЦИИ ОБРАЗНЫХ ПАРАДИГМ В НАУЧНОМ СТИЛЕ В.В. ВИНОГРАДОВА	171

РАЗДЕЛ II.**ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ**

<i>Алпатова Т.А.</i> ПОЭТОЛОГИЯ М.Н. МУРАВЬЁВА В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ СИСТЕМЕ РУССКОЙ ЛИРИКИ ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XVIII ВЕКА	180
<i>Алпатова Т.А., Поташова К.А.</i> ПОЭТИЧЕСКИЙ КОСМОС Е.А. БАРАТЫНСКОГО: СТИХОТВОРЕНИЕ «ОСЕНЬ» В СВЕТЕ КАРАМЗИНСКОЙ ТРАДИЦИИ	188
<i>Ахмедова Э.Т.</i> «ГОСТИ С ТОГО СВЕТА». СПИРИТИЗМ И ВИКТОРИАНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА: К ИСТОРИИ ВОПРОСА (ПО МАТЕРИАЛАМ БРИТАНСКОЙ ПЕРИОДИКИ 1850-1890-Х ГГ.)	195
<i>Блудилина Н.Д.</i> АПОЛОГИЯ ИЛИ РАЗВЕНЧАНИЕ МИФА О НАПОЛЕОНЕ НА СТРАНИЦАХ «ВЕСТНИКА ЕВРОПЫ» Н.М. КАРАМЗИНА И ЭПОПЕИ «ВОЙНА И МИР» Л.Н. ТОЛСТОГО	202
<i>Дорожкина М.А.</i> МЕТАМОРФОЗЫ СВЯЗЕЙ АВТОРОВ С ЛИТЕРАТУРНЫМИ ГЕРОЯМИ: М.Ю. ЛЕРМОНТОВ И Е.А. ГАН («КНЯЖНА МЕРИ» И «МЕДАЛЬОН»)	214
<i>Егорова С.О.</i> «СТАРОСВЕТСКИЕ ПОМЕЩИКИ» Н.В. ГОГОЛЯ: МИР ПОСЛЕ КОНЦА	225
<i>Иваницкий А.И.</i> О ЗНАЧЕНИИ И РОЛИ «ПОЭЗИИ» В ЛИРИКЕ РУССКОГО СЕНТИМЕНТАЛИЗМА	233
<i>Киселева И.А., Алпатова Т.А.</i> ПРИНЦИП «ИСЧЕРПЫВАЮЩЕГО ДЕЛЕНИЯ» В ЛИРИКЕ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА И ТРАДИЦИИ ПОЭЗИИ XVIII ВЕКА (К ПРОБЛЕМЕ «М.Ю. ЛЕРМОНТОВ И Н.М. КАРАМЗИН»)	243
<i>Сапченко Л.А.</i> Н.М. КАРАМЗИН: МЫСЛИ О ЛЮБВИ	251
<i>Семакина А.А.</i> ЖЕНСКИЙ ХАРАКТЕР КАК ВАРИАЦИЯ «ПОЛОЖИТЕЛЬНОГО» И «ИДЕАЛЬНОГО» НАЧАЛ ЖИЗНИ В РОМАНАХ И.А. ГОНЧАРОВА И ЕГО ПУШКИНСКИЕ ИСТОКИ	261
<i>Сытина Ю.Н.</i> Н.М. КАРАМЗИН В СОЗНАНИИ РУССКИХ РЕЛИГИОЗНЫХ ФИЛОСОФОВ	270
<i>Фетисова Е.Э.</i> ФЕНОМЕН НЕОАКМЕИЗМА В ТВОРЧЕСТВЕ АРС. ТАРКОВСКОГО	278
<i>Шадурский В.В.</i> И.А. БУНИН, М.А. АЛДАНОВ, В.В. НАБОКОВ: СУЖДЕНИЯ ОБ ОДНОМ ПО-РАЗНОМУ	287
<i>Шенюл А.О.</i> ПРОБЛЕМА «РОССИЯ И ЗАПАД» В РОМАНЕ Л.Н. ТОЛСТОГО «АННА КАРЕНИНА»	301
<i>Якушкина Н.М.</i> «ДАНО МНЕ ВМЕСТЕ БЫТЬ С ТОБОЮ...»: ТВОРЧЕСКИЙ ДИАЛОГ И.И. КОЗЛОВА И В.А. ЖУКОВСКОГО	308

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Ковалёв Г.Ф., Супрун В.И.</i> XV МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ОНОМАСТИКА ПОВОЛЖЬЯ»	318

РЕЦЕНЗИИ

<i>Калесник Е.Ю.</i> РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ В.В. ЛЕДЕНЁВОЙ «СЛОВО ЛЕСКОВА»	326

CONTENTS

SECTION I. LINGUISTICS

Ba Yuxin. CONTENT OF "NEOLOGISM" CATEGORY ACCORDING TO THE DATA OF A SOCIOLINGUISTIC EXPERIMENT	8
Gong Jingsong. DERIVATIONAL AND GRAMMATICAL FEATURES OF CAUSAL PREPOSITIONS IN MODERN RUSSIAN	19
N. Dolgova. MEANINGS OF MODAL PARTICLES IN PROSE OF A. CHEKHOV	28
A. Kanafieva. SOME FEATURES OF INTONATION OF RHETORICAL STATEMENTS	35
N. Karpukhina, O. Sherstyukova. LEXICAL AND GRAMMATICAL SIGNS OF SOMATIC PHRASEOLOGICAL UNITS AS BASIS OF THEIR STRUCTURING.....	41
N. Kirillina. "WHITE WORLD" BY ANNA AKHMATOVA: FEATURES OF REALIZATION OF THE SEMANTICS OF THE ADJECTIVE IN THE WHITE SPACE OF THE POET'S ART	47
E. Kondrashkina. INSTRUCTIVE DISCOURSE FROM A POSITION OF COMMUNACATIVE AND PRAGMATIC APPROACH	55
A. Krylov. ANTHROPONYMS WITH POSITIVE EMOTIONAL AND EVALUATIVE MEANING IN Y. BUYDA'S NOVELS	63
V. Merkina. FLORAL NAMES OF GULLIES OF THE UPPER AND MIDDLE DON.....	71
S. Nabiyeva. SEMANTIC-STRUCTURAL UNITY AS A CATEGORICAL FEATURE OF COMPLEX SENTENCE AND ITS LINGUISTIC EXPRESSION.....	79
N. Nizametdinova. RUSSIAN LEXICOGRAPHY IN THE 16TH CENTURY	89
M. Ozolina. FORMATION AND INTERACTION OF TERMINOLOGICAL SYSTEMS IN THE FRAMEWORK OF GENERAL AND CONTRASTIVE ANALYSIS	97
M. Pidchenko. SEMANTIC VOLUME OF WORDS WITH THE ROOT -MIL- IN THE MODERN RUSSIAN LANGUAGE: ON THE PERCEPTION OF THE MEANING	106
V. Radzikhovskaya. LINGUISTIC PHENOMENA IN THE LIGHT OF THE FSC RECIPROCITY	113
M. Smirnova. SEMANTIC MISMATCH OF ATTRIBUTIVE COMPONENTS OF VERBAL-NOMINAL PHRASES IN EPISTOLARY TEXTS	123
M. Stepanchikov. FEATURES OF FUNCTIONING OF BISUBSTANTIVE SENTENCES CONTAINING THE SUBJECT ЭТО ON THE PAGES OF MODERN NEWSPAPERS.....	129
F. Tagirova, G. Chumarina, L. Akulina. POTENTIAL OF CORPORA AND PAPER DICTIONARIES FOR LEXICAL-SEMANTIC RESEARCHES (ON THE EXAMPLE OF EXPRESSION MEANS OF THE CONCEPT "YELLOW" IN THE TATAR AND UDMURT LANGUAGES).....	137

SECTION II. LITERARY STUDIES

Wu Lianlian. PAIR NAMING AND RELATED PHENOMENA IN MODERN RUSSIAN LANGUAGE	145

R. Fisun. ON THE DEFINITENESS OF INDEFINITE PRONOUNS	158
N. Khalikova. FUNCTIONS OF FIGURATIVE PARADIGMS IN V. VINOGRADOV'S SCIENTIFIC STYLE	171
T. Alpatova. M. MURAVYOV'S POETICS IN THE ART SYSTEM OF THE RUSSIAN LYRICS OF THE LAST THIRD OF THE 18TH CENTURY	180
T. Alpatova, K. Potashova. POETIC SPACE OF E. BARATYNSKY: THE POEM "AUTUMN" IN THE LIGHT OF KARAMZIN'S TRADITION	188
E. Akhmedova. "GUESTS FROM THE UNDERWORLD". SPIRITUALISM AND VICTORIAN LITERATURE: A HISTORICAL BACKGROUND (A CASE STUDY OF BRITISH PERIODICALS IN 1850-1890s)	195
N. Bludilina. APOLOGY OR DEBUNKING OF THE MYTH OF NAPOLEON ON THE PAGES OF THE N. KARAMZIN'S «ENVOY OF EUROPE» AND THE NOVEL «WAR AND PEACE» BY L. TOLSTOY	202
M. Dorozhkina. METAMORPHOSES OF CONNECTIONS OF AUTHORS WITH LITERARY HEROES: M. LERMONTOV AND E. GAN ("PRINCESS MARY" AND "MEDALLION")	214
S. Egorova. "THE OLD WORLD LANDOWNERS" BY N. GOGOL: THE WORLD AFTER THE END.....	225
A. Ivanitskiy. SIGNIFICANCE AND ROLE OF 'POETRY' IN RUSSIAN SENTIMENTALISM	233
I. Kiselyova, T. Alpatova. THE PRINCIPLE OF "EXHAUSTIVE FISSION" IN M. LERMONTOV'S POEMS AND THE TRADITIONS OF THE 18th CENTURY'S POETRY (TO THE PROBLEM OF "LERMONTOV AND KARAMZIN")	243
L. Sapchenko. N. KARAMZIN: THOUGHTS OF LOVE.....	251
A. Semakina. FEMALE CHARACTER IN GONCHAROV'S NOVELS AS A VARIATION OF THE «POSITIVE» AND «IDEAL» LIFE BEGINNINGS AND ITS PUSHKIN'S SOURCES	261
Y. Sytina N. KARAMZIN IN THE MINDS OF THE RUSSIAN RELIGIOUS PHILOSOPHERS	270
E. Fetisova. PHENOMENON OF NEO-ACMEISM IN A. TARKOVSKY'S POETRY.....	278
V. Shadursky. IVAN BUNIN, MARK ALDANOV, VLADIMIR NABOKOV: DIFFERENT VIEWS ON THE SAME TOPIC	288
A. Shenol THE PROBLEM OF "RUSSIA AND THE WEST" IN THE NOVEL "ANNA KARENINA" BY L. TOLSTOY	301

SCIENTIFIC LIFE

N. Yakuskina. "I WAS MEANT TO BE TOGETHER WITH YOU...": A CREATIVE DIALOGUE OF I. KOZLOV AND V. ZHUKOVSKY.....	308
G. Kovalyov, V. Suprun. XV INTERNATIONAL SCIENTIFIC CONFERENCE "ONOMASTICS OF THE VOLGA REGION"	318

REVIEW

E. Kalesnik. REVIEW OF V. LEDENEVA'S MONOGRAPH «LESKOV'S WORD»: MONOGRAF. M., 2015. 260 P.....	326

РАЗДЕЛ I. ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 81'373

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-5-8-18

НАПОЛНЕНИЕ КАТЕГОРИИ «НЕОЛОГИЗМ» ПО ДАННЫМ СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ЭКСПЕРИМЕНТА

Ба Юйсинь

*Московский государственный лингвистический университет
119034, г. Москва, Остоженка, 38, Российская Федерация*

Аннотация. Статья посвящена уточнению понятия «неологизм» в сознании образованного носителя языка по его воплощению в результатах эксперимента. Вводится понятие временного пространства языка в сознании его носителей, исследуются факторы, влияющие на его формирование, обращая исследование к когнитивистике. Уточняется стилистическая трактовка неологизма. Делается вывод о содержании ядра и периферии понятия «неологизм». Выявляются закономерности сокращения промежутка между появлением слова и его словарной фиксацией и факторы, влияющие на возникновение, частоту употребления и распространение слова в политическом дискурсе.

Ключевые слова: неологизм, временное пространство индивидуального лексикона, корпусная лингвистика, экспериментальный метод, композиционная семантика.

CONTENT OF "NEOLOGISM" CATEGORY ACCORDING TO THE DATA OF A SOCIOLINGUISTIC EXPERIMENT

Ba Yuxin

*Moscow State Linguistic University
38, Ostozhenka, Moscow, Russian Federation, 119034*

Abstract. The article is devoted to clarifying the "neologism" concept in the mind of an educated native speaker by its expression in the results of the experiment. We herein introduce the concept of temporal area of language in the mind of native speakers, explore the factors that influence its formation, thus turning our research to cognitive science. We also clarify stylistic interpretation of neologism, make conclusion about the content of the core and the periphery of the "neologism" concept. Besides, we identify patterns of reducing the gap between the ap-

pearance of a word and its dictionary fixation, point out the factors influencing occurrence, frequency of use and dissemination of a word in political discourse.

Keywords: neologism, temporary space of the individual vocabulary, corpus linguistics, experimental method, compositional semantics.

Исследователи неоднократно отмечали, что определение центрального понятия неологии – неологизма – не лишено субъективности. Разные его стороны описывают несколько концепций, возникших в русле неологии. Их изучила и систематизировала Т.В. Попова [5, с. 4-16]. Суммируем их достоинства и недостатки.

«Стилистическая» теория неологизмами называет «стилистически маркированные слова, значения слов и фразеологизмы, употребление которых сопровождается эффектом новизны» [5, с. 4]. Е.В. Сенько уточняет, что нужна «своеобразная маркированность временем, которая влечёт за собой известную необычность, свежесть на фоне привычных языковых форм, малоизвестность (или неизвестность) в широком употреблении» [6, с. 22]. Однако даже сторонник «стилистической» теории А.Г. Лыков признаёт, что новизна не имеет формальных показателей и её трудно измерить. Психолингвистическая теория «определяет неологизм как языковую единицу, не встречавшуюся ранее в индивидуальном речевом опыте носителя языка» [5, с. 8]. Для объективации оценки выдвигается идея усредненного показателя новизны, полученного в ходе экспериментов с представителями разных социальных и возрастных групп. Однако такой подход был бы слишком затратным. Лексикографическая теория, представленная в работах К. Барнхарта, а также отражённая во французской лексикографии, опре-

деляет неологизм как слово, которое не отмечено в актуальных словарях. Такое понимание делает неологизм узколингвистическим термином и не учитывает отношения носителей языка к новым словам, желания узнать их значение, переосмыслить, обыграть. В результате из категории неологизмов исключаются языковые единицы, которые были внесены в словарь с небольшим временным зазором после их появления в речи, хотя носитель языка такое слово воспринимает как новое, свежее, способное войти в моду или быть подвергнутым критике. Согласно денотативной теории, отражённой, в частности, в «Словаре лингвистических терминов» О.С. Ахмановой, неологизм – «это слово, обозначающее новое явление (денотат, реалию) или понятие» [5, с. 9]. В этом определении присутствует всё тот же невнятный параметр 'новое'. Кроме того, приращения смысла в новом производном слове могут быть едва ощутимыми, не всеми замечаемыми, как у глагола и при номинализации. Сторонники структурной теории считают, что неологизмами могут быть слова, которые обладают формальной, структурной новизной. Это слишком узкое понимание инноваций, которое вызывает много возражений. Наконец, конкретно-историческая теория, обоснованная Н.З. Котеловой, исходит из того, что «понятие неологизма исторично и относительно» [2, с. 14-18], поэтому к нему надо подходить, предварительно выработав систему параметров-

конкретизаторов: 1) время появления слова; 2) «языковое пространство», в котором функционировало прежде и функционирует теперь слово, или сфера его употребления; 3) тип новизны языковой единицы. Всё это учтено в следующем определении: неологизмами называются «как собственно новые, впервые образованные или заимствованные из других языков слова, так и слова, известные в русском языке и ранее, или употреблявшиеся ограниченно, за пределами литературного языка, или ушедшие на какое-то время из активного употребления, а сейчас ставшие широко употребительными», а также «производные слова, которые существовали в языке потенциально и были образованы от давно образовавшихся слов по известным моделям лишь в последние годы» [1, с. 7]. Несмотря на кажущуюся точность, за выражением «последние годы» может скрываться, как мы покажем ниже, разрыв от года до 30 и более лет, в зависимости от степени регулярности фиксации новых слов словарями, от социальных изменений, технического прогресса, языкового опыта того, кто идентифицирует слово как неологизм.

С появлением корпусной лингвистики стало возможно установить примерное время возникновения нового слова. Это позволило нам поставить задачу измерения параметрических свойств неологизмов. Прежде всего, мы задались целью определить, какой временной интервал может отделять первые употребления новых слов от их словарной фиксации. Для этого мы работали предварительно составленный словник, куда вошли все слова из наших источников [7], подчеркнутые программой Word как не включённые

в её лексикон. По Национальному корпусу русского языка [4] мы установили год первого употребления каждой единицы словника в письменной речи¹, а по имеющимся словарям – год фиксации в них соответствующего слова. В результате удалось выяснить, что разрыв между появлением лексической инновации в письменной речи и её словарной фиксацией может составлять от одного года (*обменник* 2000 / 2000) до 43 лет (*пофамильно* 1956, Солюхин / 1999).

Чтобы изучить вес других параметров, введённых Н.З. Котеловой для идентификации неологизмов, мы решили провести эксперимент. В нём приняли участие 35 человек – студенты-лингвисты 1 и 2 курса. Им были предложены 30 слов из нашего словника: *алкозамок, беспилотник, внеурочка, встреча, гособлигация, евроценности, зоозащитник, импортозамещение, корпоратив, кофеман, крупняк, машино-место, нацик, недропользователь, низкодоходный, обменник, околоправительственный, олимпиадник, подследственность, пофамильно, предрейсовый, провластный, прослушка, распоряженец, расстуденчивание, спецпользователь, спецсигнал, турпоток, экологичный, экстремал*. Задание состояло в том, чтобы отметить неологизмы (в широком понимании, сформированном в рамках школьной программы), а затем письменно мотивировать своё решение не относить к этой группе каждое из оставшихся слов. Проводя эксперимент, мы осознавали, что исследуем языковое со-

¹ Мы принимаем во внимание, что в устной речи слово могло появиться раньше, а также то, что выборка текстов в Национальном корпусе русского языка неполна.

знание образованного носителя языка, не являющегося специалистом-филологом и тем более лексикографом.

Ниже представлены результаты эксперимента: в скобках через запятую указывается год первого употребления слова, по данным НКРЯ, и количество его фиксаций в корпусе, за косой чертой следует дата первой обнаруженной нами словарной фиксации, прочерк означает отсутствие данной лексической единицы в словарях; за скобками указано количество студентов, указавших на слово как на неологизм; после двоеточия даётся сводное обоснование, извлечённое из 35 анкет.

алкозамок (2009, 3 / –) 33;

беспилотник (2001, 112 / 2014) 18: частотно в новостях, на слуху, термин, образовано от узуальной основы по стандартной модели, вошло в употребление ещё в прошлом веке, разговорный универбат от *беспилотный самолёт*;

внеурочка (отсутствует в НКРЯ, выдаётся поисковым запросом в Google в текстах, относящихся к 2012 / –) 21: явление было ещё во времена стахановцев; внутренняя форма указывает на реалию, которая существовала и раньше; универбат от *внеурочная работа*; разговорное, жаргон рабочих;

встречка (2002, 252 / 1998) 13: возникло с появлением возможности у населения активно покупать автомобили, двухполосное движение существует уже по меньшей мере 50 лет; понятность внутренней формы; всем известно, разговорное;

гособлигация (1996, 281 / 2014) 10: историзм, до XXI в., выпуск ценных бумаг государством существует давно; понятность внутренней формы; было термином, но в последнее время акти-

визировалось в бытовой речи; широко распространено в СМИ, в официально-деловом стиле;

евроценности (2007, 1 / –) 28: ценности в Европе всегда отличались от российских;

зооащитник (2004, 67 / –) 26: термин;

импортозамещение (2000, 150 / 2004) 26: понятность внутренней формы; термин;

корпоратив (2005, 284 / 1998) 20: реалия существует давно, ушло в народ – «Народный корпоратив», распространённость явления; заимствовано раньше других новых заимствований; с 90-х гг. XX в., после развала СССР; употребительно в СМИ;

кофеман (1982, 30 / 1998) 25: кофе появилось в России 300 лет назад (замечена модельная аналогия с *киноман*);

крупняк (1995, 91 / 1998) 9: из крестьянского быта; крупный рогатый скот, крупная рыба, крупная особь животного; реалия существовала давно, а значит, могло и существовать слово; понятность внутренней формы; распространённость; разговорное, жаргонное;

машино-место (2004, 30 / 1998) 24: новое, но не настолько, чтобы считать неологизмом; узуальность входящих в слово морфем;

нацик (2006, 8 / –) 16: нацисты существовали уже 70 лет назад; разговорная форма от *нацист*;

недропользователь (1992, 303 / 2004) 30: понятность значения;

низкодоходный (1989, 102 / 1998) 5: от всем известного термина; используется в сочетании с *бизнес* с начала 2000-х гг.; узуальность морфем; явление могло существовать давно;

обменник (2000, 329 / 2000) 12: валюта, как и её обмен, существует давно; понятность внутренней формы (проведена аналогия с *файлообменником*);

околоправительственный (1995, 13 / –) 21: историзм, могло быть когда угодно, такие партии существовали и 100 лет назад; образовано по стандартной модели; термин;

олимпиадник (2003, 14 / –) 22: понятность внутренней формы; разговорное, профессионализм;

подследственность (1997, 52 / 1998) 15: давняя сфера деятельности, не новое понятие; понятность внутренней формы; распространённость словообразовательной модели, давность существования морфем-слагаемых; термин;

пофамильно (1956, 24 / 1999) 5: не вводит новых явлений, фамилии были давно, пофамильные списки солдат при отправке на фронт в Великую Отечественную войну; понятность внутренней формы;

предрейсовый (2001, 26 / 1998) 16: может относиться к автобусам, поэтому могло возникнуть ещё в начале XX в.; замечена модельная аналогия; употребительность; входит в состав воспроизводимых сочетаний – *предрейсовый осмотр*; профессионализм;

провластный (2003, 71 / –) 25: явление существует давно, например, партия кадетов в начале XX в.; понятность внутренней формы; термин;

прослушка (1998, 337 / 2004) 11: реалия из СССР; появилось с рождением телефона и телеграфа, спецслужб; употребительно в фильмах; понятность корня; разговорное, жаргонное;

распоряженец (отсутствует в НКРЯ, выдаётся поисковым запросом в Google в текстах, относящихся к

2010 / –) 12: XIX в., всегда были люди с функцией распоряжаться; понятность внутренней формы, употребительность морфем; просторечие, окказионализм;

растуденчивание (отсутствует в НКРЯ, выдаётся поисковым запросом в Google в текстах, относящихся к 2010 / –) 29: замечена модельная аналогия с *раскулачиванием*, окказионализм, жаргонное;

специпользователь (2006, 1 / –) 26: компьютеры появились давно; понятность внутренней формы; термин;

спецсигнал (1996, 196 / 2004) 16: специальные сигналы подавались и на кораблях XVIII в.; образовано по стандартной модели, понятность внутренней формы; термин;

турпоток (2004, 182 / 2004) 26: словообразовательный тип относится к временам СССР, аббревиатура от понятного словосочетания не является новым словом;

экологичный (1989, 441 / 1998) 14: сохранение природы было всегда; прилагательное не образует нового понятия; интернационализм; употребительный корень;

экстремал (1997, 359 / 2004) 23: понятность внутренней формы, употребительность.

Анализ результатов эксперимента позволил сделать следующие выводы. Интерпретация слова как нового идёт сразу в двух направлениях: по денотату и номинату, так что и «денотативная» и «стилистическая» концепции оказываются верными, но только как альтернативы, между которыми выбирает интерпретатор. Это согласуется с выводами когнитологов о работе мозга: информационный сигнал в нём распространяется сразу по нескольким путям.

Если участник эксперимента замечает, что явление или артефакт для него новые, потому что о них заговорили относительно недавно (например, о *беспилотнике*) или он по номинату не может представить себе реалии (например, *алкозамка*), он относит слово к неологизмам. Эксперимент выявил свойство памяти достаточно произвольно располагать момент появления реалии на шкале времени. Так, *беспилотник* один из информантов отнёс к артефактам, появившимся ещё в прошлом веке.

В ряде случаев информанты в силу своего возраста (17–21 год) не могут помнить время возникновения явления, но выводят его путём умозаключения: автобусы существуют с начала XX в., слово *предрейсовый* может называть действия, связанные с автобусом (*предрейсовый осмотр автобуса*), следовательно, оно существует с начала XX в. В некоторых случаях испытуемые опираются на идеологемы: *прослушка* – явление, возникшее в СССР. Время появления слова может меняться в зависимости от того, какая часть значения, находится, по выражению Е.С. Кубряковой, «в активной зоне говорящего» [3, с. 450]. Так, если слово *прослушка* интерпретируется информантом как 'прослушивание **телефонных** разговоров' и в активной зоне его сознания оказывается техническое средство, то он датирует явление временем изобретения телефона, т. е. второй половиной XIX в.; если в дефиницию попадает дополнительная деталь – 'прослушивание телефонных разговоров **спецслужбами**', то явление получает неопределённую для самого опрашиваемого датировку 'со времени возникновения спецслужб'. Это по-

зволяет сделать вывод, что временное пространство языка оказывается гибридом (блендом) [8] реального и фикционального ментальных пространств¹, а время появления производного слова может отодвигаться носителем языка к началу формирования словарного гнезда.

Мы вводим понятие «временное пространство языка», под которым понимаем следующее. Язык концептуализируется как контейнер (*слово имеется в языке*), имеющий пространственную и временную протяжённость (*уровни языка, на всём протяжении развития языка*). В соответствии с этой когнитивной метафорой носитель языка, задавшись вопросом о времени происхождения слова, располагает его относительно других слов и иных контрольных точек, сформированных личным и социальным опытом, в определённом месте своей когнитивной модели пространства языка.

В этой ситуации становится очевидной ценность выводов психолингвистической теории. Мы разными путями пришли к пониманию необходимости определить, что является психологической границей новизны слова. Наивысшие показатели частоты отнесения слова к неологизмам (26–33) у лексических единиц, зафиксированных НКРЯ 6, 7, 9, 10, 12, 16 и 24 года назад, т. е. в среднем слово (без учёта его специфики) воспринимается как новое в течение 12 лет. Один из информантов сам назвал психологическую границу – не более 30 лет.

¹Под реальным ментальным пространством понимаются более или менее объективные результаты отражения мира. Фикциональное ментальное пространство – это субъективная комбинация фрагментов отражения мира и фантомов.

Установив, что часть ориентиров во временном пространстве языка формируется социально-историческим опытом, мы предположили, что знание о принадлежности реалии к новой или ушедшей эпохе (даже если рубеж недалеко отстоит от актуального момента) должно влиять на отнесение её обозначения к неологизмам. Эта версия, на первый взгляд, подтверждается: *корпоратив* в сознании информантов – явление новой, постсоветской России, а потому индекс отнесения слова к неологизмам оказался достаточно высоким – 20. Однако *обменник*, появившийся, по данным НКРЯ, всего за 5 лет до *корпоратива* и тоже представляющий собой постсоветскую реалию, имеет индекс 12, т. е. лишь один из трёх информантов причислил это слово к неологизмам. Решающим явилось то, что в активной зоне при интерпретации *обменника* оказалась рематическая часть (*обменник* – это 'место, где **обменивают валюту**'), и соответствующий ей сценарий в сознании студентов-лингвистов, изучавших в момент проведения эксперимента историю страны выбранного ими языка, оказался встроенным в ментальное пространство, отражающее не Россию, а некую иную страну, где обменные операции совершались веками. В результате датировка оказалась связанной не с производным словом, а с инференциями¹. Таким образом, мы пришли к выводу, что ощущение положения слова во временном пространстве языка формируется не только представлениями о денотате, но и особенностями интерпретации номината.

¹ Инференции – это значения, устанавливаемые "в процессе особого семантического вывода из составляющих элементов словообразовательных конструкций" [3, с. 402].

Наш эксперимент позволил уточнить «стилистическую» трактовку неологизма. Эффект новизны, необычности чаще производят слова, значения которых не выводятся из суммы значений морфем, т. е. характеризующиеся, по Р. Лангакру, частичной композициональностью [9]. Самый высокий индекс отнесения к неологизмам оказался у слова *алкозамок*. Не зная денотата, трудно соединить алкоголь и замок. Так возник эффект необычности. Сделанный вывод заставляет назвать соответствующий параметр-конкретизатор не стилистическим, а композиционно-семантическим (от «композиционная семантика», см. [3, с. 439-458]). Подтверждением нашего вывода служат комментарии информантов: они не включают лексическую единицу в состав неологизмов, если она понятна, образована от всем известного слова, относится к продуктивному словообразовательному типу. Не владея лингвистической терминологией, студенты тем не менее точно указывали на словообразовательный тип с помощью языковой аналогии: *кофеман* как *киноман*, *расстуденчивание* как *раскулачивание*. Отмечаются также случаи смешения композиционно-семантического и денотативного описания: «*Турпоток* – таким способом слова образовывались во времена СССР».

К числу новых слов большая часть испытуемых не относилась универбаты – однословные номинации, образованные путём сложения корней двух слов, составляющих словосочетание: *внеурочка* имеет индекс 21, *встречка* – 13. Действительно, универбат является стилистическим дериватом, при этом он может быть семантически

тождественным словосочетанию, от которого образован, как *встречка*, или иметь инференции, как *внеурочка*, т. е. внеурочная работа учащегося в стенах школы. Примечательно, что возможность инференций в универбатах игнорируют два из трёх испытуемых.

Информанты игнорируют модификационные семантические преобразования в производном слове. Лексеме *экологичный* был дан соответствующий комментарий: «Не образует нового понятия». Не учитываются добавленные в процессе словотворчества коннотации. Уничижительный суффикс *-ик-* и усечение основы у слова *нацик* были оставлены без внимания более чем половиной испытуемых. Отказ считать слово новым они мотивировали давностью существования денотата. Это говорит о том, что существует иерархия значимости определённых сторон денотата и номината, влияющая на локализацию слова во временном пространстве языка.

Некоторые из опрошенных обращают внимание на освоенность слова, а точнее, на его способность входить в воспроизводимые сочетания. Так, на полную освоенность лексемы *корпоратив* должно, по мнению информанта, указывать клише *народный корпоратив*. Примечательно, что в активную зону его сознания попала и собственно языковая сторона (синтагматические связи), и денотат – «слово ушло в народ», т. е. денотат получил широкое распространение.

Представление об освоенности слова базируется также на частоте его употребления в СМИ и / или в бытовой речи. Важно также, насколько близка информанту сфера бытования данной лексемы. Так, не получившие

ещё фиксации в словарях *внеурочка* и *олимпиадник* одним из трёх испытуемых не были отнесены к неологизмам, поскольку связаны с жизнью школы, всё ещё близкой студентам 1 и 2 курса. Интересно, что сфера бытования лексической единицы по-разному описывается разными информантами (*внеурочка* в анкетах охарактеризовано и как разговорное слово, и как жаргон рабочих), из чего следует, что сведения о ней могут черпаться из личного опыта, а могут и выводиться из значения и коннотаций компонентов или из инференций, получаемых при интерпретации слова.

Заимствованное слово информанты охотнее относят к неологизмам, чем слова, полностью или частично образованные из русских морфем. Так, *экстремал* и *крупняк* при примерно одинаковом времени первой фиксации в НКРЯ (1997 и 1995 г. соответственно) имеют индексы 23 и 9. Это является подтверждением композиционно-семантической концепции: внутренняя форма заимствованных слов непрозрачна, а потому эффект новизны сильнее.

Эксперимент показал, что испытуемые не склонны относить к неологизмам слова, по их мнению «употреблявшиеся ограниченно, в узкой сфере и теперь ставшие широко известными» [2, с. 22], а также производные от таких слов, созданные по стандартным моделям. Так, слово *подследственность* отнесли к неологизмам меньше половины опрошенных. Можно сделать вывод, что информанты оценивали пространство языка в целом, а не только хорошо знакомую им область. При этом они не принимали в расчёт, что незнакомая им терминосистема или

жаргон могут пополняться новыми словами. Всё, что за пределами активной зоны, представляется статичным и неизменным.

Наши наблюдения позволяют сделать следующие выводы. С развитием Интернета и появлением корпусных методов, как бы критически ни относиться к их точности, стало возможным фиксировать время возникновения нового слова, частоту его употребления и распространение в разных речевых сферах. По этой же причине значительно сократился промежуток между появлением слова и его словарной фиксацией. В этих условиях понимание неологизма как не зарегистрированного словарями слова стало бы чисто техническим. В рамках антропоцентрической парадигмы необходимо учитывать отношение носителя языка к слову как к новому. Наше исследование позволяет сделать вывод, что таковыми будут считаться лексические единицы, зафиксирован-

ные корпусами в границах 0–15 лет, 1–200 употреблений. Эта категория имеет ядро и периферию. В ядерную зону попадают слова с новым денотатом или таким номинатом, который характеризуется либо частичной композициональностью, либо необычностью словообразовательной модели, неблагозвучностью и прочими видами отклонения от словообразовательной нормы. На периферии окажутся слова с модификационными и транспозиционными семантическими преобразованиями, стилистические дериваты, лексические единицы, ранее функционировавшие в узкопрофессиональных сферах и в указанные выше сроки получившие распространение в общелитературном языке.

Наше исследование имеет и вторую сторону, обращённую к когнитивистике. Оно позволило установить, как формируется временное пространство языка в сознании его носителей.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Котелова Н.З. Предисловие // Новые слова и значения: словарь-справочник по материалам прессы и литературы 60-х годов. М.: Советская энциклопедия, 1971. С. 5-15.
2. Котелова Н.З. Первый опыт лексикографического описания русских неологизмов // Новые слова и словари новых слов. Л.: Наука, 1978. С. 5-26.
3. Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.
4. НКРЯ – Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения 17.12.2015–05.02.2016).
5. Попова Т.В. Русская неология и неография. Екатеринбург: ГОУ ВПО УГТУ–УПИ, 2005. 96 с.
6. Сенько Е.В. Инновации в современном русском языке. Владикавказ: ИП, 1994. 183 с.
7. СЗГД – Стенограммы заседаний Государственной Думы. – 20.01.2015 – 27.01.2016 [Электронный ресурс]. URL: <http://transcript.duma.gov.ru> (дата обращения 29.10.2015–02.02.2016).
8. Fauconnier G. Mental spaces: Aspects of meaning construction in natural language. Cambridge: Bradford Book, 1985. 181 p.
9. Langacker R. W. Cognitive Grammar. Oxford: Oxford University Press, 2008. 562 p.

REFERENCES

1. Kotelova N.Z. Predislovie [Preface] // *Novye slova i znacheniya: slovar'-spravochnik po materialam pressy i literatury 60-kh godov* [New words and meanings: dictionary based on materials of press and literature of the 60s]. M., Sovetskaya entsiklopediya, 1971. pp. 5–15.
2. Kotelova N.Z. Pervyi opyt leksikograficheskogo opisaniya russkikh neologizmov [The first experience of lexicographical description of Russian neologisms] // *Novye slova i slovari novykh slov* [New words and the dictionaries of new words]. L., Nauka, 1978. pp. 5–26.
3. Kubryakova E.S. Yazyk i znanie: Na puti polucheniya znaniy o yazyke: Chasti rechi s kognitivnoi tochki zreniya. Rol' yazyka v poznanii mira / In-t yazykoznaniya RAN [Language and knowledge: On the way of getting knowledge about language: Parts of speech from cognitive point of view. The role of language in understanding the world / Institute of linguistics RAS]. M., Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2004. 560 p.
4. NKRYA – Natsional'nyi korpus russkogo yazyka [Elektronnyi resurs]. [RNC – National corpus of the Russian language [E-source]]. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (request date 17.12.2015–05.02.2016)
5. Popova T.V. Russkaya neologiya i neografiya [Russian neology and neography]. Ekaterinburg, GOU VPO UGTU–UPI, 2005. 96 p.
6. Sen'ko E.V. Innovatsii v sovremennom russkom yazyke [Innovations in the modern Russian language]. Vladikavkaz, IR, 1994. 183 p.
7. SZGD – Stenogrammy zasedanii Gosudarstvennoi Dumy. – 20.01.2015 – 27.01.2016 [Elektronnyi resurs]. [TMSD – transcripts of the meetings of the State Duma. – 20.01.2015 – 27.01.2016 [E-source]]. URL: <http://transcript.duma.gov.ru> (request date 29.10.2015–02.02.2016)
8. Fauconnier G. Mental spaces: Aspects of meaning construction in natural language. Cambridge: Bradford Book, 1985. 181 p.
9. Langacker R.W. Cognitive Grammar. Oxford: Oxford University Press, 2008. 562 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ба Юйсинь – аспирант факультета по обучению иностранных граждан Московского государственного лингвистического университета;
e-mail: byxlisa@126.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ba Yuxin – postgraduate student at the Department of training of foreign citizens in Moscow State Linguistic University;
e-mail: byxlisa@126.com

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Ба Юйсинь. Наполнение категории «неологизм» по данным социолингвистического эксперимента // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2016. № 5. С. 8-18.
DOI: 10.18384/2310-7278-2016-5-8-18

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

Ba Yuxin. Content of "neologism" category according to the data of a sociolinguistic experiment // Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology. 2016. no. 5. pp. 8-18.

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-5-8-18

УДК 811.161.1

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-5-19-27

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ И ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРИЧИННЫХ ПРЕДЛОГОВ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Гун Цзинсун*Московский педагогический государственный университет**119226, г. Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1, стр. 1, Российская Федерация*

Аннотация. В русском языке словообразовательные и грамматические особенности причинных предлогов предстают как взаимосвязанные свойства этой группы грамматических единиц: непроеизводные причинные предлоги, не обладая словообразовательной связью с другими частями речи, реализуют своё конкретное лексическое значение только в сочетании с определённым падежом и тем самым проявляют свою зависимость от последнего, между тем как собственно лексическое значение производных причинных предлогов в связи с неполной десемантизацией именной основы реализуется вне зависимости от управляемого падежа, который, как бы отражая результат этой семантизации, уточняет и подкрепляет каузальное значение, свойственное рассматриваемому кругу предлогов. В данной статье проведено подробное описание словообразовательных и грамматических особенностей русских причинных предлогов, представлен список употребительных первообразных и производных предлогов данного типа и систематизирована их сочетаемость с определёнными формами падежей.

Ключевые слова: непроеизводные и производные причинные предлоги, каузальное значение, каузальные отношения, сочетаемость, падеж.

DERIVATIONAL AND GRAMMATICAL FEATURES OF CAUSAL PREPOSITIONS IN MODERN RUSSIAN

Gong Jingsong*Moscow State University of Education**1/1, Malaya Pirogovskaya Str., Moscow, Russian Federation, 119226*

Abstract. In the Russian language, derivational and grammatical features of causal prepositions present as interconnected properties of this group of grammatical units: non-derivative causal prepositions without derivational connections to other parts of speech, realize their concrete lexical meaning only in combination with a specific case and thereby show their dependence on the latter, while the actual lexical meaning of the derivative causal prepositions in combination with incomplete desemantization of the nominal basis, are realized regardless of the case, which as if reflecting the result of this semantization refines and reinforces the causal meaning, that is inherent to the considered range of prepositions. This paper details a description of word formation and grammatical peculiarities of Russian causal prepositions, and reveals a list of this kind of commonly used original primitive and derivative prepositions and systematized their compatibility with certain forms of cases.

Keywords: non-derivative and derivative causal prepositions, causal meaning, causal relationships, combinability, case.

Предлоги в современном русском языке функционально соотносительны с падежной формой: они выступают средством синтаксических связей именных частей речи, вводя в словосочетание или предложение косвенный падеж имени существительного или обобщённо-предметного местоимения, поэтому данная часть речи называется служебной [3, с. 122].

Предлог как служебная часть речи подвергается рассмотрению в разных аспектах, но в настоящей статье мы ограничиваемся лишь изучением их словообразовательного и грамматического аспектов.

Целью данной статьи является систематизация сочетаемости наиболее употребительных русских причинных предлогов с определёнными падежами и описание их словообразовательных признаков и взаимосвязи их словообразовательного и семантико-грамматического аспектов на материале преимущественно публицистических источников. В ходе написания статьи планируется решить следующие задачи: выявить путь формирования причинного значения у первообразных русских предлогов, способных оформить причинно-следственные отношения в рамках простого предложения; установить механизм образования производных причинных предлогов в современном русском языке, описать сочетаемостный потенциал рассматриваемых грамматических единиц и представить полный список употребительных первообразных и производных причинных предлогов русского языка на современном этапе.

Новизна проводимого научного исследования заключается в подробном анализе нового, современного речевого материала на предмет освещения современного состояния проблемы словообразовательных и лексико-грамматических свойств русских причинных предлогов.

Итак, в зависимости от наличия или отсутствия словообразовательной связи с другими частями речи русские предлоги подразделяются на **непроизводные** и **производные** [1, с. 517]. В современном русском языке меньшую часть причинных предлогов составляют **непроизводные** (первообразные): *из, от, с, по, за, через*. По происхождению они не имеют отношения к другим частям речи, за ними, в отличие от производных причинных предлогов, не закреплена внутренняя форма, и потому каузальное значение у них конкретизируется только в условиях функционирования. Использование данных предлогов в качестве средства выражения причинных отношений является следствием семантической деривации: предлоги являются многозначными, а значение причины следует отнести к более сложным, а потому производным от других значений, – например, от значения пространственного, делиберативного и др. Ср., примеры семантической деривации: 1) *Лекарь, выслав всех из комнаты, остался при нём с неутешною супругою* (Н. Мамышев) (**пространственное значение**) → *Антоний говорил: «Не теряем ли мы шанс превратиться из церковной организации в церковь?»* (Г. Померанц) (**трансгрессивное значение**) → *Соколов очень*

редко говорил плохо о людях, – то ли **из** осторожности, то ли **из** религиозного чувства, запрещавшего осуждать ближних (Г. Семёнович) (**каузальное значение**); 2) Выходило, что ехать **за границу** «учить басурман», можно сказать, была потомственная тимофеевская традиция (Д. Гранин) (**пространственное значение**) → За год в неё добавилось около 30 новых компаний, доведя их число до 250 (П. Куприянов) (**темпоральное значение**) → Экскурсией по Дворцу пионеров, и на прощанье гаучо подарил вышколенному гиду открытку с видом великолепного ночного Буэнос-Айреса, а на обороте написал: «Однажды ты станешь коммунистом и поймёшь, что нет большего счастья, чем отдать жизнь **за свободу** своего народа» (В. Николаевич) → Причём уплата штрафа не означает освобождение водителя от дальнейшей ответственности за несоблюдение закона: в течение одного дня автовладельца-нарушителя могут оштрафовать **за** отсутствие тахографа несколько раз – до тех пор, пока устройство не будет установлено (А. Турхин) (**каузальное значение**).

Факт многозначности непроеизводных причинных предлогов отчасти открывает способы концептуализации причины в русском языке. Рассматриваемые предлоги в своём первичном значении метафорически выражают представление о причине. Так, предлог **из** связан с идеей извлечения одного из другого, с выделением части из целого, если главный компонент выражен глаголом или отглагольным именем существительным со значением передвижения из одного пункта в другой, а зависимый компонент – именем существительным со значением

пространства, или если в позиции зависимого компонента употребляется имя существительное со значением определённого множества чего-то, а в позиции главного компонента – количественное имя числительное либо неопределённо-личное местоимение *кто-то* или *кто-нибудь*, означающее составляющую единицу данного множества (ср.: *вынуть из сумки, один / кто-то из присутствующих*). А с предлогами **через**, **по**, как указано в Русской грамматике 1980, ассоциируется идея пространства-посредника, если управляющий компонент указывает на движение, а управляемый – на пространство как стимулятор данного движения (ср.: *переплыть через реку, движение по дороге*) [6, с. 448, 443].

Из вышесказанного следует, что непроеизводные предлоги в современном русском языке выражают причинное значение, которое имплицитно указывает на источник новой реалии или посредника, стимулирующего развитие действия или события определённого характера, и при этом устанавливается на основе переосмысления других значений.

В русском языке непроеизводные причинные предлоги употребляются с **разными падежами**:

– **из, от, с** – с **родительным** падежом: **из зависти, из добрых побуждений, от страха, от жадности, с перепугу**: Торговлю друг у друга подрывают, и не столько **из** корысти, сколько **из** зависти (А. Минникаев); **Есть такая пословица – от радости** волосы вьются, а **от** печали – секутся (Комсомольская правда); **Да не треючка я, не треючка, это я с радости** разговорилась (В. Астафьев);

– **по** – с **дательным** падежом: **по рассеянности, по неопытности**: Мо-

настырская пивоварня вот уже три года **по** просьбе монахов управляется фирмой Bavaria, но торговая марка La Trappe является собственностью монастыря (Е. Светлова);

– **за, через** – с винительным падежом: О, я так же буду вас любить за вашу доброту, как любил Дато!.. (Л. Чарская); В одном случае **через** жадность создают империю, в другом – **через** жадность грабят ларёк (Ю. Латынина).

На достаточно раннее развитие у предлога **с** способности употребляться с родительным падежом и выражать причинное значение указывает наличие в современном русском языке наречий причины, образованных префиксально-суффиксальным способом: *сдуру, спьяну, сослепу, сгоряча*. Такие наречия указывают на признак или состояние субъекта, которыми объясняется его действие.

В то же время имеющие такую же структуру другие наречия выражают пространственную или временную семантику: *слева, спереди, снова, смолodu* (данное обусловлено лексическим значением их именной основы).

В современном русском языке состав предлогов постоянно пополняется за счёт других частей речи, образующих так называемые производные предлоги (*путём, благодаря* и т. п.) [4], а проблемы употребления производных причинных предлогов в современной русской речи и их сочетаемости с тем или иным падежом издавна привлекают внимание широкого круга русистов [2; 7; 8].

По происхождению производные (непервообразные) причинные предлоги **связаны со следующими частями речи:**

– **благодаря** – с деепричастием – особой формой глагола (ср.: *благодаря родителей*);

– **согласно** – с наречием (ср.: *жили согласно*);

– **по причине, по милости, по поводу, по случаю, вследствие, в результате, ввиду, за неимением, за отсутствием, в связи с, в силу, под влиянием, в соответствии с** – с именами существительными и непроизводным предлогом.

Последняя группа является самой разветвлённой и показывает основной путь пополнения группы причинных предлогов. Имена существительные, входящие в состав таких предлогов, играют роль лексического квалификатора вида причинных отношений. Ядерным явлением в рассматриваемой группе следует признать предлог *по причине*, в составе которого сема-компонент ‘причина’ служит средством нейтрализации многозначности предлога *по*, см.: *по – с дат. п. = вследствие чего-н. / по причине чего-н. = вследствие чего-н.* [5, с. 686, 821].

Похожим является предлог *вследствие*, однако он представляет каузальную ситуацию с другой стороны – со стороны следствия, связанного с причиной парными отношениями. Несмотря на это незначительное семантическое различие, предлоги *по причине* и *вследствие* в словаре Ушакова толкуются всё-таки как абсолютные синонимы (*по причине чего-н. = вследствие чего-н.*) [там же, с. 821].

Предполагается образование новых причинных предлогов подобного типа: *под давлением, под воздействием (=из-за: под давлением обстоятельств, под давлением общественности, под воздействием лекарств, под воздействи-*

ем гипноза). Языковой механизм в данном случае состоит в следующем: субстантивный компонент утрачивает свободу сочетаемости с управляющей и управляемой лексемами, образует семантическое целое с непроизводным предлогом и при этом приобретает новую синтаксическую функцию, будучи отделён от ему свойственной словоизменительной морфологической парадигмы [2, с. 62]: воздействие на что-/кого-либо, наличие воздействия (почему такое подчёркивание? Это определение? – да, тут родительный падеж выступает несогласованным определением, характеризующим именительный падеж по параметру “субъект и его действие / состояние”. Ср. наличествует воздействие=наличие воздействия) на что-/кого-либо, придать силу воздействию на что-/кого-либо, ощущать воздействие на что-/кого-либо, отличаться воздействием (обстоятельство? – да, творительный падеж в этом примере выполняет функцию либо косвенного дополнения, либо обстоятельства причины. Ср. Слово А отличается от слов В и С (следствие) воздействием на объективную модальность рассматриваемого предложения (причина отличия между словами А и В, С) = слово А отличается от слов В и С потому, что данное слово оказывает воздействие на объективную модальность рассматриваемого предложения) на что-/кого-либо, говорить о воздействии на что-/кого-либо. Но: измениться под воздействием чего-то.

Видимо, похожее явление наблюдается в отношении сочетаний за неимением, за отсутствием, хотя сами слова неимение и отсутствие в отличие от воздействие способны управлять

генитивом в позиции несогласованного определения.

Ср. Штаб, ссылаясь на неимение указаний (это то же самое что и наличие воздействия) свыше, отказал (А. Деникин) → Во всяком разе, когда однажды, за неимением ничего другого, я проглотил полстакана этого зелья, оно остановилось у меня под грудью и никак не проваливалось ниже. (В. Астафьев); Не станет ли отсутствие результатов (то же самое) реформ тормозом для возможных российских капиталовложений в эту область? (В. Путин) → За отсутствием сена в избах ворошили соломенные крыши, выбирая из почерневшей от дождей и снега трухи сохранившие жёлтый цвет клочки (Р. Ахмедов).

В состав некоторых производных предлогов, образованных на основе сочетания имени существительного с непроизводным предлогом, входит второй предложный компонент, предопределяющий имя существительное или местоимение, с которым употребляются предлоги в связи с, в соответствии с. Второй непроизводный предлог в представленных единицах уточняет семантику именного компонента.

Производные причинные предлоги так же, как и первообразные причинные предлоги, употребляются с разными падежами.

– по причине, по милости, по поводу, по случаю, вследствие, в результате, ввиду, в силу, под влиянием, за неимением, за отсутствием – с родительным падежом: из-за поломки, по причине опоздания, по милости царя, по поводу экзамена, по случаю приезда гостей, вследствие пожара, в силу сложившихся обстоятельств,

под влиянием гипноза: Основное украшение, надетое **по поводу** праздника, перевязь или пояс – тканые, плетёные, кожаные или чеканные, а также кинжалы в серебряных или позолоченных ножнах (А. Полякова); **По случаю** 63-й годовщины в ветеранских организациях пройдут торжественные собрания, в подшефных школах – встречи с молодёжью, а в административных округах столицы состоятся возложения цветов к памятникам защитников Родины (С. Останин); В ближайшее время врачу будет предъявлено обвинение в причинении смерти по неосторожности **вследствие** ненадлежащего исполнения своих профессиональных обязанностей (Р. Давыдов) – **В результате** данного OEM-соглашения на свет появились первые модели серии StorEdge 3000 (Н. Дубова); Проблемы их поиска касаться не буду **ввиду** скудости имеющихся наблюдательных данных и неоднозначности интерпретации последних (А. Черепашук); Я хотел закончить статью размышлением о первом января, но всё-таки решил «убрать» его в сноску **по причине** излишней субъективности ощущений (О. Николаев); Из года в год российские рыбаки **по милости** правительства РФ до последнего момента не знают, когда, где, чего и сколько им будет дозволено ловить и будет ли такое дозволение вообще (Д. Володин); Это требование касается и БД, **в силу** своих функциональных особенностей, допускающих лишь последовательный доступ (А. Барский); Именно **под влиянием** концепции Афанасьева у Островского тогда же возникает замысел «весенней сказки» (Е. Душечкина); Пишем: «Экспедиционные работы, **за неимением** сотрудников, проведены не были» (Ю. Домбровский);

В связи с этим адвокаты россиян ходатайствовали о прекращении уголовного дела **за отсутствием** весомых доказательств их вины, в чём им было отказано, отмечают в дипмиссии (И. Кармазин);

– **благодаря, согласно** – с **дателъным** падежом: **благодаря** брату, **благодаря** поддержке, **согласно** предсказанию, **согласно** расписанию: **Благодаря** такому разумному подходу его группе удалось завершить свою работу раньше других (Н. Дубова); **Согласно** требованию властей, при расселении жильцам должно быть предоставлено жилье аналогичной либо большей площади, если того требуют санитарные нормы (12 кв. м на человека) (А. Жуков, Н. Ковтун);

– **в связи с, в соответствии с** – с **творительным** падежом: **В связи с** юбилеем мы пригласили в студию радио «КП» создателя и руководителя этого музыкального коллектива Юрия Маликова (Комсомольская правда); **В соответствии с** приказом Минздравмедпрома № 82 врачи обязаны были проводить вскрытие при невозможности установления заключительного клинического диагноза заболевания, приведшего к смерти (Р. Лаврухин).

Изменение лексических свойств исходных единиц, от которых образуются производные предлоги, дополняется и **изменением их грамматических свойств**. Совершенно отчётливо это проявилось для предлога **благодаря**, который, в отличие от деепричастия, управляющего винительным падежом слов со значением лица и неспособного сочетаться с лексемами с пропозициональной семантикой, употребляется с дателъным падежом слов, обозначающим положение дел (лексемы другого

типа выступают их метонимическими эквивалентами). Ср.: *благодаря деда* (деепричастие) / *благодаря деду* (предлог) – но невозможно *благодаря совет деда*. Разница в употреблении с тем или иным падежом позволяет различать функциональные омонимы: *Приехавшая из Парижа Ангелина Цетлин, дочь меценатов, выступая на*

открытии музея и благодаря всех, способствовавших этому делу, первой назвала имя Шуламита, с которой состояла в многолетней переписке (Г. Яков) (*благодаря всех – деепричастие*); *Все эти черты возникли благодаря славянской культуре или они заложены в нас генетически?* (А. Добрюха) (*благодаря чему – предлог*).

Таблица 1.

Употребление причинных предлогов с разными падежами

Падеж	Непроизводные предлоги причины	Производные предлоги причины
родительный	<i>Из, из-за, от, с,</i>	<i>ввиду, вследствие, в результате, в силу, по причине, по поводу, по случаю, по милости, под влиянием, за неимением, за отсутствием</i>
дательный	<i>По</i>	<i>согласно, благодаря,</i>
винительный	<i>За, через</i>	–
творительный	–	<i>В связи с, в соответствии с</i>

Данная таблица показывает, что из 22 рассмотренных предлогов 15 употребляются с **родительным** падежом и конкретизируют с точки зрения каузальности его значение как явление, связанное с тем, что обозначено подчиняющей единицей в словосочетании или предложении. 3 предлога функционируют с **дательным** падежом, конкретизируя семантику соответствия каузирующей и казируемой ситуаций или указывая на благоприятную причину, стимулирующую развитие события. 2 предлога сочетаются с **творительным** падежом, сохраняя семантику, сходную с семантикой дательного падежа, но осложнённую инструментальным значением. 2 предлога употребляются с **винительным** падежом, который утрачивает значение косвенного объекта и вместо него приобретает значение каузатора.

Кроме того, в вышеприведённой таблице отражено, что все отымённые причинные предлоги при функционировании сохраняют управление, свойственное производящим их словам, между тем как отглагольный причинный предлог *благодаря* полностью утратив лексические и грамматические черты своего исходного слова (деепричастие *благодаря*), управляет уже дательным падежом, в чём и заключается специфика данного отглагольного образования.

Таким образом, наличием или отсутствием у предлогов словообразовательной связи с другими частями речи непосредственно объясняется их семантическая специфика: непроизводные предлоги отличаются многозначностью и причинное значение приобретают в условиях сочетаемости с лексемами определённого типа;

производные предлоги, как правило, однозначны, специфика их причинного значения «подсказана» внутренней формой (в частности – семантикой компонента, соотносимого с производящей частью речи) и определяет характер сочетаемости этих предлогов с управляемым и управляющим словом. Большинство причинных предлогов употребляется с родительным падежом управляемой словоформы; для ограниченного числа типичным явля-

ется сочетание с винительным, дательным и творительным падежами.

Различия в падежах, с которыми употребляются причинные предлоги, являются одним из наглядных средств выражения заложенных в предлогах нюансов каузальной семантики и отражают грамматические свойства данной группы предлогов, предопределённые их словообразовательными особенностями.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.: Высшая школа, 1972. 616 с.
2. Всеволодова М.В., Кукушкина О.В., Поликарпов А.А. Русские предлоги и средства предложного типа. М.: Книжный дом, 2014. 304 с.
3. Колесникова С.М. Роль предлога в реализации градуальной семантики текста (на материале художественно-поэтических текстов М. Цветаевой) // Русский язык в славянской межкультурной коммуникации: история и современность: сборник научных трудов. М.: ИИУ МГОУ, 2016. С. 121-126.
4. Лингвистический энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. URL: <http://tapemark.narod.ru/les/394a.html> (дата обращения: 22.06.2016).
5. Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь русского языка. М.: Астрель, 2009. 1268 с.
6. Русская грамматика: в 2-х т. / Под. ред. Н.Ю. Шведовой, Н.Д. Арутюновой, А.В. Бондарко, Вал. Вас. Иванова, В.В. Лопатина, И.С. Улуканова и члена-корреспондента АН СССР Ф.П. Филина. М., 1980. Т. II. 710 с.
7. Финкель А.М. Производные причинные предлоги в современном русском литературном языке. Их возникновение, развитие, значение, употребление. Харьков, 1962. 240 с.
8. Шмыкалова И.А. Производные предлоги в связи с, по причине и их текстовые парадигмы в аспекте речевой конкуренции: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2015. 183 с.

REFERENCES

1. Vinogradov V.V. Russkii yazyk. Grammaticheskoe uchenie o slove [Russian language. Grammatical teaching about word]. M., Vysshaya shkola, 1972. 616 p.
2. Vsevolodova M.V., Kukushkina O.V., Polikarpov A.A. Russkie predlogi i sredstva predlozhnogo tipa [Russian prepositions and means of prepositional type]. M., Knizhnyi dom, 2014. 304 p.
3. Kolesnikova S.M. Rol' predloga v realizatsii gradual'noi semantiki teksta (na materiale khudozhestvenno-poeticheskikh tekstov M. TSvetaevoi) [The role of preposition in the implementation of gradable semantics of a text (on the material of literary and poetic texts by M. Tsvetaeva)] // Russkii yazyk v slavyanskoi mezhkul'turnoi kommunikatsii: istoriya i sovremennost': sb. nauchn. tr. [Russian language in the Slavic intercultural communication: history and modernity: collection of scientific papers]. M., IPU MGOU, 2016. pp. 121-126.
4. Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar' [Elektronnyi resurs]. [Linguistic encyclopedic dictionary] [E-source]]. URL: <http://tapemark.narod.ru/les/394a.html> (request date 22.06.2016)

5. Ushakova D.N. Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka [The big explanatory dictionary of Russian language]. M., Astrel', 2009. 1268 p.
6. Russkaya grammatika: v 2-kh t. T. 2 [Russian grammar: in 2 vols. Vol. 2.] / Ed. by N.Yu. Shvedova, N.D. Arutunova, A.V. Bondarko, Val. Vas. Ivanov, V.V. Lopatin, I.S. Ulukhanov and corresponding member of the USSR Academy of Sciences F.P. Filin. M., 1980. 710 p.
7. Finkel' A.M. Proizvodnye prichinnye predlogi v sovremennom russkom literaturnom yazyke. Ikh vozniknovenie, razvitie, znachenie, upotreblenie [Derivative causal prepositions in the modern Russian literary language. Their origin, development, meaning, use]. Kharkiv, 1962. 240 p.
8. Shmykalova I. A. Proizvodnye predlogi v svyazi s, po prichine i ikh tekstovye paradigmy v aspekte rechevoi konkurentsii: avtoref. diss. ... kand. fil. nauk [Derivative prepositions in connection with, due to and their text paradigms in the aspect of speech competition: candidate of Philological Sciences thesis]. Nizhny Novgorod, 2015. 183 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Гун Цзинсун – аспирант кафедры русского языка Московского педагогического государственного университета;
e-mail: mockba861123@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Gong Jingsong – postgraduate student at the Department of Russian language, Moscow State University of Education;
e-mail: mockba861123@mail.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Гун Цзинсун. Словообразовательные и грамматические особенности причинных предлогов в современном русском языке // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2016. № 5. С. 19-27. DOI: 10.18384/2310-7278-2016-5-19-27

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

Gong Jingsong. Derivational and grammatical features of causal prepositions in modern Russian // Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology. 2016. no. 5. pp. 19-27. DOI: 10.18384/2310-7278-2016-5-19-27

УДК 81'42

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-5-28-34

ЗНАЧЕНИЯ МОДАЛЬНО-ВОЛЕВЫХ ЧАСТИЦ В ПРОЗЕ А.П. ЧЕХОВА

Долгова Н.Г.*Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10а, Российская Федерация*

Аннотация. В статье рассматривается комплекс субъективно-модальных значений, присущих модально-волевым частицам: *бы, пусть, пускай, да, давай*. Являясь средством выражения форм повелительного и сослагательного наклонений, в художественных текстах А.П. Чехова они используются в выражении широкого спектра субъективно-модальных значений: от мнимости до выражения надежды, от уступки до безразличия, от одобрения до недоверия. Обращается внимание на оттенки значений, присущих аналитическим сочетаниям, включающим модально-волевые и другие первообразные частицы. Каждая из частиц вносит в аналитический комплекс свой компонент значения.

Ключевые слова: модально-волевые частицы, субъективно-модальные значения, персуазивность, волеизъявление, согласие, необходимость, желательность.

MEANINGS OF MODAL PARTICLES IN PROSE OF A. CHEKHOV

N. Dolgova*Moscow State Region University
10A Radio St., Moscow, Russian Federation, 105005*

Abstract. In the article, we considered a complex of subjective-modal meanings which are inherent to modal particles *by, pust', puskay, da, davay*. As a means of expressive forms of the imperative and subjunctive moods, in literary texts by Anton Chekhov they serve to express a wide range of subjective-modal meanings from imaginary to expression of hope, from concession to indifference, from approval to mistrust. In the article, we draw attention to shades of meaning that are inherent to the analytical combinations, including modal and other antiderivative particles. Each of the particles introduced their component of meaning into the analytical complex.

Keywords: modal particles, subjective-modal meanings, persuasiveness, the will, agreement, necessity, desirability.

Одной из актуальных проблем современного языкознания является изучение способов и средств выражения модальности. Под модальностью понимается отношение «говорящего к сообщаемому или сообщаемого к действительности» [8, с. 214]. Различают несколько видов модальности: объективную, субъективную, предикатную. При этом главную роль отводят объективной модальности, называя её, в отличие от остальных двух, обязательной для предложения. Однако в последнее время всё больше исследований посвящено описанию субъек-

тивной модальности и способов её выражения. Русской грамматикой в качестве одного из главных средств выражения модальных значений выделяются частицы, представленные в следующих группах: модальные; формообразующие; отрицательные; вопросительные [7, с. 724].

На модальные частицы как особую группу, их сходство с модальными словами обратил внимание В.В. Виноградов, отмечая их схожие функции в выражении субъективной модальности [1, с. 594].

В учебных и в научных описаниях в класс модальных частиц часто включаются формообразующие – *бы, пусть, пускай, да, давай*, – которые по традиции относят к модально-волевым.

В данной статье анализируется использование этих частиц для выражения различных модальных значений: волеизъявления говорящего, побуждения им к чему-либо адресата в виде пожелания, просьбы в различной степени категоричности.

Частица *бы* в своём основном значении участвует в образовании формы сослагательного наклонения со значением возможности действия: *А то бы я взял... Жена страсть как любит ихнего брата – котов!* [14, т. 1, с. 127], или, при наличии частицы *не*, его невозможности: *Не стала бы я из-за какого-нибудь рубля переживать подобное... глупое положение...* [14, т. 2, с. 381]. В большом количестве случаев *бы* в данном значении используется в текстах А.П. Чехова в сложных предложениях, где реальность противопоставляется возможному развитию событий: «*Не будь я её мужем, я выдал бы её...*» – подумал он, прочитав объявление епископа (Грешник из Толедо).

(бессоюзное предложение со значением обусловленности); *Ему самому следовало бы поиграть Гамлета, хоть Гамлет и плохо вяжется с горбом и со спиртом, который забывает записывать бутфор* (Гамлет) (сложноподчинённое с придаточным уступки); *Я бы сам к Вам поехал, да конфузлив очень и смелости не хватает* (Письмо к учёному соседу) (сложносочинённое предложение с противительными отношениями). Как видно из примеров, *бы* используется в предложениях для своего рода желания что-либо сделать, которому препятствуют какие-либо обстоятельства; оговорки, уступки.

Формы с частицей *бы*, помимо выражения положительной и отрицательной возможности действия, используются также в значении желательной необходимости действия [6, с. 38]: – *Хорошо бы получить отпущение грехов!* – вздохнул Спаланцо (Грешник из Толедо); *Он обнял бы Ивана Петровича, но... начальников обнимать так неловко!* (благодарный); или просьбы, пожелания: *Говорили бы прямо, Иван Федорыч, без экивок!* (Папаша); *Вообще я просил бы вас не беседовать со мною... Я сегодня не в духе* (Петров день).

В различении данных переносных значений важную роль играет персональность предложения: желательность, как правило, выявляется в предложении с первым и третьим лицом, пожелание – со вторым лицом.

Интересной представляется трансформация значения частицы *бы* в аналитических сочетаниях различной степени сложности: (*как*) *будто бы, лишь бы, хоть бы, если бы, во что бы то ни, кто бы то ни*.

Частица *будто бы* (как *будто бы*) придаёт высказыванию предположи-

тельный характер, значение неуверенности, сомнения в сообщаемом: *Я как будто бы просветлел. Я увидел в человеке такие чудные качества, каких ранее и не подозревал; Пахнет лесом, ландышами, дѣтjem и как будто бы чуточку хлебом* [14, т. 2, с. 26, т. 1, с. 247]. Однако в текстах А.П. Чехова *будто бы* чаще вносит значение мнимости описываемого: *Вы сочинили и напечатали в своём умном сочинении, как сказал мне о. Герасим, что будто бы на самом величайшем светиле, на солнце, есть чёрные пятнушки; – И это воля папы! – говорила она нам, и говорила с некоторою гордостью, как будто бы совершала какой-нибудь громаднейший подвиг* [14, т. 1, с. 12; Т. 1, с. 164]. Включая частицу в повествование, автор тем самым выражает несогласие с точкой зрения собеседника, считает её несостоятельной, мнимой. В редких случаях частица участвует в создании риторического восклицания, которым говорящий отрицает какой-либо факт: *Как будто бы я не знаю, что можно, чего нельзя. Можно, Иван Федорыч!* [14, т. 1, с. 31].

Сочетания *лишь бы* или *хоть бы* используются для выражения желательности: *Пуцай будет Измученков... Как хочешь, лишь бы вылечил...; За отпущение грехов Спаланцо готов был отдать всё, лишь бы только освободить свою душу от воспоминаний о позорном толедском житье и избежать ада; Говорил он эти слова сухо, холодно и резал ими несчастную старуху. Хоть бы одно слово надежды!; И хоть бы сконфузилась, подлая! – сказал Грябов, ползая в воду и крестясь.* [14, т. 1, с. 197, с. 114, с. 400]. С помощью данных аналитических сочетаний говорящий акцентирует внимание на той части вы-

сказывания, которая является для него наиболее важной. В использовании данных частиц Чеховым просматривается некоторая закономерность: *лишь бы* чаще используется, когда говорящему безразлично остальное, кроме предмета разговора, в то время как *хоть бы* предполагает другое противопоставление: действия, к которым относится данное аналитическое сочетание, являются желаемыми для него, но они противоречат реальному положению вещей.

В представленных аналитических сочетаниях отчетливо проявляется эмоциональное отношение говорящего: предмет разговора является для него наиболее желаемым, а вариант развития действий, в котором желаемое достается, видится наиболее положительным.

Фразеочастица *во что бы то ни* трактуется во фразеологическом словаре под ред. А.И. Фёдорова как сочетание, имеющее значение выполнения чего-либо «непременно, при любых обстоятельствах, несмотря на преграды» [10, с. 654]. Действительно, высказывания с данным фразеологическим элементом призваны акцентировать внимание на том, что является наиболее важным в данный момент речи, но при этом меняется градус беседы: если выражения с *хоть бы*, *лишь бы* выражают лишь надежду на движение в сторону наиболее желаемого развития действий, то *во что бы то ни* используется с целью показать готовность субъекта пойти на определённые меры для достижения цели, при этом для него несущественны ни обстоятельства, ни лица, участвующие в данном событии: *Мне захотелось во что бы то ни стало настоять на своём; 4-го*

декабря, на Варвару, Зрякина именинница – и стихи должны быть в печати **во что бы то ни стало**... [14, т. 1, с. 435; т. 2, с. 342]. Выражение *кто бы то ни* обладает схожим значением указания на любое предполагаемое лицо, кого угодно: *Когда кто-нибудь (кто бы то ни было) скажет ложь, он поднимает голову и, не глядя ни на что, не смущаясь, говорит: – Неправда!* [14, т. 1, с. 246]. Примечательно, что данные частицы обычно прикрепляются к глаголам *было* и *стало*, которые, в свою очередь, теряют свою однозначность рядом с данными элементами.

Участвующая в аналитическом сочетании частица *бы* служит выражению не только объективно-модального значения ирреальности, но и субъективно-модальных значений персуазивности и эмоциональной оценки сообщаемого.

Частицы *пусть, пускай* и *пуцай*, использующиеся для образования форм императива, в своём основном значении вносят в текст некую торжественность, возвышенность: *Идите прочь! Пусть наказанием послужит вам моё презрение!; Пуцай тебе на том свете так будет злодею, как ты высосал меня всю!* [14, т. 2, с. 316; т. 1, с. 271]. Помимо выражения императивности, этим частицам присущи и другие значения. Среди них угроза: *А пусть он не ревёт. .. Замолчи! Высеку!*; принятие чего-либо нежелательного для говорящего: – *Пусть нас поругают, – говорю, – побьют, выгонят даже, да зато мы счастливы будем!*; примирение с происходящим: – *Как вам угодно-с. .. Пускай...*, выражение пожелания: *Пусть глупый отец узнает, как глуп его сын!* [14, т. 1, с. 283; т. 2, с. 155; т. 1, с. 96; т. 2, с. 336].

Функции примирения, уступки отмечает в своих работах Е.А. Николаева. По её мнению, конструкции с *пусть* и *пускай*, разворачивая дальнейшее повествование, включают в себе «модальные контексты потенциальной направленности» [5, с. 24]. Предложение, содержащее в себе частицу *пусть / пускай*, допускает развитие событий по сценарию, невыгодному говорящему. Ставя на первое место значение допущения, автор отмечает также дополнительные оттенки желательности–нежелательности, принятия–непринятия, а также безразличия. В подобных случаях частица приобретает функции союза, становясь, таким образом, гибридной частью речи.

Частицы *пусть, пускай (пуцай)* не вступают в аналитические сочетания, лишь изредка «соседствуя» с другими частицами: *Пусть хоть порядочной обстановкой заглушит своё горе; Но пусть же недаром клеветают эти подлые люди! Пусть недаром смеются они над нами...* [14, т. 1, с. 376; т. 1, с. 323]. Как видно из приведённых примеров, частицы, находясь рядом, не образуют единого комплекса, каждая сохраняет свои значения.

Да и *давай*, как и предыдущие частицы, используются для побуждения к действию с оттенками настойчивой просьбы, приказания, пожелания: *Ну, давай решать сообща... Что делать?; Хе, хе, хо... Небось, скука в этом Курске? Да вы скидайте шляпу! Вот так, не стесняйтесь!* Частица *да* используется также для подчёркивания высказывания: – *Да ты с дерева сорви!* – *подзадоривала шёпотом девка;* или выражения сомнения по поводу истинности какого-либо факта, события: – *Да вы думаете, мы много брали,*

што ли? – ответил парень и отчаянно махнул рукой [14, т. 1, с. 362, т. 2, с. 61, т. 1, с. 41, с. 43].

Значение настойчивой просьбы усиливается в аналитическом сочетании *да... же*, в котором частицы расположены дистантно по отношению друг к другу: *Да что же тут не понимать! Астрономия тут, что ли; Пампушка, да будь же хоть отцом наконец, если не хочешь... не можешь быть мужем!* [14, т. 2, с. 326; т. 1, с. 27]. Объясняется это характером второго компонента, частицы *же*, являющейся усилительной.

Частица *да* активно взаимодействует с уступительными *ведь, хоть*: – *Да ведь и вы любите другую, – сказала она, потирая руки.; Да ведь за такие деньги не то что жениться, в Сибирь пойти можно!; Ладно... И погибну... За правду? Да хоть сейчас!* [14, т. 2, с. 155; т. 2, с. 186; т. 2, с. 295]. В подобных примерах с помощью сочетания усиливается противопоставление слов говорящего мнению собеседника, говорящий показывает свою уверенность в чём-либо противоположном.

Давай используется в значении побуждения к совместному действию: *Чтоб моя старуха не смеялась надо мной, давай хоть мы распишемся за них!.. Бери перо...; Милый брат! Я люблю тебя, и ты не можешь себе*

представить, какие адские муки доставляет мне наша ссора. Давай помиримся! [14, т. 2, с. 112; с. 27].

Однако чаще эта частица используется Чеховым в усилительной функции, в значении показателя интенсивного действия: *Вытащил я из кармана сто рублей, что мне граф прислал, поглядел на них и давай ногами топтать... Взял я ружьё, вышел с ним на огород и давай галок стрелять!* [14, т. 3, с. 386; т. 2, с. 175]. В данном случае частица указывает на своего рода внутреннее решение делать что-либо, причём это решение резкое. Эмоциональная оценка происходящего при этом может разниться от одобрительной до пренебрежительной.

Таким образом, модально-волевые частицы в текстах А.П. Чехова участвуют в выражении широкого спектра субъективно-модальных значений: от мнимости до выражения надежды, от уступки до безразличия, от одобрения до недоверия. В текстах Чехова отмечается широкое использование аналитических сочетаний односложных первообразных частиц, вносящих те или иные оттенки в общее значение аналитических комплексов, многосложные модально-волевые частицы встречаются в подобных сочетаниях реже.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове) / под ред. Г.А. Золотовой. М.: Русский язык, 2001. 720 с.
2. Канафьева А.В. Частицы как репрезентаторы модально-эмоциональных значений риторического высказывания // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2009. № 2. С. 37-41.
3. Лекант П.А. Аналитизм в категории русских частиц // Вестник Московского государственного областного университета (Электронный журнал). 2013. № 1. URL: <http://vestnikmgou.ru/Articles/View/295> (дата обращения: 20.03.2016)
4. Мелехова Л.А. Коннотация императива: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2012. 19 с.

5. Николаева Е.А. Концессивно-модусные предложения с союзом-частицей пусть / пускай в языке поэзии: дисс. ... канд. филол. наук. Казань, 2000. 170 с.
6. Объяснительный словарь русского языка. Структурные слова / под ред. В.В. Морковкина. М., 2002. 421 с.
7. Русская грамматика. Т. 1 / под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 1980. 792 с.
8. Русская грамматика. Т. 2 / под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 1980. 717 с.
9. Современный русский литературный язык: новое издание: учебник / П.А. Лекант, Л.Л. Касаткин, Е.В. Клобуков и др.; под ред. П.А. Леканта. М.: Высшая школа, 2009. 766 с.
10. Фёдоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка: ок. 13000 фразеологических единиц. М.: Астрель: АСТ, 2008. 878 [2] с.
11. Шведова Н.Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи / Отв. ред. В.В. Виноградов М.: Азбуковник, 2003. 378 с.
12. Орехова Е.Н. Субъективная модальность: форма, семантика, функции: монография. М.: Изд. МГОУ, 2011. 296 с.
13. Солганик Г.Я. Очерки модального синтаксиса. М.: Флинта: Наука, 2011. 184 с.

ИСТОЧНИКИ:

14. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. Т. 1. Т. 2. Т. 3. М., Наука: 1983.

REFERENCES

1. Vinogradov V.V. Russkii yazyk (grammaticheskoe uchenie o slove) [Russian language (grammatical teaching about word)]. М., Russkii yazyk, 2001. 720 p.
2. Kanaf'eva A.V. Chastitsy kak reprezentatory modal'no-emotsional'nykh znachenii ritoricheskogo vyskazyvaniya [Particles as representator of modal-emotional meanings in rhetorical statements] // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya. [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology]. 2009. no. 2. pp. 37–41.
3. Lekant P.A. Analitizm v kategorii russkikh chastits [Analytism in categories Russian particle] // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta (Elektronnyi zhurnal). 2013. № 1. [Bulletin of Moscow Region State University (E-journal). 2013. no. 1]. URL: <http://vestnikmgou.ru/Articles/View/295> (request date 20.03.2016)
4. Melekhova L.A. Konnotatsiya imperativa: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk [The connotation of imperative: candidate of Philological Sciences thesis]. М., 2012. 19 p.
5. Nikolaeva. E.A. Kontsessivno-modusnye predlozheniya s soyuzom-chastitsej pust' / pusakai v yazyke poezii: diss. ... kand. filol. nauk [Concessive-modus sentences with the conjunction-particle пусть / пускай in the language of poetry: candidate of Philological Sciences thesis]. Kazan, 2000. 170 p.
6. Ob'yasnitel'nyi slovar' russkogo yazyka. Strukturnye slova [Explanatory dictionary of the Russian language. Structural words]. М., 2002. 421 p.
7. Russkaya grammatika. Т. 1. [Russian grammar. Vol. 1]. М., 1980. 792 p.
8. Russkaya grammatika. Т. 2. [Russian grammar. Vol. 2]. М., 1980. 717 p.
9. Lekant P.A., Kasatkin L.L., Klobukov E.V. Sovremennyyi russkii literaturnyi yazyk: novoe izdanie: uchebnik [Modern Russian literary language: new edition: textbook]. М., Vysshaya shkola, 2009. 766 p.

10. Fedorov A.I. Frazeologicheskii slovar' russkogo literaturnogo yazyka: ok. 13000 frazeologicheskikh edinits [Phraseological dictionary of Russian language: approx. 13000 idioms]. M., Astrel': AST, 2008. 878 p.
11. Shvedova N.YU. Ocherki po sintaksisu russkoi razgovornoj rechi [Essays on the syntax of colloquial Russian]. M., Azbukovnik, 2003. 378 p.
12. Orekhova E.N. Sub'ektivnaya modal'nost': forma, semantika, funktsii: monografiya [Subjective modality: form, semantics, functions: monograph]. MGOU, Izd-vo MGOU, 2011. 296 p.
13. Solganik G.YA. Ocherki modal'nogo sintaksisa [Essays of modal syntax]. M., Flinta: Nauka, 2011. 184 p.
14. Chekhov A.P. Polnoe sobranie sochinenii i pisem v tridsati tomakh. T. 1. T. 2. T. 3 [Complete works and letters in thirty volumes. Vol. 1. Vol. 2. Vol. 3]. M., Nauka, 1983.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Долгова Наталья Георгиевна – аспирант кафедры современного русского языка Московский государственный областной университет;
e-mail: dolgova_natalja@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Natalia Dolgova – 2nd year postgraduate student, training specialty 45.06.01 – Linguistics and Literature, profile 10.02.01 – Russian language, Moscow Region State University;
e-mail: dolgova_natalja@mail.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Долгова Н.Г. Значения модально-волевых частиц в прозе А.П. Чехова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2016. № 5. С. 28-34.
DOI: 10.18384/2310-7278-2016-5-28-34

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

N. Dolgova. Meanings of modal particles in prose of A. Chekhov // Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology. 2016. no. 5. pp. 28-34.
DOI: 10.18384/2310-7278-2016-5-28-34

УДК 81'367. 322

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-5-35-40

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ИНТОНАЦИИ РИТОРИЧЕСКОГО ВЫСКАЗЫВАНИЯ

Канафьева А.В.

Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10а, Российская Федерация

Аннотация. В статье анализируются особенности интонационной структуры риторических высказываний некоторых моделей. Подчёркивается первостепенная роль интонации в разграничении собственно вопросительного предложения и риторического высказывания, в выражении богатейшего спектра эмоционально-оценочных значений, присущих риторическим высказываниям. Обращено внимание на использование в отдельных моделях просодических средств: тона в многообразии его акцентов, его динамики, фонаций. Отмечается акцентное выделение риторических формантов прономинального и партикулярного характера в соответствующих моделях. Наличие в структуре риторического высказывания междометий, лексических повторов приводит к изменению его интонационных контуров.

Ключевые слова: риторическое высказывание, интонация, акцентное выделение, фонация, просодические средства, тон.

SOME FEATURES OF INTONATION OF RHETORICAL STATEMENTS

A.Kanafieva

Moscow State Region University
10A Radio St., Moscow, Russian Federation, 105005

Abstract. The article analyzes some features of the intonation structure of some models of rhetorical statements. It is emphasized that the primary role of intonation lays in the delineation of the actual interrogative sentences and rhetorical statements, in the expression of the rich spectrum of emotional and evaluative meanings that are characteristic to the rhetorical statements. Attention is paid to the use of prosodic means in some models: the tone in the variety of its accents, its dynamics, phonation. The article distinguishes the accent emphasizing of rhetorical formants with the pronominal and particular nature in appropriate models. The presence of interjections, lexical repetitions in the structure of rhetorical statements leads to a change of its intonation contours.

Keywords: rhetorical statement, intonation, accent emphasizing, phonation, prosodic means, tone.

При разграничении собственно вопросительных предложений и их разнообразных речевых модификаций, называемых нами риторическими высказываниями, решающую роль помимо коммуникативной установки играет интонация.

© Канафьева А.В., 2016.

Интонация является важнейшим синтаксическим средством, не только квалифицирующим функциональный тип предложения, но и способным передавать в нём разнообразный комплекс модально-эмоциональных значений. А.М. Пешковский, считавший основной и исконной функцией интонации «выражение эмоциональной стороны речи», писал: «Чувства наши мы выражаем не столько словами, сколько интонацией» [7, с. 284].

Собственно вопросительное предложение и риторическое высказывание могут иметь одинаковую форму, одинаковое лексическое наполнение; единственным идентифицирующим средством в этом случае является интонация. Ср.: *Кто может мне помочь?* – интонация местоимённого собственно вопросительного предложения характеризуется повышением тона на вопросительном местоимении и повышением тона к концу предложения (ИК-2). Отрицательное риторическое высказывание с тем же лексическим наполнением имеет иные интонационные контуры: переосмысленный прономинальный компонент остаётся интонационно выделенным, но не в той степени, как это наблюдается в собственно вопросительном предложении, к концу отмечается понижение тона. Такое интонационное оформление соответствует ИК-1. Как замечает И.П. Распопов, «...вопросительные местоимения или частицы, хотя и имеют на коммуникативно-синтаксическом уровне известное структурно-строевое значение (как своеобразные сигналы вопросительности), но это их значение реализуется только во взаимодействии с определённой интонацией» [8, с. 90].

Интонация риторических высказываний является важнейшим средством выражения разнообразного спектра их эмоционально-оценочных значений. При этом используется богатейший арсенал просодических средств: тон во всём многообразии его акцентов, фонации, громкость.

В прономинальных риторических высказываниях наивысший уровень базового тона приходится на прономинальный компонент как конденсирующий эмоциональную составляющую риторического высказывания. К концу таких высказываний отмечается некоторое понижение тона: *Что с небосводом? Зачем он зарделся?* (Б. Ахмадулина); *Любимый, послушай, ведь лучше... Но где я найду это самое «лучше»?* (Р. Рождественский); *И как же так, что я всё реже волнуюсь, плачу и люблю?* (Н. Рубцов); *«Ну, уж это совсем не умно, – подумал он, придя в себя. – При чём тут кладбище? Для чего?»* (А. Чехов).

Прономинальные компоненты подвергаются акцентному выделению, имеющему почти автоматизированный характер: *Как жить? На что надеяться? Какой смысл в этом разговоре?* Они относятся к классу акцентуируемых слов наряду с наречиями меры и степени, времени; словами *есть, нет, нельзя, можно, не следует; именно, так сказать, а также но, или, поэтому, как, где, что* (в косвенном вопросе). Акцентное выделение, «выводя высказывание за его узкие нейтрально-нормативные рамки, <...> передаёт определённые смысловые отношения: противопоставление, оценку, результат, статус и пр.» [6, с. 97].

Отмеченное выше не имеет отношения к риторическим высказываниям с

прономинальными компонентами *где, куда, какой*, выражающим экспрессивное отрицание с эмоционально-оценочными оттенками значения. Эти высказывания соответствуют ИК-7 и не имеют акцентного выделения прономинальных компонентов: **Какая же цена** ораторскому жару, когда, расшвыряя вдрызг по сценам и клише, хотел я счастье дать всему земному шару, а дать его не смог одной живой душе? (Е. Евтушенко); **Какое тебе от этого может быть удовольствие**, если я сам знаю, что стал чуть ли не хуже тебя? (М. Горький)

Особенностями интонационного оформления обусловлены и семантические различия, например, инфинитивных риторических конструкций: одни выражают категорическую недопустимость действия, выраженного инфинитивом, другие – раздумья о возможности реализации этого действия. Семантику категорической недопустимости действия имеют, например, следующие: *Все они заговорили сразу, обступив Василия Михайловича с трёх сторон. – **Считаться?! –** вскрикнул Волынцев, и голос его зазвенел. – Я вам дам считаться, разбойники!!* (Н. Телешов); *Ни твоей, ни своей, ничьей – Ни какой не хочу иронии. **Прятать боль под бронёй речей?!** Не нуждаюсь в их обороне я* (В. Звягинцева); ***Продать всё это?** За какие деньги? Кто их чеканит?* (Р. Рождественский); *В осень смерть под стать картине, В сон идёт природа вся. **Но в грязи, в окопной глине вдруг загнуться?** Нет, друзья...* (А. Твардовский). Эти риторические конструкции являются реактивно-оценочными, они представляют собой протестующую реакцию на мнения или действия другого лица.

В партикулярных риторических высказываниях акцентному выделению подлежат частицы *разве, неужели* с модальными словами *можно, нельзя*, образующие аналитическую форму предиката: **Разве можно** с ней говорить откровенно? **Неужели нельзя** простить?

Риторические высказывания отличаются разнообразием фонаций (типов голоса), среди которых можно отметить и напряжённую, и придыхательную, и расслабленную, и скрипучую [см. об этом: 5, с. 158]. Например, в риторических высказываниях, выражающих высокую степень позитивного чувства, фонация может быть квалифицирована как придыхательная: *Зачем мне тебя притеснять, друг мой, я мать тебе* (М. Салтыков-Щедрин); *Мне нужно застрелиться. Но у меня на это нет сил, **к чему тебе, мой Бог, я буду лгать? К чему тебе я буду лгать, моё отражение?*** (М. Булгаков); в риторических высказываниях, выражающих неодобрительное отношение, негативную оценку – как скрипучая: *Ну куда бы он без гроша сунулся, кто б его пустил к себе с его дурацким портфелем?* (А. Ремизов); *А то: доброе ли дело заколоть своего ближнего, смею спросить?* (А. Пушкин); в риторических высказываниях с семантикой обречённости, подчинённости року, судьбе – как расслабленная: *Но как мне честным быть до конца?* (Р. Рождественский); *Для чего, когда сны изменили, Так полны обольщений слова?* (И. Анненский). «Интонационными средствами устанавливается, обуславливается коммуникативное значение слов в предложении, определяется членение предложения и осуществляется его внутренне единство» [3, с. 264].

Большую роль в интонационной структуре риторического высказывания играет мелодика, определяемая как «модуляции высоты (интонационного) тона при произнесении фразы, осуществляемые разной степенью натяжения голосовых связок» [1, с. 226]. Ср. оценку мелодии в организации высказывания, данную А.М. Пешковским: «Мелодия – это тот фокус, в котором скрещиваются и ритм, и синтаксис, и словарь, и всё так называемое содержание» [7, с. 284].

Мелодическая окраска риторического высказывания определяется речевой ситуацией, причинами, вызвавшими ту или иную речевую реакцию, степенью эмоционально-психического накала, возбуждённости говорящего, индивидуальных особенностей осмысления и произнесения фразы. Все эти факторы обуславливают разнообразие оттенков интонации риторических высказываний, служащей «эмоционально-волевому воздействию говорящего на слушателя и эмоционально-волевой реакции его на те или иные факты, явления действительности» [3, с. 271].

Особыми эмоциональными тонами отличаются риторические высказывания, содержащие междометия – сигналы эмоциональности, маркёры аффективного состояния и высокой степени его проявления. В.В. Виноградов отмечал, что «интонационные, фонетические особенности междометий, их аффективная окраска, их моторно-мимическое и жестовое сопровождение составляют чрезвычайно важную сторону их смыслового строя» [2, с. 745]. Например: – **Боже!** *Что это я такое сделала! – вскричала она вдруг, точно опомнившись, и, вся задрожав от ужаса, закрыла лицо ру-*

*ками (Ф. Достоевский); Ах! Боже мой! что станет говорить Княгиня Марья Алексевна! (А. Грибоедов); – Боже мой, – простонал Рябовский, – когда же наконец будет солнце? (А. Чехов); Нет, уж вы, юноша, кокарду снимите, сдelaйте божескую милость. Нельзя, как же можно, **сохрани Бог**, мало ли кто может узнать! (Ф. Сологуб)*

Риторические высказывания нередко содержат повторы отдельных компонентов, в которых заключена концентрация, «сгусток» эмоционального заряда: *Он покрутил головой и продолжал: – Иду домой, точно на смертную казнь... Не жалко мне ни часов, ни денег, ни места... Я готов мириться со всеми этими потерями, с этой головной болью, с нотацией начальства... но одно меня тревожит: как я с женой встречаюсь? **Что я скажу ей?** Пять ночей дома не ночевал, всё пропил и отставку получил... **Что я могу сказать ей?** (А. Чехов); Потом они долго советовались, говорили о том, как избавить себя от необходимости прятаться, обманывать, жить в разных городах, не видаться подолгу. **Как освободиться от этих невыносимых пут? – Как? Как?** – спрашивал он, хватая себя за голову. – **Как?** (А. Чехов); *Всё моё сердце у них! Ах, зачем мы не все счастливы! Зачем, зачем!..* (Ф. Достоевский). Приведённые риторические высказывания отличаются повышением уровня базового тона; их характеризует напряжённая фонация; тональный акцент приходится на повторяемые прономинальные компоненты *что, как, зачем*, несущие рематическое начало.*

Таким образом, интонация риторических высказываний служит одним из основных средств, создающих их риторическую форму и выводящих

их за пределы собственно вопросительных предложений. Эта интонация имеет особую мелодику, динамику, отличается и дополнительными эмоцио-

нально насыщенными тонами. Деконирование риторической интонации базируется на общей «грамматической памяти» участников общения.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1966. 606 с.
2. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). М.-Л., 1947. 783 с.
3. Виноградов В.В. О категории модальности и модальных словах в русском языке // Виноградов В.В. Избранные труды. Исследования по русской грамматике. М.: 1975. С. 53-87.
4. Канафьева А.В. Грамматическое и семантическое я в риторическом высказывании // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2014. № 6. С. 8-13.
5. Кодзасов С.В. Интонация // Русский язык. Энциклопедия / Гл. ред. Ю.Н. Караулов. 2-е изд., переработанное и дополненное. М.: Большая Российская энциклопедия; Дрофа, 1997. С. 157-158.
6. Николаева Т.М. Семантика акцентного выделения. М.: Наука, 1982. 104 с.
7. Пешковский А.М. Интонация и грамматика // Пешковский А.М. Лингвистика. Поэтика. Стилистика: Избранные труды / Науч. ред. и сост. О.В. Никитин. М.: Высшая школа, 2007. С. 284-300.
8. Распопов И.П. Вопросительные предложения // Русский язык в школе. 1970. № 1. С. 34-37.
9. Русская грамматика. Том II. Синтаксис. М.: Наука, 1980. 709 с.

REFERENCES

1. Akhmanova O.S. Slovar' lingvisticheskikh terminov [Dictionary of linguistic terms]. M., Sovetskaya entsiklopediya, 1966. 606 p.
2. Vinogradov V.V. Russkii yazyk (Grammaticheskoe uchenie o slove) [Russian language (Grammatical teaching about word)]. M-L, 1947. 783 p.
3. Vinogradov V.V. O kategorii modal'nosti i modal'nykh slovakh v russkom yazyke [On the category of modality and modal words in the Russian language] // Izbrannye trudy. Issledovaniya po russkoi grammatike [Selected works. Studies on Russian grammar]. M., 1975. pp. 53-87.
4. Kanaf'eva A.V. Grammaticheskoe i semanticheskoe ya v ritoricheskom vyskazyvanii [Grammatical and semantic I in the rhetorical statement] // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology]. no. 6. 2014. pp. 8-13.
5. Kodzasov S.V. Intonatsiya [Intonation] // Russkii yazyk. Entsiklopediya [Russian language. Encyclopedia] / Ch. ed. by Yu.Karaulov. 2nd ed., revised and expanded. M., Bol'shaya Rossiiskaya entsiklopediya; Drofa, 1997. pp. 157-158.
6. Nikolaeva T.M. Semantika aktsentnogo vydeleniya [The semantics of the accentuation]. M., Nauka, 1982. 104 p.
7. Peshkovskii A.M. Intonatsiya i grammatika [Intonation and grammar] // Lingvistika. Poetika. Stilistika: Izbrannye trudy: ucheb. posobie [Linguistics. Poetics. Style: Selected works: textbook]. M., Vysshaya shkola, 2007. pp. 284-300.
8. Raspopov I.P. Voprositel'nye predlozheniya [Interrogative sentences] // Russkii yazyk v shkole [Russian language at school]. 1970. no. 1. pp. 34-37.

9. Russkaya grammatika. Tom II. Sintaksis. Akademiya nauk SSSR. Institut russkogo yazyka [Russian grammar. Vol. II. Syntax. Academy of Sciences of the USSR. Institute of Russian language]. M., Nauka, 1980. 709 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Канафьева Алевтина Васильевна – доктор филологических наук, доцент кафедры современного русского языка Московского государственного областного университета;

e-mail: kanafeva.alya@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alevtina Kanafyeva – doctor of Philological Sciences, the associate professor of the Modern Russian in the Moscow Region State University;

e-mail: kanafeva.alya@mail.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Канафьева А.В. О некоторых особенностях интонации риторического высказывания // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2016. № 5. С. 35-40.

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-5-35-40

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

A. Kanafieva. Some features of intonation of rhetorical statements // Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology. 2016. no. 5. pp. 35-40.

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-5-35-40

УДК 351.72:006.72

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-5-41-46

ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ СОМАТИЧЕСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ КАК ОСНОВА ИХ СТРУКТУРИРОВАНИЯ

Карпухина Н.М., Шерстюкова О.В.

*Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова
117997, Москва, Стремянный пер., д. 36, Российская Федерация*

Аннотация. Статья посвящена анализу фразеологических единиц с соматизмами *лицо, ухо, глаза, язык*.

Отмечены семантические и грамматические связи компонентов соматических фразеологических единиц (СФЕ) как основа их структурирования; показано наличие парадигматических связей между СФЕ, соотношение смыслового центра и зависимых компонентов.

Ключевые слова: фразеологические единицы, смысловое ядро, глагольные, именные сочетания, парадигматические связи, лексико-семантические процессы, мир человека.

LEXICAL AND GRAMMATICAL SIGNS OF SOMATIC PHRASEOLOGICAL UNITS AS BASIS OF THEIR STRUCTURING

N. Karpukhina, O. Sherstyukova

*Plekhanov Russian University of Economics
35, Stremyanny lane, Moscow, Russian Federation, 117997*

Abstract. The article is devoted to the analysis of phraseological units with the somatisms face, ear, eyes, tongue. It defines semantic and grammatical links of components of the somatic phraseological units as a basis of their structuring; it shows the presence of paradigmatic relations between somatic phraseological units, the ratio of the semantic center and dependent components.

Keywords: phraseological units, semantic core, verbal, nominal combinations, paradigmatic relations, lexico-semantic processes, world of the person.

В последние десятилетия в языкознании большое внимание уделяется человеческому фактору. Так, в лингвистике появляются концепции, развивающие антропологический принцип в исследовании языка. В связи с этим представляют научный интерес фразеологические единицы, семантическим центром которых являются соматизмы – названия реальных внешнего облика человека, например, *лицо, рот, лоб, ухо, усы, горло* и др. Это те фразеологические обороты, семантика которых отражает мир человека, его эмоции и речевые действия. Данный лексический пласт представлен как фрагмент русской языковой картины мира. Изучение его имеет и практическую значимость – при работе по формированию основ лингвистической компетенции в процессе обучения русскому языку [1, с. 372-379].

© Карпухина Н.М., Шерстюкова О.В., 2016.

Также нельзя не отметить, что фразеологические обороты могут иметь коннотативные: или сопутствующие понятийному ядру значения, а именно эмоциональные, оценочные, стилистически окрашенные компоненты, в которых проявляется субъективно-оценочное отношение говорящего к обозначаемым реалиям [2, с. 144].

Эту же мысль подтверждает и В.В. Леденёва, говоря о том, что использование фразеологизмов служит «для трансляции положительной или отрицательной оценки, выражения эмоционального состояния, отношения» [3, с. 90].

Анализируя структурно-семантический состав фразеологических единиц, мы приходим к выводу о том, что коннотативные дополнения в большой мере свойственны и соматическим фразеологическим единицам (в дальнейшем СФЕ).

Наша задача – выделить в соматическом фразеологизме грамматически управляемое слово, которое образует метафорическое значение и является его смысловым центром, и показать соотношение смыслового ядра и подчинённых компонентов значения СФЕ.

Для лексико-грамматического анализа СФЕ мы выбрали фразеологические обороты, семантическим центром которых являются реалии внешнего облика человека.

Мы проанализируем семантические и грамматические связи компонентов, входящих в состав устойчивых словосочетаний со смысловым центром – соматизмом, чтобы выявить возможности их структурирования.

Рассмотрим СФЕ с соматизмом **лицо**. В Толковом словаре русского языка (ТСРЯ) слово **лицо** имеет зна-

чение: а) передняя часть головы; б) человек, личность; в) в грамматике: категория, показывающая отнесённость к говорящему (первое лицо), к собеседнику (второе лицо) или к тому, кто не является ни говорящим, ни собеседником (к неодушевлённому предмету (третье лицо) [4, с. 337-338]. Нас интересует первое, прямое значение.

Значительную группу с соматизмом **лицо** составляют ФЕ, обозначающие *‘действия человека.’* В этом случае используются глаголы, которые обозначают *действия, направленные на другой субъект, например, бросать в лицо обвинения кому-то; в лицо говорить кому-то; засматривать в лицо кому-то; лицом к кому-то повернуться; знать в лицо кого-то* и др. Как видим, доминанта «лицо» не утратила своей внутренней формы.

Встречаются также СФЕ, в которых ДС (доминантная сема) *‘действие’* дополняется ДС *‘состояние’*, они бывают преимущественно глагольными. Например, *в поте лица трудиться; живого лица нет; измениться в лице; краска бросилась в лицо*. Однако некоторые из них могут обозначать также обстоятельства, при которых совершается действие, по структуре они чаще всего именные. Например, *на одно лицо; невзирая на лица; лицом к лицу; лицом к кому-чему; перед лицом кого-чего; от первого лица*; некоторые из них сочетаются с глаголом: *с каким лицом явиться; показать товар лицом*. Следует отметить среди подобных ФЕ такие, в которых соматизм утратил полностью свою внутреннюю форму: *стереть с лица земли; смотреть правде в лицо*.

В этой группе можно выделить синонимические и антонимические па-

радигмы: *измениться в лице; краска бросилась в лицо; ни кровинки в лице; спастись с лица*. Они различаются стилистически: *измениться в лице* – нейтральная сфера употребления; три остальных фразеологизма – ближе к разговорной речи.

Слово **ухо**, как указывает ТСРЯ, – это «орган слуха, а также наружная часть его, у человека – в форме раковины» [4, с. 875].

Среди СФЕ с соматизмом **ухо** можно выделить три группы.

В первую группу входят СФЕ с ДС, которая обозначает: а) действие с глаголами **слушать** и **говорить**: *держат ухо остро; навести (насторожить) ухо (уши); и ухом не повёл; развесить уши; пропустить мимо ушей; слышать своими ушами; во все уши слушать; и (даже) ухом не ведёт; краем уха слушать; на ухо говорить (сказать, шептать); над ухом (говорить, звенеть, кричать); не верить своим ушам*.

Следует отметить, что в ряде СФЕ используются глаголы **слушать (слышать)** и **говорить (сказать)**: *слышать своими ушами; во все уши слушать; краем уха слышать; на ухо говорить (сказать, шептать); над ухом говорить, звенеть, кричать*.

У СФЕ достаточно широкая сочетаемость с глаголами, обозначающими звучание. Отметим СФЕ *до (самых) ушей (дошло)*, которое может употребляться с глаголом, не обозначающим звук. Нельзя не отметить разнообразие падежных форм слова **ухо** с предлогами;

б) СФЕ, включающие в свой состав глаголы, выражающие действия, не характерные для манипуляций с ушами: *хлопать ушами; притянуть за уши*

что-то; не видать (видеть) как своих ушей кого-чего; по уши погрузиться во что-то (увязнуть в чём); быть (сидеть) в долгах по уши; медведь (слон) на ухо наступил кому-то. В этих СФЕ в качестве инвариантных компонентов используются и глаголы (**погрузиться, увязнуть, быть, сидеть**), и существительные (**слон, медведь**), не имеющие семантических связей с соматизмом **уши**.

Во вторую группу входят СФЕ, в которых ДС, с одной стороны, обозначают ‘действие, предполагающее наличие двух субъектов’, а с другой – ‘действие одного субъекта, переходящее на другой субъект’: *нарвать (натрепать, оборвать) уши кому-то; прожужжать уши (прогудеть кому-то), дать (съездить, заехать) в ухо кому-то; дойти до чьих-то ушей; за уши тащить (тянуть) кого-то; не для чьих-то ушей что-то; по уши влюбиться (врезаться) в кого-то*. Следует отметить среди них большое количество вариантов, которые способствуют усилению оценочной экспрессии и могут выступать в качестве синонимов, потому что каждый новый вариант отличается или экспрессией, или стилистической окраской: *дать в ухо кому-то; заехать в ухо кому-то* (просторечная, разговорная окраска); *съездить в ухо кому-то* (разговорная окраска, негативная экспрессия). К этой же группе можно отнести СФЕ *не для чьих ушей что-то*, хотя эта ФЕ не предполагает сочетаемости с глаголом.

В третью группу можно выделить ФЕ с ДС, которая обозначает состояние человека: *в ушах (ухе) звенит; за ушами трещит у кого-то*.

Отдельная группа представлена ФЕ с ДС, которая обозначает характероло-

гические признаки человека: *крепок на ухо; тугой (туг) на ухо; ни уха ни рыла (не смыслить)*. Все они именные по грамматической структуре.

Лексико-грамматический анализ позволил выявить типы СФЕ, обозначающие: а) действия; б) состояния; в) обстоятельства; г) характерологические признаки; д) действия с сопутствующими обстоятельствами; е) действия и состояния; ж) характерологические признаки и состояния. Последний тип СФЕ малочисленный. Из этих СФЕ 6 типов относятся к глагольным, а один – характерологический – к именным.

В составе глагольных СФЕ встречаются следующие два типа глаголов:

1) глаголы, которые связаны с **физиологической функцией органа**: *глаза – смотреть во все глаза, глядеть в глаза; язык – прикусить язык; с физиологическим состоянием*, характерным для этих органов: *зуб на зуб не попадает, высунув язык (бежать), язык повернулся* и др.;

2) глаголы, которые **не имеют значения, связанного с данным органом**: *глаза – за глаза говорить; лезть в глаза кому-то; голова – задурить голову кому-то; нос – водить кого-то за нос; зуб – заговаривать зубы; язык – язык развязался* и др.

В зависимости от грамматических свойств глагола изменяется лексическое окружение, синтаксическая структура предложения, в котором доминирует соматизм. Так, если это *личное предложение*, допускается структура: *действующий субъект + субъект, на который направлено действие + объект*. Однако встречаются и *безличные конструкции*: *живого лица нет на ком-то; в лице ни кровинки у кого-то* и др.

Необходимо подчеркнуть, что чаще всего СФЕ, обозначающие *характерологические признаки человека*, – **именные**: *ни в зуб ногой; длинный язык у кого-то; суконный язык; злые языки; бойкий на язык* и др.

Следует отметить СФЕ, которые имеют варианты, создаваемые не только за счёт расширения лексической сочетаемости соматизма. Во фразеологических словарях приводятся лексические компоненты СФЕ – чаще всего глаголы, за счёт которых создаются варианты, они даны в скобках. Однако многие вариантные компоненты вносят разнообразные экспрессивные и даже семантические оттенки в значения СФЕ, их можно, на наш взгляд, отнести к синонимам. Например: *болтать (трепать, чесать) языком; язык у кого-то хорошо подвешен (привешен); во весь рот кричать (орать); не сметь рта разинуть (открыть, раскрыть)* и др.

Для соматической фразеологии характерно наличие парадигматических связей между СФЕ: антонимов, синонимов. Например, *во весь рот (кричать, орать)* и *набрать в рот воды* – антонимы; *капли (маковой росинки) в рот не брать, в рот не идёт (не идёт), не лезет в рот что-то, мимо рта прошло (пролетело)* – синонимы.

Нельзя не отметить, что во всех лексико-семантических процессах в соматической фразеологии большую роль играет метафоризация.

При этом *уровень метафоризации* бывает разным – низким или высоким. В соматической фразеологии метафоризации подвергается, как правило, не столько сам соматизм (он сохраняет внутреннюю форму), сколько лексические компоненты, сочетающиеся

с ним. Чем выше уровень метафоризации лексических компонентов, тем более отвлечённо фразеологическое значение СФЕ, например, *смотреть правде в лицо, стереть с лица земли*.

В результате метафорического переосмысления компонентов добавляются смысловые и оценочные коннотации, такие как одобрение – *показать товар лицом*; осуждение – *водить за*

нос; пренебрежение – *не для твоих ушей* это и т. д.

Таким образом, мы приходим к выводу о том, что по характеру семантических и грамматических связей компонентов СФЕ в основном глагольные, реже именные; отмечаем важность процесса метафоризации при образовании фразеологизмов, в том числе и СФЕ.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Гасанова П.М., Буйских Т.М. Обучение иностранных студентов-нефилологов чтению как виду речевой деятельности (научный стиль) // Известия Московского государственного технического университета МАМИ. 2012. Т. 3. № 2. С. 372–379.
2. Шелякин М.А. Язык и человек. К проблеме мотивированности языковой системы: учебное пособие. М.: Флинта, 2005. 296 с.
3. Ледёнева В.В. Субстантивно-адъективные фразеологизмы в письмах Н.С. Лескова // Сборник трудов Всероссийской научной конференции «Рациональное и эмоциональное в русском языке». М.: МГОУ. 2013. С. 88–94.
4. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азъ, 1992, 960 с. (ТСРЯ)
5. Молотков А.И. Фразеологический словарь русского языка. М.: Русский язык, 1968, 544 с.
6. Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Словарь русской фразеологии, историко-этимологический справочник. С-П.: «Фолио-Пресс», 2001. 700 с.

REFERENCES

1. Gasanova P.M., Buisikikh T.M. Obuchenie inostrannykh studentov-nefilologov chteniyu kak vidu rechevoi deyatel'nosti (nauchnyi stil') [Training foreign technical students at reading as a kind of speech activity (scientific style)] // Izvestiya Moskovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta MAMI [MAMI Moscow State Technical University news]. 2012. Vol. 3. no. 2. pp. 372–379.
2. Shelyakin M.A. Yazyk i chelovek. K probleme motivirovannosti yazykovoi sistemy: uchebnoe posobie [Language and people. To the problem of motivation in the linguistic system: a textbook]. M., Flinta, 2005. 296 p.
3. Ledeneva V.V. Substantivno-ad'ektivnye frazeologizmy v pis'makh N.S. Leskova [The substantive-adjectival phraseological units in letters of N. Leskov] // Sb. trudov Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii «Ratsional'noe i emotsional'noe v russkom yazyke» [Coll. of works of all-Russian scientific conference "Rational and emotional in Russian"]. M., MGOU, 2013. pp. 88–94.
4. Ozhegov S.I., Shvedova N.YU. Tolkovyi slovar' russkogo yazyka [Explanatory dictionary of Russian language]. M., Az", 1992. 960 p.
5. Molotkov A.I. Frazeologicheskii slovar' russkogo yazyka [Phraseological dictionary of Russian language]. M., Russkii yazyk, 1968. 544 p.
6. Birikh A.K., Mokienko V.M., Stepanova L.I. Slovar' russkoi frazeologii, istoriko-etimologicheskii spravochnik [The dictionary of Russian phraseology, the historical and etymological reference]. SPb., «Folio-Press», 2001. 700 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Карпухина Нина Михайловна - доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и культуры речи Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова;

e-mail: kafrus@pochta.ru

Шерстюкова Ольга Викторовна - доцент кафедры русского языка и культуры речи Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова;

e-mail: kafrus@pochta.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Nina Karpukhina - doctor of Philological Sciences, professor at the Department of the Russian language and culture of speech in Plekhanov Russian University of Economics; email: kafrus@pochta.ru

Olga Sherstyukova – associate professor at the Department of the Russian language and culture of speech in Plekhanov Russian University of Economics;

email: kafrus@pochta.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Карпухина Н.М., Шерстюкова О.В. Лексико-грамматические признаки соматических фразеологических единиц как основа их структурирования // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2016. № 5. С. 41-46.

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-5-41-46

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

N. Karpukhina, O. Sherstyukova. Lexical and grammatical signs of somatic phraseological units as basis of their structuring // Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology. 2016. no. 5. pp. 41-46.

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-5-41-46

УДК 821.161.1

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-5-47-54

«БЕЛЫЙ МИР» АННЫ АХМАТОВОЙ: ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ СЕМАНТИКИ ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО *БЕЛЫЙ* В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПРОСТРАНСТВЕ ПОЭТА

Кириллина Н.В.

Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация

Аннотация. В статье анализируется семантическая многоаспектность использования в стихах А.А. Ахматовой прилагательного *белый* как репрезентанта «зоны пересечения» концептов *добро-зло*. Палитра смысловых оттенков данного колоратива не только служит раскрытию индивидуально-авторских интенций, но и позволяет языковой личности раскрыть в условиях художественного пространства ментально-лингвальную специфику структур нефизического мира человека.

Ключевые слова: концепт, оппозиция, белый цвет, светлый, добро, зло.

"WHITE WORLD" BY ANNA AKHMATOVA: FEATURES OF REALIZATION OF THE SEMANTICS OF THE ADJECTIVE IN THE WHITE SPACE OF THE POET'S ART

N. Kirillina

Moscow State Region University
10A Radio St., Moscow, Russian Federation, 105005

Abstract. The article analyzes the use of adjective white in A. Akhmatova's verses as a representant of "intersection zone" of concepts good-evil. The palette of shades of meaning of this colorative not only serves for the disclosure of individually-author's intentions, but also allows a language personality to reveal the mental-lingual specifics of the structures of the non-physical world of man in artistic space.

Keywords: concept, the opposition, white, good and evil.

В современной лингвистике языковая картина мира всё чаще отображается посредством описания и анализа концептов в их вербальном оформлении. Духовные, интеллектуальные, культурные феномены наиболее полно раскрываются при исследовании оппозиционно представленных концептов, так как именно в них реализуется сложность, многогранность и внутренняя противоречивость структур нефизического мира человека.

В концептуализации важнейших понятий человеческого сознания особую значимость, по нашему мнению, имеют энантиоморфные зоны, представляющие собой «зоны пересечения» коцептов-оппозитов (см. об этом [4]).

© Кириллина Н.В., 2016.

Языковые единицы, репрезентирующие в данных зонах референтные понятия, весьма разнообразны. Но чаще всего исследователями анализируются имена существительные как основные носители денотативного компонента (добро, зло, счастье, горе, любовь, жизнь, смерть, и т. д.). У имён прилагательных такой денотации нет, однако их значения также участвуют в раскрытии сложнейшей, внутренне противоречивой специфики менталитета носителей языка. «Денотативное содержание прилагательных обусловлено тем, что оно не столько системно, сколько ассоциативно; оно нестабильно, неопределённо, незавершённо, поскольку имя прилагательное – это одно из средств языка с ярко выраженным вероятностным характером значения» [3, с. 354]. Эта ассоциативность и несистемность делает их очень гибким, «пластичным» средством для выражения индивидуально-авторских характеристик и смыслов, заложенных в них.

В ряду изобразительно-выразительных средств особое место занимают прилагательные-колоративы, которые используются в целях эпитетации, участвующие в репрезентации периферийных зон концептов-оппозитов **добро-зло**.

Весьма показательным в этом отношении является использование прилагательного *белый* и его дериватов в языке поэзии А.А. Ахматовой. Номинируя в поэтическом пространстве чувства, переживания лирической героини, связанные с разными сторонами жизни поэта, отражая реалии окружающего мира через призму творческого восприятия, белый цвет приобретает широчайшую палитру смысловых оттенков.

В художественном пространстве стихов А.А. Ахматовой (особенно ранней лирики) прилагательное *белый* имеет высочайшую рекуррентность: нами зафиксировано более 100 (!) случаев его употребления. Исследователи творчества А.А. Ахматовой не раз отмечали, что в палитре ранней ахматовской лирики белый цвет – один из самых любимых поэтом. Это даже позволяет нам взять на себя смелость и определить этот период творчества как «белый мир» поэта. И столь частотное его использование отнюдь не случайно. Справедливо мнение исследователя Г.М. Шипицыной: «Существует прямая зависимость наполнения и типа денотативного содержания имён прилагательных от синтагматически опорного смысла, исходящего от существительного: одно и то же прилагательное может иметь различные значения в сочетаниях с различными именами существительными» [6, с. 355]. Важно, что при этом авторская оценка объекта эпитетации транслируется в самом контексте.

Белый цвет особенно показателен в этом отношении, так как он является «началом всех начал»: белый раскладывается на весь цветовой спектр. Он как бы одновременно «пустой», нейтральный, не содержащий ни доброго, ни злого начала, но именно ему присуща вся полнота бытия, которая актуализируется всевозможными оттенками: бледный, блёклый, матовый, белёсый («*бледный лик*», «*звёзды матово-бледны*»), но и жемчужный, снежный, мраморный, ясный, светлый («*снег алмазно бел*», «*снежный прах*»). Белый цвет, в узуальном значении чаще всего ассоциирующийся с холодом (белый снег, белая зима), в мироощущении

А.А. Ахматовой может скрывать «тайный огонь»: *Я несу букет левкоев белых / Для того в них тайный скрыт огонь...* [1, с. 35, «Обман»].

При этом *белый* как предикат отличается и мощным денотативным наполнением. Например, общеизвестно, что символом творчества в поэтическом мире А.А. Ахматовой является образ птицы: «*А чтобы она не запела о прежнем, / Он белую птицу мою убил*» [1, с. 75, «Был он ревнивым, тревожным и нежным...»]; «*Всё тебе: и молитва дневная, И бессонницы млеющий жар, / И стихов моих белая стая...*» [1, с.110, «Я не знаю, ты жив или умер...»]. Использование в одном контексте символа священного для поэта понятия и прилагательного *белый* – один из излюбленных приёмов А.А. Ахматовой вызывать цветовую ассоциацию. Его цель – показать совершенство, чистоту и определённую сакральность творческого начала. Обладает явной мелиоративной коннотацией и следующий контекст: «*Я голубку ей дать хотела, / Ту, что всех в голубятне белей...*» [1, с. 77, «Муза ушла по дороге...»]. Белый цвет олицетворяет вдохновение, творчество. Сама Муза в поэтическом контексте «носит» белые одежды: «*О, знала ль я, когда в одежде белой / Входила Муза в тесный мой уют...*» [1, с. 179, «О, знала ль я, когда в одежде белой...»]. «*Так птица о прозрачное стекло / Всем телом бьётся в зимнее ненастье, / И кровь пятнает белое крыло*» [1, с.148, «Тебе покорной? Ты сошёл с ума...»]. Таким образом, белый цвет репрезентирует концепт *добро*, находясь в периферийной зоне. Однако символизируя чистоту и святость творчества, он обнаруживает неоднозначность, многомерность си-

стемных связей, так как является также источником боли, переживаний, сродни мукам, которые испытывает женщина, производя на свет дитя (ср. «муки творчества»).

Семантической трансформации подвергается колоратив *белый* в следующих контекстах: «*Лёгкие яхты с утра гонялись, / Белых бездельниц столпилось много / У Константиновской батареи...*» [1, с.121, «У самого моря»]; «*А на закат наложен / Был белый траур черёмух, / Что осыпался мелким / Душистым, сухим дождём...*» [1, с.189, «Из цикла «Юность»]. «*Небо бело страшной белизною...*» [2, с. 27, «Белая ночь»]. Белый цвет в данных контекстах содержит вовсе не положительный компонент. *Страшной* становится белизна неба, а цвет душистой черёмухи становится *траурным*. В концептуальную зону *зла* переходит колоратив *белый* и его дериват *белизна*. Данная трактовка созвучна символическому восприятию белого цвета в народной культуре: «Русские <...> традиционно извещали о смерти, вывешивая на избе белый “плат” или полотно, которым “приходящий покойник сорок дней утирал слёзы”. На русском Севере известна белая погребальная одежда, обряжение девушек-покойниц в белое связано с обрядом похорон-свадьбы. В образе женщины в белых одеждах представляли смерть» [3].

Прилагательное *белый* в сочетании с существительным *дом*, актуализируя положительное начало, олицетворяет тихую, счастливую семейную жизнь с любимым человеком, быть может, и навсегда утраченную: «*Твой белый дом и тихий сад оставляю...*» [1, с.73, «Твой белый дом и тихий сад оставляю»];

«Здесь дом был почти что белый, / Стекло крыльцо...; И, видно, никто не знает, что белого дома нет» [1, 108, «Белый дом»]; «По твёрдому гребню сугроба / В твой белый, таинственный дом / Такие притихшие оба / В молчании нежном идём...» [1, с.139, «По твёрдому гребню сугроба...»]. Да и сама любовь «целые дни голубком / на белом окошке воркует» [1, с.25, «Любовь»].

При этом белый цвет – это цвет любовных страданий лирической героини: «Я эту ночь не спала, / Поздно думать о сне... / Как нестерпимо бела / Штора на белом окне...» [1, с.133-134, «Два стихотворения»]. Намеренная тавтология придаёт тексту особую выразительность, экспрессию. Белый цвет становится цветом боли, переживаний, переходящих в мучительные страдания: «А тайная боль разлуки / Застонала белою чайкой...» [1, с. 121, «У самого моря»]; «Вечерние часы перед столом, / Непорочно белая страница...» [1, с. 66, «Вечерние часы перед столом»]; «И когда друг друга проклинали / В страсти, расклеванной добела...» [1, с. 24, «И когда друг друга проклинали...»]; «И тогда, побелев от боли, / Прошептала: «Уйду с тобой!» [1, с. 32, «Похороны»]. Собственно авторское восприятие белого в контекстной канве художественного произведения вызывает у читателей соответствующие негативные ассоциации, «переводят» референтный эпитет в «зону» концепта зло.

Белый цвет традиционно репрезентирует добро и в религиозном смысле – это цвет «Духа Святого»: «Небо мелкий дождик сеет / На зацветишую сирень. / За окном крылами веет / Белый, белый

Духов день» [1, с. 113, «Небо мелкий дождик сеет...»]. Двойное употребление эпитета усиливает возвышенную коннотацию, создаёт вокруг объекта эпитетации особый ореол святости. Белый цвет, репрезентируя концептуальную сферу добра, олицетворяет божественную защиту целого народа: «Только нашей земли не разделит / На потеху себе супостат: / Богородица белый расстелет / Над скорбями великими плат» [1, с. 96, «Июль 1914»]. Божественный свет в восприятии поэта – это белый цвет: «И ходит на кладбище в поминальный день / И смотреть на белую Божию сирень...» [1, с. 118, «Лучше б мне частушки задорно выкликать...»]; «Но если белым солнцем рая / В лесу осветится тропа...» [1, с. 135, «О нет, я не тебя любила...»]; «На пороге белом рая, / Оглянувшись, крикнул: «жду!»... [1, с. 168, «На пороге белом рая...»]; «Там белые церкви и звонкий, светящийся лёд / Там милого сына цветут васильковые очи...» [1, с. 144, «Бежецк»].

Традиционная символическая корреляция белый / чёрный соотносится с эквивалентными в семантическом плане парами светлый / тёмный. Интересно, что в контексте одного стихотворения автором могут использоваться все элементы данного эпитетного комплекса чёрный – светлый – белый – тёмный:

«Где, высокая, твой цыганёнок,
Тот, что плакал под чёрным платком,
Где твой маленький первый ребёнок,
Что ты знаешь, что помнишь о нём?»

«Доля матери – светлая пытка,
Я достойна её не была.

В белый рай растворилась калитка,
Магдалина сыночка взяла.

Каждый день мой – весёлый, хоро-
ший,

Заблудилась я в длинной весне,
Только руки тоскуют по ноше,
Только плач его слышу во сне.

Станет сердце тревожным и том-
ным,

И не помню тогда ничего,
Всё брожу я по комнатам **тёмным**,
Всё ищу колыбельку его»

[1, с. 99, «Где, высокая, твой цыганё-
нок»].

Контрарные корреляты, находясь в градуальной зависимости, как бы «связывают» текст стихотворения в единое цветоцветовое семантическое пространство.

Драматизм ситуации, трагическое мироощущение поэта находят свою реализацию в колоративах, семантическая наполненность которых связана с отражением субъективного авторского восприятия действительности. В рамках конкретной контекстной реализации предикат *белый* приобретает новое коннотативное звучание, иногда отличное от узуальных, что позволяет ему одновременно участвовать в репрезентации противоположных полюсов концептуальной оппозиции *добро – зло*.

Например, в соответствии с русскими традициями в художественном пространстве А.А. Ахматовой белый цвет символизирует невинность, чистоту помыслов, духовное совершенство: «Молния блеснула, точно спичка, / И на тусклом небе умерла. / В **белом** платье ласковая птичка / На кровати у меня спала...» [2, с. 8, «По

полу лучи луны разлились...»]; «В **белом** поле я тихую девушкой стала, / Птичьим голосом кличу любовь...» [2, с. 22, «Ты поверь, не змеиное острое жало...»]. Но белый цвет становится и цветом греховных искушений: «То дьявольские сети, / Нечистая тоска, / **Белей всего на свете была её рука**» [1, с. 52, «Горят твои ладони...»]. «Весь согнулся и голос глуше, / **Белых рук** движенья верней... / Ах! Когда-нибудь он задушит, / Задушит меня во сне» [1, с. 30, «Не убил, не проклял, не предал...»]. Созвучно народным мифологическим традициям в стихах А.А. Ахматовой *белыми* являются в наш мир и призраки из мира потустороннего: «Всё тихо, лишь **тени белые** / В чужих зеркалах плывут...» [1, с. 205, «Уж я ль не знала бессонницы...»]; «Это в каждый двор по привиденью / **Белому** и лёгкому вошло...» [1, с. 220, «Ташкент зацветает»].

Белый цвет у А.А. Ахматовой – это и цвет смерти. В стихотворении «Чем хуже этот век предшествующих?..» автор называет саму смерть субстантиватом *белая*: *А здесь уж белая дома крестами метит / И кличет воронов, и вороны летят*. В стихотворении «В последний год, когда столица наша...» смерть является той, «что в дома всегда без спроса входит / И **белым** закрывает зеркала» [2, с. 32]. При этом было бы неверным отнести предикат *белый* в «концептуальную зону зла». Транслируя одновременно пейоративную и мелиоративную оценку в сочетании с субстантивом *смерть*, он находится в зоне концептуального пересечения. Смерть в значении ‘освобождение’, номинируя переход в более высокие сферы бытия, вполне естественно вступает в синтагматические связи с

прилагательным *белый* и его дериватами: «Я *гощу у смерти белой* / По дороге в тьму. / Зла, мой ласковый не делай / В мире никому...» [1, с. 88, «Как невеста получаю...»]; «Иль того не видишь у своих колен, / Кто для *белой смерти* твой покинул плен?» [1, с. 58, «Голос памяти»]. Для Ахматовой, человека истинно верующего, смерть – не зло, а переход в иное состояние, как в природе белый цвет – цвет перехода к зимнему времени, хоть и печальному: «И одна в дому оледенелом, / *Белая лежишь в сиянье белом...*» [1, с. 145, «Другой голос»]; «Я не хочу ни горечи, ни мщенья, / Пускай *умру с последней белой вьюгой...*» [1, с. 29, «Высоко в небе облачко серело»]. Белый цвет становится не только ключевым элементом символического образа «перехода» в иную жизнь, «ту», «загробную», но и знаком преображения, обновления, начала жизненного этапа в «этой», земной жизни: *Дни томлений острых прожиты вместе с белою зимой...*» [1, с. 29, «Сердце к сердцу не приковано...»].

Многофункциональный колоратив *белый*, кроме актуализации метафорического содержания, в языке поэзии А.А. Ахматовой, как мы уже говорили, номинирует эмоциональные переживания лирической героини. Так, *белый* – это и цвет воспоминаний: «Как *белый камень* в глубине колодца, / Лежит во мне одно воспоминанье. Я не могу и не хочу бороться: / Оно – *веселье, и оно – страданье...*» [1, с. 116, «Как белый камень в глубине колодца»]. «Вокруг единиц, номинирующих основные эмоциональные состояния,

и создаётся широкое поле сложных, порой переходных переживаний, их вербализация сопровождается определяющими идентификаторами...» [5, с. 142]. Острый психологизм передаётся с помощью контрадикторных коррелятов *веселье – страданье*. Данный пример эксплицирует лиминальный (т. е. совмещающий в себе признаки обоих полюсов оппозиции) характер метафоры «*белый камень*»: и веселье, и страданье. В ореоле синтагмы наблюдаем семантическое «подкрепление», которое подчёркивает оксюморонную природу содержания: *дивные печали*. Вербализованные, как бы «озвученные» автором, крайние полюса чувств, эмоциональных состояний, не только присутствуют в одном контексте, они сами создают новое семантическое пространство, являющее собой зону пересечения концептов-оппозитов *добро–зло*.

Проанализированный нами иллюстративный материал, извлечённый из лирических произведений А.А. Ахматовой, доказывает, что поэтическая картина мира поэта сложна, многогранна. Концептуализация базовых понятий в ней представлена самыми разнообразными средствами. Колоратив *белый* в сочетании с объектами эпитетации становится не только реализатором авторского замысла, не только яркой приметой идиостиля поэта, но и осуществляет сложнейшую взаимосвязь противоположных философских начал, приближая человека к разгадке «вечных тайн».

ЛИТЕРАТУРА:

1. Ахматова А.А. Сочинения в 2-х т., Т. 1. / Сост. и подгот. текста М.М. Кралина. М.: Правда, 1990. 448 с.

2. Ахматова А.А. Сочинения в 2-х т., Т. 2 / сост. и подгот. текста М.М. Кралина. М.: Правда, 1990. 432 с.
3. Кошубарова Наталья: Семантика цвета. [Электронный ресурс] // URL: <http://dr-slabinsky.livejournal.com/840318.htm> (дата обращения: 23.08.2016).
4. Кириллина Н.В. К вопросу об энантиоморфизме как сущностном качестве концептуальных оппозиций // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2016. № 4. С. 32–41.
5. Фадеева Т.М. Сложный эпитет в художественном пространстве русского языка: монография. М.: ИИУ МГОУ, 2014. 350 с.
6. Шипицына Г.М. О денотативном значении имён прилагательных // Русский язык в славянской межкультурной коммуникации: история и современность: сборник научных трудов. Вып. III. М.: ИИУ МГОУ, 2015. С. 354–358.

REFERENCES

1. Akhmatova A.A. Sochineniya v 2-kh t., T. 1. [Works in 2 vol-s, Vol. 1.]. M., Pravda, 1990. 448 p.
2. Akhmatova A.A. Sochineniya v 2-kh t., T. 2. [Works in 2 vol-s, Vol. 2.]. M., Pravda, 1990. 432 p.
3. Koshubarova N. Semantika tsveta [Elektronnyi resurs] [Semantics of color [E-source]]. URL: <http://dr-slabinsky.livejournal.com/840318.htm> (request date 23.08.2016)
4. Kirillina N.V. K voprosu ob enantiomorfizme kak sushchnostnom kachestve kontseptual'nykh oppozitsii [To the question about enantiomorphism as an essential feature of the conceptual oppositions] // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology]. 2016. no. 4. pp. 32–41.
5. Fadeeva T.M. Slozhnyi epitet v khudozhestvennom prostranstve russkogo yazyka: monografiya [Complex epithet in the artistic space of the Russian language: monograph]. M., IIU MGOU, 2014. 350 p.
6. Shipitsyna G.M. O denotativnom znachenii imen prilagatel'nykh [On the denotative meaning of adjectives] // Russkii yazyk v slavyanskoi mezhkul'turnoi kommunikatsii: istoriya i sovremennost': sb. nauch. trudov [Russian language in Slavic intercultural communication: coll. sc. papers]. Iss. III. M.: IIU MGOU, 2015. pp. 354–358.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кириллина Надежда Викторовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры славянской филологии Московского государственного областного университета;
e-mail: aliskir@mail.ru.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nadezhda Kirillina – candidate of Philological Sciences, associate professor at Department of Slavic Philology of Moscow Region State University;
e-mail: aliskir@mail.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Кириллина Н.В. «Белый мир» Анны Ахматовой: особенности реализации семантики прилагательного *белый* в художественном пространстве поэта // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2016. № 5. С. 47-54.

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-5-47-54

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

N. Kirillina. "White World" by Anna Akhmatova: features of realization of the semantics of the adjective in the white space of the poet's art // Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology. 2016. no. 5. pp. 47-54.

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-5-47-54

УДК 811.161.1

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-5-55-62

ИНСТРУКТИВНЫЙ ДИСКУРС В КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Кондрашкина Е. Ю.*Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарёва**430005, г. Саранск, ул. Большевистская, д. 68, Российская Федерация*

Аннотация. В статье поднимается проблема выделения инструктивного дискурса как особого объекта лингвистических исследований. Автор, опираясь на научную базу последних лет, обосновывает необходимость описания явления с позиции коммуникативной ситуации и сопутствующих прагматических факторов, даёт определение понятию, выделяет основные компоненты инструктивного дискурса и делает вывод о перспективах исследования дискурса. Результаты работы могут быть использованы для практических и теоретических исследований дискурса.

Ключевые слова: инструктивный дискурс, коммуникативная ситуация инструктирования, адресат, адресант, гипертекст

INSTRUCTIVE DISCOURSE FROM A POSITION OF COMMUNACATIVE AND PRAGMATIC APPROACH

E. Kondrashkina*Ogarev National Research Mordovia State University**68, Bolshevistskaya st., Saransk, Russian Federation, 430005*

Abstract. The article is devoted to the problem of instructive discourse from communicative and pragmatic position. The author supposes that the facts of some recent research allow to determine instructive discourse as a particular object of linguistic study, describes the main essential contents of discourse and makes a conclusion about aspect of further scientific research. The results of the article can be used in theoretical and practical discourse study.

Keywords: instructive discourse, instructing communicative situation, addresser, addressee, hypertext.

Одним из ключевых понятий современной науки, связанных с повседневной речевой деятельностью носителей языка, является понятие дискурса. Будучи объектом многочисленных исследований, феномен дискурса не утратил своей актуальности, однако новые концепции нередко усиливают степень расхождения между уже сложившимися подходами к его характеристике. На настоящий момент нет устоявшегося определения дискурса, окончательно не сформулированы признаки, по которым можно выделить новый тип дискурса, не выявлены

дискурсообразующие факторы. Сопоставление дискурса и текста, речи, высказывания, предложения не вносит чёткости в определение границ данного явления.

Исследованию дискурса посвящены труды Т.А. ван Дейка, В.З. Демьянкова, В.И. Карасика, А.А. Кибрика, В.В. Красных, Е.С. Кубряковой, М.Л. Макарова, Н.И. Формановской, О.С. Иссерс, О.Г. Ревзиной, Е.И. Шейгал и др., в которых дан подробный анализ основных подходов к проблеме дискурса. Отметим, что выделяется два основных понятия дискурса: дискурс как текст, актуализируемый в определённых условиях, и дискурс как дискурсивная практика.

Понимая дискурсивную практику как «особый вид социальных практик, основным способом реализации которых выступает текст» [5, с. 3], обратим внимание на то, что, как правило, два этих аспекта и фиксируют определения дискурса. С одной стороны, это «конкретное коммуникативное событие, фиксируемое в письменных текстах и устной речи, осуществляемое в определённом когнитивно и типологически обусловленном коммуникативном пространстве»; с другой – «совокупность тематически соотнесённых текстов» [11, с. 14-16].

Исходя из вышесказанного, дискурс представляет собой одновременно и коммуникативный процесс, и результат, фиксированный в текстовой форме. Коммуникативный процесс «запускает» коммуникативная ситуация – «сочетание внешних и внутренних условий и обстоятельств, в которых протекает речевое общение, положение дел, сопровождающее коммуникацию» [4, с. 252]. Коммуни-

кативная ситуация репрезентирует социальные, психологически и культурно значимые условия общения: сферу общения, хронотоп, социальные статусы и социальные роли коммуникантов, интенции, форму, тему, код сообщения и канал связи, причём указанные факторы влияют на отбор языковых средств.

Такой подход к пониманию дискурса позволяет говорить о существовании инструктивного дискурса. Однако этот вопрос является обсуждаемым, поскольку сама инструкция как тип текста не имеет чёткого определения, размыты её жанрообразующие признаки, отсутствует единая классификация инструктивных текстов, детально не описаны возможности их функционирования. При описании инструкции большинство авторов научных публикаций исходят из того, что инструкция – это текст, служащий средством коммуникации между адресатом и отправителем, с присущим набором грамматических форм. Однако подобный подход нельзя считать в полной мере продуктивным, поскольку он не отражает всей совокупности коммуникативно-прагматических факторов, влияющих на формирование инструкции. Это возможно при дискурсивном подходе к исследованию, о чём свидетельствуют исследования Е.Ю. Мошанской, А.С. Киндеркнехт, Л.Н. Носовой, Л.О. Бутраковой, Е.Н. Гуц, в которых инструкция понимается как особый тип текста, входящий в тот или иной вид институционального дискурса: директивного дискурса [8], фармацевтического дискурса [9], официально-делового дискурса [3]. И.Д. Агамалиева изучает инструкцию как речевой акт инструктивной дис-

курсии [1]. О существовании дискурса инструкций пишет С.А. Канащук [6].

Полагаем целесообразным исходить из того, что инструктивный дискурс – процесс написания инструкции и результат, заключающийся не только в создании текста *как свода правил*, но и в *предполагаемой* обратной реакции адресата, выраженной соответствующими *ожидаемыми* действиями.

Возникновение инструктивного дискурса обусловлено реакциями адресата и адресанта на возникновение проблемной ситуации инструктирования. Инструктировать – значит давать инструкции, руководящие указания [2, с. 302], т. е. создаётся коммуникативная ситуация, которая отражает процесс передачи сообщения, содержащего информацию относительно порядка совершения действий, от адресанта к адресату с последующим выполнением указанных действий-инструкций.

К проблеме специфики отношений между адресантом и адресатом инструкции обращается Т.Ю. Чабан, указывая на существование двух видов императивных речевых жанров инструкции: первичного и вторичного [10, с. 213-214]. Так, согласно Т.Ю. Чабан, вторичный императивный речевой жанр распространён в сфере делового общения. Автор часто безличен, он в стандартизированной и категоричной форме сообщает правила осуществления какого-либо действия с целью каузировать поведение адресата, причём адресат – как правило обобщённый субъект – заинтересован в исполнении предписываемых действий, поскольку их нарушение приводит к негативным последствиям для последнего. Ожидаемой ответной реакцией являются действия адресата в полном

соответствии с указаниями. Неравенство коммуникантов обусловлено различием в их компетентности.

Подобная пресуппозиция характерна для разных видов инструкций, в частности, для косметических, медицинских, технических инструкций, которые являются объектом данного исследования. Так, при использовании косметических и медицинских препаратов, технических устройств адресат настроен на получение сведений о порядке совершения действий. У него формируется коммуникативная установка не только на принятие инструкции, но и на чёткое следование указаниям. Специфика ситуации инструктирования заключается в том, что адресат вправе не выполнять предписания, тем более, что опосредованная коммуникация не предполагает «санкций» инструктирующей стороны. Однако несоблюдение инструкции по медицинскому применению препарата или косметического средства, по эксплуатации технических приборов может нанести вред здоровью, а также привести к последующему материальному ущербу, то есть к негативным последствиям для адресата.

Адресат может выступать в двух ипостасях: как конкретный субъект и как обобщённый субъект. С позиции потребителя он выступает как конкретный субъект коммуникации, столкнувшийся с проблемой использования товара – косметического средства, лекарства или технического прибора. Помимо описанных выше коммуникативных установок могут появляться новые в зависимости от психофизиологических качеств участника коммуникативной ситуации; гендерная социальная дифференциация

не будет иметь решающего значения. Исключение составит потребитель, являющийся профессионалом в той или иной сфере деятельности, поскольку меняется его настроенность на восприятие инструкции: инструкция для такого адресата также является средством получения сведений, однако эти сведения – не только способ организации действий, но и способ обогащения и проверки опыта.

С позиции адресанта адресат мыслится как обобщённый субъект коммуникации, установки которого могут незначительно варьироваться. Подобная позиция предопределяет интенции адресанта. Адресант предстаёт обобщённым субъектом, группой экспертов-производителей в определённой области. Как производитель, он заботится о том, чтобы потребитель правильно использовал приобретённый товар, поэтому в процессе создания инструкции он учитывает установки адресата. Его задача состоит в том, чтобы максимально доступно, подробно, непротиворечиво в стандартизированной общепринятой форме сообщить адресату о порядке осуществления действий. При создании инструкции адресант отвечает на интересующие адресата вопросы: 1) какой объект используется; 2) по отношению к чему его нужно использовать (решению какой проблемы должно способствовать применение); 3) как использовать (какое действие нужно произвести, чтобы объект применялся наиболее эффективно); 4) каким образом (как производить это действие); 5) когда (в какое время оно будет эффективнее / в течение какого времени); 6) при каких дополнительных обстоя-

тельствах [7, с. 87]. Благополучное или неблагоприятное разрешение ситуации инструктирования – процесс взаимообусловленный. Ошибка в составлении инструкции влечёт за собой ошибку в действиях потребителя; неудачное использование техники или применение препарата снижает доверие к производителю и, как следствие, приводит к нежеланию потребителя в дальнейшем приобретать данный товар.

Для характеристики ситуации инструктирования, являющейся основой инструктивного дискурса, недостаточно описания только интенций и статуса коммуникантов. Важное значение приобретает сфера применения. При составлении инструкции к косметическим средствам необходимо установить, каким образом нужно применять средство для наибольшей эффективности. В инструкциях к медикаментам требуется подробное описание схемы применения, дифференцированной в зависимости от возрастных особенностей, протекания заболевания, сопутствующих симптомов. Для технических инструкций важно развёрнутое, но в то же время чётко структурированное указание на последовательность действий при эксплуатации приборов, причём большое значение имеет описание этапа установки или сборки. Тематическое разнообразие инструкций оказывает влияние на терминированность инструктивного дискурса, поскольку, например, без включения терминов в структуру технического текста невозможна его адекватная репрезентация.

Инструктивный текст предполагает наличие вербального и графического

кодов. Включение иконических значков и картинок в текстовую ткань позволяет в более наглядном виде представить описываемое явление. Однако следует упомянуть, что вербальные и невербальные элементы не всегда образуют визуальное, структурное, смысловое и функциональное целое и вступают в отношения взаимного дополнения. Кроме того, высокая степень креолизации характерна только для технических инструкций по причине специфики сферы применения.

Инструктивный дискурс может быть оформлен не только в виде текста, но и гипертекста. С развитием информационных технологий инструкции выкладываются в интернет для удобства потребителей. Электронная форма включает ссылки на другие части документа, которые, как правило, помогают правильной интерпретации инструкции, например, в схеме применения медикаментов даются ссылки на описание заболевания.

Из всего сказанного можно заключить, что в инструктивном дискурсе адресат и адресант выступают в строго установленных ролях потребителя и коллектива производителей, что предопределяется в том числе их дистантным местоположением относительно друг друга. Их статусы неравноправны. Статус адресанта-производителя выше статуса адресата-потребителя, поскольку первый является носителем специализированной экспертной информации в определённой области. Данная информация остаётся актуальной до момента разрешения коммуникативной ситуации инструктирования и позволяет адресанту регулировать действия адресата, при этом не вме-

шиваясь в ход событий. Ошибка одного коммуниканта оборачивается негативными последствиями для обеих сторон. В связи с тем что коммуниканты, действуя в своих интересах, изначально позитивно настроены на разрешение коммуникативной ситуации, в смысловом отношении инструктивный дискурс лишён императивности; синкретизм информативности и прескриптивности отражает готовность участников коммуникации интерпретировать установки оппонента и согласие действовать в соответствии с интенциональными замыслами, которые чаще оформлены предложениями с императивом, инфинитивом, модальными конструкциями. Форма инструктивного дискурса и средства её выражения предопределяются всей совокупностью коммуникативно-прагматических факторов.

Исследование инструктивного дискурса связано с решением ряда проблем: необходимо дать ответы на вопросы, связанные с построением коммуникативной модели взаимодействия между адресатом и адресантом с учётом электронной формы инструкции; определением степени креолизации инструктивного текста, включённостью инструкций в другие типы дискурсов. Инструктивный дискурс возникает как реакция на проблемную ситуацию инструктирования, однако не следует интерпретировать его как простое сочетание коммуникативной ситуации и текста, поскольку механизм трансформации компонентов дискурса в категории текста и гипертекста носит более сложный характер, что требует дальнейшего научного освидетельствования.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Агамалиева И.Д. Функционально-семантическое описание коммуникативных актов инструктивной дискурсии: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Ульяновск, 2002. 20 с.
2. Большой академический словарь русского языка: в 30 т. Т. 7. И-Каюр. СПб.: Наука, 2007. 728 с.
3. Бутракова Л.О., Гуц Е.Н. Официально-деловой дискурс: психолингвистическое исследование восприятия инструктивного документа методом «встречного текста» // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Филология. Искусствоведение. 2013. Вып. 86. № 37. С. 22-25.
4. Иванов Л.Ю. Коммуникативная ситуация // Культура русской речи: энциклопедический словарь-справочник. М.: Флинта Наука, 2003. С. 252-253.
5. Ипатова Н.А. Дискурсивные практики в формировании профессиональных сообществ: автореф. дисс. ...канд. социол. наук. СПб., 2009. 23 с.
6. Канащук С.А. Структурные, стилистические и коммуникативные особенности традиционных текстов дискурса инструкций // Вестник Томского государственного университета. Серия: Языкознание. 2011. № 344. С. 18-21.
7. Кондрашкина Е.Ю. Прагмалингвистическая характеристика инструкции на материале русского и сербского языков // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 9. Ч. 1. С. 85-91.
8. Мощанская Е.Ю., Киндеркнехт А.С. Инструкция по эксплуатации как жанр директивного дискурса: предпереводческий анализ // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 7. Ч. 1. С. 134-137.
9. Носова Л.Н. Особенности адресации в письменном фармацевтическом дискурсе // Историческая и социально-образовательная мысль. 2013. № 3. С. 158-160.
10. Чабан Т.Ю. Инструкция // Культура русской речи: энциклопедический словарь-справочник. М.: Флинта Наука, 2003. С. 213-214.
11. Чернявская В.Е. Дискурс как объект лингвистических исследований // Текст и дискурс. Проблемы экономического дискурса: сборник научных трудов Санкт-Петербургский государственный университет экономики и финансов. СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2001. С. 11-22.

REFERENCES

1. Agamaliev I.D. Funktsional'no-semanticheskoe opisanie kommunikativnykh aktov instruktivnoi diskursii: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk [The functional-semantic description of communicative acts of instructive discourse: abstr. from candidate of Philological Sciences thesis]. Ulyanovsk, 2002. 20 p.
2. Bol'shoi akademicheskii slovar' russkogo yazyka: v 30 t. T. 7. I-Kayur [The great academic dictionary of the Russian language: in 30 vols. Vol. 7. I-Kaur]. SPb., Nauka, 2007. 728 p.
3. Butrakova L.O., Guts E.N. Ofitsial'no-delovoi diskurs: psikholingvisticheskoe issledovanie vospriyatiya instruktivnogo dokumenta metodom «vstrechnogo teksta» [Official-business discourse: psycholinguistic studies on the perception of the instructive document with the help of the method of "counter-text"] // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya. Iskustvovedenie [Bulletin of Chelyabinsk State University. Series: Philology. Arts]. 2013. Iss. 86. no. 37. pp. 22-25.
4. Ivanov L.YU. Kommunikativnaya situatsiya [Communicative situation] // Kul'tura russkoi rechi: entsiklopedicheskii slovar'-spravochnik [Culture of Russian speech: encyclopedic dictionary]. M., Flinta: Nauka, 2003. pp. 252-253.

5. Ipatova N.A. Diskursivnye praktiki v formirovanii professional'nykh soobshchestv : avtoref. diss. ... kand. sotsiol. nauk [Discursive practices in the formation of professional communities: abstr. from candidate of Sociological Sciences thesis]. SPb., 2009. 23 p.
6. Kanashchuk S.A. Strukturnye, stilisticheskie i kommunikativnye osobennosti traditsionnykh tekstov diskursa instruksii [Structural, stylistic and communicative features of traditional texts of instructive discourse] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Yazykoznanie [Bulletin of Tomsk State University. Series: Linguistics]. 2011. no. 344. pp. 18–21.
7. Kondrashkina E.YU. Pragmalingvisticheskaya kharakteristika instruksii na materiale russkogo i serbskogo yazykov [Pragmalinguistic characteristics of instruction basing on Russian and Serbian languages] // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki [Philological Sciences. Questions of theory and practice]. 2015. no. 9. Part 1. pp. 85–91.
8. Moshchanskaya E.YU. Kinderknekht A.S. Instruksiya po ekspluatatsii kak zhanr direktivnogo diskursa: predperevodcheskii analiz [Instructions as a genre of policy discourse: pre-translation analysis] // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki [Philological Sciences. Questions of theory and practice]. 2013. no. 7. Part 1. pp. 134–137.
9. Nosova L.N. Osobennosti adresatsii v pis'mennom farmatsevticheskom diskurse [Specifics of addressing in the written pharmaceutical discourse] // Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl' [Historical & Social-educative thought]. 2013. no. 3. pp. 158–160.
10. Chaban T.YU. Instruksiya [Instruction] // Kul'tura russkoi rechi: entsiklopedicheskii slovar'-spravochnik [Culture of Russian speech: encyclopedic dictionary]. M., Flinta: Nauka, 2003. pp. 213–214.
11. Chernyavskaya V.E. Diskurs kak ob"ekt lingvisticheskikh issledovaniy [Discourse as object of linguistic research] // Tekst i diskurs. Problemy ekonomicheskogo diskursa: sb. nauch. tr. Sankt-Peterburgskii gosudarstvennyi universitet ekonomiki i finansov [Text and discourse. Problems of economic discourse: collection of scientific works. Saint-Petersburg State University of Finance and Economics]. SPb., Izd-vo SPbGUEF, 2001. pp. 11–22.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кондрашкина Екатерина Юрьевна – соискатель учёной степени кандидата филологических наук кафедры русского языка Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарёва;
e-mail: katarina.uk@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ekaterina Kondrashkina – candidate of Philological Sciences at the Russian Language Department of Ogarev National Research Mordovia State University;
e-mail: katarina.uk@mail.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Кондрашкина Е.Ю. Инструктивный дискурс в коммуникативно-прагматическом аспекте // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2016. № 5 . С. 55-62.
DOI: 10.18384/2310-7278-2016-5-55-62

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

E. Kondrashkina. Instructive discourse from a position of communicative and pragmatic approach // Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology. 2016. no. 5. pp. 55-62.

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-5-55-62

УДК 811.161.1

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-5-63-70

АНТРОПОНИМЫ С ПОЛОЖИТЕЛЬНЫМ ЭМОЦИОНАЛЬНО-ОЦЕНОЧНЫМ ЗНАЧЕНИЕМ В ПРОЗЕ Ю.В. БУЙДЫ

Крылова А.Г.

Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматриваются антропонимы с положительным эмоционально-оценочным значением; исследуется их роль в художественной системе произведений современного прозаика Ю.В. Буйды. Представлена классификация этих имён по характеру частного оценочного значения. Человеческие имена с положительным эмоционально-оценочным значением в прозе Ю.В. Буйды не только используются для отображения отношения персонажей друг к другу, но и для создания их облика: для описания внешности, характера, поведения. Такая особенность имён собственных в прозе Ю.В. Буйды является отличительной чертой ряда произведений писателя.

Ключевые слова: антропонимы, эмоциональность, общая оценка, частная оценка, идиостиль.

ANTHROPONYMS WITH POSITIVE EMOTIONAL AND EVALUATIVE MEANING IN Y. BUYDA'S NOVELS

A. Krylov

Moscow State Region University
10A Radio St., Moscow, Russian Federation, 105005

Abstract. In the article, antroponyms with positive emotional and evaluative meaning in Yuriy Buyda's novels are introduced; their role in the novels by the writer is revealed. The classification of the onyms by features on the particular estimated component is introduced. The additional emotional shades of the meanings of the antroponyms and the components of their particular meaning are revealed. The antroponyms with positive emotional and evaluative meaning in Buyda's novels are used to display the characters' relationship to each other, and to describe their appearance, their behavior, their temper. This feature of the antroponyms Buyda's novels is the hallmark of number of his works.

Keywords: antroponyms, emotionality, common meaning, particular meaning, idiostyle.

Изучение семантико-стилистических возможностей литературного имени собственного, в частности его оценочности и эмоциональности, является одной из актуальных проблем литературной ономастики. Эта проблема отражена в работах В.Н. Михайлова, М.В. Горбаневского, М.В. Соколовой и др. Несмотря на её актуальность, эмоционально-оценочные возможности онимов, функциони-

рующих в текстах некоторых современных писателей, в особенности в текстах произведений Ю.В. Буйды, остаются малоизученными.

Задачи настоящей статьи заключаются в рассмотрении антропонимов с положительным эмоционально-оценочным значением в художественных текстах Ю.В. Буйды; в исследовании роли человеческих имён в художественной системе писателя; в выявлении способов проявления эмоциональных и оценочных компонентов в структуре значения онима.

Слова с эмоционально-оценочным значением, наряду с экспрессивными и образными словами, являются одним из важных стилистических ресурсов лексики, участвующих в создании выразительности речи / текста. Характер оценочного компонента у таких слов различен. Он может быть как общим, представлять собой совокупность положительных и отрицательных частных оценочных значений, так и частным, и представлять собой «оценку одному из аспектов объекта с определённой точки зрения» [10, с. 198].

Н.Д. Арутюнова и Е.М. Вольф дифференцируют частные оценки: сенсорные, сублимированные и рационалистические. Сенсорные частные оценочные значения связаны с эмоциональным, интеллектуальным или чувственным опытом субъекта оценки. Они подразделяются на категории гедонистической (*вкусный–невкусный*) и психологической оценки (*интересный–неинтересный, приятный–неприятный*). Сублимированные частные оценочные значения связаны с этическим и эстетическим отношением субъекта к объекту оценки. Они подразделяются на категории этической

(*моральный–аморальный*) и эстетической оценки (*красивый–некрасивый*). Рационалистические частные оценочные значения связаны с практической пользой для субъекта оценки. Они подразделяются на категории утилитарной (*полезный–вредный*), нормативной (*нормальный–ненормальный*) и телеологической оценки (*удачный–неудачный*) [10, с. 199-200; 11, с. 27].

Эмоционально-оценочное значение слова, в частности имени собственного, выражается следующими способами: его переносным употреблением, специфическим ударением, суффиксами субъективной оценки и т. д. Важным фактором проявления эмоциональности и оценочности слова является контекст. В прозе Ю.В. Буйды большая роль в создании выразительности произведений отведена антропонимам с эмоционально-оценочным значением.

По характеру общего оценочного компонента человеческие имена делятся на две больших группы: на онимы с положительной оценкой и на имена собственные с отрицательной оценкой [14, с. 467]. В настоящей статье будут рассмотрены только имена собственные с положительным общим оценочным компонентом.

В произведениях Ю.В. Буйды эмоционально-оценочное значение онимов выражается не только суффиксами субъективной оценки, контекстом, переносным употреблением слова, но и рядом других способов, которые будут рассмотрены в настоящей статье.

Антропонимы с положительным общим оценочным компонентом обладают определёнными эмоциональными оттенками и включают человеческие имена с сенсорными и

сублимированными частными оценочными значениями.

Так, антропонимы с эмоциональными оттенками ласки, нежности, теплоты и дружелюбия представляют собой группу человеческих имён с сенсорными частными оценочными значениями.

К этой группе относятся антропонимы с суффиксами субъективной оценки -очк- (*Леночка*); -еньк- (*Катенька*); -ас', -ик- (*Колясик*); -уш- (*Илюша*); -ш- (*Николаша*) и др. В этих антропонимах эмоциональный оттенок и компонент частного оценочного значения – психологическая оценка – создаются не только за счёт суффиксов, но и за счёт контекста. Например, у антропонима *Катенька* в контексте *Дорогая – самая дорогая – моя Катенька!* [6, с. 319] психологическая оценка проявляется в формах положительной и превосходной степеней сравнения имени прилагательного: *дорогая, самая дорогая*.

Антропоним *Колясик* в контексте, помимо перечисленных эмоциональных оттенков и психологической оценки, приобретает ещё и эмоциональный оттенок шутливости: *Уповаю на милость Божию и вашу любовь, остаюсь преданный вам ... ваш смешной Колясик* [6, с. 319]. Эти особенности оценочного значения имени собственного отражены в словосочетании *ваш смешной*.

К именам собственным с сенсорным частным оценочным значением относятся антропонимы-сокращённые варианты личных имён. Таковым является имя *Сеня* – сокращение имени *Ксения*. Эмоциональный оттенок и психологическая оценка этого антропонима проявляются в контексте. Здесь же указано отношение именуе-

щего к носителю имени. *Её звали Ксенией – я называл её Сеней, и ей это нравилось.... Я упивался ею, а ей – ей хотелось нравиться мне* [1, с. 212].

К этой же группе относятся антропонимы, основанные на ассоциации с несколькими словами: *Мыня*, *Лилая Фимочка* и т. д. Имя собственное *Мыня* вызывает ассоциации с онимом *Миня* и словом *мышонок*. Антропоним *Лилая Фимочка* вызывает ассоциации со словами *милая*, *лиловая*. Эмоциональные оттенки и психологическая оценка этих онимов создаются за счёт контекста, в нём показано и отношение именуемых к персонажам: *Ей [Ванде Банде] хотелось поведать Мыне о своих чувствах, и она не раз пыталась сделать это, однако ей не давалась даже простейшая фраза – «Я тебя люблю»; ...она [Лилая Фимочка] и была скорее божественно лилой, чем по-человечески милой* [6, с. 91; 3, с. 271].

В группу антропонимов с сенсорными частными оценочными значениями входят фонетически необычные для русского языка человеческие имена. Этим именам собственным свойственна психологическая оценка. К антропонимам подобного рода относится нехарактерное для русского языка имя собственное *Жозефина*, а также фонетически необычный антропоним *Гальперия*. Эмоциональные оттенки ласки, дружелюбия, нежности и теплоты, а также компонент частного оценочного значения – психологическая оценка – выражены через отношение к именуемым персонажам субъекта оценки. Таковым является герой повести «Закон Жунглей» Штоп, любящий необычные слова и названия. Штоп считает имена *Гальперия* и *Жозефина* красивыми, с их помощью герой выражает свою при-

вязанность к объектам номинации – к его жене и любовнице.

Антропонимы с эмоциональными оттенками восхищения, восторга включают группу человеческих имён с сенсорными и сублимированными частными оценочными значениями.

В группу антропонимов с сублимированными частными оценочными компонентами входят имена собственные, образованные в результате их переносного употребления: *Пенелопа, Афродита, Гера, Артемида, Венера* и т. д. У имён собственных подобного рода эмоциональные оттенки проявляются в контексте. Для этих антропонимов контекст также становится источником различных компонентов частных оценочных значений. Так, у антропонимов *Афродита, Гера, Артемида, Венера* в контексте проявляется компонент эстетической оценки: *В детстве она [мать] мне казалась настоящей богиней... Афродитой, Герой, Артемидой, Венерой... неземная женщина... дивный, божественный мрамор... белый, холодный, прекрасный...* [4, с. 34]

У антропонима *Пенелопа* в контексте проявляется компонент этической оценки: *Пока я даже приблизительно не представляю себе, как достойно запечатлеть в нескольких строках наше представление о её [Буянихи] жизни: сирота, партизанка, труженица, Пенелопа, знахарка ... словом, женщина, пытавшаяся исчерпать все возможные варианты бытия...* [6, с. 125]

К этой же группе относится имя собственное, в состав которого входит слово с положительной коннотацией, – *Красавица Му*. Это имя обладает компонентом эстетической оценки, который проявляется в контексте: *С*

сонным безразличием улыбалась она [Красавица Му] мужчинам, пожиравшим взглядами её млечную полноту, и с сонным же безразличием отвергала их домогательства [6, с. 83].

В группу онимов с сенсорными оценочными значениями входит имя собственное *Исчадие Ада*, приобретающее положительное оценочное значение только в контексте: *...жаркая, необъятная, душевная...* Выделенные слова указывают на наличие у этого антропонима компонента гедонистической (*жаркая*) и психологической (*душевная*) оценки.

Антропонимы *Князь* и *Снежный король*, образованные в результате переносного употребления значения слова, в контексте обладают как сублимированными, так и сенсорными частными оценочными значениями: *Митенька Подлупаев был сражён наповал, как только увидел Андрея Ивановича-Ивинского, которого сразу же прозвали Князем. Золотые кудри до плеч, голубые глаза, прямая спина и в довершение всего – двойная фамилия!* [4, с. 264] Сенсорное частное оценочное значение и психологическая оценка выражены в словах: *сражён наповал*, а также в последнем восклицательном предложении. Сублимированное частное оценочное значение и эстетическая оценка проявляются в описании внешности персонажа.

У антропонима *Снежный король* частные оценочные компоненты зависят от субъекта оценки, что также показано в контексте: *«Я, конечно, не... – сказал Вася, – но такого красивого мужика я не встречал ни разу в жизни». Человек из другого мира. Из мира, где даже не догадывались о существовании жареной кильки по восемьдесят копеек*

за кило. **Рослый, широкоплечий, хорошо одетый. От него веяло холодом** [6, с. 660-661].

Прозвище *Снежный король* обладает как сублимированным, так и сенсорным частным оценочным значением. Сублимированное значение и эстетическая оценка проявляются в словах, описывающих внешность носителя имени собственного. Сенсорное значение проявляется в следующем предложении: *От него веяло холодом.*

Антропонимы с эмоциональными оттенками иронии, шутливости, дружелюбия включают человеческие имена с сенсорными частными оценочными значениями: *Мартышка, Какаб.*

У антропонима *Мартышка*, образованного в результате переносного употребления значения слова, общая и частная оценки проявляются в контексте: *А вот третьей жене – звали её Мартышкой – удалось то, что не удавалось никому: она изменила жизнь Лерика и при этом умудрилась понравиться Тати и Нинон. Рыжеволосая, курносая, конопатая и зеленоглазая, Мартышка с утра до вечера напевала, подметала, стирала, помогала Нинон стряпать, тормошила Лерика, играла в карты с Тати, бежала наперегонки с псами, возилась в цветах, стреляла из лука, играла в бадминтон* [9, с. 85-86]. Здесь сенсорное частное оценочное значение и психологическая оценка проявляются в словосочетании, обозначающем отношение именующих субъектов к персонажу: *умудрилась понравиться*. Такое оценочное значение присутствует и в мотивированности антропонима, которая раскрывается в акциональных глаголах (*напевала, подметала, стирала, тормошила, стреляла* и т. д.) и в

прилагательных (*рыжеволосая, курносая, конопатая, зеленоглазая*).

У антропонима *Какаб*, образованного, эмоциональные оттенки шутливости, дружелюбия, а также значение психологической оценки проявляются в контексте: *От второго брака у неё [у Кубы] была дочка Верочка, которую я прозвал Какао – она так забавно произносила это слово, ставя ударение на последнем слоге...* [8, с. 60].

Как видно из примеров, рассмотренных в этой статье, нередко имена собственные приобретают положительную оценку и ряд эмоциональных оттенков в контексте.

Положительным эмоционально-оценочным значением в текстах произведений Ю.В. Буйды обладают по преимуществу имена собственные, образованные суффиксами субъективной оценки, а также онимы, созданные в результате переносного употребления значения слова.

Антропонимам с положительным эмоционально-оценочным значением свойственны в основном сенсорное и сублимированное частные оценочные значения, а также эмоциональные оттенки ласки, нежности, теплоты, шутливости, дружелюбия, восхищения, восторга.

Все эти имена собственные не только отображают отношение героев произведений Ю.В. Буйды друг к другу, но и показывают облик этих персонажей, отражают необычные качества характера, внешности, поведения того или иного героя. Такая особенность имён собственных в прозе Ю.В. Буйды является отличительной чертой ряда произведений писателя.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:**ИСТОЧНИКИ:**

1. Буйда Ю.В. Вор шпион и убийца: роман. М.: Эксмо, 2014. 316 с.
2. Буйда Ю.В. Дон Домино. М.: Эксмо, 2013. 209 с.
3. Буйда Ю.В. Жунгли: роман. М.: Эксмо, 2013. 441 с.
4. Буйда Ю.В. Львы и лилии. М.: Эксмо, 2013. 443 с.
5. Буйда Ю.В. Послание госпоже моей левой руке. М.: Эксмо, 2014. 284 с.
6. Буйда Ю.В. Прусская невеста: роман в рассказах. М.: Эксмо, 2015. 699 с.
7. Буйда Ю.В. Синяя кровь. М.: Эксмо, 2011. 231 с.
8. Буйда Ю.В. Цейлон. М.: Эксмо, 2015. 413 с.
9. Буйда Ю.В. Яд и мёд: повесть и рассказы. М.: Эксмо, 2014. 281 с.

ЛИТЕРАТУРА:

10. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 905 с.
11. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М.: Едиториал УРСС, 2002. 261 с.
12. Горбаневский М.В. Ономастика в художественной литературе: Филологические этюды. М.: Изд-во УДН, 1988. 87 с.
13. Дегтяренко К.А. Языковые приёмы комического в книге рассказов Ю. Буйды «Прусская невеста»: автореф. дисс ... канд. филол. наук. Калининград, 2009. 15 с.
14. Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов. Назрань: ООО «Пилигрим», 2010. 488 с.
15. Кожина М.Н. Стилистический энциклопедический словарь русского языка. М.: Флинта: Наука, 2006. 696 с.
16. Медведева К.М. Семантика эмоционально-экспрессивных суффиксов качественных форм русских антропонимов // Молодой учёный. Филология. 2013. № 7 (54). С. 487-490.
17. Михайлов В.Н. Экспрессивные свойства и функции собственных имён в русском языке // Филологические науки. 1966. № 2. С. 59-64.
18. Новикова Е.И. Эмоционально-оценочная лексика в заонежских говорах (имена прилагательные) [Электронный ресурс]. URL: <http://kizhi.karelia.ru/library/ryabinin-1995/146.html> (дата обращения: 08.04.2016).
19. Соколова М.В. Функционально-стилистическая нагрузка имени собственного в художественном тексте // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Филология. 2011. № 33. С. 182-184.

REFERENCES & SOURCES**SOURCES**

1. Buida YU.V. Vor shpion i ubiitsa: roman [A thief, a spy and assassin: a novel]. M., Eksmo, 2014. 316 p.
2. Buida YU.V. Don Domino [Don Domino]. M., Eksmo, 2013. 209 p.
3. Buida YU.V. ZHungli: roman [Jungle: a novel]. M., Eksmo, 2013. 441 p.
4. Buida YU.V. L'vy i lilii [Lions and lilies]. M., Eksmo, 2013. 443 p.
5. Buida YU.V. Poslanie gospozhe moei levoi ruke [Message to Ms. My left arm]. M., Eksmo, 2014. 284 p.
6. Buida YU.V. Prusskaya nevesta: roman v rasskazakh [The Prussian bride: a novel in stories]. M., Eksmo, 2015. 699 p.
7. Buida YU.V. Sinyaya krov' [Blue blood]. M., Eksmo, 2011. 231 p.
8. Buida YU.V. Tseilon [Ceylon]. M., Eksmo, 2015. 413 p.

9. Buida YU.V. *Yad i med: povest' i rasskazy* [Poison and honey: a novella and stories]. M., Eksmo, 2014. 281 p.

REFERENCES

10. Arutyunova N.D. *Yazyk i mir cheloveka* [The language and the human world]. M., Yazyki russkoi kul'tury, 1999. 905 p.
11. Vol'f E.M. *Funktsional'naya semantika otsenki* [Functional semantics of evaluation]. M., Editorial URSS, 2002. 261 p.
12. Gorbanevskii M.V. *Onomastika v khudozhestvennoi literature: Filologicheskie etyudy* [Onomastics in literature: Linguistic studies]. M., Izd-vo UDN, 1988. 87 p.
13. Degtyarenko K.A. *Yazykovye priemy komicheskogo v knige rasskazov YU. Buidy «Prusskaya nevesta»*: avtoref. dis ... kand. filol. nauk [The linguistic techniques of comic in book stories by Y. Buyda "The Prussian bride": abstr. from candidate of Philological Sciences thesis]. Kaliningrad, 2009. 15 p.
14. Zherebilo T.V. *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms]. Nazran, ООО «Pilgrim», 2010. 488 p.
15. Kozhina M.N. *Stilisticheskii entsiklopedicheskii slovar' russkogo yazyka* [Stylistic encyclopedic dictionary of Russian language]. M., Flinta: Nauka, 2006. 696 p.
16. Medvedeva K.M. *Semantika emotsional'no-ekspressivnykh suffiksov kvalitativnykh form russkikh antroponimov* [Semantics emotional-expressive suffixes of qualitative forms of Russian anthroponyms] // *Molodoi uchenyi* [Young scientist]. Filologiya. 2013. no. 7 (54). pp. 487–490.
17. Mikhailov V.N. *Ekspressivnye svoistva i funktsii sobstvennykh imen v russkom yazyke* [Expressive properties and functions of proper names in the Russian language] // *Filologicheskie nauki* [Philological sciences]. 1966. no. 2. pp. 59–64.
18. Novikova E.I. *Emotsional'no-otsenchnaya leksika v zaonezhskikh govorakh (imena prilagatel'nye)* [Elektronnyi resurs]. [Emotional evaluative vocabulary of dialects in Zaonezhye (the adjectives) [E-source]]. URL: <http://kizhi.karelia.ru/library/ryabinin-1995/146.html> (request date 08.04.2016)
19. Sokolova M.V. *Funktsional'no-stilisticheskaya nagruzka imeni sobstvennogo v khudozhestvennom tekste* [Functional and stylistic load of a proper name in a literary text] // *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya* [Bulletin of Chelyabinsk State University]. 2011. no. 33. pp. 182–184.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Крылова Алёна Геннадьевна – аспирант кафедры современного русского языка Московского государственного областного университета;
e-mail: alena1krylova@rambler.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alena Krylova – postgraduate student of Department of Russian language. Faculty of Russian Philology at Moscow Region State University;
e-mail: alena1krylova@rambler.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Крылова А.Г. Антропонимы с положительным эмоционально-оценочным значением в прозе Ю.В. Буйды // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2016. № 5. С. 63-70.

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-5-63-70

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

A. Krylova. Anthroponyms with positive emotional and evaluative meaning in Yuriy Buyda's novels // Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology. 2016. no. 5. pp. 63-70.

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-5-63-70

УДК 81'373.22

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-5-71-78

ФЛОРИСТИЧЕСКИЕ НАЗВАНИЯ ОВРАЖНО-БАЛОЧНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ ВЕРХНЕГО И СРЕДНЕГО ПОДОНЬЯ

Меркина В.В.*Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина
390000, г. Рязань, ул. Свободы, д. 46*

Аннотация. В статье рассматривается отражение в наименованиях овражно-балочных объектов верхнего и среднего течения Дона лексем, обозначающих наличие или отсутствие флоры на склонах и в русле форм отрицательного рельефа. Приводятся примеры перехода данных апеллятивов в названия овражно-балочных образований. Автор делает вывод о количественном преобладании оронимов отрицательного рельефа, указывающих на наличие растительности на поверхности склонов и в русле оврагов и балок.

Ключевые слова: топонимика, оронимия отрицательного рельефа, номинация, апеллятив, лексема, адъектив.

FLORAL NAMES OF GULLIES OF THE UPPER AND MIDDLE DON

V. Merkina*Yesenin Ryazan state University
46, Svobody str., Ryazan, Russian Federation, 390000*

Abstract. The article deals with the reflection in the names of gully objects of the upper and middle reaches of the River Don of the lexemes denoting the presence or absence of flora on the slopes and in riverbed with the negative landform. The author demonstrates examples of the transition of these place-name elements into the names of gully formations; and comes to the conclusion about the quantitative majority of oronyms of negative landform, that indicates the presence of vegetation on the surface of the slopes and in the bed of ravines and beams.

Keywords: toponyms, oronyms of negative landform, nomination, appellative, token, adjective.

Проблема отражения окружающего мира в наименованиях географических объектов привлекала внимание исследователей с момента становления топонимики как науки и не теряет своей актуальности до настоящего времени. Она затронута в ряде фундаментальных топонимических монографий и сборников [3; 4; 9; 11; 16]. Из публикаций современных авторов следует отметить такие работы, как [2; 6; 15]. Данное исследование призвано обнаружить взаимосвязь названий овражно-балочных объектов верхнего и среднего течения Дона, представленных в труде П.Л. Маштакова «Список рек Донского бассейна» [7], с флористическими апеллятивами, используемыми при номинации объектов отрицательного рельефа указанного региона.

Оронимия отрицательного рельефа верхнего и среднего Подонья характеризуется высокой информативной насыщенностью. Большинство наименований овражно-балочных образований являются описательными, основу номинации которых составляет какой-либо важный для населения характерный признак орообъекта, чаще всего связанный с его физико-географическими особенностями, отношением к другим географическим объектам, той или иной деятельностью людей.

Анализ более двух с половиной тысяч наименований овражно-балочных образований верхнего и среднего Подонья показал, что большинство оронимов отрицательного рельефа указанного региона мотивировано географическими реалиями края. Оронимы отражают все основные географические особенности орообъектов и прилегающей местности. Весьма многочисленны и интересны в данной группе названий оронимы, отражающие местную флору региона. Флористические названия форм отрицательного рельефа верхнего и среднего Подонья несут информацию о наличии или отсутствии растительности на склонах и в русле овражно-балочных образований.

Названия, указывающие на отсутствие флоры на поверхности овражно-балочных образований, были даны соответствующим орообъектам на начальных стадиях их роста. В это время активно происходит эрозия верхнего плодородного слоя почвы и низлежащих (подстилающих) пород. Данный процесс сопровождается подмывом стенок орообъекта потоками ливневых и талых вод, углублением русла. Возникают обвалы и оползни неустой-

чивой осыпи вдоль стенок. Высокая степень активности разрушения почвы и стремительность роста новых форм отрицательного рельефа в верхнем и среднем Подонье определяет наличие большого количества оронимов, указывающих на отсутствие растительности. Такие названия составляют пятую часть всех зарегистрированных в данном регионе наименований флористического характера. Особой частотностью отличается оронимизация адъектива *голый* и однокоренных: отмечено, например, 37 наименований балок *Голая*, 10 оврагов *Голый*, 12 балок *Голенькая*, 8 оврагов *Голенький*.

Признаком 'лишённый растительности, оголённый или бедный растительностью' мотивированы также названия 2 балок *Нагольная* (показательно, что одна из балок расположена рядом с балкой *Голая*), оврага *Нагольный* (прилагательное *нагольный* в говорах донских казаков обозначает 'бедный' [1, с. 299]); метафорически переосмысленные и усложнённые добавочным элементом наименования балки *Трилыся*, оврага *Лысогорский*.

На последней стадии оврагообразования интенсивность водотока в овраге прекращает увеличиваться, обрыв растущей вершины сглаживается, вдоль стен формируется устойчивая осыпь под углом естественного откоса. Возникают благоприятные условия для распространения растительности на дне и откосах. Флора овражно-балочных образований почти всегда бывает богаче растительного покрова прилегающей степи, где те же условия несравнимо однообразнее. Иногда на склонах одного и того же оврага уживаются представители самых разнообразных растительных типов. Там

можно наблюдать виды, совершенно не встречающиеся в данной местности. Собственные имена, полученные овражно-балочными образованиями на этой заключительной стадии развития, часто связаны с характером фауны орообъекта. Особенность наименования оврагов, балок, буераков и других форм отрицательного рельефа заключается в том, что названия образуются преимущественно не от научных, а от народных названий деревьев, кустарников и трав, которые представлены на поверхности орообъектов. В зависимости от значения производящих основ в этой группе наименований можно выделить несколько подгрупп.

Оронимы, указывающие на наличие травянистых растений

Сразу после снижения в овраге скорости дождевых и талых потоков, разрушающих грунт и препятствующих укоренению растений, поверхность объекта сглаживается и постепенно покрывается дёрном. Сплетающиеся корни трав закрепляют стенки и способствуют процессу нивелирования оврага. При наличии благоприятных обстоятельств стебли травянистых растений достигают значительной длины, переплетаются между собой и внешне могут напоминать длинные всклокоченные волосы. Одна из балок исследуемого региона так и называется – *Косматая*.

В зависимости от угла наклона склонов, геологических, климатических и других условий русло овражно-балочного образования могут покрывать различные семейства и виды травянистых растений: ковыль (яр *Ковылий*, балка *Ковыльная*); конопля (балка

Конопляная); хмель (овраги *Хмелевка*, *Хмелевой*, *Хмельный*); чемерица (5 балок *Чемеричная*); лопух (балка *Лопушная*); репей (лог *Репец*, овраг *Репнёв*); рыбка – на Дону «тысячелистник обыкновенный» [13; 35, с. 297] (овраг *Рыбкин*); кагельник – на Дону «высокий, многолетний бурьян» [8, с. 124] (овраг *Кагельницкий*); серебряк – на Дону «разновидность степной колючей травы» [1, с. 481] (балка *Серебряк*); хвощ (яр *Хвощовый*); вербена (балка *Вербенная*).

Увлажнённые, заболоченные овражно-балочные образования могут зарастать мхом, камышом, одной из разновидностей которого является кута (осока), и именоваться от названий этих растений. Например, 5 оврагов и верх *Моховой*, балка *Моховская*, соотнесённые балки *Б. Моховская* – *М. Моховская*, овраг *Моховая Плотка*, балка *Камышинка*, овраг *Кужной*, балка *Осошная*.

Оронимы, указывающие на наличие древесной и кустарниковой растительности.

С течением времени задернованное русло оврага нередко зарастает кустарником, а в некоторых случаях деревьями или даже лесом, что знаменует победу над процессом эрозии и превращение действующего оврага в балку.

Заросшие кустами калины овражно-балочные образования именуются как балка *Калиновая* (2 названия), овраг *Калиновый* (3). По наличию тёрна названы 3 балки *Терновая*, яр *Терновский*, буераки *Терновые*, 3 оврага *Терновый*. Отмечено всего одно наименование оврага от лианового растения виноград: *Виноградный*.

В донском регионе широко представлены заросли ивы. Однако в районе верхнего и среднего течения Дона имеет место лишь единственное название оврага *Ивина*, которое к тому же является метонимическим переносом от наименования речки *Ивина*. Это связано с тем, что растения семейства ивовых в местных говорах обозначаются лексемами *тал* или *тала*, а также *лоза*. Знаток донских говоров М.А. Шолохов в своих произведениях упоминает «лощины, поросшие молодой кугой и талами» [1, с. 523]. В связи с этим отмечаются буерак и овраг *Лозовый*, 2 балки *Таловая*, лог *Таловой*, лог *Дурные Талы*, соотнесённые названия балок *Мокр. Таловка* – *Сух. Таловка*.

Названия оронимов верхнего и среднего течения Дона свидетельствуют о распространении на данной территории многих пород деревьев. Однако наиболее продуктивны в образовании названий форм отрицательного рельефа лишь наименования нескольких древесных культур: *берёзы*, *дуба*, *осины*.

Почти четверть часть (23%) отмеченных оронимов отрицательного рельефа образована с участием слова *берёза*. Например, лог и овраг *Берёзка*, овраг и 2 балки *Берёзки*, овраг *Пяти-берёзка*, балка *Б. Берёзки*, 2 оврага *Берёзки*, 23 балки *Берёзовая*, балка *Березовская*, овраг *Березовой*, 3 лога, буерак, 39 оврагов, 2 яра с одинаковым наименованием *Берёзовый*. Соотнесены названия балок *Верх. Березовская* – *Ниж. Берёзовая*, *М. Берёзовая* – *Б. Берёзовая*, *Б. Берёзовка* – *М. Берёзовка*, *М. Берёзовая* – *Б. Берёзовая*. Продуктивность оронимов от апеллятива *берёза* связана с её относительной неприхотливостью. Берёза способна селиться на

песчаных и суглинистых, на богатых и бедных, на влажных и сухих почвах. Но предпочитает она болотистые почвы со стоячей водой, которые нередко выстилают дно овражно-балочных образований. Г.П. Смолицкая отмечает: «Характерно, что по берёзе чаще называются не проточные водные источники – речки, ручьи, а балки, овраги, яры. Это, вероятно, связано с тем, что берёза предпочитает болотистую почву со стоячей водой» [12, с. 95].

Распространённой древесной культурой на Дону является также дуб. Известно, что некоторые виды дуба охотно приживаются по сырым низам овражно-балочных образований, что определяет особенности номинации последних. Оронимы, восходящие к особым дуба, составляют 11 % от общего количества фитонимических названий: овраг *Сухой Дуб*, овраг *Горелый Дуб*, 3 балки *Дубовая*, 3 оврага *Дубовой*, лог *Дубовый* и 13 оврагов *Дубовый*, лог *Дубовенький*, балка *Дубовинья*, овраг *Дубинский*, балка *Сдубком*. Составные части названия лога *Крайний Дубовый* характеризуют его с точки зрения местоположения относительно поселений и по наличию дуба поблизости от орообъекта.

В три раза меньше, чем названий от слова *берёза*, оронимов, образованных с участием лексемы *осина*: 14 балок *Осиновая*, буерак, яр и 3 оврага *Осиновый*, балка *Осиновская*, 2 оврага *Осиновский*, расположенные рядом овраги *Мало-Осиновский* и *Б. Осиновка*.

Другое дерево семейства берёзовых – *ольха* – предпочитает низкие заболоченные места, обычно имеющие постоянный водоток. Это объясняет сравнительно невысокую ономастическую продуктивность *ольхи* в отно-

шении форм отрицательного рельефа, которые, как правило, характеризуются временным водотоком, связанным с весенним паводком. В рассматриваемом регионе названия, мотивированные лексемой *ольха*, сосредоточены преимущественно в среднем течении Дона: 5 балок *Ольховая*; лог, яр и 6 оврагов *Ольховый*; балка *Ольховская*; овраг *Ольховский*.

Название одного из видов ивовых – лексема *тополь* – положено в основу именования балок *Тополева*, *Топольская*.

В верхнем и среднем течении Дона сравнительно мало оронимов, образованных от названий деревьев и кустарников семейства розоцветных:

- яблоня (2 балки *Яблонная*, овраг *Яблонево*, овраг *Яблоневый*, балка *Яблонка*, овраг *Яблонный*; от названия плода яблони – яблока – получили имя 3 оврага *Яблочный*);

- черёмуха (овраг *Черёмухов*, балка *Черёмухова*, балка *Черёмуховая*, овраг *Черёмуховый*, 2 балки *Черёмушина*, 2 балки, овраг *Черемховая*);

- груша (овраги *Грушевый*, *Грушево* и *Грушино*); вишня (балка *Вишнёвая*, яр *Вишнёвый*);

- рябина (овраг *Рябиновый*);

- малина (балка *Малиновая*, буерак и 3 оврага *Малиновый*, овраг *Малиновский*, расположенные рядом овраги *Малиновый* и *Б. Малиновый*);

- липа (2 оврага *Липов*, 5 балок *Липовая*, 12 оврагов и яр *Липовый*);

- орех (4 балки *Ореховая*, 4 оврага *Ореховый*, 2 пары названий балок *Б. Ореховая* – *М. Ореховая*; наименование балки *Сред. Орехова* представлено вне семантического ряда *Ближний* – *Средний* – *Дальний*; овраг *Выездн. Ореховый*);

- клён (балка *Клённая*, 2 балки *Кленовая*, овраг и яр *Кленовый*, балка *Чернокленовая* (от разновидности клёна – черноклён);

- ясень (овраг *Есеновый*, 2 балки *Ясеновая*, 2 оврага *Ясеновый*, овраг *Ясинов*, балка *Ясиновая*, яр *Ясиновый*, балка *Ясиновская*);

- вяз и его разновидности: берест [5, I, с. 205], караич [13, с. 70; 1, с. 209], лим [13; 17, с. 47] (2 балки *Вязовая*, балка *Вязовенькая*, овраг *Вязовенький*, 2 оврага *Вязовой*, 5 оврагов и яр *Вязовый*; овраг *Берестоватый*, овраг *Бересток*, балка *Первые Берестки*; балки *Б. Караичка* и *М. Караичка*, овраги *Караич*; овраги *Лимовый*, *Лимовский*).

В небольшом количестве отмечены названия овражно-балочных образований от хвойных пород деревьев: овраги *Сосновый*, *Сосновский*. Сосна со своей поверхностной корневой системой с трудом выживает на непрочных отвесных склонах овражно-балочных образований и потому предпочитает более пологий ландшафт.

Оронимы, связанные с обозначением лесных пространств

Данные оронимы восходят к собирательным существительным, обозначающим совокупность деревьев с наличием тождества породы или без этого признака, которые растут на ограниченном пространстве с сомкнутыми кронами.

Продуктивна номинация от апеллятива *дубрава* (*дуброва*), известного на Дону в значениях «дубовый лес с примесью других лиственных пород», «густой, дремучий лес», «чистопородный лиственный лес, но и лесостепь» [10, с. 192]. Например, балки *Высокая*

Дуброва, Красная Дубровка, Дуброва, Дубровская, 3 балки Дубровка, балка и яр Дубрава, овраги Дубравный, Дубровный. Ср. с упоминанием в русской художественной литературе: «Когда-то по берегам Дона росли вековые дубравы, знаменитые донские леса» [К. Паустовский, Героический юго-восток]. Лог *Гай* получил название от местного географического термина *гай*, который на Дону имеет значение 'лес, роща' [1, с. 101]; овраги *Боровой, Боровской* от лексемы *бор* – 'сосновый лес на песках', 'сухой лес', 'лиственный лес'; овраг *Борки* от *борок* – 'небольшой лесок, состоящий из хвойных или смешанных лиственных и хвойных пород' [10, с. 94]; 5 наименований балок *Лесная, лог Лесной*, соотнесённые названия балок *Крайние Лески – Ср. Лески – Передние Лески*, балка *Лески Бондыревы*, овраг *Лесковый* – от лексемы *лес*; 2 оврага *Чащеватый* от *чаща* – 'густой лес, заросли кустарника' [5, IV, с. 1293]; яр *Чернолесок* от словосочетания *чёрный лес*. Чёрным лесом называют лиственный лес, а также лес, ко-

торый составляют различные породы деревьев: дуб, ясень [10, с. 613].

Наименования лога *Березничек* и соотнесённых названий балок *Верх. Березняги – Ближ. Березняги* связаны с апеллятивами *березник, березняк* – 'берёзовый лес, роща' [10, с. 83]; 2 балок *Дубки*, балки и оврага *Дубок* – с апеллятивом *дубки* в значении 'мелкий дубовый лесок, роща из дубовой поросли' [13; 8, с. 239]. Наименование оврага *Липняк* образовано от *липняк* – 'липовый лес, роща' [5, II, с. 654], а названия оврага *Ольшанный*, оврага *Ольшанский*, лога *Ольшанский* – от *ольшаник* – 'ольховый лес' [14, II, с. 616].

Проведённое исследование показало, что в овражно-балочных наименованиях верхнего и среднего течения Дона находит широкое отражение такой фрагмент окружающего человека мира, как местная флора. В данных оронимах отрицательного рельефа представлена информация о наличии или отсутствии растительности на склонах и в русле овражно-балочных образований.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Большой толковый словарь донского казачества. М., 2003. 608 с.
2. Васильева С.П. Русская топонимия Приенисейской Сибири: картина мира: автореф. дисс. ... Тюмень, 2006. 42 с.
3. Никонов В.А. Введение в топонимику 2-е. Изд. М.: Изд-во ЛКИ, 2011. 184 с.
4. Горбачевич К.С. Русские географические названия. М.–Л.: Наука, 1965. 64 с.
5. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х т. М., 1994.
6. Климова Л.А. Нижегородская микротопонимия: разноаспектный анализ: монография. Арзамас: АГПИ, 2008. 261 с.
7. Маштаков П.Л. Список рек Донского бассейна. Л.: Издание государственного гидрологического института, 1934. 93 с.
8. Миртов А.В. Донской словарь. Материалы к изучению лексики донских казаков. Ростов-на-Дону, 1929. 412 с.
9. Мурзаев Э.М. Очерки топонимики. М.: Мысль, 1974. 382 с.
10. Мурзаев Э.М. Словарь народных географических терминов. М., 1984. 653 с.
11. Принципы топонимики. М.: Наука, 1964. 152 с.
12. Смолицкая Г.П. Речки – деревья // Русская речь. 1969. № 1. С. 94-98.

13. Словарь русских народных говоров. М., Л.; СПб., 1965–2004. Вып. 1–38.
14. Словарь русского языка: В 4-х т. / под ред. А.П. Евгеньевой. 3-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 1985–1988. Т. II. К–О. 736 с.
15. Суперанская А.В. Что такое топонимика? М.: Наука, 1985. 177 с.
16. Сьянова Е.И. Информационный потенциал микропонимии и его реализация в говорах Воронежского Прихоперья // Актуальные проблемы русской диалектологии: тезисы докладов Международной конференции 23-25 октября 2006 г. М.: Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 2006. С. 175–176.

REFERENCES

1. Bol'shoi tolkovyi slovar' donsogo kazachestva [Big explanatory dictionary of the Don Cossacks]. M., 2003. 608 p.
2. Vasil'eva S.P. Russkaya toponimiya Prieniseiskoi Sibiri: kartina mira: avtoref. diss. ... dokt. filol. nauk [Russian toponymy of Yenisei Siberia: image of the world: abstr. from doctor of Philological Sciences thesis]. Tyumen, 2006. 42 p.
3. Nikonov V.A. Vvedenie v toponimiku [Introduction to the toponymics]. Ed. 2nd. M., Izd-vo LKI, 2011. 184 p.
4. Gorbachevich K.S. Russkie geograficheskie nazvaniya [Russian geographical names]. M.–L., Nauka, 1965. 64 p.
5. Dal' V. Tolkovyi slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka. V 4-kh t. [Explanatory dictionary of the Live Great Russian language. In 4 vol-s]. M., 1994.
6. Klimkova L.A. Nizhegorodskaya mikrotoponimiya: raznoaspektnyi analiz: monografiya [Nizhny Novgorod microtoponymy: multidimensional analysis: monograph]. Arzamas, AGPI, 2008. 261 p.
7. Mashtakov P.L. Spisok rek Donskogo basseina [List of rivers of the Don basin]. L., Izdanie Gosudarstvennogo Gidrologicheskogo Instituta, 1934. 93 p.
8. Mirtov A.V. Donskoi slovar'. Materialy k izucheniyu leksiki donskikh kazakov [Don dictionary. Materials for the study of the vocabulary of the Don Cossacks]. Rostov-on-don, 1929. 412 p.
9. Murzaev E.M. Ocherki toponimiki [Essays on place names]. M., Mysl', 1974. 382 p.
10. Murzaev E.M. Slovar' narodnykh geograficheskikh terminov [Dictionary of folk geographical terms]. M., 1984. 653 p.
11. Printsipy toponimiki [The principles of place names]. M., Nauka, 1964. 152 p.
12. Smolitskaya G.P. Rechki – derev'ya [River trees] // Russkaya rech' [Russian speech]. 1969. no. 1. pp. 94–98.
13. Slovar' russkikh narodnykh govorov. [Dictionary of Russian folk dialects. M.–L.; SPb.]. 1965–2004. no. 1–38.
14. Slovar' russkogo yazyka: V 4-kh t. T. 2. K–O [Russian dictionary: In 4 vol-s. Vol. 2. K–O]. 3rd ed., stereotype. M., Russkii yazyk, 1985–1988. 736 p.
15. Superanskaya A.V. Chto takoe toponimika? [What is toponymics?]. M., Nauka, 1985. 177 p.
16. S'yanova E.I. Informatsionnyi potentsial mikrotoponimii i ego realizatsiya v govorakh Voronezhskogo Prikhoper'ya [The information potential of microtoponymy and its implementation in the dialects of Voronezh Preopera] // Aktual'nye problemy russkoi dialektologii: tezisy dokladov Mezhdunarodnoi konferentsii 23-25 oktyabrya 2006 g. [Actual problems of Russian dialectology: proceedings of the International conference October 23-25, 2006]. M., Institut russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova RAN, 2006. pp. 175–176.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Меркина Виктория Валерьевна – соискатель кафедры русского языка и методики его преподавания ФГБОУ ВО «Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина»;
e-mail: metoria@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Victoria Merkina – an applicant of Department of Russian language and methods of its teaching at Yesenin Ryazan State University;
e-mail: metoria@yandex.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Меркина В.В. Флористические названия овражно-балочных образований верхнего и среднего Подонья // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2016. № 5. С. 71-78.
DOI: 10.18384/2310-7278-2016-5-71-78

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

V. Merkina. Floral names of gullies of the Upper and Middle Don // Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology. 2016. no. 5. pp. 71-78.
DOI: 10.18384/2310-7278-2016-5-71-78

УДК – 811.161.1'36

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-5-79-88

СЕМАНТИКО-СТРУКТУРНАЯ ЦЕЛОСТНОСТЬ КАК КАТЕГОРИАЛЬНЫЙ ПРИЗНАК СЛОЖНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ И ЕЁ ЯЗЫКОВОЕ ВЫРАЖЕНИЕ

Набиева С.Я.*Бакинский славянский университет**AZ 1014, г. Баку, ул. Сулеймана Рустама, д. 25, Азербайджанская Республика*

Аннотация. В статье ставится вопрос о семантико-структурной цельности сложного предложения и даётся теоретическая характеристика этого конститутивного свойства сложных конструкций. Выдвигается идея о самостоятельности сложных предложений, как с точки зрения статики, так и с точки зрения динамики. В принципе вопрос о семантико-структурной цельности решается с позиций общего грамматического значения – их межкомпонентных смысловых отношений, обусловленных диалектикой соотносённости компонентов сложного предложения.

Ключевые слова: сложное предложение, структура, семантика пословицы.

SEMANTIC-STRUCTURAL UNITY AS A CATEGORICAL FEATURE OF COMPLEX SENTENCE AND ITS LINGUISTIC EXPRESSION

S. Nabyeva*Baku Slavic University**AZ 1014, Baku, 25 Suleyman Rustam St., Azerbaijan Republic*

Abstract. The article embraces the problem of semantic-structural wholeness being the main category of the syntax of complex sentence. The features of usage of factors, that ensure the semantic-structural wholeness in the Russian language have been systematized on the level of complex sentence. These means affirm not only the general sum of simple sentences, composing the complex sentence, but also the main idea of the sentence. The fact that a complex sentence is a means of expression shows itself exactly in the parameological system of units. Thus, in investigating the problem of the wholeness of a complex sentence it is not right to investigate the presence of materials of simple sentences, which establish the complex sentence. This case justifies itself in the system of parameological units.

Keywords: complex sentence, structure, semantics of proverbs.

Современная синтаксическая теория утвердилась в оценке сложного предложения как целостной единицы, обладающей собственными признаками семантико-функционального характера. Имеется целый комплекс синтаксических признаков, противопоставляющих простое и сложное предложения. Это признаки моно / полипредикативности, интонационного оформления (конструирования), грамматического значения и др. Эти и многие другие вопросы грам-

матической природы сложных предложений нашли своё глубокое освещение в работах Н.С. Пospelova [15, с. 321-337]; [15, с. 338-354], В.А. Белошапковой [3, с. 25-54], Г.В. Валимовой [5, с. 19-30] и других учёных.

Нет, видимо, особого резона включаться в полемику по поводу вопроса о грамматической природе сложного предложения; эта полемика в целом проводилась на материале анализа структур письменно-литературного языка, т. е. обычных предложений. Нам же предстоит разобраться в вопросе о семантико-структурной цельности пословиц сложной структуры (ПСС) различных видов. Главным в этом анализе становится вопрос, чем и какими способами достигается семантико-структурная цельность, «двуединство» компонентов в рамках ПСС.

Принято считать, что грамматическое значение сложного предложения – это то значение, которое формируется на основе межкомпонентных логико-синтаксических отношений, устанавливающихся в сложном предложении. П.А. Лекант отмечает: «Отличие сложного предложения от простого не количественное, а качественное. Сложное предложение имеет собственное грамматическое значение и грамматическую форму, собственные структурные показатели» [17, с. 496]. Данное мнение – одно из общепринятых в теории синтаксиса. Оно во многом обуславливает понимание сложного предложения как семантического целого и как функционального целого на коммуникативном уровне [см. 18, с. 425].

Сказанное означает, что на сложное предложение (если оно действительно сложное, а не сумма сочетаний простых предложений) нельзя смотреть как на

сумму предикативных конструкций. Сложное предложение – качественно иная, чем простое предложение, единица, характеризующаяся следующим качеством: семантика сложного предложения (его грамматическая семантика) организована диалектически. Эту диалектику прекрасно выразил А.А. Потебня, считая, что сложное предложение в целом является «развитием одного чувственного образа» [16, с. 188]. Эта мысль А.А. Потебни в других его работах получает необходимое развитие; автор считает, что формирование пословичных речений «принадлежит к числу явлений, имеющих огромную важность для человеческой мысли, можно сказать, характеризующий собою человеческую мысль...» [там же, с. 519]. Следовательно, обычные предложения (*Отряд прибыл на место назначения вовремя*) и пословичные конструкции – это фактически две разных формы мышления. ПСС представляют собою область проявления диалектики противоположностей. Значит, семантика, семантическая структура конструкций ПСС имеет твёрдую диалектическую базу, которая может быть истолкована лишь при наличии столкновения как минимум двух событийных фактов. И, когда мы говорим о семантической целостности ПСС, мы должны иметь в виду прежде всего эту логику соотносящихся внеязыковых событий, выражением которых являются части (компоненты) ПСС.

На наш взгляд, установление этой диалектической оценки достаточно для того, чтобы воспринимать сложные предложения (в данном случае ПСС) функционально-семантически целостной единицей, выражением

«единой сложной мысли». Все другие процессы, которые мы ниже будем рассматривать с позиций подтверждения целостности ПСС, так или иначе, имеют прежде всего эту логическую (диалектическую) базу.

Обычно, когда хотят иллюстрировать семантико-функциональную нерасторжимость компонентов сложного предложения, прибегают к помощи предложений, в которых общая (аксиологическая квалификационная) мысль сформулирована описательно, т. е. при строгой необходимости обеих частей сложного предложения; без одной из этих частей нет сложного предложения с отмеченным значением: *«Все прогрессы реакционны, если рушится человек»* (А. Вознесенский). В основе нерасторжимости компонентов данного сложноподчинённого предложения лежит, прежде всего, отмеченная диалектика условия и следствия: следствия нет без условия или причины и наоборот. *«Все прогрессы реакционны»* как компонент не имеет логической базы сам по себе. И претендовать на «всеобщность смысла» это предложение не может. Аксиоматичность значения приобретает вся конструкция (сложноподчинённого предложения), когда оба компонента «проясняют» друг друга: «этот факт реален, если есть такое-то условие». Вне этого условия нет самого факта реакционности всякого прогресса.

Однако семантико-структурную целостность сложного предложения нельзя, как нам представляется, подчинять лишь логике самой жизни, самих жизненных фактов. В сложносочинённых предложениях эта связь ослабевает и факты могут восприниматься в отдельности (*Создаёт человека при-*

рода. Развивает и образует человека общество.), хотя выражение *«Создаёт человека природа, но развивает и образует его общество»* (В. Белинский) структурировано на основе всё той же диалектики единства противоположностей.

Таким образом, цельность, целостность сложного предложения как особого уровня языковой системы следует представлять, наряду с диалектикой соотносящихся фактов действительности, сугубо языковыми показателями, присущими тому или иному типу сложного предложения.

Семантико-функциональную целостность сложноподчинённых конструкций доказывать особого труда не требует. Если исходить из буслаевского понимания сложноподчинённых предложений, то последние представляют распространённый вариант простых предложений; придаточное является элементом главного предложения, элементом, замещающим отсутствующий член главного предложения [см. 4, с. 278-280]. На этом основании Ф.И. Буслаев и представлял свою классификацию придаточных предложений; впоследствии эта классификация стала ведущей в синтаксисе, хотя с 60-х годов XX века стали говорить о том, что классификация СПП по членам предложения не охватывает всего множества разновидностей придаточных предложений. Такие придаточные, как пояснительные (с союзом **то есть**, **а именно**), присоединительные (с союзным словом **что**) и следственные (с союзом **так что**) [см. об этом 19, с. 554], не находят места в этой классификации.

В данном случае вопрос о принципах классификации не входит в сфе-

ру нашего внимания, поскольку речь идёт о показателях целостности ПСС и сложного предложения в целом.

Однако считаем нужным всё же сказать несколько слов по этому вопросу. ПСС как «синтаксически неделимые» единицы требуют особого отношения в силу степени своей фразеологизованности. Эти единицы (особенно ПСС сложноподчинённой структуры) употребляются в народном языке в определённой, установленной форме и, как нами уже было отмечено, не допускают особых трансформаций в целях теоретических манипуляций, которые совершаются на материале обычных предложений при синтаксическом анализе.

Если считать, что сложноподчинённые предложения с союзами **то есть, так что** и союзным словом **что** исконно русские конструкции, то они должны были быть представлены в паремиологическом фонде русского языка хотя бы в своих синонимических вариантах. Типы смысловых отношений присоединения или пояснения, в принципе, представлены в фонде ПСС: *Гость на двор – и беда с ним; Рука руку моет – обе белы живут* (следственные отношения), *Чужого не хватай, и своего не давай* (присоединительные). [См. 6, с. 238]. Но, как видим, эти предложения не сложноподчинённые и в систему классификации придаточных не могут быть вовлечены.

Это означает, что отсутствие присоединительных, следственных и пояснительных придаточных в конструкциях ПСС сложноподчинённой формы можно считать объективным фактом. И этот факт заставляет задуматься над логической корректностью классификации придаточных, кото-

рую предлагал Ф.И. Буслаев; в паремиологическом фонде русского языка живут только те сложноподчинённые предложения, которые построены по модели конструкций с:

а) подлежащим придаточным (*Кто добро творит, того зло не вредит*);

б) сказуемым придаточным (*Какова псу кормля, такова его и ловля*);

в) придаточным дополнения (*И сам тому не рад, что родился горбат*);

г) определительным придаточным (*Которая корова пала, та по два удоя давала*);

д) обстоятельственным придаточным (*Когда в печи жарко, тогда и варко*).

Типы придаточных, которые не укладываются в рамки логико-грамматической (буслаевской) классификации, таким образом, оказываются не представленными в паремиологическом фонде. Это, видимо, не случайно. Думается, что эти конструкции (с присоединительным, пояснительным и следственным придаточными) в современном языке следует всё-таки квалифицировать как поздние образования и к тому же как синкретичные: они по форме напоминают сложноподчинённые предложения (Поэтому *x* равен нулю, что и следовало доказать и т. п.), а по смысловым отношениям «очень близки к сочинённым предложениям с местоимением **это**, соответствующим союзному слову **что**» [см. 10, с. 295].

Поэтому классификация, которая вполне адекватно реагирует на синкретичные (переходные) конструкции должна быть признана строго принципиальной. Факт её «узости» в данном случае поддерживает теоретическую обоснованность её модели, но не до-

казывает её неполнокровность [см. 7, с. 9-18].

Подобные факты соответствия/несоответствия теоретическим установкам приводит к мысли о справедливости призыва В.И. Даля о необходимости «переверстать грамматику по пословицам» (11, с. 23).

Следовательно, семантико-синтаксическая связанность, фразеологизированность ПСС подчинительной модели обнаруживается генетически – на уровне грамматической организации.

Что касается сложноподчинённых структур, то в них целостность семантической структуры проявляется несколько иначе – в зависимости от степени диффузии соотнесённых компонентов. Следствием подобной диффузии, которая в определённой мере характерна и для сложноподчинённых структур параллельного устройства, являются процессы, называемые редукцией и контаминацией.

Процесс редукции (усечения, сокращения) одной из частей ПСС нельзя рассматривать как причину семантико-синтаксической связанности, цельности ПСС. Редукция – это закономерный результат этой цельности, которую достигают те или иные конструкции ПСС вследствие взаимоотношения обеих частей, взаимоопределения. Эти взаимоотношения создают условия для развития семантической цельности двучастной конструкции, для развития степени её фразеологизированности.

Устойчивая воспроизводимость сложных единиц в языке обуславливает постепенное сокращение их лексико-грамматического состава, а часто и их компонентов – предикативных единиц:

– *Ешь пироги с грибами, да держи язык за зубами* [1, с. 94] = *Держи язык за зубами* (поговорка) = *держат язык за зубами* (фразеологическая единица (ФЕ)).

Сложная структура сокращается (усекается) только материально, уменьшается в объёме, превращаясь из двучастного (зачастую из многокомпонентного) в одночастную, простую предложенческую структуру. Вместе с тем эта одночастная структура живёт за счёт той семантики, того смысла, который представлялся и выражался полипредикативной (двух- и более компонентной) конструкций. Иными словами, общий смысл (семантическая структура) пословицы «Своя ноша не тянет, свой дым глаз не ест» [11, с. 325] формируется на почве логической сопоставимости двух явлений (всё, что делается для себя, не утомительно и свой «негатив не раздражает»), которые представляют физический и духовный миры человека.

Однако мало кто знает о наличии второй части этой ПСС. И те, кто употребляет её, знают в основном простую конструкцию: сформировалась монопредикативная структура, которая представлена во многих сборниках пословиц и поговорок [см. 20, с. 86; 1, с. 281]. В любом варианте (сложном или простом) пословица имеет один и тот же смысл, хотя всё же первоначально этот смысл складывался на почве сравнения явлений, о которых мы упомянули выше. «Таким образом, отсутствие второй части следует понимать как наличие отсутствующего элемента, как категорию «наличия отсутствия», – пишет Ф.С. Бахшиева [2, с. 41].

В целом солидаризуясь с автором о результатах редукции определённой

части ПСС, хотелось бы сказать, что не следует связывать отмеченный процесс лишь со стремлением к лаконизации речи [там же, с. 43]. Здесь, видимо, задействованы определённые закономерности, приводящие к лаконизации речи, к сокращению материального объёма сложной пословицы.

Представляется, что основной причиной всё же является степень фразеологизированности: чем выше степень фразеологической восприимчивости, тем вероятнее выпадение, редукция одной из частей ПСС.

Эта закономерность поддерживается не всеми видами ПСС одинаково. Здесь проявляют себя и некоторые другие факторы.

Очень часто редуцируются части ПСС, которые находятся в отношениях синонимии или взаимного пояснения. Так, в приведённом примере «Своя ноша не тянет, свой дым глаз не ест» между компонентами устанавливаются отношения «своё даже плохое воспринимается положительно». Это значение присуще обоим частям данной ПСС, то есть оно общее для них как для близких, синонимичных предложений. Это положение, на наш взгляд, и делает возможным усечение, отсечение одной из частей ПСС, потому что оба компонента исходной ПСС имеют одинаковое значение – «для разоблачения всякого используют прежде всего его слабые места». Такая семантическая «пропорциональность» создаёт условия для редукции одной из частей ПСС. Это можно подтвердить наличием целого ряда ПСС, в которых части сильно противопоставлены (в пределах антонимического сравнения), в силу чего редукция одного из компонентов становится не совсем реальной:

Кормит калачом, да в спину кирпичом [1, с. 14];

Начал за здравие, а свёл на упокой [1, с. 204].

Одной из причин редукции части ПСС является ненормативность выражения, составляющего компонент ПСС. Эти части составляют «этимологический» компонент исходной конструкции, однако в речи сопровождаются многозначной паузой, а в письменной – многоточием; иногда это такие широко распространённые пословицы, о наличии вторых частей в которых носители языка и не догадываются.

Мы, имея определённый материал для сравнения нормативных и ненормативных паремий, приходим к заключению о том, что основная масса единиц пословичного фонда языка структурирована как бинарно-оппозитивная конструкция. Бинарность (двухчастность, двухполярность) строения пословиц обусловлена не грамматической природой сложного предложения. Такая форма конструирования пословиц задана, продиктована той диалектикой соотносённости фактов реальной действительности, которую (диалектику) отражают синтаксические модели ПСС. Эта диалектика, как уже было нами отмечено, составляет как раз основу семантической структуры пословицы. Абсолютная обобщённость значения (смысла) пословицы, опирающаяся на диалектику фактов действительности, составляет характерную особенность этого жанра народной поэзии, этой формы народного мышления. В этом смысле пословицы противопоставлены и поговоркам (6), и притчам, и загадкам. Следовательно, «двухпредикатив-

ность» пословиц обусловлена их семантической сущностью – быть отражением логических моделей картины мира, который представлен в пословицах в своём обобщённом воплощении.

Поэтому пословичные конструкции предстают, по сравнению с другими малыми жанрами фольклора, как особая форма концептуализации фактов реальной и идеальной действительности.

Многие монопредикативные пословичные единицы – это редуцированная форма этимонной структуры. Наблюдения показывают, что редукции обычно подвергаются придаточные так называемой двучленной структуры.

Когда речь идёт о фразеологизированности общей конструкции, мы должны иметь в виду степень фразеологизированности всего ПСС. Особенно ярко проявляется развитие фразеологизованности в сфере применения тех пословичных конструкций, о генетической двучастности которых не догадываются даже носители языка. Редуцированные конструкции ими воспринимаются как монопредикативные единицы, иногда уже как поговорочное высказывание: *Ни кола, ни двора (Ни кола, ни вола, ни мила живота, ни образа помолиться, ни хлеба чем подавиться, ни ножа чем зарезаться)* [11, с. 592].

Таким образом, двух- и многокомпонентные конструкции пословиц представляют «внутреннюю форму» монопредикативных поговорочных единиц, поддерживая уже условность семантики последних, высоко фразеологизованную семантику.

Фразеологическая целостность ПСС и их семантики фактически и

материально иллюстрируется общей тенденцией сокращения сложных конструкций в направлении лаконизации, уменьшения их объёма, о чём свидетельствует рассмотренный материал. Обратную тенденцию – увеличения объёма простых или сложных конструкций пословиц – мы не наблюдаем. Это означает, что повышение степени устойчивости и воспроизводимости (фразеологизации) тех или иных сложных конструкций связано именно с сокращением текста, материального объёма пословичных выражений. Нам думается, что эта закономерность однозначно проявляется в образовании классических фразеологических единиц на базе пословиц, притч, загадок, поверий, заклинаний и т. п. «текстов», т. е. более объёмных единиц, чем ФЕ. Особо значимых фактов образования пословиц – сложных или многокомпонентных – на базе фразеологических единиц мы не наблюдали, хотя иногда фразеологи отмечают единичные факты [см. 9, с. 64; 14, с. 119]. Последние однозначно не могут быть приняты, они вызывают сомнения, поскольку выражение «*смотрит как баран*» нам не кажется первичным по отношению к «*смотрит как баран на новые (писанные) ворота*». Скорее всего, наоборот, «*смотрит как баран на писанные ворота (т. е. ворота ярмарки, куда его ведут продавать)*» породило единицу меньшего объёма. Об этом говорит и А.А. Потебня, считающий фразеологизмом слово «*везёт*» из более сложной единицы «*Дураку и счастье везёт дрова*» из известной притчи [16, с. 518].

Под контаминацией, вслед за Ф.С. Бахшиевой, мы понимаем сжатие, компрессию элементов двухчастной ПСС в одно монопредикативное пред-

ложение. В результате этого процесса обе части ПСС своеобразно диффузируют друг в друга, из ПСС складывается новая, сокращенная – контаминированная конструкция [2, с. 29-35].

Так, например, *Изба красна пирогами = Изба красна не углами, она красна пирогами; Бабушка гадала, да надвое сказала = Бабушка надвое сказала* (Ср. *Бабушка гадала, да надвое сказала: либо дождик, либо снег, либо будет, либо нет*) [13, с. 33].

Процесс контаминации достаточно широко освещён в отмеченной работе Ф.С. Бахшиевой. Поэтому мы ограничимся только указанием на то, что контаминация лишний раз подтверждает направление эволюции паремиологических единиц – от большего текста к меньшему, к наибольшей условности паремийного выражения как языкового знака, к кристаллизации семантического ядра ПСС и, наконец, к созданию целостного семантического облика ПСС.

Однако отмеченная тенденция охватывает не все структурные типы ПСС.

Фактор, наоборот сдерживающий процесс компонентного сокращения ПСС сложной и многокомпонентной структуры, представлен корпусом ПСС с разнофункциональными компонентами.

В системе самостоятельных речевых актов они выполняют различные функции – констати́ва, побуждения-директива, вопроса. В системе ПСС все эти «смыслы» обслуживают одну функцию – генерализованный (концептуально-символический) смысл констатирующей единицы, констатирующего языкового знака, который занимает центральную позицию в системе речевых актов.

Этим ещё раз подтверждается семантико-структурная целостность ПСС в русском языке.

Итак, думается, мы рассмотрели основные факторы и явления, подтверждающие семантико-структурную целостность сложного предложения в облике ПСС в направлении формирования их «совершенного минимума».

ЛИТЕРАТУРА:

1. Аникин В.П. Русские пословицы и поговорки. М.: Художественная литература, 1988, 432 с.
2. Бахшиева Ф.С. Семантико-структурные изменения в пословицах и поговорках русского языка: дисс. ...канд. фил.наук. Баку, 2000, 158 с.
3. Белошапкова В.А. Сложное предложение в современном русском языке. М.: Просвещение, 1967, 160 с.
4. Буслаев Ф.И. Историческая грамматика русского языка. М.: Учпедгиз, 1959. ы624 с.
5. Валимова Г.В. Функциональные типы предложений в современном русском языке. Ростов-на-Дону: изд-во РГУ, 1967. 330 с.
6. Вальтер Х., Мокиенко В.. Прикольный словарь. Антипословицы и антиафоризмы. М.: Нева, 2006.
7. Гамидов И.Г. В защиту логико-грамматической классификации сложноподчинённых предложений // Проблемы системной организации языка (сборник статей к 60-летию Р.С. Мирзоева). Баку: Изд-во АПИ им. М.Ф. Ахундова, 1998. С. 9-18.
8. Гамидов И.Г. О разграничении пословиц и поговорок // Филологический сборник (сборник статей в честь 80-летия М.Т. Тагиева). Баку: изд-во БСУ, 2001, С. 238-251.

9. Гвоздарев Ю.А. Основы русского фразообразования. Ростов-на-Дону: и-во Ростовского-на-Дону университета, 1977. 183 с.
10. Гвоздев А.Н. Современный русский литературный язык. Часть 2. М.: Учпедгиз, 1961. 244 с.
11. Даль В.И. Пословицы русского народа (напутное). М.: Учпедгиз, 1957. 990 с.
12. Жуков В.П. Русская фразеология. М.: Высшая школа, 1986. 310 с.
13. Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. 2-е изд., М.: Советская энциклопедия, 1967. 535 с.
14. Михельсон М.И. Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. 5-е изд. . Т. 1–2. М.: Терра, 1994. 779–800 с.
15. Поспелов Н.С. О грамматической природе и принципах классификации бессоюзных сложных предложений // Вопросы синтаксиса современного русского языка. М.: Учпедгиз, 1950. С. 338–354.
16. Попова И.А. Сложносочинённое предложение в современном русском языке // Вопросы синтаксиса современного русского языка. М.: Учпедгиз, 1950. С. 355–396.
17. Снегирев И. М. Русские народные пословицы и притчи. М.: Эксмо, 2010. 570 с.
18. Современный русский язык / Под ред. П.А. Леканта. М.: Дрофа, 2002. 558 с.
19. Современный русский язык. Теория, анализ языковых единиц / Под ред. Е.И. Дибровой в двух частях. Ч. 2-я, 2-е изд. , М.: Academia, 2006. 618 с.
20. Тарланов З.К. Русские пословицы: синтаксис и поэтика, Петрозаводск: ПГУ, 1999. 446 с.

REFERENCE

1. Anikin V.P. Russkie poslovitsy i pogovorki [Russian Proverbs and sayings]. M., Khudozhestvennaya literatura, 1988. 432 p.
2. Bakhshieva F.S. Semantiko-strukturnye izmeneniya v poslovitsakh i pogovorkakh russkogo yazyka: diss. ... kand. fil.nauk [Semantic-structural changes in the Proverbs and sayings of the Russian language: candidate of Philological Sciences thesis]. Baku, 2000, 158 p.
3. Beloshapkova V.A. Slozhnoe predlozhenie v sovremennom russkom yazyke [Complex sentence in the modern Russian language]. M., Prosveshchenie, 1967. 160 p.
4. Buslaev F.I. Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka [Historical grammar of the Russian language]. M., Uchpedgiz, 1959. 624 p.
5. Valimova G.V. Funktsional'nye tipy predlozhenii v sovremennom russkom yazyke [Functional types of sentences in the modern Russian language]. Rostov-on-don, izd-vo RGU, 1967. 330 p.
6. Val'ter KH., Mokienko V. Prikol'nyi slovar'. Antiposlovitsy i antiaforizmy [Funny dictionary. Antisayings and antiaphorisms]. M., Neva, 2006.
7. Gamidov I.G. V zashchitu logiko-grammaticheskoi klassifikatsii slozhnopodchinennykh predlozhenii [In defense of logical-grammatical classification of complex sentences] // Problemy sistemnoi organizatsii yazyka (sbornik statei k 60-letiyu R.S. Mirzoeva) [Problems of systemic organization of the language (collection of articles dedicated to the 60th anniversary of R. Mirzoev)]. Baku, Izd-vo API im. M.F.Akhundova, 1998. pp. 9–18.
8. Gamidov I.G. O razgranichenii poslovits i pogovorok [On the distinction between Proverbs and sayings] // Filologicheskii sbornik (sbornik statei v chest' 80-letiya M.T. Tagieva) [The philological collection (collection of articles dedicated to the 80th anniversary of M. Tagiyev)]. Baku, izd-vo BSU, 2001. pp. 238–251.
9. Gvozдарев YU.A. Osnovy russkogo frazootobrazovaniya [The foundations of the Russian phrase-creating]. Rostov-on-Don, Izd. Rostovskogo-na-Donu universiteta, 1977. 183 p.

10. Gvozdev A.N. Sovremennyyi russkii literaturnyyi yazyk. CHast' 2 [Modern Russian literary language. Part 2]. M., Uchpedgiz, 1961. 244 p.
11. Dal' V.I. Poslovitsy russkogo naroda (naputnoe) [Proverbs of the Russian people (naputnoe)]. M., Uchpedgiz, 1957. 990 p.
12. Zhukov V.P. Russkaya frazeologiya [Russian phraseology]. M., Vysshaya shkola, 1986. 310 p.
13. Zhukov V.P. Slovar' russkikh poslovits i pogovorok [Dictionary of Russian Proverbs and sayings]. Ed. 2nd. M., Sovetskaya entsiklopediya, 1967. 535 p.
14. Mikhel'son M.I. Russkaya mysl' i rech'. Svoe i chuzhoe. Opyt russkoi frazeologii. T. 1–2 [Russian thought and speech. Own and others. The experience of Russian phraseology. Vol. 1–2]. Ed. 5th. M., Terra, 1994.
15. Pospelov N.S. O grammaticheskoi prirode i printsipakh klassifikatsii bessoyuznykh slozhnykh predlozhenii [On the grammatical nature and the principles of classification of conjunctionless compound sentences] // Voprosy sintaksisa sovremennogo russkogo yazyka [Questions of syntax of modern Russian language]. M., Uchpedgiz, 1950. pp. 338–354.
16. Popova I.A. Slozhnosochinennoe predlozhenie v sovremennom russkom yazyke [Compound sentence in the modern Russian language] // Voprosy sintaksisa sovremennogo russkogo yazyka [Questions of syntax of modern Russian language]. M., Uchpedgiz, 1950. pp. 355–396.
17. Snegirev I. M. Russkie narodnye poslovitsy i pritchi [Russian folk Proverbs and parables]. M., Eksmo, 2010. 570 p.
18. Sovremennyyi russkii yazyk [Modern Russian language]. M., Drofa, 2002. 558 p.
19. Sovremennyyi russkii yazyk. Teoriya, analiz yazykovykh edinit. V dvukh chastyakh. CH. 2-ya. [Modern Russian language. The theory and analysis of linguistic units, in two parts. Part 2.]. Ed. 2nd. M., Academia, 2006. 618 p.
20. Tarlanov Z.K. Russkie poslovitsy: sintaksis i poetika [Russian Proverbs: the syntax and poetics]. Petrozavodsk, PGU, 1999. 446 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Набиева Севиль Ярбала гызы – докторант Бакинского славянского университета;
e-mail: renatagiyeva@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sevil Nabiyeva – postgraduate student of Baku Slavic University;
e-mail: renatagiyeva@mail.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Набиева С.Я. Семантико-структурная целостность как категориальный признак сложного предложения и её языковое выражение // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2016. № 5. С. 79-88.
DOI: 10.18384/2310-7278-2016-5-79-88

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

S. Nabiyeva. Semantic-structural unity as a categorical feature of complex sentence and its linguistic expression // Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology. 2016. no 5. pp. 79-88.
DOI: 10.18384/2310-7278-2016-5-79-88

УДК 81'374(470+571)"16"

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-5-89-96

РУССКАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ В XVI В.

Низаметдинова Н.Х.*Московский государственный областной университет**105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация*

Аннотация. В статье исследовано состояние русской лексикографии в XVI в.; рассмотрены структура и содержание Азбуковников – лексикографического жанра, сформировавшегося к концу XVI в.; раскрыты историко-культурные условия возникновения этого лексикографического жанра, связанные с активной работой в XVI в. по переводу и исправлению церковных книг, филологической и просветительской деятельностью выдающегося писателя, переводчика и лексикографа XVI в. Максима Грека; изучены структура и содержание основного лексикографического сочинения Максима Грека «Толкование именам по алфавиту», а также первого печатного лексикографического труда – «Лексиса...» Лаврентия Зизания Тустановского; впервые в истории русской лексикографии выявлены и описаны способы толкования слов в данных словарях.

Ключевые слова: лексикография, лексикографический жанр, глоссы, глоссарии, Азбуковник, переводчик.

RUSSIAN LEXICOGRAPHY IN THE 16TH CENTURY

N. Nizametdinova*Moscow State Region University**10A Radio St., Moscow, Russian Federation, 105005*

Abstract. The article examines the state of Russian lexicography in the 16th century; the structure and content of the Azbukovniks – lexicographic genre, formed by the end of the 16th century; discloses historical and cultural conditions of the emergence of this lexicographic genre, associated with active work in the 16th century in the translation and correction of the Church books, linguistic and educational activities of an outstanding writer, translator and lexicographer of the 16th century, Maxim the Greek; studied the structure and content of the main lexicographical works of Maxim the Greek "interpretation of the names alphabetically", as well as the first printed lexicographic work, "Lexis..." by Lawrence Zizaniya Tustanovskiy; for the first time in the history of Russian lexicography it identified and described the methods of interpretation of words in these dictionaries.

Keywords: lexicography, lexicographic genre, glosses, glossaries, Azbukovnik, translator.

Первые лексикографические опыты относятся к самому раннему периоду русской письменности – XI в. При переписывании, переводе богослужебной литературы встречались непонятные с точки зрения переписчика или переводчика слова, которые он считал нужным истолковать. Делал он это между строк или на

© Низаметдинова Н.Х., 2016.

полях. Такие лексикографические пометы называются глоссами. Впоследствии глоссы выбирались из текста, составлялись так называемые глоссарии, которые прилагались к соответствующей книге. Особенно многочисленны глоссы в Толковых Псалтырях, Толковых Евангелиях, Толковых Апостолах, Изборниках [2, с. 3]. Данные словарные материалы затем использовались при формировании лексикографических жанров. К XIII–XIV вв. сложились такие лексикографические жанры, как словари-ономастиконы [5], словари символики [9], славяно-русские словари [7], словари-разговорники [8]. Словари этих жанров переписывались и дошли до нас в значительном количестве списков более поздних эпох. В XVI в. они также имели хождение, зачастую включаясь в сформировавшийся к концу XVI в. новый тип лексикографической книжности – Азбуковник.

Возникновение этого лексикографического жанра обусловлено тем, что в XVI в. происходило накопление разнообразного филологического опыта, связанного с правкой церковных книг, новым переводом Толковой Псалтыри, редакторской работой по созданию Никоновской летописи, Великих Миней-Четий митрополита Макария, подготовкой книгопечатания и др.

Обычно «Книга, глаголемая Азбуковник» содержала три раздела:

- 1) грамматические статьи;
- 2) словарь с азбучным расположением слов, к которому нередко прилагались ранее составленные словари и разрозненные выписки с толкованием слов;
- 3) статьи, связанные с неязыковедческими отраслями знаний, – литера-

турой, историей, этнографией, географией, минералогией и др.

Таким образом, Азбуковники представляли собой своеобразные энциклопедии средневековой жизни.

Следует отметить, что грамматические представления русского человека эпохи средневековья были тесно связаны с богословием и философией.

В собственно лексикографической части Азбуковников использовались как новые материалы, полученные в результате активной деятельности переводчиков и справщиков XVI в., так и словарные материалы, представленные в ранних словарях. Однако уровень лексикографической обработки новых материалов, включённых в Азбуковник, был значительно более высоким. Так, в Азбуковниках нередко присутствует указание на источник, языковую принадлежность слова, даются варианты написаний. В толкованиях слов наблюдается тенденция к освобождению от экзегезы (← греч. *exegesis* ‘толкование, объяснение’; экзегеза – ‘толкование текстов Священного Писания’) и тяга к энциклопедизму. Так, представляя значение библейского имени, составитель Азбуковника стремился не только дать его перевод или символическое значение и сообщить связанную с ним библейскую легенду, но и изложить сведения, почерпнутые не из Писания, а из действительности [9, с. 139]. Так, например, в Азбуковнике XVI в.¹ толкуется символическое значение «алтаря» слова *точило*:

«Точило. По вѣшнему точило ес[ть] жолобы подобны руслу, в них же топчут ѡгоды винныа, от них же источаетсѧ красное вино, таковаа точила инде наричютсѧ тѣскъ, а по д[у]

¹ Ркп. ГПБ Погод, 1143. Л. 28

ховному точило толкуется олтар[ъ], понеж бо, ако ж в точилех, топчемом ꙗгодам, изливается вино, тако и во олтари, закалаему агньцу б[о]жию, источается кровь и вода за мирский живот и сп[а]с[е]ние. Сеѣ ради вины точило олтар[ъ] толкуется» (перевод текста: «Точило. По внешнему виду *точило* – это жёлобы, похожие на русла, в них топчутся винные ягоды (виноград), от которых источается красное вино; такие точила называются также теск; по духовному точилом называется алтарь, так как, подобно тому, как в точилах изливается вино, когда топчут ягоды, в алтаре, когда закалывают агнца божия, источается кровь и вода за жизнь людей и их спасение»). Далее указывается на источник – пс. 8, 80, 83, Исаи, 62, что также свидетельствует о более высокой лексикографической обработке словарного материала по сравнению с более ранними словарями.

Эти словари возникали главным образом на материале церковной литературы и создавались под сильным влиянием византийских образцов.

Значительная роль в формировании данного жанра принадлежит выдающемуся деятелю русской культуры XVI в., греку по национальности и гражданству, – Максиму Греку, а также его сподвижникам – Нилу Курлятеву, ризничьему Вениамину, Дмитрию Герасимову, иноку Сильвану, Вассиану Кошке и др.

Максим Грек прибыл в Россию в 1518 г. из Ватопедского монастыря на Афоне по приглашению великого князя Василия Ивановича для нового перевода Толковой Псалтыри. Это был блестяще образованный человек, получивший образование сначала у

себя на Родине, а затем в Италии эпохи Возрождения. На Афоне он значительно расширил свои познания в области богослужебной литературы [6]. По словам ученика Максима Грека, Сильвана, который был писарем при переводе Толковой Псалтыри и впоследствии под его руководством осуществил перевод с греческого «Бесед Иоанна Златоуста на Евангелие от Матфея», писал, что Максим Грек «много отъ человекъ нынѣшняго времени отстояща мудростию и разумомъ и остроуміемъ» [10, с. 628]. Действительно, в России того времени не было личности такой всесторонней образованности, как Максим Грек.

Максим Грек первым указал, каким должен быть в идеале переводчик с греческого языка, а также исправитель священных книг. Он, прежде всего, должен хорошо знать греческий язык, его грамматическое устройство, стилистические особенности («риторску силу»), присущие этому языку многозначность и синонимию («глаголаніе многознаменительно и различно»). Причѣм знания эти, по мнению Максима, должны быть получены не самостоятельно («не от себѣ»), а «от учителяи искусѣиших». Кроме того, переводчик и исправитель книг должен быть широко образованным человеком, должен научиться и «пѣтїи и риторикѣ и самыа философїи». В противном случае он «не может прѣмо ꙗ съврѣшенно ниж(е) разумѣти ꙗсоуемаа ниж(е) преложити ꙗ на инъ ѣзыкъ»¹.

Придавая большое значение знанию грамматики, которая, по его словам, является «началом входа... к

¹ «Слово отвѣщательно о исправленїи книгъ русских», лл. 119 об. 121 / Ркп. РГБ, ф. 173, МДА Фунд. 42. 416 л.

философии», Максим Грек написал несколько статей по грамматике греческого языка, предназначенных для русских переводчиков и книжников. Это были первые грамматические труды, созданные на русской почве и способствовавшие распространению здесь грамматических знаний. Известно, что со второй половины XVI в., благодаря этим трудам Максима Грека, в учебных заведениях стали проходить «книгу философскую», или общую грамматику. Важно отметить, что, приступая к изданию русской грамматики в 1794 г., Российская академия наук рекомендовала более руководствоваться грамматиками Максима Грека и Ломоносова [1, с. 91].

Возможно, что именно распространение взглядов Максима Грека способствовало тому, что в Азбуковники были включены грамматические статьи, то есть сформировался особый тип словарно-грамматических сборников.

Первые лексикографические опыты Максима Грека были связаны с его переводческой и обучающей деятельностью. Следует отметить, что Максим Грек стремился к тому, чтобы язык перевода был понятен русскому человеку, поэтому избегал употребления болгаризмов, сербизмов, а также старославянских архаизмов и использовал подчас слова обиходного русского языка. На эту черту Максима Грека-переводчика указал его преданный друг и ученик Нил Курлятев, происходивший из рода князей Курлятевых, монах Троице-Сергиевой лавры, которого Максим обучал греческому языку в процессе перевода Псалтыри в 1552 г. Нил Курлятев написал Предисловие к этой Псалтыри, в котором указал,

что в переводе Максима «отню[дѣ] нѣ[т] рѣчи по серб'ски или болгарски, но все по нашему языку прамо з греческа[г] языка и бе[з] украшеніа» [2, с. 50]. Следует отметить, что присутствие болгаризмов и сербизмов в переводах священных текстов в это время связано со вторым южнославянским влиянием (XIV–XV вв.) и деятельностью болгарских и сербских книжников.

Процесс перевода Псалтыри был таким: писалось слово по-гречески и рядом его русский перевод, при этом Максим Грек отмечал неточности прежних переводов, то есть фактически осуществлялась словарная и текстологическая работа. Стремясь к тому, чтобы священный текст был понятен читателю, Максим Грек смело заменял старые грамматические формы на новые, например: пс. 2.9 ихъ вм. ѡ; пс. 5.6. всѣхъ глаголющихъ вм. вса глаголющаѡ; пс. 6.10. услышалъ вм. услыша и др.

Максиму Греку принадлежит и собственно лексикографический труд – «Толкование именамъ по алфавиту». О распространённости этого сочинения свидетельствует значительное количество дошедших до нас списков – 24, относящихся к XVI–XVIII вв. и объединённых в три редакции. Протограф словаря не сохранился. Словарь впервые напечатан Л.С. Ковтун [2, с. 313–349]. «Толкование...» представляет собой ономастикон, в котором толкуются греческие, латинские, еврейские имена, а также несколько арабских и сирийских имён. В словаре преимущественно представлены собственные имена, но имеется и несколько нарицательных. Интересно, что указание на происхождение даётся только латин-

ским и еврейским именам, у греческих имён такое указание отсутствует. Причём зачастую латинские и еврейские имена переводятся вначале на греческий язык и только затем толкуются на русском языке, например: макси^{м1}, ри^мска^ж пословица, а то^лкуетс^а. мегисто^с. е^ж е^с[ть] величаиши. Отдельные части словаря построены таким образом, что повторяется один и тот же корень или основа, что позволяет легко запомнить их и усвоить, например: агге^л. вѣстникъ; агафаггелъ. блѣги вѣстни^к и т. д. В этом можно увидеть обучающий смысл словаря. Максим Грек использует разные способы передачи значения имён: 1) прямой перевод – Петръ. камень.; Роман, крѣпок; Тимон честенъ; 2) калькирование (в производных именах) – Афонасеи бесмерте^н; Евгеніи бл(а)городенъ; Евдоки^м бл(а)гоискусенъ; 3) мена компонентов (в сложных именах) – философъ. мудролюбецъ; Фѣлиппъ, конелюбецъ 4) использование словосочетаний – Калистратъ, добръ воинъ; Феодоръ б(о)жїи даръ; 5) синонимии – Григоріи бодрѣ острооумень; Климентъ римское има, а то^лкуетс^а м(и)лосердѣ милосте^н тихомиренъ; 6) описательный приём с элементами энциклопедизма – Кїпрїанъ о(т) острова Кипра има емоу; Лаврентїи. ри^мскаа пословица, лаоуру^с бо по их древо е^с (ть) бл(а)оуханно, гл(агол)емо, по греческы. дафїи. ис того древа даю^т, римлане, има, Лаоуренциоусъ, по и^х ъзыку, а по нашему Лаврентїи.

Интересно, что в ряде случаев автор прямо говорит о том, что он не

знает значения тех или иных имён, например: Игнатїи, не вѣ^м по которому ъзыку и сего ра^ди не оумѣ^л поставити тлѣкъ; Сергеи ри^мска пословица, а тлѣкуетс^а невѣдо^м мнѣ. Подобное признание – свидетельство серьёзного и честного отношения автора к словарной работе.

В целом же, словарь Максима Грека «Толкование именам по алфавиту» показывает достаточно высокую филологическую осведомлённость автора и может быть оценён как вполне доброкачественный источник по истории русской лексики.

Предположительно, «Толкование...» составлялось по просьбе кого-то из друзей Максима Грека в поздний период его пребывания в России [1, с. 98] и содержит до 270 словарных статей.

Материалы словаря Максима Грека вошли в последующие Азбуковники. Так, около 200 словарных статей «Толкования...» включены в Азбуковник 1596 г. [сохранился в списке XVII вв., РПБ, собр. М.П. Погодина, № 1642; 3].

Преемственную связь со словарём Максима Грека и Азбуковниками имеет первый на Руси печатный лексикографический опыт «Лексис Сирѣчь реченїа, вѣкратѣѣ собранны. и из словес[н]скаго ъзыка на просты[й] рускїй дїалек[т] истолкованы» знаменитого западнорусского просветителя и священника Лаврентия Зизания Тустановского. Словарь этот был издан Зизанием как приложение к его «Грамматике словенской» в 1596 г. в городе Вильно (современный Вильнюс) и содержит 1061 словарную статью. «Лексис...» Лаврентия Зизания имеет также обучающий характер: в нём так же, как и в «Толковании...» Максима

¹ Мы воспроизводим пунктуацию и орфографию текста словаря, представленного в рукописи 16 в. ГБЛ МДА 173 (35) и опубликованного в книге Л.С. Ковтун [2, с. 313-349].

Грека, представлены группы статей, объединённых общностью корня, что позволяло лучше усвоить значения корней. В словаре применяются разные способы толкования: 1) при помощи синонимов (дѣлатель – робо(т)ни(к)¹, спра(в)ца; искусство – умѣс(т)ность, свѣдомо(с)ть); то(р)жище – рино(к), то(р)гъ; 2) описательный (бе(з)о(т)вѣтенъ – о(т)повѣди нѣмающій, нео(т)повѣ(д)ный; злоэмны(й) – злуго ро(з)су(д)ку ч(е)л(ове)къ); 3) энциклопедический (зеленичѣ – есть дерево, которое летѣ и зимѣ зелено).

В толкующей части «Лексиса...» наблюдаем бóльшую, чем у Максима Грека, ориентацию на живой русский

язык с многочисленными западнорусскими элементами.

Таким образом, в XVI веке, с одной стороны, продолжается традиция русской лексикографии предшествующих эпох, заключающаяся в переписывании ранних словарей, собирании их в словарные своды, включении в состав Азбуковников, а с другой стороны – создаются новые словарные материалы, в которых применяются более совершенные принципы лексикографической практики, отработанные в процессе кропотливого труда по исправлению и переводу церковной литературы.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Иванов А.Н. Литературное наследие Максима Грека. Л.: Наука, 1969. 250 с.
2. Ковтун Л.С. Лексикография в Московской Руси XVI – начала XVII в. М.: Наука, 1975. 352 с.
3. Коваленко К.И. Лексикографические источники Азбуковника 1596 г. // Слово и словарь: сборник научных трудов. Гродно: Изд-во ГрГУ, 2013. С. 47-50.
4. Лаврентий Зизаний Тустановский. Лексис. Вильно, 1596. 46 л.
5. Низаметдинова Н.Х. Словари-ономастиконы как один из ранних жанров русской лексикографии // Русский язык. История и современность: сборник научных трудов, вып. 3. М.: Изд-во МПУ, 1995. С. 53-62.
6. Низаметдинова Н.Х. Жизнь и творчество Максима Грека // Русский язык в школе. 2001. № 2. С. 106-111.
7. Низаметдинова Н.Х. Славяно-русские словари как один из ранних жанров русской лексикографии // Русский язык: история, диалекты, современность: сборник научных трудов, вып. 9. М.: Изд-во МГОУ, 2008–2009. С. 61-65.
8. Низаметдинова Н.Х. Словари-разговорники как один из ранних жанров русской лексикографии // Русский язык: история, диалекты, современность, вып. XI: сборник научных работ. М.: Изд-во МГОУ, 2011. С. 65-68.
9. Низаметдинова Н.Х. Словари символики (приточки) как один из ранних жанров русской лексикографии // Русский язык: история, диалекты, современность, вып. XV: сборник научных трудов. М.: Изд-во МГОУ, 2016. С. 137-141.
10. Ягич И.В. Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке // Ягич И.В.. Исследования по русскому языку. Т. 1. СПб.: Изд. ОРЯС, 1895. С. 289-1023.

¹ В круглых скобках мы помещаем выносные буквы, содержащиеся в оригинальном тексте, а также буквы, скрывающиеся под титлом.

REFERENCES

1. Ivanov A.N. Literaturnoe nasledie Maksima Greka [The literary heritage of Maxim the Greek]. L., Nauka, 1969. 250 p.
2. Kovtun L.S. Leksikografiya v Moskovskoi Rusi XVI – nachala XVII v. [Lexicography in the Moscow Russia of the 16th – early 17th century]. M., Nauka, 1975. 352 p.
3. Kovalenko K.I. Leksikograficheskie istochniki Azbukovnika 1596 g. [Lexicographic sources of Azbukovnik 1596] // Slovo i slovari: sbornik nauchnykh trudov [Word and dictionaries: collection of scientific papers]. Grodno, Izd-vo GrGU, 2013. pp. 47–50.
4. Lavrentii Zizanii Tustanovskii. Leksis. [Lexis]. Vilno, 1596. 46 p.
5. Nizametdinova N.KH. Slovari-onomastikony kak odin iz rannikh zhanrov russkoi leksikografii [Dictionaries-onomasticons as one of the earliest genres of Russian lexicography] // Russkii yazyk. Istoriya i sovremennost': sbornik nauchnykh trudov, vyp. 3 [Russian language. History and modernity: collection of scientific works, vol. 3]. M., Izd-vo MPU, 1995. pp. 53–62.
6. Nizametdinova N.KH. ZHizn' i tvorchestvo Maksima Greka [The life and works of Maxim the Greek] // Russkii yazyk v shkole [Russian language at school]. 2001. no. 2. pp. 106–111.
7. Nizametdinova N.KH. Slavyano-russkie slovari kak odin iz rannikh zhanrov russkoi leksikografii [Slavic-Russian dictionaries as one of the earliest genres of Russian lexicography] // Russkii yazyk: istoriya, dialekty, sovremennost': sbornik nauchnykh trudov, vyp. 9 [Russian language: history, dialects, modern times: collection of scientific works, vol. 9]. M., Izd-vo MGOU, 2008–2009. pp. 61–65.
8. Nizametdinova N.KH. Slovari-razgovorniki kak odin iz rannikh zhanrov russkoi leksikografii [Dictionaries-phrase books as one of the earliest genres of Russian lexicography] // Russkii yazyk: istoriya, dialekty, sovremennost', vyp. XI: sbornik nauchnykh rabot [Russian language: history, dialects, modern times, vol. XI: collection of scientific works]. M., Izd-vo MGOU, 2011. pp. 65–68.
9. Nizametdinova N.KH. Slovari simvoliki (pritochniki) kak odin iz rannikh zhanrov russkoi leksikografii [Dictionaries of symbols (pritochniki) as one of the earliest genres of Russian lexicography] // Russkii yazyk: istoriya, dialekty, sovremennost', vyp. XV: sbornik nauchnykh trudov [Russian language: history, dialects, modern times, vol. XV: collection of scientific papers]. M., Izd-vo MGOU, 2016. pp. 137–141.
10. Yagich I.V. Rassuzhdeniya yuzhnoslavyanskoi i russkoi stariny o tserkovnoslavyanskom yazyke [The reasoning of the South Slavic and Russian antiquity about Church Slavonic language] // I.V. YAgich. Issledovaniya po russkomu yazyku, t. 1. [I. Yagitch. Studies in Russian language, vol. 1.]. SPb., ORYAS, 1895. pp. 289–1023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Низаметдинова Надежда Николаевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры истории русского языка и общего языкознания факультета русской филологии Московского государственного областного университета;
e-mail: nn.nizametdinova@mgou.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nizametdinova Nadezhda N. – Doctor of Philology, professor, professor, Chair of history of Russian and general linguistics, Russian philology faculty, Moscow Region State University;

e-mail: nn.nizametdinova@mgou.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Низаметдинова Н.Х. Русская лексикография в XVI в. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2016. № 5. С. 89-96.

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-5-89-96

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

N. Nizametdinova. Russian lexicography in the 16th century // Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology. 2016. no. 5. pp. ..89-96.

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-5-89-96

УДК 81'373;001.4

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-5-97-105

ФОРМИРОВАНИЕ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИХ СИСТЕМ В КОНТЕКСТЕ ОБЩЕГО И СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА

Озолина М.Н.*Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация*

Аннотация: В статье лингвистический феномен «термин» рассматривается, во-первых, с точки зрения его общих свойств и функций, во-вторых, как объект сопоставительных исследований в ЯСЦ. Именно структурный и понятийный анализ пар терминов, выявление степени сходства и расхождения позволит преодолеть концептуальные ошибки и недоразумения в трактовке единиц терминологического аппарата среди разноязычных специалистов. Так как автора интересуют существующие методы контрастивного анализа, в работе приводятся некоторые положения наиболее фундаментальных исследований по указанной теме.

Ключевые слова: модели формирования терминов; реляция понятие / предмет: термин; дефиниция; заимствование, интернационализмы в ЯСЦ; эквивалентность; структурный анализ; контрастивный анализ

FORMATION AND INTERACTION OF TERMINOLOGICAL SYSTEMS IN THE FRAMEWORK OF GENERAL AND CONTRASTIVE ANALYSIS

M. Ozolina*Moscow State Region University
10A Radio St., Moscow, Russian Federation, 105005*

Abstract. The article deals with the linguistic phenomenon "term" that is considered, firstly, from the point of view of its general properties and functions, secondly, as an object in LSP comparative studies. It is a structural and conceptual analysis of term pairs, identification of similarity and difference degree that allow overcoming conceptual errors and misunderstanding in the interpretation of units within a terminological apparatus among multi-lingual professionals. Since the author is interested in existing methods of contrastive analysis the paper includes statements of the most fundamental research on the topic.

Keywords: term formation model; relation concept / subject: term; definition; borrowing and internationalism in LSP; equivalence; structural analysis; contrastive analysis.

Терминологические исследования в настоящее время ведутся в разных лингвистических и предметных ракурсах. Наличие работ разнонаправленного характера связано в первую очередь с развитием относительно новых направлений в лингвистике, таких как структурная, когнитивная, корпусная, количественная,

компьютерная, а также с не сдающими свои позиции традиционными направлениями: семантическим, фонологическим, грамматическим, лексикографическим, прагматическим.

Неспадающий интерес к анализу терминосистем и составляющих их элементов вполне обоснован: ежегодно и повсеместно в обиходе научных, технических, социальных и производственных сфер возникают всё новые и новые понятия, предметы и методы, которые с неизбежностью сменяют предыдущие, устаревающие, не соответствующие современным реалиям.

С.В. Гринев приводит 3 модели, по которым формируются отрасли знаний: первая модель возникает в результате «дифференциации знания и отпочкования от данной предметной области новых областей знания» (частная область медицины «хирургия» и её виды «торакальная, кардиоваскулярная»); вторая модель представляет собой «взаимодействие двух наук на их стыке» (примеры: «биофизика, математическая логика»); третья модель – это «комплексные науки и дисциплины, образовавшиеся в результате взаимодействия ряда наук» («экология, информатика») [2, с. 207]. Как следствие, у учёных и специалистов всевозможных отраслей возникает необходимость в наименованиях, которые, в свою очередь, имея различное внешнее оформление – в зависимости от специфики сферы, свойств языка, характера пользователя – встраиваются в общую терминологическую систему и начинают взаимодействовать с присутствующими в ней элементами. Однако в случае появления новых сфер, либо на стадии окончательного формирования существующей сферы, либо полной

или частичной трансформации настоящей сферы в иную, термины проходят путь систематизации и оформляются в единый корпус. Названные процессы протекают не вполне гармонично и синхронно. Это связано с тем, что существует очевидное соотношение: понятие / предмет: термин, и пока понятие / предмет не займёт своё прочное место в системе сферы, его специальное наименование останется вне терминосистемы до окончательного укоренения понятия / предмета в соответствующей специальной сфере или области науки.

Темпы и динамика формирования терминологических фондов в разных предметных областях, соответственно, могут быть различны. Согласно С.В. Гриневу, определение границ терминологий, равно как и встраивание новообразованных терминов в существующую систему, а также их упорядочивание, зависит от особенностей конкретной модели формирования области знания. Для модели 1 это однородная структура, состоящая из базовых терминов, «заимствованных из терминологии исходной науки». Модель 2 «представляет собой либо смесь терминов, взятых из смежных наук, либо термины одной науки, получившие значения или оттенки значения под влиянием другой науки (биофизика). Модель 3 являет собой конгломерат из терминов разных областей знаний. В процессе образования новой научной сферы происходит взаимодействие последних, что приводит к неоднородному составу терминологий. Базовые термины здесь, с одной стороны, могут полностью сохранять исходное значение, с другой стороны, модифицироваться, либо полностью

изменять значение [2, с. 207, с. 208].

Как только начинает складываться та или иная терминосфера, специалисты приступают к фиксации единиц ЯСЦ в терминографических изданиях. В конце прошлого столетия стали завоёвывать позиции электронные базы данных, фиксирующие термины (WebTerm, EuroTermBank, Infoterm). По настоящий момент создаются и совершенствуются инструменты поиска специальных единиц (software localization), методы их эффективной обработки и параметры включения в электронные базы [10].

Необходимо остановиться на таком терминографическом и концептуальном аспекте, как дефиниция. Дефиниция есть не что иное, как словарное определение понятия или предмета (ср. англ. 'to define' «определять»). В.Д. Табанакова относит названный логико-лингвистический феномен к «средствам семантизации научного термина», вместе с тем разграничивая понятия: «определение», «толкование», «семантизация», «описание» [6, с. 15]. В то же время В.М. Лейчиком отмечена «дефинитивная функция термина», иначе «номинативная» [4, с. 64], предполагающая имплицитное свойство терминологической единицы – свойство знака, заключающего содержание понятия / предмета. Ввиду того что структурные и семантические свойства дефиниций разнятся в зависимости от назначения информационно-терминологического источника, не представляется возможным подвести их под единую схему анализа.

В дальнейшем предстоит разобрав вопрос глобального значения для контрастивных исследований в терминоведении. Автор настоящей

публикации основывает анализ на сопоставлении единиц, выходящих за пределы одного языка¹.

Как уже было сказано, стремительно развиваясь, научные, производственные, технические, социальные сферы влекут за собой появление сотен и тысяч новых наименований. Однако в каждой стране эти сферы представлены по-разному (либо не представлены вовсе), учитывая их актуальность, научную и прикладную значимость, уровень развития, степень распространения и внедрения, идеологическую и культурную релевантность. В прямой зависимости от нижеуказанных факторов находится состояние конкретной научной, технической, производственной или социальной системы. Данная система отражается в совокупности специальных наименований, реферирующих к её предметам / понятиям².

Представляя собой некое множество, наименования³ по-разному проявляют себя в терминосистеме конкретной сферы: от окказиональных, неустойчивых до устоявшихся в ней единиц. В сущности, терминосистеме приписывается такой важный признак, как «относительная устой-

¹ Комментарий не является излишним, так как аналогичные штудии проводятся в рамках одного языка на основании 2-х разных либо смежных терминосистем. Пример тому – диссертационная работа Д.Л. Бронниковой «Сравнительно-сопоставительный анализ терминологического корпуса подязыков альтернативного топлива и электроники».

² «Понятие» имеет здесь иное толкование, нежели в лингвистической семантике: речь идёт исключительно о некотором явлении действительности сугубо специальной сферы – научной, производственной, социальной, – но не о материальном предмете.

³ Альтернативными будем использовать термины «знак», «единица», «номинация».

чивость». Однако, принимая во внимание разнообразие источников пополнения терминологий, далеко не все лексические единицы претендуют на статус термина: «квазитермины», «профессиональные просторечия», «жаргонизмы» [4, с. 82, с. 120].

Фактор, который обуславливает разный статус терминов внутри системы, вполне очевиден: это реальное взаимодействие в той или иной сфере предметов и понятий, их роль и соотношение в научной, производственной, технической и социальной действительности. Определяющим моментом, тем не менее, является *наличие или отсутствие* предмета / понятия, при этом наличие в специальной сфере последнего проявляется в разной степени, что, в свою очередь, сводится к свойствам реальности данной страны. Проиллюстрировать такое соотношение несложно, назвав, к примеру, производственно-техническую сферу голландского кораблестроения и судоходства. Тогда на рубеже XVI–XVII веков результатом интеллектуального и физического труда человека стали не существовавшие до этого элементы кораблей и новые судоходные системы. Естественным образом они подвергались наименованию, в процессе которого складывалась совокупность специальных обозначений. И хотя факт существования в тот период перечня, фиксирующего отраслевые единицы (тем более их систематизирующего), неизвестен, тем не менее исторически доказано, что предметы и понятия голландской технической реальности того времени проникали в другие страны. Вполне объяснимо, что с ними пришли и обозначения последних [5]. Это обстоятельство необ-

ходимо прояснить с нескольких точек зрения: во-первых, не все предметы, методы, процессы той или иной отрасли перенимались, равно как не перенимались и технические понятия, их обозначающие; во-вторых, не со всеми предметами / понятиями в язык-реципиент вошли оригинальные наименования – теоретически допустимо, что предметам / понятиям присваивались *не* исконные обозначения на основе соотнесённости неких признаков с существующими предметами / понятиями; в-третьих, сами предметы / понятия видоизменялись, совершенствовались, исчезали, приобретали иные функции и утрачивали оригинальные.

Описываемые процессы находятся преимущественно в поле зрения исследователей заимствованной лексики и интернационализмов, в то время как для терминоведов они релевантны по причине принадлежности их к специальной сфере. Несмотря на значимость исследуемых в настоящей статье свойств терминологических единиц и систем, нельзя не признать того, что наиболее последовательным является метод, основанный на теории языковых контактов. Наибольший вклад в разработку такого метода внёс Д.С. Лотте своим научным трудом «Вопросы заимствования и упорядочивания иноязычных терминов и терминологических элементов».

Вернёмся к тому обстоятельству, что процесс формирования конкретной научной, технической, производственной, социальной сферы осуществляется непоследовательно и несинхронно в разных странах. На определённом этапе исторического развития зачастую та или иная страна имеет первенство в производстве,

научных и технических достижениях, разработке и внедрении социальных систем и норм. Но указанные процессы могут осуществляться и параллельно в разных странах, с неким временным и качественным превосходством одной страны над другой. Чаще всего отсутствие в специальной сфере предметов и понятий, а в ряде случаев отсутствие самой сферы (или её несовершенство) приводит к взаимодействию со сферой иной страны, вследствие чего появляются новые предметы / понятия, которые в дальнейшем интегрируются в соответствующей области. Однако специальные сферы не до конца открыты «инородному» проникновению, не всегда способны принимать внешние понятия, предметы, явления и далее интегрировать их в собственную систему. Отражающие эти процессы языковые единицы (в отдельности и совокупности) являются своего рода лакмусовой бумажкой, демонстрируя сущность и свойства сферы, соотношение в ней предметов / понятий.

Таким образом, если в специальной сфере одной страны присутствует некое понятие или предмет, обнаруживающий аналогичное понятие или предмет в той же специальной сфере другой страны или числа стран, то вполне закономерно, что предмет / понятие будет выражено в единицах языка данной страны. Иначе выглядит ситуация, когда предмет / понятие интегрированы извне: тогда наряду с обозначением средствами языка-реципиента получает распространение способ заимствования вместе с предметом / понятием реферирующего к нему знака.

Названный процесс находит выражение в следующей схеме:

1. $A_{L(Language)}(object / concept) = B_L(object / concept) \rightarrow \text{план выражения} \rightarrow S(\text{sign})_{AL} \neq S_{BL}$

2. $A_L(object / concept) = B_L(object / concept) \rightarrow \text{план выражения} \rightarrow S_{AL} = S_{BL}$ ¹

Надо заметить, что такая иллюстрация носит идеальный характер и в реальности встречается далеко не всегда; скорее, такие схемы можно обнаружить в технических словарях и словарях точных наук.

Представим себе некий искусственный билингвальный словарь, в котором все терминологические единицы и их дефиниции имели бы идентичную формальную и семантическую структуру:

$S_{AL}: D(\text{definition})_{AL}$	$S_{BL}: D_{BL}$

Элемент терминосистемы языка А (S), имеющий форму, идентичную форме языка В, условно обозначим формулой $zet(S_{AL}) = zet(S_{BL})$. Разновидностью структуры при этом может быть соотношение форм:

a. $zet(S_{AL}) = Zet(S_{BL})$

b. $zet(S_{AL}) = zem(S_{BL})$

Подобные схемы В.В. Акуленко называет «интернациональными аналогиями», исходя из сопоставления сложносоставного существительного «небоскрёб» с его соответствиями из германских языков: рус. *небо-скрёб*, англ. *sky-scraper*, швед. *sky-skrapa*, нем. *Wolken-kratzer*, голл. *wolken-krabber* [1, с. 22].

При условии совпадающей или расходящейся фонетической формы, при сохранении её структуры, дефиниции в искусственном билингвальном словаре априори имеют структурную и

¹ С учётом свойств языка S_{BL} подвергается внешней ассимиляции по орфографическим и фонетическим законам конкретного языка.

смысловую идентичность, но расходятся в системных языковых признаках: фонетических, грамматических, синтаксических, орфографических, при этом их семантическая нагрузка, безусловно, одинакова:

D_{AL} w wwww	D_{BL} y vvvv

D_{AL} w wwww	D_{BL} B BBBB

С учётом того, что схема такого виртуального словаря идеальна, но не достаточно утилитарна, следует признать её исключительно за эталон.

Действительное положение вещей в терминосистемах разных языков таково, что семантическая нагрузка специальной единицы (S), а следовательно, репрезентирующей её дефиниции (D), в B_L , скорее всего, в той или иной степени будет иной, чем семантическая нагрузка единицы (S) в A_L . Степень расхождения варьируется от близкой к нулю, минимальной до значительной. В первом случае принято говорить об абсолютных терминологических эквивалентах, в последнем – об относительных.

В частности, Р. Арнцт считает понятия, представленные в двух языках и реализуемые через термины, эквивалентными друг другу в том случае, если они совпадают во всех имеющихся понятийных признаках (2 Begriffe, die durch Termine repräsentiert sind, sind grundsätzlich als äquivalent zu betrachten, wenn sie in sämtlichen Begriffsmerkmalen übereinstimmen). В то время как «полная эквивалентность» (vollständige begriffliche Äquivalenz) предполагает абсолютное содержательное и количественное равенство семем, неполное пересечение

признаков приводит к относительной эквивалентности [9, с. 140]. В контексте контрастивных исследований терминосистем и их элементов нижеперечисленные положения значимы, поскольку они подводят нас к рассмотрению некоторых предметных тезисов, изложенных лингвистами-терминоведами.

По нашему мнению, наиболее значительный вклад в этой области принадлежит **Ф.А. Циткиной**. В своей монографии «Терминология и перевод (к основам сопоставительного терминоведения)» автор исследует «сходства и различия в лексической, семантической и грамматической структуре сопоставляемых терминов» в подъязыке математической логики и приходит к выводу, что в языке-реципиенте и языке перевода эти термины «представляют одно и то же научное понятие». В работе указывается на такую важную особенность терминов, как тождественность понятий английских и русских единиц: «Смысловые отношения между ними одинаковы», поскольку выводятся из «единого определения» [7, с. 5–31]. Последнее высказывание подтверждает наше предположение о смысловой и структурной идентичности дефиниций в сопоставляемых языках.

Заслуживают внимания некоторые методы анализа и выводы автора, основанные на его результатах. Например, в целях «выявления структурных сходств и различий конститутивных единиц» [7, с. 106] используется словообразовательный анализ с включением метода НС¹, фиксируется число и состав компонентов, а также положение морфем в единице. В ходе по-

¹ НС – непосредственные составляющие.

следующего количественного анализа устанавливается соотношение словообразовательных типов в английском и русском языках. В итоге «наибольшее количество структурных сходств наблюдается» в терминах, образованных по моделям $N[S]$, $N[PS]$, $N[SV]$, $N[S1 S2]$ ¹.

Следует отметить и такие явления, приведённые в монографии, как «одноструктурные термины» (*box* — *куб* $N[S]$ — $N[S]$), «словообразовательные аналоги эквивалентных терминов», в том числе формулировку «линейное отображение компонентов» (*quasiordering* — *квазиупорядочение*, *metalanguage* — *метаязык* [7, с. 112–114]). Отметим, что данные модели скорее могут быть подведены под схему $S_{AL} \neq S_{BL}$, нежели под схему $S_{AL} = S_{BL}$, поскольку вторые компоненты специальных номинаций указывают на их различное происхождение. В целом, приведённые примеры демонстрируют смешение форм: калькирование и гибридизация.

Ф.И. Циткина отмечает «высокую степень подобия структур при переводе», как это показано в парах *dual-дуал*, *branch-ветвь* $N[S]$ — $N[S]$. Данный пример подтверждает приведённое нами ниже положение о структурно-смысловой идентичности терминологических единиц, которое, тем не менее, носит идеальный характер. Вместе с тем мы не вполне согласны с автором относительно того, что термины *verifi-*

cation — *оценка* $N[SV]$ — $N'[SV]$, *provability* — *доказуемость* $N[SV]$ — $N'[SV]$, *enumeration* — *нумерация* $N[PS]$ — $N[PS]$ и ряд других демонстрируют изоморфизм структуры; и даже близкая к «словообразовательному аналогу» пара *subtheory* — *подтеория* $N[PS]$ указывает на расхождение в структуре единиц. Полное совпадение морфологической и словообразовательной формы термина может иметь место при равном числе слогов, хотя, безусловно, сходство моделей в указанных примерах неоспоримо [7, с. 78–80].

Вышеуказанные положения представляют собой важную основу для последующих исследований в сфере контрастивного терминоведения, открывают новые перспективы для сопоставления идеографических источников, верификации нормативных и терминологических баз данных, оценки степени их унификации и упорядоченности в глобальном контексте. К работам, заслуживающим серьёзного рассмотрения, относятся диссертационные исследования Л.Б. Шашковой, В.К. Лагуновой, С.Ю. Нейман, работа польского учёного Е. Kwiatek и некоторые другие. На фоне и с учётом общих вопросов теории термина, изложенных в начале данной статьи, нам предстоит сделать обобщение имеющихся методов и предложить собственный алгоритм контрастивного описания специальных номинаций.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Акуленко В.В. Интернациональные элементы в лексике и терминологии. Харьков, Вища школа. Изд-во при Харьк. ун-те, 1980. 215 с.
2. Гринев С.В. Основы лексикографического описания терминосистем: дисс. ... до-ра филол. наук. М.: МГУ, 1990.

¹ N — имя существительное, S — основа, P — префикс, V — суффикс

3. Лейчик В.М. Терминоведение. М., 2006. 256 с.
4. Попов Ю.М. Имя образование кораблей и судов отечественного флота во времена правления Петра I: дис. ... канд. ист. наук. С-Пб, 2001. 224 с.
5. Табанакова В.Д. Идеографическое описание научной терминологии в специальных словарях: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2001.
6. Циткина Ф.А. Терминология и перевод (к основам сопоставительного терминоведения). Львов: Издательского объединения «Вища школа», 1988. 157 с.
7. Arntz R., Picht H. Einführung in die übersetzungsbezogene Terminologearbeit (Studien, Texte, Entwürfe). Band 17. Georg Olms Verlag Hildesheim Zürich New York, 1982.
8. Schmitz Klaus-Dirk, Reineke Detlef: "Einführung in die Softwarelokalisierung" Gunter Narr Verlag Tübingen, 2005.

REFERENCES

1. Akulenko V.V. Internatsional'nye elementy v leksike i terminologii [International elements in the vocabulary and terminology]. Kharkov, Vishcha shkola, Izd-vo pri KHar'k. un-te, 1980. 215 p.
2. Grinev S.V. Osnovy leksikograficheskogo opisaniya terminosistem: dis. dokt. filol. nauk [Fundamentals of lexicographical description of terminosystem: doctor of Philological Sciences thesis]. M., MGU, 1990.
3. Leichik V.M. Terminovedenie [The science of terminology]. M., 2006. 256 p.
4. Popov YU.M. Imya obrazovanie korablei i sudov otechestvennogo flota vo vremena pravleniya Petra I: dis. kand. ist. nauk [The name formation of ships of the Russian Navy during the reign of Peter I: candidate of Historical Sciences thesis]. SPb., 2001. 224 p.
5. Tabanakova V.D. Ideograficheskoe opisanie nauchnoi terminologii v spetsial'nykh slovaryakh: avtoref. dis. kand. filol. nauk [Ideographic description of scientific terminology in special dictionaries: abstr. from candidate of Philological Sciences thesis]. Tyumen, 2001.
6. Tsitkina F.A. Terminologiya i perevod (k osnovam sopostavitel'nogo terminovedeniya) [Terminology and translation (to the basics of comparative science of terminology)]. Lviv, Izdatel'skogo ob"edineniya "Vishcha shkola", 1988. 157 p.
7. Arntz R., Picht H. Einführung in die übersetzungsbezogene Terminologearbeit (Studien, Texte, Entwürfe). Band 17. Georg Olms Verlag Hildesheim Zürich New York, 1982.
8. Schmitz Klaus-Dirk, Reineke Detlef: "Einführung in die Softwarelokalisierung" Gunter Narr Verlag Tübingen, 2005.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Озолина Мария Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и методики преподавания факультета психологии Московского государственного областного университета;
e-mail: mar.ozolina@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Maria Ozolina – candidate of Philological Sciences, associate professor, associate professor at the Department for Foreign languages and teaching methodology, Psychology Department of Moscow Region State University;
e-mail: mar.ozolina@yandex.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Озолина М.Н. Формирование и взаимодействие терминологических систем в контексте общего и сопоставительного анализа // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2016. № 5. С. 97-105.

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-5-97-105

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

M. Ozolina. Formation and interaction of terminological systems in the framework of general and contrastive analysis // Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology. 2016. no. 5. pp. 97-105.

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-5-97-105

УДК 811.161.1

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-5-106-112

СЕМАНТИЧЕСКИЙ ОБЪЁМ СЛОВ С КОРНЕМ *-МИЛ-* В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ: ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ВОСПРИЯТИЯ ЗНАЧЕНИЯ

Пидченко М.В.*Московский государственный областной университет**105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация*

Аннотация. В статье анализируются слова с корнем *-мил-*, активно используемые в различных культурно значимых текстах, в том числе церковно-религиозных, связанных традицией и сферой использования с богослужебными, где слово *милостив* входит в состав «Молитвы Мытаря». Анализируется сегмент парадигмы слов с корнем *-мил-*, определённый на основе учёта частоты употребления единиц в церковно-религиозных текстах, опубликованных в печатных органах РПЦ. В статье приводятся данные ассоциативного эксперимента, благодаря которому был выявлен круг ассоциаций на слова с указанным корнем, характерные коннотации, проанализировано наличие / отсутствие представления о связи лексических значений этих единиц с сакральной семантикой (имплицитной или эксплицитной) в сознании современных носителей языка.

Ключевые слова: тексты церковно-религиозного стиля, корень *-мил-*, национальная культура, сакральная семантика, ассоциации, парадигма.

SEMANTIC VOLUME OF WORDS WITH THE ROOT *-MIL-* IN THE MODERN RUSSIAN LANGUAGE: ON THE PERCEPTION OF THE MEANING

M. Pidchenko*Moscow State Region University**10A Radio St., Moscow, Russian Federation, 105005*

Abstract. The article analyzes the words with the root *-mil-*, which are widely used in a variety of culturally significant texts, including Church and religious related tradition, and use with liturgical, where the word *gracious* is part of the "Prayer of the Publican". We examine the segment of the paradigm words with the root *-mil-*, defined on the basis of the frequency of use of units in religious texts published in print media of the ROC. The article presents the data of the associative experiment, which had revealed a range of associations to words with a specified root, the characteristic connotations, we analyzed the presence / absence of the opinions about the meanings of these lexical units with sacral semantics (implicit or explicit) in the minds of modern native speakers.

Keywords: the texts of the Church-religious style, the root *-mil-*, national culture, sacred semantics, associations, paradigm.

Проблема изменения лексического состава русского языка, развития семантики его единиц остаётся актуальной для лингвистики в течение многих десятилетий, о чём свидетельствуют многочисленные публикации [1; 3]. Так, Г.Н. Складаревская отмечает и негативные, и позитивные языковые тенденции в этом движении: к числу позитивных процессов исследователь относит «уход из активного употребления в пассив целых лексических пластов, отражающих реалии и категории советской эпохи и составлявших в прошлом своеобразный языковой фон», возвращение групп слов, в том числе связанных с религией, и процесс ресемантизации – «восстановление исходных значений слов за счёт снятия идеологических наслоений и запретов советского времени» [8].

Словосочетания «божественная клубника», «прелестное платье» воспринимаются нашими современниками как стилистически допустимые, уместные, безусловно, прежде всего в непринуждённой разговорной речи, хотя в значениях слов *божественный*, *прелестный* присутствует ныне «затёртый», «пленённый метафорой», растворённый вследствие оценочного сдвига религиозный семантический компонент, указывавший на связь этих единиц с сакральной лексикой, который диссонировал бы с семантикой подобных контекстуальных партнёров, если бы не стал имплицитным.

Целью данного исследования является анализ сегмента парадигмы с корнем *-мил-*, которая представлена в языке 33 членами (с простой основой) [2, с. 209-210]. Круг слов определён на основе учёта частоты их употребления в церковно-религиозных текстах,

опубликованных в печатных органах Русской Православной Церкви (РПЦ). Главной задачей считаем анализ представления о связи (наличие / отсутствие) лексических значений единиц с корнем *-мил-* с сакральной семантикой в сознании современных носителей языка. Поставлены и иные задачи: проанализировать парадигматику и семантику слов с корнем *-мил-* по данным словарей; провести ассоциативный эксперимент и обработать полученные данные; сделать вывод о статусе сакральной семы (имплицитная, эксплицитная; ядерная, периферийная и т. д.), что связано с присутствием (связью) в толкованиях такого важного компонента, как 'Бог', на основе сравнения данных словарей и результатов ассоциативного эксперимента.

Исследуемые слова с корнем *-мил-* (*милосердие*, *помиловавший*, *милость*, *умиление*, *милостыня*, *милостив*) воспринимаются большинством опрошенных носителей как не имеющие сакральных смыслов. На это указал ассоциативный эксперимент, в котором испытуемыми являлись ученики 6-х классов средней школы и студенты 2-го курса филологического факультета. Только у троих студентов в языковом сознании слово *милостив* связано с Богом, но никто из школьников не имел подобных ассоциаций.

Прежде чем охарактеризовать восприятие слов данного сегмента парадигмы с корнем *-мил-* опрошенными, отметим, что этимологические словари указывают на то, что сакральный компонент присущ семантике корня. Согласно «Этимологическому словарю русского языка» М. Фасмера, глагол *миловать*, *помиловать* («первонач. др.-русс., ст.-слав. *миловати*») обра-

зовался от прилагательного *милый* и обозначает 'сжалиться'. Прилагательное *милый*, как указано, по Мейэ-Эрну, возможно трактовать, учитывая выдвинутое «ещё Раском сближение слав. *milъ*: греч. *φίλος* (**bhilos*)» [10, т. 2, с. 621].

В «Историко-этимологическом словаре» П.Я. Черных в словарной статье слова *милый* представлено, что компонент *мил* имеет корень **mei-*, **mi-* с суффиксом *-l*. Этот же корень, но с другим суффиксом является основой слова *мир* [11, т. 1, с. 531].

В ЭССРЯ также выражена эта точка зрения на индоевропейский корень **mei-*, **mi-* как **первоисточник; в словарных статьях приводится частотность употребления и толкование исследуемых нами слов: индекс обозначает, к какой тысяче наиболее употребительных слов современного живого языка относится слово:**

«Милосердие (4) – готовность помочь кому-л. или простить кого-л. Из сострадания, человеколюбия. Вероятно, калька лат. *miser cordia*.

Милостыня (3) – то, что подаётся нищему, подаяние. Производное с суф. *-ыни* от основы *милость*» [12, т. 1, с. 518].

Обращаясь к положению исследуемых слов в активном или пассивном словаре современного русского языка, мы проанализировали данные частотного словаря О.Н. Ляшевской и С.А. Шарова. Поскольку рассматривались единицы, используемые в Православных СМИ, то внимание было уделено изменению динамики употребления леммы в публицистике на протяжении пятидесяти лет. По результатам изучения данных можно сказать, что частота употребления слов с корнем *-мил-* не всегда была одинаковой.

Все слова (кроме *умиление*) достигали пика частоты употребления в период с 1970 по 1980 гг. Синтагматика слов не отражена в «Словаре сочетаемости слов русского языка» [9].

В исследуемых нами статьях журнала РПЦ «Московские Епархиальные ведомости» слова с корнем *-мил-* встречаются в составе следующих словосочетаний и предложений:

Милосердие: *надеясь на Его милосердие* (№ 1-2 / 2014); *сокровище веры, сокровище правды и сокровище милосердия*» (№ 9-10 / 2014).

Помиловавший: *веруя в то, что Он, помиловавший столь многих грешников...* (№ 1-2 / 2014).

Умиление: *...в помысл умиления не приходит* (№ 9-10 / 2014).

Милостив: *...но смотрите, как милостив к нам Господь* (№ 2 / 2015).

Милостыня: *Он раздал как милостыню всё своё имение...* (№ 9-10 / 2014).

Милость: *...он всё-таки, по милости всещедрого Бога, не лишился надежды причаститься прекрасных его дарований...* (№ 9-10 / 2014).

Мы исследовали статьи из рубрики «Гомилетическое наследие и церковная проповедь», которые адресованы не только верующим, но и сомневающимся людям. Авторы должны, как кажется, использовать в них слова и выражения, эмоционально воздействующие на читателя. Слова с корнем *-мил-* относятся к таким средствам русского языка. Представим в сравнении с толкованиями «Словаря православной культуры» Г.Н. Складневской ассоциации, приведённые в «Русском ассоциативном словаре» (РАС).

Так, к слову *милосердие* ('Сострадательная помощь ближнему как хри-

стианская добродетель' [7]) в РАС наиболее частотными ассоциациями являются *доброта, Красный Крест – 5; Божье, добро и здоровье, к людям, любовь, церковь – 3* [6].

Опрошенные студенты показали следующие ассоциации к слову *милосердие*: *доброта – 5; добро – 2; мизерикордия, крест, уважение, больница, благодать, помощь, любовь, книга, Бог, милостыня – 1; нет ответа – 1*.

Ассоциации школьников среднего звена: *доброта – 6; милость – 3; милый (ая) – 2; пощадил, милое сердце, жалость, сердце, помогать человеку, человек, помощь, Путин, злоба – 1, нет ответа – 4*.

На основе приведённых данных можно сделать вывод о том, что в сознании опрашиваемых современных носителей языка понятие 'милосердие' связано с добром, которое человек может дать кому-то, оказав помощь. Это понимание соответствует православному мировосприятию. Однако есть и случай негативной ассоциации (*злоба*), связанной, вероятно, с наличием антонима как близкой в плане парадигматики единицы.

Значение слова *помиловавший* (причастие от *помиловать*) сближаем со значением однокоренного глагола несовершенного вида *миловать* – 'являть милость, быть милостивым': *помиловавший* – 'проявивший милость' [7]. Полученный ассоциативный ряд указывает на восприятие молодёжью и школьниками слова с мирской точки зрения, на связь причастия с фрагментами русской языковой картины мира «Власть», «Правосудие» и соответствующими концептами, актуализацию семы 'гражданский': а) *царь – 3; король, правосудие, судья, спаситель, добрый,*

сердце, казнивший, судья, нищенка, наказавший – 1; нет ответа – 5 (студенты); б) *помиловать, простивший, палач – 2; милый, человек, милость, милостыня, Наполеон, казнь, гроб, сохранивший ему жизнь, Иван-царевич, пощадил – 1; нет ответа – 10*. Это слово вызвало наибольшие затруднения в плане перцепции, о чём говорит отсутствие ассоциаций у трети опрашиваемых. Все полученные ассоциации соотносимы, скорее, с юридической, правовой стороной современной жизни. Ни в чём не проступила связь с сакральной семантикой; констатируем ассоциации со словами, включающими негативно-оценочные семы (*палач, гроб*), что говорит об агрессивном видении мира отдельными молодыми людьми.

Категория «умиление» в связи со стилистикой церковно-религиозных текстов была рассмотрена В.В. Леденёвой: «Умиление – это чувство, обусловленное наступлением духовного просветления, умягчением сердца» [4, с. 137]. Автор отмечает, что полно значение данного слова в его связи с эмоциональной категорией раскрывается только в церковно-религиозном стиле, где в текстах есть разграничение «умиления-любования и умиления очистительного, связанного с покаянием как христианской добродетелью, необходимо верующим» [4, с. 138-139].

Слово *умиление* не вызвало затруднений в понимании и обусловило только положительные ассоциации у студентов: *радость – 5; улыбка – 5; красота – 2; котёнок, пушистый, кот, дети, ребёнок, щёки – 1*. Школьники же продемонстрировали восприятие единицы позитивное (*радость – 2; круто, жизнь, умелый, кот, поэт, котик, успокойся, школа – 1*) и негатив-

ное (*наук, гроб, умер* – 1); не возникло ассоциаций у 12 опрошенных.

Характерной особенностью употребления имени прилагательного **милостивый** ('Являющий милость; исполненный милости' [7]) является то, что в исследуемых нами текстах церковно-религиозного стиля оно встречалось только в краткой форме (*милостив*).

В ряду ассоциаций на это слово у опрошенных студентов появляются компоненты, связанные с религией (*Бог* – 2, *церковь* – 1), что может говорить о существовании в их ментально-лингвальной базе прецедентных текстов – молитв. Остальные ассоциаты имеют положительную коннотацию (*добр* – 6; *государь* – 3; *милый, благодушен, правдив, человек, ко мне* – 1).

Понятие 'милостив' для школьников не имеет очерченного контура, трудно определяемо: не возникло ассоциаций у 12 опрашиваемых, две ассоциации связаны только со звуковой формой слова (*Стив*). Есть и позитивные ассоциации (*милый* – 2; *добрый / добр* – 2, *добродушный, жалостив, хорош, свет, наш трудовик, русский язык* – 1), один человек представил антоним *зол*.

Милостыня ('Подаяние бедным (обычно просящим) как проявление христианской добродетели' [7]) в РАС соотносится распространенными ассоциациями *просить* – 8; *подавать* – 5; *Божья* – 4; *подачка* – 4; *нищему, нищий, у церкви, церковь* – 3 [6].

Ассоциации студентов близки к традиционным, в основном отражают фрагмент картины мира «Нищенство»: *нищий* – 5; *наперть* – 2; *жертва* – 2; *ни-*

щая, плата, рука, сострадание, вокзал, бедный, церковь, попрошайка – 1.

Школьники показали чуть больший разброс ассоциаций: *милость, простыня* – 2; *попрошайка, молитва, помилование, пластилин, благотворительной, попрошайничество, бабушкина пенсия, бродяги, помочь деньгами, жалостыня, мак, милый, пустыня, икона, щедрость, стаканчик, деньги просят, доброта* – 1; нет ответа – 5.

Милость ('Доброта, сострадание, прощение' [7]) в РАС как наиболее распространённые ассоциаты имеет слова, обладающие сакральной семантикой: *Божья* – 17; *Бог, Бога* – 3, см. также *к падишим* – 4 [6].

Студенты продемонстрировали разнообразие ассоциатов, в том числе привели слова с религиозной семантикой: *свет* – 2; *дворянин, чаша, девушка, забота, ваша, милостыня, мило, жалость, щедрость, снисхождение, суд, Божья, душа, подарок* – 1; нет ответа – 2. Ассоциации школьников с религией практически не связаны: *кошка, киса, котёнок, красота, милый, милостыня, милосердие, добрый, нежность, конфета, лунтик, простил, милее, любовь, человек, помогать* – 1; нет ответа – 6.

Обобщив данные, можно сказать, что слова с компонентом *-мил-* присутствуют в современной культуре, используются не только в текстах церковно-религиозного стиля, однако сакральная сема в значениях большинства единиц рассмотренного сегмента парадигмы имплицитна, хотя, взрослея, молодые люди связывают милость как доброту, прощение и сострадание с милостью Божией.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке: учебное пособие М.: Логос, 2003. С. 75-130.
2. Кузнецова А.И., Ефремова Т.Ф. Словарь морфем русского языка. М.: Рус. яз, 1986. 1136 с.
3. Леденёва В.В. О лексике современных коммуникативных сфер: семантический портрет слова *телевизация* // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2012. № 6. С. 12-16.
4. Леденёва В.В. О некоторых функциях разговорных слов в тексте православных СМИ // Вестник Московского государственного университета печати. 2009. № 9. С. 135-142.
5. Ляшевская О.Н., Шаров С.А. Частотный словарь современного русского языка на материалах Национального корпуса русского языка. М.: Изд. центр «Азбуковник», 2009. XXII. 1087 с.
6. Русский ассоциативный словарь. В 2 т. Т. 1. От стимула к реакции: ок. 7000 стимулов / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов. М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2002. 784 с.
7. Скияревская Г.Н. Словарь православной церковной культуры: более 2000 слов и словосочетаний. М.: Астрель: АСТ, 2008. 447 с.
8. Скияревская Г.Н. Слово в меняющемся мире: русский язык начала XXI столетия: состояние, проблемы, перспективы. Исследования по славянским языкам. № 6. Сеул, 2001. [Электронный ресурс]. URL: <http://philology.ru/linguistics2/sklyarevskaya-01.htm> (дата обращения: 24.09.2015).
9. Словарь сочетаемости слов русского языка: ок. 2500 слов, статей / под ред. П.Н. Денисова, В.В. Морковкина. М.: Рус. яз., 1983. 688 с.

REFERENCES

1. Valgina N.S. Aktivnye protsessy v sovremennom russkom yazyke: ucheb. posob. [Active processes in the modern Russian language: textbook.] M., Logos, 2003. pp. 75–130.
2. Kuznetsova A.I., Efremova T.F. Slovar' morfem russkogo yazyka [Dictionary of morphemes of the Russian language]. M., Russkii yazyk, 1986. 1136 p.
3. Ledeneva V.V. O leksike sovremennykh kommunikativnykh sfer: semanticheskii portret slova televizatsiya [On the vocabulary of the modern communicative spheres: a semantic portrait of the word "televization"] // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya Filologiya [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology]. 2012. no. 6. pp. 12–16.
4. Ledeneva V.V. O nekotorykh funktsiyakh razgovornykh slov v tekste pravoslavnykh SMI [On some of the functions of spoken words in the text of the Orthodox mass media] // Vestnik MGUP [Bulletin of Moscow State University of Printing Arts]. 2009. no. 9. pp. 135–142.
5. Lyashevskaya O.N., Sharov S.A. Chastotnyi slovar' sovremennogo russkogo yazyka na materialakh Natsional'nogo korpusa russkogo yazyka [A frequency dictionary of modern Russian language on the materials of the National corpus of the Russian language]. M., Izd. tsentr «Azbukovnik», 2009. 1087 p.
6. Russkii assotsiativnyi slovar'. V 2 t. T. 1. Ot stimula k reaktzii: Ok. 7000 stimulov [Russian associative dictionary. In 2 vols. Vol. 1. From stimulus to response: Ab. 7000 incentives] / Karaulov YU.N., Cherkasova G.A., Ufimtseva N.V., Sorokin YU.A., Tarasov E.F. M., ООО «Izdatel'stvo Astrel'»: ООО «Izdatel'stvo AST», 2002. 784 p.
7. Sklyarevskaya G.N. Slovar' pravoslavnoi tserkovnoi kul'tury: bolee 2000 slov i slovosochetanii [Dictionary of the Orthodox Church culture: 2000 more words and phrases]. M., Astrel': AST, 2008. 447 p.

8. Sklyarevskaya G.N. Slovo v menyayushchemsya mire: russkii yazyk nachala XXI stoletiya: sostoyanie, problemy, perspektivy. Issledovaniya po slavyanskim yazykam. № 6. Seul, 2001. [Elektronnyi resurs]. [Word in a changing world: Russian language of the early 21st century: state, problems, prospects. Research on Slavic languages. no. 6. Seoul, 2001. [E-source]]. URL: <http://philology.ru/linguistics2/sklyarevskaya-01.htm> (request date 24.09.2015)
9. Slovar' sochetaemosti slov russkogo yazyka: Ok. 2500 slov. statei [Compatibility Dictionary of the Russian language: Ab. 2500 word. articles]. M., Russkii yazyk, 1983. 688 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Пидченко Маргарита Викторовна – аспирант кафедры современного русского языка Московского государственного областного университета;
e-mail: tycenkax@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Margarita Pidchenko – postgraduate student of the Department of modern Russian language at Moscow state regional University;
e-mail: tycenkax@mail.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Пидченко М.В. Семантический объём слов с корнем -мил- в современном русском языке: об особенностях восприятия значения // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2016. № 5. С. 106-112.
DOI: 10.18384/2310-7278-2016-5-106-112

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

M. Pidchenko. Semantic volume of words with the root -mil- in the modern Russian language: on the perception of the meaning // Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology. 2016. no. 5. pp. 106-112.
DOI: 10.18384/2310-7278-2016-5-106-112

УДК 81 - 13

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-5-113-122

ЯЗЫКОВЫЕ ЯВЛЕНИЯ В СВЕТЕ ФСК ВЗАИМНОСТИ

Радзиховская В.К.*Московский государственный педагогический университет**119991, Москва, улица Малая Пироговская, 1/1, Российская Федерация*

Аннотация. В статье представляется феномен функционально-семантической категории (ФСК) взаимности как результат мысле-рече-языковой деятельности. ФСК взаимности сохраняет фундаментальные свойства языка: самоорганизации на основе скоординированности всех моментов движения в процессе предикирования, саморегулирования всего механизма системы и способности преодолевать кризисы развития в силу альтернативности действующих форм грамматического и лексического представления взаимного значения. В статье показаны особенная значимость языковых форм в поле взаимности, природа языковой заряженности, генерализация значения слова и потребность вторичной номинации.

Ключевые слова: функционально-семантическая категория, взаимное местоимение, предмет взаимных отношений, вторичная номинация.

LINGUISTIC PHENOMENA IN THE LIGHT OF THE FSC RECIPROCITY

V. Radzikhovskaya*Moscow State University**1/1, Malaya Pirogovskaya Street, Moscow, Russian Federation, 119991*

Abstract. The article presents a phenomenon of functional-semantic category (FSC) reciprocity as a result of thought-speech-language activity. FSC reciprocity retains the fundamental properties of language: self-organization based on the fundamental coordination of all aspects of the movement in the process of predication, self-regulation of the whole mechanism of the system and the ability to overcome the crisis of growth because of the alternative active forms of grammatical and lexical representations of mutual meaning. The article shows the importance of special forms of language in the field of reciprocity, the nature of the language charge, the generalization of the meaning of the word and the need for secondary nomination.

Keywords: functional-semantic category, reciprocal pronoun, the subject of mutual relations, secondary nomination.

Системное исследование языка организуется, как известно, обоснованным выбором объекта наблюдения, выделением фрагмента языковой действительности, сохраняющего свойства целого, достоверный результат обеспечивается, прежде всего, адекватным квантованием языковой материи. Функционально-семантическая категория взаимности (ФСК) в этом отношении представляет

особенный интерес, поскольку язык, по мнению А.Ф. Лосева, как «инструмент разумно-жизненного общения» [7, с. 11] в поле взаимных отношений является отчётливее, чем при рассмотрении его с позиции говорящего, его создающего: из поля взаимности видно целенаправленное движение языковых форм, мотивированная значимость слова, регуляция использования языка. Если *знание* как результат по действию *знать* – ‘принадлежность знающего что-либо... плод учения, опыта’ [5, т. 2, с. 611] – ещё не передано, его нет. Переданное знание уже есть *сознание* – способность взаимодействовать с окружающим миром, понимать другого, *друг друга*, как результат познавательной деятельности: «полная память, смысл и свобода отчётливой воли» [5, т. 4, с. 120] – проявляется во взаимодействии с миром.

Сложный феномен ФСК взаимности как языковой категории, представляющей систему разноуровневых средств, взаимодействующих при выражении взаимного значения, проанализированный А.В. Бондарко [1; 2], М.И. Откупщиковой [11], Н.А. Янко-Триницкой [24] и др., суть связи соответствующей живой внеязыковой ситуации и функционально скоординированного с ней речемыслительного движения на основе языковой материи. Упорядочивание движения речезыковой стихии в поле взаимных отношений открывает секреты языка и речемыслительной деятельности, выявляя возможности языковой структуры отвечать потребностям речемыслительного движения, обеспечивать пространство речи, удерживающей цельное состояние мыслительной деятельности с помощью языка.

Упорядочивание языковой системы происходит по функциональному признаку, обеспечивающему уровень языковой формы: лексики и грамматики, морфологии и синтаксиса. В пределах функционально-семантической категории между лексическим, морфологическим и синтаксическим значениями взаимности есть «скважины» [6, с. 80], обусловленные квантованностью языковой иерархии, спецификой каждого уровня, поэтому мы говорим, что формы разного уровня той или другой функционально-семантической категории передают не одно и то же значение, а её однородные значения. Эти формы могли бы существовать и независимо друг от друга, а для того чтобы они составили систему – сформировали функционально-семантическую категорию, – необходима межуровневая связь, обеспечивающая квантование: движение языковой системы в пользу развёртывания (поиска словесного наполнения в построении предложения) или свёртывания построения высказывания (нарабатыванием грамматического оформления слова, которое отвечает за пространство функционально-семантической категории). В итоге по закону взаимной адаптации [13, с. 23–41] скачком идёт процесс перехода форм с одного уровня на другой, формируется системное образование ФСК взаимности с грамматическим центром *друг друга*, определяющим возможности языка обслужить взаимное значение [3, с. 180–186], опираясь при этом и на морфологическое основание языка и на лексические вехи, расширяющие область взаимного значения [16, с. 182–206].

В формировании ФСК взаимности сотрудничают лексические и грамматические, морфологические и синтаксические формы. Слово в про-

цессе порождения речи (формирования предложения) должно приспособиться к грамматическому устройству языка. Ценное наблюдение взаимодействия лексики и грамматики в процессе формирования ФСК взаимности касается невозвратных взаимных глаголов: «это, прежде всего, глаголы, связанные по значению с речью, с беседой, с общением между людьми» [24, с. 189-190]. Это наблюдение побуждает нас обратиться к природе обозначаемых явлений как причине отсутствия у глаголов речи и мышления возвратной формы. Глаголы, лексически обозначающие речевой акт, – это глаголы взаимного действия, не нуждающиеся, как правило, в дооформлении по взаимности. Говорить, думать, творить язык можно только вследствие интериоризации высших психических функций, при контроле речепорождения по отношению к внешней стороне ситуации, при взаимодействии с нею, по Л.С. Выготскому, на основе «удвоения опыта», автоматизированного на основе «высоких технологий природы» разговора с самим собой, начинающегося ещё в онтогенезе. (Запись речи 7-месячной Эвелины, дочери И.А. Бодуэна де Куртенэ: *Лежит в коляске и разговаривает сама с собой*) [25, с. 36]. Глаголы мысли и речи – это уже исходно глаголы взаимного действия. Возвратные формы, которые получают эти глаголы (например, *разговориться, сговориться*) вторичны, третичны и так далее, как позволит слово и потребует ситуация: *Н-да... Речи неладные... Не первый раз я слышу их; и всё более они не нравятся мне... Когда-нибудь мы с тобой, Пётр, разговоримся... навсегда!* = ‘речами разойдёмся’ [4, с. 28].

Возвратная форма взаимного значения недалеко ушла от своего местоименного прародителя, но местоимение *себя* на русской почве оказывается недостаточно мобильной формой выражения взаимных отношений, требует поддержки контекста, поэтому не может своими силами обеспечить всё поле взаимности в языке. Например, ситуация: *«Батюшки! Где же вы извозились так! Вы только **на себя посмотрите!** – Я посмотрел на Шишкина ... Наверно, и я был не лучше»* [10, с. 6] – реализует частично взаимное значение благодаря контексту. Сходная ситуация с местоимением *siebie* сложилась в польском языке и вызывает шутку: *Wywamy siebie. – Tak, oni siebie, ja i siebie*. На русском языке такой языковой «обман» (омонимия форм) в области взаимного значения разыгрывается по предмету взаимных отношений (по объекту): ***Мы с тобой влюблены:** ты в картошку – я в блины.* <http://www.litmir.co>

Предпочтение для выражения взаимного значения русский язык отдаёт взаимному местоимению *друг друга* в конкуренции с местоименным выражением *один другого*, что показано в исследовании Н.А. Янко-Триницкой в сравнении их падежных парадигм [24]. Наблюдение синонимии этих местоимённых выражений: «сочетания *один другого, один другому, один с другим* и т.п. синонимичны сочетаниям *друг друга, друг другу, друг с другом*, на что указывает их употребление в одном и том же значении и функции» [18, с. 179-189], требует уточнения относительно их различия по функциональной значимости. Местоимение *друг друга* обозначает по сравнению с местоименным выражением *один другого*

бульшую плотность субъектно-объектного взаимодействия. Неравноценность замены выражения *один другого* местоимением *друг друга* выявляет и данный для иллюстрации их синонимии пример: *Раньше они всегда были союзники, а теперь какая-то кошка пробежала между ними, и они поклялись погубить один другого* [8, с. 32]. Здесь *один другого* несёт оттенок разъединения, и было бы странным употребление в этом контексте взаимного местоимения *друг друга*.

Грамматичность местоимённого выражения *один другого* делает его основательным с точки зрения широты применения, мобильным, но не собранным в лексическом отношении. Взаимное местоимение *друг друга* полнокровно семантически, тяготеет к слову и собирает поле взаимных отношений в языке, удерживая национальную специфику языка. Более того, оно представляется самодостаточным для обозначения ситуации взаимных отношений, значения воздействия друг на друга: А. Максимов (телеведущий канала «Культура») в программе о здоровье и продолжительности жизни человека «Наблюдатель», услышав, что есть животные организмы, лишённые механизма старения, стал настойчиво допытывался, от чего именно эти существа умирают, но так как в ответ ему специалисты объясняли только, отчего человек живёт дольше, заканчивая передачу, сказал: *Мы живём среди **друг друга**: старшие должны знать, что они нужны младшим, а младшие (дети не всегда это знают), что они нужны старшим* (ТВ, 27.07.2015). В речи телеведущего грамматическое выражение *друг друга* лексикализировалось: *Мы живём среди **людей*** ('воздействуя друг на

друга') – получило усиление взаимного компонента своего значения, особенный смысл.

Аксиология охраняет русский язык от доминанты распространённого в других языках местоимённого выражения *один другого*, если не приобретающего на русской почве пейоративную окраску, то, по крайней мере, теряющего положительный заряд поля взаимности, характерный для русской речи и русского языка в целом. Местоименное выражение *один другого* в части случаев несёт оттенок разъединения, когда не допускается взаимное местоимение *друг друга*. Думается, разъединение участников взаимного действия и ситуация войны заставляет писателя предпочесть выражение *одна к другой* взаимному местоимению *друг друга* – *друг к другу* – в тексте: *Девушки просыпались утром под звуки дальних оружейных выстрелов, ссорились с родителями, – девушки убеждали родителей уезжать немедленно и оставить их одних, а родители говорили, что жизнь их уже прошла, а вот девушкам-комсомолкам надо уходить от греха и беды, – девушки наскоро завтракали и бежали **одна к другой** за новостями* [22, с. 19]. Точно так, по-видимому, разъединённость субъектов в поле взаимности удержала участника дебатов от использования местоимения *друг друга* при интерпретации военного конфликта на Украине: *Одни обвиняют других, **одни** – других*. (ТВ, Россия 24, «Специальный корреспондент», 23.01.15) – референция (кто эти *одни*, кто *другие*, в каждом употреблении) распознаётся только по ситуации (знание конфликта и поддерживающих их сторон) и интонации.

Возвратное местоимение *себя* тем не менее остаётся важной точкой отсчёта в поле взаимных отношений (в соответствии с верным наблюдением А. Пушкина: *Мы почитаем всех нулями, а единицами себя*). Это субъективная мера взаимных отношений – зародыш поля взаимности, в котором созревают все признаки поля взаимности: *Кто все дела, все речи мерит / Услужливо на наш аршин? / Кто клеветы про нас не сеет? / Кто нас заботливо лелеет? / Кому порок наш не беда? / Кто не наскучит никогда? / Призрака суетный искатель. / Трудов напрасно не губя, / Любите самого себя / Достопочтимый мой читатель! / Предмет достойный: ничего / Любезней, верно, нет его* [15, с. 99] – так же, как из разговора с самим собой «зарождается» *речь* – действие взаимное.

Лексико-грамматическое взаимодействие в пределах ФСК взаимности происходит в силу её частеречной организации, позволяющей выражать взаимное значение, опираясь не только на глаголы, но и на имена, обозначающие взаимные действия и их характеристики, оформленные именами прилагательными и наречиями, а также на наименования лиц – участников взаимного действия и даже предметов их взаимных отношений, см. статью В.К. Радзиховской [17, с. 367–383].

Поле взаимных отношений определяется не только и не столько участниками взаимных действий, сколько предметом их взаимных отношений как особым объектом, формирующим ситуацию взаимности, – «предметом взаимного интереса». Онтологически для активизации взаимного действия необходим называемый **предмет**, ради которого (из-за которого) и

складывается ситуация взаимных отношений. Языковой код реагирует на этот феномен внеязыковой действительности наличием у глаголов взаимного действия характерного объекта взаимного действия. Поскольку организация языкового поля взаимности создаётся не только глагольным построением, но и использованием именной формы для обозначения объекта взаимных отношений: *В широко известной ресторации, ...столь же часто обсуждался вопрос вооружения Англии, сколь и дела фирмы «Я. Минцель и С. Вокульский»* [14, с. 3], исследование функционирования ФСК взаимности не может ограничиться исследованием природы взаимного залога глагола, – необходимо обследование лексического наполнения субъектно-объектной позиции поля взаимности, как это выполнено в «Синтаксических исследованиях» А.В. Попова [13]. При рассмотрении объекта взаимного действия в первую очередь мы обращаем внимание на такие слова, которые уже в словаре определены принадлежащими полю взаимных действий, например, к купле-продаже относятся слова: *стоимость*, выражаемая в деньгах, *деньги* – ‘инструмент обмена’, *товар* – ‘общее наименование предмета обмена’. Общность семантического поля, в котором выступают наименования такого объекта «взаимного интереса», поддерживает или опровергает рекламный плакат, вывешенный на улицах Москвы в 2006 году: *Не деньги создают банк, а взаимные отношения*.

Слова, обозначающие предмет взаимного интереса, являются как при переходных, так и непереходных глаголах, неся сами по себе и отражённо в той или иной мере значение взаим-

ности, и участвуют в формировании ФСК взаимности и создании текстового поля взаимности. Принадлежность их категории взаимности доказывается системной организацией в речи и языке, целенаправленно формирующей ареал объектной лексики, в котором динамическая неоднородность лексической семантики ориентируется на наилучшее обеспечение ею познавательно-ориентирующей функции, на участие в формировании *терминосистемы* [12, с. 65–74] наименований предметов действия в различных сферах деятельности людей, влияющей на её эффективность. Можно выделить три группы наименований предметов, причастных формированию языкового поля взаимности:

а) наименования предметов (объект) *имущественного владения*; его разновидностью является предмет купли-продажи: наиболее общими выразителями значения такого объекта являются слова *товар, деньги*;

б) наименования предметов *игры* (игровая фигура) как объекта взаимодействия игроков: названия игровых фигур (*карты, фишки*) любых игр, предназначенных для двоих и более игроков;

в) наименования нематериальных реалий: *слово* как носитель информации, как феномен культуры; *язык* как инструмент общения, мысле-рече-языкового действия – взаимного действия высшего порядка; *значение, мнение* – организует мысле-рече-языковое действие как социальное явление. Отсутствие такого объекта взаимного интереса приводит к рассогласованию взаимного действия, утрате личностной характеристики. Это замечательно подметил А.П. Чехов, создав образ

Душечки: *Она видела кругом себя предметы и понимала всё, что происходило кругом, но ни о чём не могла составить мнения и не знала, о чём ей говорить. А как это ужасно, не иметь никакого мнения! Видишь, например, как стоит бутылка, или идёт дождь, или едет мужик на телеге, но для чего эта бутылка, или дождь, или мужик, какой в них смысл, сказать не можешь, и даже за тысячу рублей ничего не сказал бы* [23, с. 139–140] – писатель как доктор обнажил психологическую сторону мысле-рече-языковой деятельности. Но ещё раньше идеальный предмет поля взаимности в гармоническом сочетании субъективного/объективного в социуме определил А.С. Пушкин: *И вот общественное мнение! Пружина чести, наш кумир! И вот на чём вертится мир!* [15, с. 146]

Наименования предметов взаимных отношений, способствующих комфортности общения, как явления языка доказываются их структурообразующей функцией в ФСК взаимности. Толковый словарь фиксирует их принадлежность ФСК взаимности в основном значении и отмечает потребность вторичной номинации одних и тех же предметов по условиям ситуации общения, создания комфортной обстановки поля взаимных отношений. Такую прагмалингвистическую дифференциацию отмечает словарь А. Nagorko, M. Lazinski, H. Burkhardt [26, с. XXXI]: *emfaza – określenie zawierające dodatni ładunek uczuciowy; mywiącemu zależy na wprawieniu słuchacza w dobry nastrój. Często przy pozornych zdrobnieniach, jak kawka, herbatka, jajeczko itp., powszechnych w języku kelnerów i sprzedających*.

Предметы, организующие ситуацию взаимных отношений, точнее

сама ситуация взаимных отношений, общения требует для них вторичной номинации, а может быть, иной, меняющейся номинации объекта поля взаимности, поэтому и речь, и языковой код формирует словарь с учётом потребности формирования речевого поля взаимных отношений, организуя таким образом периферию ФСК взаимности. Так что прагматические квалификаторы (*уменьшительно-ласкательные, уничижительно-уменьшительные* – например, *деньжонки, увеличительно-пренебрежительные*), а также *разговорные, ласкательные и фамильярные*, в случае отнесения их к наименованиям предмета взаимных действий (отношений), попадают в прагматику поля взаимности. Тяготение к полю взаимности проявляют все группы выделенных нами наименований предметов: а) в ситуации застолья (*чайк, сахарок, маслице*): *Дам хлебушка / По полупуду в день, / Дам водки по ведёрочку, / Поутру дам огурчиков, / А в полдень квасу кислого, / А вечером чайку!* [9, с. 281]; б) в ситуации игры (получают варианты наименования игровые фигуры и сами игры: *скинуться в картишки*): *А отцу Алексею очень хотелось с тобой познакомиться. Он тебе понравится, ты увидишь. Он и в карточки не прочь поиграть, и даже... но это между нами... трубочку курит* [21, с. XXI]; в) в процессе реализации мысле-рече-языковой деятельности: *Сказанное словцо – серебряное, несказанное – золотое* [5, с. 611].

Вторичная номинация реализуется не только в словообразовательных формах, поле взаимных отношений нуждается в «удобных» словах: **Взятки!** *Что за слово – взятки? Сами же его выдумали, чтобы обижать хороших людей. Не взятки, а благодарность! А от благодарности отказаться грех, обидеть человека надо* [12, с. 51]. Номинация поля взаимности поддерживается интонацией: *То же бы ты слово, да не так бы ты молвил* [5, с. 120].

Разнообразие номинации одного и того же предмета вызывается сложной характеристикой объекта взаимных отношений, проявляющейся в поле взаимности: «Смир-рр-на!» – *закричал полковой командир потрясающим душой голосом, радостным для себя, строгим в отношении полку и приветливым в отношении к подъезжающему начальнику* [20, с. 139]. В поле взаимности слово получает некоторую определённую, направленность – генерируется, обретает, по А.Ф. Лосеву, **заряженность** [7, с. 15], особенную значимость, которая открыта наблюдению в онтогенезе: – *Мужчины – нехорошее слово*, – сказала как-то моя трёхлетняя дочь. – А какое же хорошее? – спрашиваю. – *Невеста!* (запись 1986 года).

В разной значимости слова в речевом поле взаимности кроется механизм формирования оценочного основания языка и его национальная специфика.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бондарко А.В. Грамматическая категория и контекст. Л.: Наука, 1971. 114 с.
2. Бондарко А.В. Системные и коммуникативные аспекты анализа грамматических единств // Проблемы функциональной грамматики. Категории морфологии и синтаксиса в высказывании. СПб: Наука, 2000. С. 9-35.

3. Венда В.Ф. Системы гибридного интеллекта. М.: Машиностроение, 1990. 446 с.
4. Горький М. Мещане. Полное собрание сочинений в 25 томах. Т. 7. М.: Госиздат, Художественная литература, 1968.
5. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка в 4 томах. / Совмещённая редакция В.И. Даля и И.А. Бодуэна де Куртенэ. М.: Олма-Пресс, 2001. Т. 1.; Т. 4.
6. Жинкин Н.И. Речь как проводник информации. М.: Наука, 1982. 152 с.
7. Лосев А.Ф. В поисках построения общего языкознания как диалектической системы // Теория и методология языкознания: Методы исследования языка. М.: Наука, 1989. С. 5-92.
8. Мамин-Сибиряк Д.Н. Приваловские миллионы. М.: Эксмо, 2006.
9. Некрасов Н.А. Стихи и поэмы. М.: Правда, 1984.
10. Носов Н.Н. Витя Малеев в школе и дома [Электронный ресурс] // Литмир [сайт]. URL: <https://www.litmir.co/br/?b=20952> (дата обращения 15.12.2016)
11. Откупщикова М.И. Статус взаимного залога // Проблемы теории грамматического залога: сборник статей / Академия наук СССР, Ин-т языкознания. Отв. ред. В.С. Храковский. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1978, С. 180-186.
12. Островский А.Н. Пьесы. Казань: Таткнигиздат, 1955.
13. Попов А.В. Синтагматические исследования. Воронеж, 1981. 307 с.
14. Прус Б. Кукла. М.: Вече, 1993.
15. Пушкин А.С. Евгений Онегин. М.: Госиздат. Художественная литература, 1936.
16. Радзиховская В.К. Альтернативность путей развития функционально-семантической категории взаимности, формирования речевого поля взаимности и мыслительного движения в поле взаимных отношений // Проблемы исторического познания: сб. статей. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2014. С. 182-206.
17. Радзиховская В.К. К обоснованию объекта исследования функционально-семантической категории взаимности // Преподаватель XXI век. 2016. № 1, часть 2. С. 367-383.
18. Рословец Я.И. Значение и синтаксические функции сочетаний друг друга, друг с другом и т.п. // Современный русский язык: Уч. записки МГПИ им. В.И. Ленина, 1964. С. 179-189.
19. Сергеевнина В.М. Принципы системного анализа терминов // Межвузовский сборник: Термин и слово. Выпуск 1 (7). Горький, 1978. С. 65-74.
20. Толстой Л.Н. Война и мир. Т. 1. М.: Госиздат. Художественная литература, 1949.
21. Тургенев И.С. Отцы и дети [Электронный ресурс] // iLibrary [сайт]. URL: <http://www.ilibrary.ru/text/96/p.21/index.html> (дата обращения 15.12.2016)
22. Фадеев А.А. Молодая гвардия. М.: Госиздат. Художественная литература, 1954.
23. Чехов А.П. Избранные произведения в 3 томах. М.: Госиздат. Художественная литература, 1962. Т. 2.
24. Янко-Триницкая Н.А. Возвратные глаголы в русском языке. М.: Наука, 1968. 247 с.
25. Jan Baudouin de Courtenay. Spostrzezenia nad jezykiem dziecka, Wroclaw - Warszawa - Krakow - Gdansk, PAN, Printin Poland. 1974. 215 p.
26. A. Nagorko, M. Lazinski, H. Burkhardt. Dystynktywny slownik synonimyw. Krakow, 2004. 192 p.

REFERENCES:

1. Bondarko A.V. Grammaticheskaya kategoriya i kontekst [Grammatical category and context]. L., Nauka, 1971. 114 p.
2. Bondarko A.V. Sistemnye i kommunikativnye aspekty analiza grammaticheskikh edinstv [Systemic and communicative aspects of grammatical analysis.] // Problemy funktsional'noi

- grammatiki. Kategorii morfologii i sintaksisa v vyskazyvanii [Problems of functional grammar. Categories of morphology and syntax in the utterance]. SPb., Nauka, 2000. pp. 9–35.
3. Venda V.F. Sistemy gibridnogo intellekta [System hybrid intelligence]. M., Mashinostroenie, 1990. 446 p.
 4. Gor'kii M. Meshchane. Polnoe sobranie sochinenii v 25 tomakh. T. 7 [Tradesmen. Complete works in 25 volumes. Vol. 7]. M., Gosizdat, Khudozhestvennaya literatura, 1968.
 5. Dal' V.I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka / Sovmeshchennaya redaktsiya V.I. Dal'ya i I.A. Boduena de Kurtene. [Dictionary of the Russian language / Combined edition of V.I. Dahl and I.A. Baudouin de Courtenay]. M., 2001. Vol. 1; Vol. 4.
 6. Zhinkin N.I. Rech' kak provodnik informatsii [Speech as a conduit of information]. M., Nauka, 1982. 152 p.
 7. Losev A.F. V poiskakh postroeniya obshchego yazykoznaniya kak dialekticheskoi sistemy [In search of building General linguistics as a dialectical system] // Teoriya i metodologiya yazykoznaniya: Metody issledovaniya yazyka [Theory and methodology of linguistics: language research methods]. M., Nauka, 1989. pp. 5–92.
 8. Mamin-Sibiryak D.N. Privalovskie milliony [Privalovsk millions]. M., Eksmo, 2006.
 9. Nekrasov N.A. Stikhi i poemys [Poems]. M., Pravda, 1984.
 10. Nosov N.N. Vitya Maleev v shkole i doma [Elektronnyi resurs] [Victor Maleev at school and at home [Electronic resource]] Litmir [sait]. [Litmir [website]]. - URL: <https://www.litmir.co/br/?b=20952> (request date 15.12.2016)
 11. Otkupshchikova M.I. Status vzaimnogo zaloga [Status of mutual pledge] // Problemy teorii grammaticheskogo zaloga: sbornik statei [Problems of the theory of grammatical bail: collection of articles] / Academy of Sciences of the USSR, In-t linguistics. Resp. edited by V.S. Khrakovsky. M., Nauka, Leningradskoe otделение, 1978. pp. 180–186.
 12. Ostrovskii A.N. P'esy [Plays]. Kazan, Tatknigizdat, 1955.
 13. Popov A.V. Sintagmaticheskie issledovaniya [Syntagmatic studies]. Voronezh, 1981. 307 p.
 14. Prus B. Kukla [Doll]. M., Veche, 1993.
 15. Pushkin A.S. Evgenii Onegin [Eugene Onegin]. M., Gosizdat, Khudozhestvennaya literatura, 1936.
 16. Radzikhovskaya V.K. Al'ternativnost' putei razvitiya funktsional'no-semanticheskoi kategorii vzaimnosti, formirovaniya rechevogo polya vzaimnosti i myslitel'nogo dvizheniya v pole vzaimnykh otnoshenii [Alternative paths of development funktsionalno-semanticheskoi kategorii vzaimnosti, the formation of speech the field of reciprocity and mental movement in the field of mutual relations] // Problemy istoricheskogo poznaniya: sb. statei. [Problems of historical knowledge: collection of articles]. M., Institut vseobshchei istorii RAN, 2014. pp. 182–206.
 17. Radzikhovskaya V.K. K obosnovaniyu ob'ekta issledovaniya funktsional'no-semanticheskoi kategorii vzaimnosti [To the justification of the object of study of functional-semantic category of reciprocity] // Prepodavatel' XXI vek [Tutor of the XXIst century]. 2016. no. 1, part 2. pp. 367–383.
 18. Roslovets YA.I. Znachenie i sintaksicheskie funktsii sochetanii drug druga, drug s drugim i t. p. [The meaning and syntactic function of the combinations of each other, each other, etc.] // Sovremenniy russkii yazyk: Uch. zapiski MGPI im. V.I. Lenina [Modern Russian language: Textbook. Zapiski MGPI n.a. V.I. Lenin]. 1964. pp. 179–189.
 19. Sergevnina V.M. Printsipy sistemnogo analiza terminov [The principles of system analysis terms] // Mezhvuz. sb.: Termin i slovo. Vypusk 1 (7) [Interuniver. Coll.: the term and the word. Issue 1 (7)]. Gorky, 1978. pp. 65–74.

20. Tolstoi L.N. Voina i mir. T. 1 [War and world. Vol. 1]. M., Gosizdat. Khudozhestvennaya literatura, 1949.
21. Turgenev I.S. Ottsy i deti [Elektronnyi resurs] [Fathers and sons [Electronic resource]] // iLibrary [сайт] [iLibrary [website]]. URL: <http://www.ilibrary.ru/text/96/p.21/index.html> (request date 15.12.2016).
22. Fadeev A.A. Molodaya gvardiya [The young guard]. M., Gosizdat, Khudozhestvennaya literatura, 1954.
23. Chekhov A.P. Izbrannye proizvedeniya v 3 tomakh. T. 2 [Selected works in 3 volumes. Vol. 2]. M., Gosizdat. Khudozhestvennaya literatura, 1962.
24. Yanko-Trinitskaya N.A. Vozvratnye glagoly v russkom yazyke [Reflexive verbs in the Russian language]. M., Nauka, 1968. 247 p.
25. Jan Baudouin de Courtenay. Spostrzezenia nad jezykiem dziecka, Wroclaw - Warszawa - Krakow - Gdansk, PAN, Printin Poland. 1974. 215 p.
26. A. Nagorko, M. Lazinski, H. Burkhardt. Dystynktywny slownik synonimowy. Krakow, 2004. 192 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Радзиховская Вера Казимировна – кандидат филологических наук, доцент, докторант кафедры современного русского языка Московского педагогического государственного университета;
e-mail: lkryuchkova@bk.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vera Radzikhovskaya – candidate of Philological Sciences, associate professor at Department of Modern Russian Language in Moscow State Pedagogical University;
e-mail: lkryuchkova@bk.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Радзиховская В.К. Языковые явления в свете ФСК взаимности // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2016. № 5. С. 113-122.
DOI: 10.18384/2310-7278-2016-5-113-122

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

V. Radzikhovskaya. Linguistic phenomena in the light of the FSC reciprocity // Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology. 2016. no. 5. pp. 113-122.
DOI: 10.18384/2310-7278-2016-5-113-122

УДК 811.161.1

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-5-123-128

СЕМАНТИЧЕСКОЕ РАССОГЛАСОВАНИЕ АТРИБУТИВНЫХ КОМПОНЕНТОВ ОПИСАТЕЛЬНЫХ ГЛАГОЛЬНО-ИМЕННЫХ ОБОРОТОВ В ЭПИСТОЛЯРНЫХ ТЕКСТАХ

Смирнова М.А.*Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского
150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108, Российская Федерация*

Аннотация. Статья посвящена семантическому рассогласованию в письмах с описательными глагольно-именными оборотами как средству создания иронии и субъективной оценки высказывания. Широкие экспрессивные возможности описательных глагольно-именных оборотов доказывают синкретичную природу писем. Рассмотрено ироническое использование описательных глагольно-именных оборотов. Проанализированы примеры с семантическим рассогласованием в письмах А.П. Чехова, Б.Л. Пастернака. Доказано, что эпистолярные тексты конца XIX – первой половины XX вв. – яркий показатель происходивших в языке изменений. Язык писателей отражает основные направления эволюции русского литературного языка.

Ключевые слова: описательный глагольно-именный оборот, семантическое рассогласование, оценочные значения, ироническое использование, эпистолярный текст, субъективная оценка высказывания.

SEMANTIC MISMATCH OF ATTRIBUTIVE COMPONENTS OF VERBAL-NOMINAL PHRASES IN EPISTOLARY TEXTS

M. Smirnova*Ushinsky Yaroslavl State Pedagogical University
108, Respublikanskaya str., Yaroslavl, Russian Federation, 150000*

Abstract. The article is dedicated to semantic mismatch in epistolary texts with verb-and-noun phrases as a way of irony creation and subjective statements assessment. Wide expressive possibilities of verb-and-noun phrases prove syncretic nature of the letters. Ironic use of verb-and-noun phrases is considered. Examples of semantic mismatch in the letters of A. Chekhov, B. Pasternak are analyzed. It is proved that epistolary texts of the late 19th – early 20th centuries are clear indication of changes taking place in the language. Language of writers reflects the main directions of the evolution of the Russian literary language.

Keywords: verb-and-noun phrase, semantic mismatch, evaluation meanings, ironic use, epistolary text, subjective statements assessment.

Эпистолярные тексты конца XIX – первой половины XX вв. являются ярким показателем изменений, происходивших в языке в данный период. Письма со-

вершенствуют литературный язык, влияя на устную разговорную и письменную речь. Основные направления эволюции русского литературного языка отражает язык эпистолярных текстов образованных людей, в первую очередь, писателей.

Употребление описательных глагольно-именных оборотов (ОГИО) в эпистолярных текстах конца XIX – первой половины XX вв. свидетельствует о сближении книжно-письменного языка с разговорным: исторически рассматриваемые конструкции закрепились в книжном стиле речи [7, с. 20], по своему происхождению близки к речевым штампам, но при этом используются как оценочное средство. Синкретичная природа писем доказывается и усиливается широкими экспрессивными возможностями ОГИО.

Оценочные значения высказываний с ОГИО отличаются разнообразием и не поддаются строгой классификации вследствие широких комбинаторных возможностей ОГИО [6, с. 149].

В высказываниях с ОГИО своеобразно реализуется семантика соответствия / несоответствия.

Семантику соответствия / несоответствия связывают с положительной или отрицательной оценкой действительности: «...хорошее значит соответствующее идеализированной модели макро- или микромира, осознаваемой как цель бытия человека, а следовательно, и его деятельности; плохое значит не соответствующее этой модели по одному из присущих ей параметров» [3, с. 181]. Широкое понимание соответствия предполагает наличие «соотношения между чем-либо, выражающим согласованность, равенство

в каком-либо отношении»; несоответствие – «отсутствие соответствия между кем-, чем-л.» [8, т. IV, с. 197; 8 т. II, с. 481]. Применительно к ОГИО как расчленённой единице номинации семантика соответствия может означать семантическое согласование абстрактного существительного и атрибутивного распространителя по той или иной общей синтагме, семантика несоответствия – семантическое рассогласование [6, с. 149].

Под семантическим согласованием понимается «наличие одной и той же семы в двух членах синтагмы»; под семантическим рассогласованием – «наличие в пределах одной синтагмы элементов, несовместимых с точки зрения реальных предметных отношений» [4, с. 284].

Семантическое рассогласование в ОГИО в письмах А.П. Чехова и Б.Л. Пастернака является средством создания иронии как субъективной оценки высказывания.

Особый интерес представляет использование атрибутивной валентности для выражения иронии. О.П. Ермакова характеризует иронию как один из видов языковой манипуляции, которая заключается в употреблении слова, выражения или целого высказывания (в том числе и текста большого объёма) в смысле, противоречащем буквальному (чаще всего в противоположном) с целью насмешки [5, с. 399]. В иронических высказываниях выражается модально-оценочное значение соответствия / несоответствия.

Ирония возникает за счёт семантического рассогласования атрибутивных распространителей с именным компонентом ОГИО по семе 'оценка'. Ср.: *Письмо написано им из страстно-*

го желания сказать, написать или **совершить какую-нибудь безвредную, но эффектную ложь** (А.П. Чехов – А.С. Суворину. 10 окт. 1888 г. Москва). Существительное, входящее в структуру ОГИО, характеризуется оценочными прилагательными *безвредная, эффектная*. Именной компонент, содержащий сему 'плохо' (ср.: *ложь* 'намеренное искажение истины, обман, неправда') [9, т. VI, с. 332], характеризуется прилагательными с положительным значением (*безвредный, эффектный*) (ср.: *безвредный* 'не причиняющий вреда') [9, т. I, с. 70]; *эффектный* 'производящий значительное впечатление, эффект' [9, т. XVII, с. 1962], таким образом создавая контраст смыслов в пределах одного предложения.

Ироническое высказывание строится на противоречии между действием (состоянием) и его характеристикой: *На поездку нужно 100–150 рублей, а я имел удовольствие на днях прокатить сквозь жизненный строй все мои акции* (А.П. Чехов – Н.А. Лейкину. 20 и 21 мая 1884 г. Москва). ОГИО *имел удовольствие* как положительная характеристика действия не соответствует его отрицательному результату (*прокатить сквозь жизненный строй акции*).

Семантика несоответствия, лежащая в основе иронии, опирается на семантическое рассогласование именного компонента ОГИО с атрибутивно-объектными распространителями по той или иной семе. Ср.: *Камские горды серы; кажется, в них жители занимаются приготовлением облаков, скуки, мокрых заборов и уличной грязи — единственное занятие* (А.П. Чехов – Чеховым. 29 апреля 1890 г. Екатеринбург). Распространителями

ОГИО занимаются *приготовлением*, расширяющими и уточняющими его лексическое значение, являются существительные. При этом наблюдается семантическое рассогласование *девербатива* и *распространителей* по семе 'дело'. Ср.: *приготовлять* – 'делать, изготовлять что-либо' [9, т. XI, с. 433]. Девербатив имеет довольно узкую сочетаемость: *приготовление лекарства / раствора / обеда* и др., то есть может сочетаться с конкретными и вещественными существительными. Абстрактные понятия не входят в данный круг. В примере ОГИО распространяют конкретные и абстрактные существительные, которые объединяются на правах однородных членов предложения. Происходит нарушение семантической сочетаемости. Это нарушение придаёт высказыванию ироническую интонацию, помогая воссоздать описываемую в тексте атмосферу.

Ироническая интерпретация ОГИО опирается не только на внутреннюю, но и на внешнюю синтагматику. Ср.: *С своей стороны тоже спешу успокоить Вас, что письма Ваши в глазах моих имеют значение лишь душистых цветов, но не документов: передайте барону Штакельбергу, кузену и драгунским офицерам, что я не буду служить для них помехой* (А.П. Чехов – Л.С. Мизиновой. 28 июня 1892 г. Мелихово). Словосочетание *душистых цветов* вне контекста не содержит иронии. В приведённом предложении выражается несоответствие объекта приписываемой ему характеристике (*письма* – *душистые цветы*), основанное на семантическом рассогласовании объектной словоформы и атрибутивного распространителя по семе 'значимость'. За сравнением писем с душистыми

цветами скрывается равнодушное отношение к адресату, подчеркнутое частицей *лишь*.

Ирония возникает в результате употребления атрибутивных компонентов-окказионализмов: ... Я до такой степени Вас ненавижу, что при одном только воспоминании о Вас начинаю *издавать звуки а la бабушка*: «э»... «э»... «э» ... (А.П. Чехов – Л.С. Мизиновой. 11 янв. 1791 г. Петербург). – ОГИО служит дополнительным средством создания комического. Роль атрибутивного распространителя выполняет выражение *а la бабушка*, расширяющее и уточняющее семантику оборота ‘наподобие, по образцу кого-чего-н.’ [10, с. 5].

Сочетание ОГИО с атрибутивным распространителем приобретает иронический оттенок в контексте. Например: *У кассы стоят уже в 6 ч. утра, и для того, чтобы достать какое-нибудь место, надо встать в 5 ч., и за отсутствием конок в такой ранний час идти пешком из Шарлоттенбурга в Берлин. Такой упренный моцион я проделывал уже четыре раза* (Б.Л. Пастернак – Л.Е. Ригу 7/20 февраля 1906, Берлин). Существительное и прилагательное связаны семантическим согласованием. Но контекст актуализирует значение несоответствия. ОГИО *проделывал моцион* даёт ситуа-

ции положительную оценку, при этом сама ситуация таковой не является. Ср.: *моцион* – ‘пребывание в движении (на открытом воздухе) для отдыха или с лечебной целью; прогулка, ходьба’ [9, т. VI, с. 1309]. В контексте выделяется значение ‘*длительная ходьба, без отдыха, утомительная для человека*’. Можно говорить о семантическом рассогласовании ОГИО и контекста по семе ‘польза для здоровья’.

Ср. также: *Если бы я застрелился, то доставил бы этим большое удовольствие девяти десятим своих друзей и почитателей* (А.П. Чехов – М.П. Чеховой. 14 января 1891 г. Петербург). *Большой* – ‘значительный по величине, по размерам (противопоставляется малому)’ [9, т. I, с. 561]. Отношения обусловленности между главной (*доставил бы большое удовольствие...*) и придаточной частью (*если бы я застрелился*) лишены логики. Несоответствие семантики высказывания и её языкового воплощения используется как средство самоиронии.

Таким образом, употребление ОГИО в эпистолярных текстах выявляет оценочный потенциал аналитических конструкций. Использование ОГИО в несвойственном им контексте свидетельствует о сближении книжно-письменного языка с разговорной речью.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

ИСТОЧНИКИ:

1. Пастернак Б.Л. Полн. собр. соч.: в 11 тт. М., 2003–2005.
2. Чехов А.П. Полн. собр. соч.: В 30-ти тт. М., 1974–1983.

ЛИТЕРАТУРА:

3. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М., 1999. 896 с.
4. Гак В.Г. Языковые преобразования. М.: Языки русской культуры, 1998. 768 с.
5. Ермакова О.П. Ирония и её роль в жизни языка // Труды регионального конкурса научных проектов в области гуманитарных наук. Вып. 8. Калуга, 2006. С. 399-410.

6. Лагузова Е.Н. Модально-оценочное значение соответствия / несоответствия в высказываниях с описательными глагольно-именными оборотами // Ярославский педагогический вестник. 2012. № 2. С. 147-151.
7. Лагузова Е.Н. Описательные глагольно-именные обороты в «Письмовнике...» 1796 года // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2015. № 1. С. 20-26.
8. Словарь русского языка: в 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М.: АН СССР, Ин-т рус. яз., 1981–1984.
9. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. / Под ред. В.И. Чернышева. М., Л.: АН СССР, 1948–1965.
10. Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX в. / Под ред. Г.Н. Складневской. М.: Астрель, 2001. 944 с.

REFERENCES

1. Pasternak B.L. Poln. sobr. soch.: v 11 tt [Full. Coll. Works: in 11 vols]. M., 2003–2005.
2. Chekhov A.P. Poln. sobr. soch.: V 30-ti tt. [Full. Coll. works: In 30 vols.]. M., 1974–1983.
3. Arutyunova N. D. Yazyk i mir cheloveka [The human's language and world]. M., 1999. 896 p.
4. Gak V.G. Yazykovye preobrazovaniya [Language conversion]. M., Yazyki russkoi kul'tury, 1998. 768 p.
5. Ermakova O.P. Ironiya i ee rol' v zhizni yazyka [Irony and its role in language life] // Trudy regional'nogo konkursa nauchnykh projektov v oblasti gumanitarnykh nauk. no. 8. Kaluga, 2006. pp. 399–410.
6. Laguzova E.N. Modal'no-otsenochnoe znachenie sootvetstviya – nesootvetstviya v vyskazyvaniyakh s opisatel'nymi glagol'no-imennymi oborotami [Modal-evaluative meaning of consistency / discrepancy in the statements with a descriptive verbal-nominal phrases] // Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik. no. 2. 2012. pp. 147–151.
7. Laguzova E.N. Opisatel'nye glagol'no-imennye oboroty v «Pis'movnike...» 1796 goda [Descriptive verbal-nominal phrases in the "Letterbook...", 1796] // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya. 2015. no. 1. pp. 20–26.
8. Slovar' russkogo yazyka: v 4 t. [Dictionary of Russian language: in 4 volumes] / Ed. by A. P. Evgenieva. 2nd ed., rev. and enl. M., AN SSSR, In-t rus. yaz., 1981–1984.
9. Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: v 17 t. [Dictionary of modern Russian literary language: in 17 volumes] / Ed. by V. I. Chernyshev. M.-L., AS USSR, 1948–1965.
10. Tolkovyi slovar' sovremennogo russkogo yazyka. Yazykovye izmeneniya kontsa XX v. [Dictionary of the modern Russian language. Linguistic changes of the late 20th century] / Ed. by G. N. Sklarevskaya. M., Astrel', 2001. 944 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Смирнова Мария Алексеевна – аспирант кафедры русского языка Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского;
e-mail: ifsmeet@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Maria Smirnova – postgraduate student at Ushinsky Yaroslavl State Pedagogical University;
e-mail: ifsmeet@gmail.com

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Смирнова М.А. Семантическое рассогласование атрибутивных компонентов описательных глагольно-именных оборотов в эпистолярных текстах // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2016. № 5. С. 123-128.

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-5-123-128

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

M. Smirnova. Semantic mismatch of attributive components of verbal-nominal phrases in epistolary texts // Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology. 2016. no. 5. pp. 123-128.

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-5-123-128

УДК 811.161.1

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-5-129-136

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ БИСУБСТАНТИВНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ С ПОДЛЕЖАЩИМ ЭТО НА СТРАНИЦАХ СОВРЕМЕННЫХ ГАЗЕТ

Степанчиков М.А.

Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация

Аннотация. В статье приводится анализ бисубстантивных предложений с подлежащим *это*, которые активно используются на страницах современных газет («Ведомости», «Коммерсантъ», «Комсомольская правда», «Московский комсомолец»). Показано, что подобные конструкции имеют ряд особенностей, что обуславливает их использование в различных жанрах современных средств массовой информации, особенно в жанре аналитического интервью. Приводится ряд примеров, иллюстрирующих четыре основные особенности бисубстантивных предложений с подлежащим *это*.

Ключевые слова: бисубстантивное предложение, тексты средств массовой информации, подлежащее, местоимение.

FEATURES OF FUNCTIONING OF BISUBSTANTIVE SENTENCES CONTAINING THE SUBJECT ЭТО ON THE PAGES OF MODERN NEWSPAPERS

M. Stepanchikov

Moscow State Region University
10A Radio St., Moscow, Russian Federation, 105005

Abstract. The article provides an analysis of the bisubstantive sentences containing the subject *это*, that are widely used on the pages of respected newspapers («Vedomosti», «Kommersant», «Komsomolskaya Pravda», «Moskovsky Komsomolets»). It is shown that such structures have a number of features which cause their use in a variety of genres of modern mass media, especially in the genre of analytical interview. The article provides some examples that illustrate the four main features of the bisubstantive sentences containing the subject *это*.

Keywords: bisubstantive sentence, texts of mass media, subject, pronoun.

Тексты средств массовой информации (СМИ) являются наглядным источником того, как мыслит современный человек, ведь конец XX – начало XXI века характеризуется изменением коммуникативного пространства средств массовой информации, что выражается в значительном расширении и усилении его качественного разнообразия. Средства массовой информации как неотъемлемый атрибут современной жизни оказывают большое влияние на функционирова-

ние социальных институтов и на мировоззрение практически каждой языковой личности. «Восприятие сферы средств массовой информации во всех её технических форматах – телевизионном, газетном, электронно-сетевом и т. д. – представляется как некое «зеркало», которое отражает действительность» [8, с. 126].

Ведущая позиция антропоцентрической парадигмы в современной лингвистике предполагает изучение автора текстов СМИ как субъекта, обладающего собственной системой взглядов, которая отражается в оценках и характеристиках. Бисубстантивные предложения (БП), в которых выражаются оценки и характеристики, активно употребляются в текстах средств массовой информации. БП в этих текстах обладают богатством синтаксических форм и выражаемых ими значений [2]. Нами было исследовано функционирование БП на страницах таких газет, как «Ведомости», «Коммерсантъ» («Ъ»), «Комсомольская правда» («КП»), «Московский комсомолец» («МК»).

Бисубстантивные предложения представляют собой особую структуру, выделяющую данный тип предложений из вербоцентрического синтаксиса, в котором в функции предиката обязательно выступает глагол. Предикативное ядро БП оформлено подлежащим и сказуемым, которые имеют в качестве опорного компонента субстантив – имя существительное или его синтаксический эквивалент: **Бангкок – один из перевалочных пунктов между несколькими азиатскими странами** [12, от 08.12.2012]; **Он был интеллигентнейший человек, настоящему благородный, которому**

не чужды понятия честности [9, от 23.07.2015]; *Но каждое такое происшествие – трагедия* [10, от 07.03.2013]. В качестве эквивалента существительного могут выступать местоимения-существительные, местоимения-прилагательные, имена прилагательные, причастия, в особых случаях – другие знаменательные и незнаменательные части речи [3]. Как показал анализ бисубстантивных предложений, используемых в текстах современных газет, очень продуктивными являются конструкции, в которых функцию подлежащего выполняет указательное местоимение *это*.

Цель данной статьи – рассмотреть особенности функционирования на страницах современных газет бисубстантивных предложений с подлежащим *это*.

Слово *это* не раз привлекало внимание учёных. Так, Л.В. Щерба отметил местоимение *это* как особое субстантивированное слово: «Целый ряд так называемых «местоимений» приходится считать существительными: *я, мы, ты, вы, он, она, оно, они, себя, кто? что? некто, нечто, кто-то, что-то, никто, ничто*; кроме того, *это* (редко *то*) и *всё*, употребляющиеся в качестве существительных в форме среднего рода» [7, с. 68]. В.В. Бабайцева, рассматривая омокомплекс *это*, пишет: «**Это** – синхронное образование в системе частей речи, оно сочетает значение и функции знаменательных и служебных слов. **Это** – субстантивированное местоимение (субстантиват) и частица-связка» [1, с. 18]. Н.Ю. Шведова, описывая одно из двадцати базовых местоимений, также не оставляет без внимания местоимение *это*: «Смысл *что* наиболее ёмкий: за ним

стоит как предмет (вещественные реалии), так и понятие или целая ситуация; в последнем случае обычным средством дейктического обозначения является субстантивированная форма *это...*» [6, с. 26].

Продуктивность бисубстантивных предложений с подлежащим *это* в текстах современных СМИ обусловлена задачами, которыми руководствуется журналист при создании текста: показать, оценить, охарактеризовать актуальную информацию, не выходя за рамки допустимого объёма текста. Такие конструкции в полном объёме помогают автору выполнить поставленные задачи: *Зрители увидят противостояние союзных славянских племён с участием скандинавских наёмников. Это будет абстрактное сражение двух князей, которое могло произойти из-за имущественных споров* [9, от 21.08.2014]. Данный текст представлен двумя предложениями. В первом предложении журналист описывает основное событие, которое увидят зрители на фестивале «Воиново поле»: *военное противостояние*. Во втором – автор не только характеризует, поясняет данное событие (*противостояние – это сражение двух князей*), но и даёт ему оценку (*абстрактное сражение*). Указательное местоимение *это* делает предложение менее объёмным, ср.: *Зрители увидят противостояние союзных славянских племён с участием скандинавских наёмников. Противостояние союзных славянских племён будет абстрактным сражением двух князей, которое могло произойти из-за имущественных споров*.

Подобная модель наблюдается и в других предложениях: *Наша история про сотрудников отдела собственной*

безопасности. Это одно из самых закрытых подразделений МВД, парни ищут недобросовестных сотрудников среди коллег [9, от 21.08.2014]; *Любопытно, что волей жребия в одну команду попали президент АГР Андрей Вдовин и будущий победитель главного турнира Дэвид Хорси. Может быть, это было своеобразным знаком свыше?* [12, от 09.08.2014]

Таким образом, указательное местоимение *это* в функции подлежащего БП не называет реалий картины мира, но указывает на них. «В предложениях с подлежащим *это*, как правило, тему определяет *это* указанием на реалии действительности или под влиянием содержания препозитивных контекстных предложений. Вероятно, это связано с тем, что в значение местоимения *это* входит компонент семантики известности, введённости в поле зрения» [1, с. 23].

При анализе бисубстантивных предложений с подлежащим *это* в газетном тексте мы выделяем четыре особенности: 1) подлежащее *это* указывает не только на слово в препозитивном предложении, но и на словосочетание, предложение и группу предложений; 2) указание может быть прямое (контактное) и опосредованное (дистантное); 3) для подобных конструкций характерна эксплицитная оценка; 4) данные предложения функционируют преимущественно в жанре интервью. Рассмотрим эти особенности подробнее.

1. Указательное местоимения *это* имеет следующее значение: «То, о чём идёт речь, что находится перед говорящим» [4, с. 732]. Поэтому в позиции подлежащего бисубстантивного предложения *это* подразумевает наличие в

препозитивном предложении «того, о чём идёт речь», то есть предмета, лица, события или явления, на которые оно указывает: *Идею поддержали общественные организации, сейчас собираем средства на памятник. Это будет своеобразный обелиск последней любви* [9, от 21.08.2014]; *Что касается Шотландии, это поздняя моя любовь* [12, от 09.08.2014]. В препозитивном предложении каждой конструкции содержится «контактное слово», на которое указывает подлежащее *это*: в первом предложении – *памятник*, во втором – *Шотландия*. Однако в газетном тексте более продуктивными являются конструкции не с «контактным словом», а с «контактным словосочетанием» и «контактным предложением»: *Маршрут самого короткого трамвайного пути в мире начинается на окраине крымского села Молочное, у ворот пансионата «Берегового» и заканчивается у моря, на песчаном пляже. И это не какой-нибудь аттракцион в трамвайных декорациях для отдыхающих, а всё всерьёз, по-настоящему: запах пропитанных гидроном шпал, искры контактной линии, кондуктор* [12, от 09.08.2014] – указание на сложное словосочетание *маршрут самого короткого трамвайного пути в мире*; – *С вашей мамой она обций язык нашла? – Сразу же. Это был один из главных показателей* [9, от 21.08.2014] – указание на предложение *С вашей мамой она обций язык нашла?*

Реже в текстах газеты встречаются конструкции, в которых «контактное слово» находится в постпозиции: *Это очень нетипичный случай, когда бизнесмен переходит на работу топ-менеджером, констатирует председатель экспертного совета «ЛюдиPeople»*

Виктория Петрова [10, от 18.02.2016]. В предложении событие сначала характеризуется, а потом даётся его описание.

Значение местоимения *это* позволяет указывать на целый комплекс событий, явлений: *На пресс-конференции в Донецке в четверг Александр Бородай, как всегда логично, разложил своё решение по полочкам. По его словам, он приходил в ДНР как кризисный менеджер: «Республика только зарождалась, кругом были баррикады, разрозненные полевые командиры... Кто-то мнил себя Чапаевым, кто-то Сталиным, кто-то даже Лаврентием Павловичем Берией... Это был революционный беспорядок* [12, от 09.08.2014]. Под *революционным беспорядком* автор текста подразумевает ряд событий, описанный двумя бессоюзными сложными предложениями.

2. Слово *это* в функции подлежащего БП служит средством связи простых предложений в рамках сложного, а также средством связи предложений в тексте (контактное, или прямое указание): *150 лет назад, когда зоопарк поселился на Пресне, это была окраина столицы* [12, от 09.08.2014] – указание на слово *Пресня*, расположенное непосредственно в рамках одного предложения со словом *это*; – *А африканс зачем вам понадобился? – Это моя давняя любовь, вариант голландского, который развился в отдельный язык* [12, от 09.08.2014] – указание на слово *африканс*, расположенное непосредственно в препозитивном предложении. Однако, благодаря комплексу, «цепочке» указательных местоимений, логическая связь предложений будет опосредованной, или дистантной: *Валерий Смирнов издал в 4-х томах «Сло-*

варь полуживого одесского языка». Я его прочёл несколько раз подряд. **Это не подделка, а настоящий язык** [12, от 09.08.2014] – «цепочка» «Словарь полуживого одесского языка» – его – это; Потом мы в Петербурге пробовались уже с Олегом [Стриженовым. – С. М.], примеряли костюмы, грим, характеры. Я его полюбила после картины Григория Чухрая «Сорок первый». **Это один из красивейших актёров советского кино** [12, от 09.08.2014] – «цепочка» с Олегом – его – это. С помощью подобных «цепочек» автор имеет возможность охарактеризовать предмет, лицо, событие или явление и при этом внести в высказывание дополнительную информацию, не нарушая логической последовательности.

3. Из приведённых примеров видно, что все бисубстантивные предложения с подлежащим *это* имеют значение характеристики – типовое значение БП. Кроме того, БП – это особый тип предложений, обязательно содержащий оценочное значение, которое может быть эксплицитным или имплицитным. Для конструкций с *это* наличие выраженной оценки является характерным, что проявляется в использовании оценочного прилагательного в именном компоненте связочно-субстантивного сказуемого: **Это борьба, нормальная конкуренция, это жизнь** [10, от 18.02.2016]; **Это естественная эволюция творческого мироощущения** [12, от 13.10.2015]; **Это будет тоже лишняя копейка в бюджет района** [12, от 13.10.2015]; **Некоторые историки пишут, что это якобы была гипотетическая операция на бумаге** [9, от 16.07.2015]; **Это новый фашизм, который мало чем отличается от фашизма 30–40-х годов прошлого века** [12,

от 13.10.2015]. Таким образом, журналист не только приписывает субъекту пассивный статический признак, то есть характеризует, но и оценивает его.

4. Бисубстантивные предложения с *это* наиболее часто используются в жанре аналитического интервью. Это обусловлено стилеобразующими чертами данного жанра публицистики: интервью основано на получении журналистом определённых сведений [5]. Поэтому вопросы формулируются так, что они требуют освещения узловых моментов события, явления, процесса, ситуации. Часто в самом вопросе интервьюирующего содержится слово или словосочетание, которое будет «контактным» в ответной реплике интервьюируемого: – **Область практически прекратила финансирование профессиональных спортивных команд, по сути, остался только БК «Химки», который спонсирует «Мособлгаз». Почему? – Это, может быть, было неожиданным для кого-то решением, которое исходило от меня, потому что я сам увлечён спортом** [10, от 18.02.2016].

Реже подобные конструкции используются в других жанрах СМИ, однако даже в статье, информационной заметке они являются ответной репликой, которая оформлена как цитата: **В свою очередь, зампред ПАРНАС Константин Мерзликин сказал «Ъ», что слова спикера Госдумы о возможном сотрудничестве с оппозицией «даже на имитацию демократии не тянут, это просто сотрясение воздуха»** [11, от 30.01.2016].

Для иллюстрации четырёх особенностей БП с подлежащим *это*, выделенных нами, приведём отрывок газетного текста, содержащий в себе

комплекс перечисленных особенностей: – *Евгения Павловна* [Симонова. – С. М.], *за плечами у вас огромный послужной список из десятков ролей в театре и кино. Их хорошо знает зритель. И роль Тамары в «Пяти вечерах» – наверняка, одна из самых любимых. Кажется, в ней вы реализовали себя как-то по-новому... – Это потрясающая роль, и счастье для актрисы иметь возможность сыграть её. Я, конечно, немного опоздала с ней, потому что непозволительно старше своей героини. Но 20 лет назад у меня не было такого предложения. В жизни не всё происходит тогда, когда нам этого хочется. Сыграть Тамару мне предложил Сергей Гармаш, до меня эту роль играла Елена Яковлева, и делала это здорово. Поэтому у меня были большие сомнения. И не только потому, что боялась сравнения. Просто это был уже сложившийся спектакль, и надо было войти в него* [9, от 16.07.2015]. В данном отрывке аналитического интервью есть две конструкции с указательным местоимением *это* в функции подлежащего, которые представляют собой ответную реплику интервьюируемого лица. В первой из них характеризуется слово *роль*, содержащееся в вопросе; связь предложений текста опосредованная, или дистантная, которая ре-

ализуется в «цепочке» *роль – в ней – это*; отмечается наличие выраженной оценки (*потрясающая роль*). Во второй конструкции интервьюируемый характеризует семантически неделимое словосочетание «*Пять вечеров*», которое также содержится в вопросе; связь предложений дистантная, которая выражается не в «цепочке» указательных местоимений, а посредством лексического наполнения; также отмечается эксплицитное оценочное значение (*сложившийся спектакль*, то есть *цельный, успешный, полюбившийся зрителям*).

Таким образом, бисубстантивные предложения с субстантивированным указательным местоимением *это* в функции подлежащего являются продуктивными на страницах современных газет, особенно в жанре аналитического интервью. Такая продуктивность обусловлена структурой и семантикой БП. Выражая оценочное значение, обладая типовым значением характеристики с добавочным оценочным оттенком и рядом других особенностей, эти конструкции позволяют автору публицистического текста выполнить основную задачу – показать, оценить, охарактеризовать актуальную информацию, не выходя за рамки допустимого объема текста.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бабайцева В.В. Местоимение *это* и его функциональные омонимы: Монография. 2-е изд., стер. М.: ФЛИНТА, 2014. 168 с.
2. Герасименко Н.А. Жанр и синтаксис: к проблеме использования бисубстантивных предложений в газетном тексте // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2014. № 6. С. 45-49.
3. Герасименко Н.А. Оформление связи между главными членами бисубстантивного предложения // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2015. № 4. С. 14-18.
4. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: Ок. 65 000 слов и фразеологических выражений / под ред. проф. Л.И. Скворцова. 26-е изд., перераб. и доп. М., 2008. 736 с.

5. Тертычный А.А. Жанры периодической печати. Учебное пособие. М.: Аспект Пресс, 2000. [Электронный ресурс]. URL: <http://evartist.narod.ru/text2/01.htm> (дата обращения 12.04.2016).
6. Шведова Н.Ю. Местоимение и смысл. М., 1998. 176 с.
7. Щерба Л.В. О частях речи в русском языке // Избранные работы по русскому языку. М., 1957. С. 63-84.
8. Юдина Н.В. Русский язык в XXI веке: кризис? эволюция? прогресс? [монография]. М.: Гнозис, 2010. 293 с.

ИСТОЧНИКИ:

9. Газета Комсомольская правда. 2014–2015 г.
10. Газета Ведомости. 2012–2015 г.
11. Газета Коммерсантъ. 2013–2016 г.
12. Газета Московский комсомолец. 2012–2015 г.

REFERENCES

1. Babaitseva V.V. Mestoimenie eto i ego funktsional'nye omonimy: monografiya. [The pronoun это and its functional homonyms: monograph.]. 2nd ed., stereotyped. M., FLINTA, 2014. 168 p.
2. Gerasimenko N.A. Zhanr i sintaksis: k probleme ispol'zovaniya bisubstantivnykh predlozhenii v gazetnom tekste [Genre and syntax: the problem of using besubstantive sentences in newspaper text] // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology]. 2014. no. 6. pp. 45–49.
3. Gerasimenko N.A. Oformlenie svyazi mezhdu glavnymi chlenami bisubstantivnogo predlozheniya [Making connections between the main members besubstantial sentences] // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology]. 2015. no. 4. pp. 14–18.
4. Ozhegov S.I. Tolkovyi slovar' russkogo yazyka: Ok. 65 000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenii [Explanatory dictionary of the Russian language: Ab. 65 000 words and phraseological expressions]. 26th ed., rev. and enl. M., 2008. 736 p.
5. Tertychnyi A.A. Zhanry periodicheskoi pechati. Uchebnoe posobie. M.: Aspekt Press, 2000. [Elektronnyi resurs]. [Genres of periodicals. Textbook. M.: Aspect Press, 2000. [E-source]]. URL: <http://evartist.narod.ru/text2/01.htm> (request date 12.04.2016)
6. Shvedova N.YU. Mestoimenie i smysl [Pronoun and meaning]. M., 1998. 176 p.
7. Shcherba L.V. O chastyakh rechi v russkom yazyke [On parts of speech in the Russian language] // Izbrannye raboty po russkomu yazyku [Selected works on the Russian language]. M., 1957. pp. 63–84
8. Yudina N.V. Russkii yazyk v XXI veke: krizis? evolyutsiya? progress? [monografiya] [Russian language in the 21st century: crisis? evolution? progress? [monograph]]. M., Gnozis, 2010. 293 p.
9. Gazeta Komsomol'skaya pravda [The newspaper Komsomolskaya Pravda]. 2014–2015.
10. Gazeta Vedomosti [The Vedomosti Newspaper]. 2012–2015.
11. Gazeta Kommersant" [The Newspaper Kommersant]. 2013–2016.
12. Gazeta Moskovskii komsomolets [The newspaper Moskovsky Komsomolets]. 2012–2015.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Степанчиков Михаил Андреевич – аспирант кафедры современного русского языка Московского государственного областного университета;
e-mail: mishastep.91@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Mikhail Stepanchikov – postgraduate student at the Department of the Modern Russian language of Moscow State Regional University;
e-mail: mishastep.91@mail.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Степанчиков М.А. Особенности функционирования бисубстантивных предложений с подлежащим *это* на страницах современных газет // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2016. № 5. С. 129-136.

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-5-129-136

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

M. Stepanchikov. Features of functioning of bisubstantive sentences containing the subject *это* on the pages of modern newspapers // Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology. 2016. no. 5. pp. 129-136.

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-5-129-136

УДК 811.512.145'37:811.511.131'37

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-5-137-144

ПОТЕНЦИАЛ КОРПУСНЫХ И БУМАЖНЫХ СЛОВАРЕЙ ДЛЯ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ (НА ПРИМЕРЕ СРЕДСТВ ВЫРАЖЕНИЯ ПОНЯТИЯ «ЖЁЛТЫЙ» В ТАТАРСКОМ И УДМУРТСКОМ ЯЗЫКАХ)

Тагирова Ф.И., Чумарина Г.Р., Акулина Л.В.

Казанский инновационный университет им. В.Г. Тимирязова (ИЭУП)
420111, г. Казань, ул. Московская, д. 42, Российская Федерация

Аннотация. В статье раскрывается потенциал корпусов и словарей как базы для исследований в области перевода и как инструмента для обучения переводу. Уделяется внимание и возможностям выявления семантических и функционально-стилистических особенностей лексики на примере слов, обозначающих жёлтый цвет, в татарском и удмуртском языках и определению их общих и специфических значений на основе анализа их отражения в корпусных и бумажных словарях.

Ключевые слова: электронные корпуса, татарский язык, удмуртский язык, цветообозначающая лексика

POTENTIAL OF CORPORA AND PAPER DICTIONARIES FOR LEXICAL-SEMANTIC RESEARCHES (ON THE EXAMPLE OF EXPRESSION MEANS OF THE CONCEPT "YELLOW" IN THE TATAR AND UDMURT LANGUAGES)

F. Tagirova, G. Chumarina, L. Akulina

Timiryasov Kazan Innovative University
42, Moskovskaya St., Kazan, Russian Federation, 420111

Abstract. The article reveals the potential of corpora and dictionaries as a basis for researches in the field of the translation and as a tool for training in the translation. The attention is paid to opportunities to detect the semantic and functional-stylistic features of lexicon on the example of the words denoting yellow color in the Tatar and Udmurt languages and to definition of their general and specific meanings on the basis of the analysis of their reflection in corpora and paper dictionaries.

Keywords: electronic corpora, Tatar language, Udmurt language, colour naming lexicon.

Составление и введение в обиход электронных корпусных словарей является неизбежным и очень значительным вкладом как в развитие самого языка, так и самых передовых методов и направлений лингвистической науки. Исследования на основе корпусов стали основной методологией, используемой во многих

отраслях лингвистики, так как обеспечивают самый широкий спектр исследований фактическими данными, отличающимися надёжностью, разнообразием и конкретностью. С 1990-х годов корпусные словари стали применяться в переводе. Корпусная лингвистика не является однородной методологией, она используется с разной степенью детализации и разной опорой на количественные и качественные методы и со следующими особенностями: распознаваемый машиной естественный язык, сбалансированный и репрезентативный проект корпуса, систематический и исчерпывающий анализ.

Относительно недавно началось серьёзное изучение потенциала корпусных словарей. Исследование национальных языков на достоверном материале с использованием современных технологий автоматической обработки текстов позволяет выработать новые подходы к решению актуальных проблем изучения и исследования национальных языков. Корпусный словарь и связанные с ним корпусные аналитические инструменты, которые становятся очень популярными в широком спектре исследовательских методик, представляют собой способ для проведения эмпирического исследования текстовых характеристик языка, наряду с традиционными исследованиями на основе бумажных носителей. Так, на их базе могут быть осуществлены самые разные изыскания: выявлены, прослежены и убедительно доказаны процессы семантической деривации, функциональные особенности лексики, квантитативные исследования различных единиц языка и т. п. За последние десятилетия кор-

пусные ресурсы значительно повлияли также на исследования и практику перевода. В практике перевода корпус имеет сильное влияние на то, что касается работы профессионалов-переводчиков, обучающихся и пользователей. Особенно интересной представляется возможность изучения особенностей переводческого поведения, ориентированного на нормы, что нам видится малоизученным на сегодняшний день. Более поздние, связанные с данной темой направления исследования рассматривают перевод в связи с изменениями языка, например, то, как развитие переводческих стилей и норм связаны с развитием языковых норм, или как влияют на перевод, в свою очередь, изменения языка. Корпусы служат и решению многих проблем, связанных с решением принципов точности, эквивалентности, тождества перевода и пр. Например, известно, что «языковое своеобразие любого текста, ориентированность его содержания на определённый языковой коллектив, обладающий лишь ему присущими «фоновыми» знаниями и культурно-историческими особенностями, не может быть с абсолютной полнотой «воссоздано» на другом языке [9]. Корпуса же в этом плане обеспечивают переводчика практически неограниченным материалом, отражающим семантические, контекстуальные и иные характеристики языковых единиц, что позволяет получить объективную картину их функционирования и максимально подчинить перевод требованиям вышеназванных принципов.

В данном случае на базе корпусных словарей проводится сравнительный анализ цветообозначающей лексики в татарском и удмуртском языках для

выявления существенных сходств и национальной специфики.

В обоих языках обозначения жёлтого цвета очень употребительны как для называния цвета окружающих предметов, так и в метафоризированных значениях, а также имеют неограниченную сочетаемость. В татарском языке для обозначения основного оттенка жёлтого цвета используется слово *сары*. В древнетюркском словаре лексема *сары* зафиксирована в следующих значениях: *sarı* 1. Жёлтый (МК I 374): *sarı altun ығъ кьтъль жёлтое золото, белое серебро* (Тон 48)... 2. бледный: *sarı tan ata keldi занялся бледный рассвет...* 3. Соловый (*о масти лошади*)... [4, с. 488]. В «Кратком историко-этимологическом словаре татарского языка» происхождение лексемы представлено следующим образом: *сары* – ‘жёлтый’ – общетюрк. *сары, сарыс* ‘жёлтый, белёсый, светлый’ [1, с. 172].

А.Н. Кононов пишет, что в древности в некоторых тюркских языках, например, в хазарском и, возможно, в болгарском, слово *сары* (*г*) в форме *сар* имело значение (как в современном чувашском, ‘белый’, о чём свидетельствует название хазарской крепости Саркел – *сар* + *кел*: чув.: *кил* ‘дом’ [6, с. 175]. То есть имеются основания говорить о семантической деривации слова *сары*.

В удмуртском языке жёлтый цвет обозначается словом ‘жёлтый’: жёлтый || жёлто- || желток; *курег пуз* ~ яичный желток; ~ *буёл* жёлтая краска; ~ *какыт* диал. жёлтая бусинка; ~ *музьемъёс* геогр. желтозёмы [14, с. 49]; ~ *бубыли* бабочка-лимонница; ~ *вумульы бот.* кубышка жёлтая; ~ *гадь* мухоловка малая (птица); ~ *губи* лисичка (гриб); ~ *зольгыри жулан* (птица); ~ *кушман*

морковь; ~ *йыро кый* медянка (змея); ~ *моль* злаковая ржавчина; ~ *милъым* диал. блины; ~ *пислэг* мухоловка желтоспинная; ~ *сяська бот.* 1) купавка красильная; 2) ромашка жёлтая; ромашка душистая; ~ *чечег* 1) песчанка (птица); 2) чиж; ~ *шушы* желтозобик (птица); ~ *юбер* иволга [12]; *Kurek-piz kaik tьiһ tьiһ med lo!* [15, с. 30] ‘Как желток яйца пусть будет жёлтым-жёлтым!’ и т. д.

Происхождение цветообозначения *џуж* ‘жёлтый’ в удмуртском языке восходит к общепермской форме *џиž*, а также к более раннему финно-угорскому корню *џае* ‘родиться’ [8, с. 312].

Для получения наиболее полного представления о функционировании данных единиц цветообозначения в татарском и удмуртском языках обратимся к электронным корпусам соответствующих языков. В настоящее время реализуются различные проекты корпусов, имеющие определённые сходства и различия в принципах работы и объёмах представленного материала. Для примера обратимся к наиболее раннему проекту «Туган тел».

Объём Татарского национального корпуса «Туган тел» на сентябрь 2013 года составляет более 26 миллионов словоупотреблений. Корпус содержит тексты различных жанров (художественная литература, тексты СМИ, тексты официальных документов, учебная литература, научные публикации и др.). Каждый документ имеет метаописание (авторы, их пол, выходные данные, даты создания, жанры, части, главы и др.). Тексты, включённые в корпус, снабжены морфологической разметкой (информация о части речи и грамматических характеристиках словоформы) [13].

Другой проект подобного рода – Письменный корпус татарского языка. Он на август 2016 г. насчитывает более 116 миллионов слов. Включает в себя различные тексты: художественные произведения, сборники научных трудов, монографии, газеты и журналы, религиозную литературу и др. Корпус снабжён системой сложного морфологического поиска, системой синтеза татарской речи, морфологической разметкой текста и т. п. [10].

Что касается лексемы *сары* ‘жёлтый’, то она представлена в Письменном корпусе татарского языка 6509 вхождениями, например: *Сары көзгә кадәр озын жәй бар.* [10] ‘До жёлтой осени есть длинное лето’; ... *аскы иренен чайничайни һәм сары сумкасын эләктереп урамга чыгып йөгәрде* [10] ‘... покусывая нижнюю губу и схватив жёлтую сумочку, убежала на улицу’, и т. п. В Татарском национальном корпусе «Туган тел» со словом *сары* – 3220 вхождений, например: *Сары яфрак төшен бара иде* [13] ‘Жёлтый лист падал’; *Күкәйгә дәү әнисе дә шатланды, Сары тавыкны мактады, Таһирны мактады* [13] ‘Бабушка тоже обрадовалась снесённому яйцу, жёлтую курицу похвалила, Тагира похвалила также’ и т. п.

Корпус удмуртского языка в настоящий момент включает в себя около 7,3 миллионов словоупотреблений. Тексты корпуса были размечены с помощью автоматического морфологического анализатора, около 88% словоформ корпуса имеют грамматический разбор. Омонимия в корпусе не снималась, т. е. каждой словоформе приписаны все возможные варианты разбора без учёта контекста. Последнее обновление корпуса было произведено 6 марта 2016 г.

В текущей версии корпуса подавляющее большинство словоупотреблений приходится на прессу 2007–2015 гг. (91%). Остальные тексты представляют собой блоги (6%) и нехудожественные тексты (Новый завет, статьи из Википедии и эссеистика (3%)). В будущем планируется расширить текстовую базу и включить в корпус художественную литературу [7].

С цветообозначением *çуж* ‘жёлтый’ в удмуртском национальном корпусе представлено 367 вхождений, 206 документов, например: *Чебер адске ук: поезд кошкыку, усьтэм өс дорын çуж флажокен сылэ чебер дһсяськем нылмурт...* [7] ‘Красиво смотрится, когда отъезжает поезд, возле открытой двери стоит красиво одетая женщина с жёлтым флажком’. – *Айда тогда тысьтыд ымдэ муж краскаен буялом!* [7] ‘Давай тогда твой рот покрасим в жёлтый цвет’ и т. п.

С лингвокультурологической точки зрения материал публицистических текстов является активной сферой функционирования языковых единиц, в частности, слов, обозначающих цвет. Данные единицы отражают культурные стереотипы общества, их изменения, ценностные приоритеты и трансформации.

Сходство и специфичность семантических и сочетаемостных свойств изучаемых слов в татарском и удмуртском языках во многом обусловлены их многозначностью. В обоих языках лексемы *сары* / *çуж* совпадают в следующих значениях:

- жёлтый, цвет жёлтой краски;
- желток (яйца);
- желтуха;
- светлый (цвет волос) и др.

Одним из специфических свойств цветообозначения *жёлтый* в удмуртском языке в сопоставлении с татарским языком является то, что лексема *çуж* ‘жёлтый’ в лингвокультурологическом освещении соотносима с термином *çуж*, связанным с материнской линией родства: *çужанай* ‘бабушка по матери’; *çужатай* ‘дедушка по матери’; *çужмурт* ‘брат матери’. Например: *Пичиатай Виталий Семёнович но пичианай Тамара Григорьевна куинь полэс çужатаен çужанай луизы ини* [7] ‘Прадедушка Виталий Семёнович и прабабушка Тамара Григорьевна уже в третий раз стали бабушкой и дедушкой’; *Мон – çужатайлэн яратоно внукез* [11, с. 28] ‘Я любимый внук дедушки’ и др.

И в удмуртском и в татарском языках лексема *çуж* / *сары* ‘жёлтый’, а также его производные используются как информативный носитель коннотации ‘старость’, ‘телесная ветхость’, ‘увядание’, ‘тоска’, ‘болезнь’ и т. п., что можно увидеть на примерах: удм.: *Кукэ но вал, дыр, мэрччанлэс муж йырсийэ. Кукэ но вал, дыр, мэрччанлэс муж йырсийэ* [5, с. 69] ‘Когда-то были, наверное, желтее расчёсанного волокна волосы. Когда-то были, наверное, желтее расчёсанного волокна волосы’; *Дуж али ной, воз али, муж али ной, воз али. Дужзэ дисай – бэздылиз ной воззэ дисай – бэздылиз* [5, с. 186] ‘Желты ещё да зелены ещё, Желты ещё да зелены ещё. Жёлтое надела – выцвело (да), Зелёное надела – выцвело’; *Одигъёсызлэн сюлэмзы кутэ, мукетъёсызлэн муссы ужамысь дугдэ, çужсектон аля, куинетһосызлэн йырвизызы сураське* [7] ‘У одних сердце схватывает, у других печень перестаёт функционировать, желтуха появляется, а третьи с ума сходят’ и т. д.

Тат.: *Авыруның баишлангыч билгеләре: хәлсезлек, аппетит бетү, эчкә газ җыелу, ашказаны тирәсендә авырлык тою, эч кибү, тән тиресе һәм күз агы саргаю, тән кычыту* [13] ‘Первоначальные симптомы болезни: слабость, отсутствие аппетита, газообразование, пожелтение кожных покровов и глазного белка’; *Сагынырга, саргаерга туры килер* [13] ‘Скучать, тосковать придётся’; *Күз алмасы саргаю – бавыр чире* [13] ‘Пожелтение глазного белка – заболевание печени’ и др.

Наиболее распространённой и часто употребляемой формой функционирования цветообозначения ‘жёлтый’ как у удмуртского, так и у татарского народа является глагол-derivat от слова удм. *муж-* и тат. *сары-* *мужсектыны* и *саргаю* ‘желтеть’, причём как в прямом, так и в переносном значении, выражающем эмоциональное состояние тоски, грусти: Тат.: *Сары сагыштан агарды толларның толымнары* [3, с. 220] ‘От жёлтой тоски поседели косы вдов’; *Аклыгы да, сафлыгы да болыннарга түгелде. Саргаюлар сарысы да яктырттылар күңелне* [3, с. 40] ‘И белизна, и чистота легли на луга. Желтизна тоски осветила душу’. Удм.: *Улмо чибор тكدьы мкж лыктэ тكدьы Кам кузя. Мон висъыса кй мужсекты, мон мужсектһ тон понна* [11, с. 81] ‘Пёстро-румяная, как яблоко, белая утка плывёт по белой Каме. Не от болезни я пожелтела, я пожелтела от тоски по тебе’ и т. п.

Проведённые наблюдения подтверждают, что слова цветообозначения не только называют определённую область цветового спектра, но и имеют дополнительные значения, коннотации, представляющие собой концентрацию культурных знаний. Наблюда-

ния позволили также выявить общее и специфическое в семантике и сочетаемости прилагательных *сары / цуж*, принадлежащих неродственным языкам. Сходство на семантическом уровне обусловлено общечеловеческими закономерностями в психологии восприятия объективной реальности. Кроме того, сказывается постоянное контактирование и взаимовлияние языков, приведшие к типологическим и структурным сходствам и отразившиеся в том числе и на лексико-семантическом уровне. Специфичность же вызвана отличиями в ассоциативном восприятии и интерпретации окружающего мира, обусловленных наличием у татарского и удмуртского народов своих национальных реалий,

традиций и других историко-культурных факторов, повлиявших на формирование менталитета и языкового сознания каждого народа. То есть каждый народ в дополнение к символам и эталонам, общим с другими народами, имеет систему образов, характерных только для данной культурной общности и обусловленных индивидуальностью образного мышления конкретного народа, представляющего собой сложный ассоциативно-психологический процесс. Результаты анализа массивного материала корпусов ещё раз подтверждают данный факт. Технический потенциал корпусов даёт исследователям уникальную возможность сравнения, систематизации, анализа любых особенностей лексики.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Әхмәтъянов Р.Г. Татар теленең кыскача тарихи-этимологик сүзлеге. Казан: Татар китап нәшрияты, 2001. 272 б.
2. Борисов Т.К. Песни южных вотяков. Ижевск: УдКнига, 1929. 100 с.
3. Галиев Ш.Г. Сиңа әйтер сүзем бар: шигырьләр, фәлсәфи фикерләр. Казан: Татарстан китап нәшрияты, 2008. 367 с.
4. Древнетюркский словарь. Л.: Наука, 1969. 676 с.
5. Кельмаков В.К. Образцы удмуртской речи: Северное наречие и срединные говоры / Науч. ред. М.Г. Атаманов. Ижевск: Удмуртия, 1981. 300 с.
6. Кононов А.Н. Семантика цветообозначений в тюркских языках // Тюркологический сборник. М.: Наука, 1978. С. 159-179.
7. Корпус удмуртского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://web-corpora.net/UdmurtCorpus/search/>
8. Лыткин В.И., Гуляев В.С. Краткий этимологический словарь коми языка. Сыктывкар: Коми, 1999. 430 с.
9. Паршин А. Теория и практика перевода. М.: Высшая школа, 2008. 422 с.
10. Письменный корпус татарского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://corpus.tatar/index.php>
11. Романов В.В. Ваёбыж кар: Кылбуръёс. Ижевск: Удмуртия, 2004. 192 с.
12. Русско-удмуртский, удмуртско-русский переводчик онлайн. [Электронный ресурс]. URL: <http://udmurtinfo.ru/russko-udmurtskij-slovar>
13. Татарский национальный корпус «Туган тел». [Электронный ресурс]. URL: <http://web-corpora.net/TatarCorpus/>
14. Туганаев В.В., Воронцов П.И., Перевошиков А.П. Русско-удмуртский словарь географических терминов. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 2003. 176 с.

15. Wichmann Y. Wotjakische Chrestomathie mit Glossar. Helsingfors: Druckerei Der Finnischen Literaturgesellschaft, 1901. 136 s.

REFERENCES

1. Әхмәтъянов Р.Г. Татар теленең кыскача тарихи-этимологик сүзлегә. Казан: Татар китап нәшрияты, 2001. 272 б.
2. Borisov T.K. Pesni yuzhnykh votyakov [Songs of southern votyaks]. Izhevsk, UdKniga, 1929. 100 p.
3. Галиев Ш.Г. Сина әйтер сүзем бар: шигырьләр, фәлсәфи фикерләр. Казан: Татарстан китап нәшрияты, 2008. 367 с.
4. Drevnetyurkskii slovar' [Ancient Turkic dictionary]. L., «Nauka», 1969. 676 p.
5. Kel'makov V.K. Obraztsy udmurtskoi rechi: Severnoe narechie i sredinnye govory [Samples of the Udmurt speech: Northern dialect and the median dialects]. Izhevsk, Udmurtiya, 1981. 300 p.
6. Kononov A.N. Semantika tsvetooboznachenii v tyurkskikh yazykakh [The semantics of the colour names in Turkic languages] // Tyurkologicheskii sbornik [Turkological collection]. M., «Nauka», glavnaya redaktsiya vostochnoi literatury, 1978. pp. 159-179
7. Korpus udmurtskogo yazyka [Elektronnyi resurs]. [The corpus of the Udmurt language [E-source]]. URL: <http://web-corpora.net/UdmurtCorpus/search/>
8. Lytkin V.I., Gulyaev V.S. Kratkii etimologicheskii slovar' komi yazyka [Brief etymological dictionary of Komi language]. Syktyvkar, Komi, 1999. 430 p.
9. Parshin A. Teoriya i praktika perevoda [Theory and practice of translation]. M., Vysshaya shkola, 2008. 422 p.
10. Pis'mennyi korpus tatarskogo yazyka [Elektronnyi resurs]. [The corpus of written Tatar language [E-source]]. URL: <http://corpus.tatar/index.php>
11. Романов В.В. Ваёбыж кар: Кылбуръёс. Ижевск: Удмуртия, 2004. 192 с.
12. Russko-udmurtskii, udmurtsko-russkii perevodchik onlain. [Elektronnyi resurs]. [Russian-Udmurt, Udmurt-Russian translator online. [E-source]]. URL: <http://udmurtinfo.ru/russko-udmurtskij-slovar>
13. Tatarskii natsional'nyi korpus «Tugan tel». [Elektronnyi resurs]. [Tatar national corpus "Tugan tel". [E-source]]. URL: <http://web-corpora.net/TatarCorpus/>
14. Tuganaev V.V., Vorontsov P.I., Perevoshchikov A.P. Russko-udmurtskii slovar' geograficheskikh terminov [Russian-Udmurt dictionary of geographical terms]. Izhevsk, Udmurtskii institut istorii, yazyka i literatury UrO RAN, 2003. 176 p.
15. Wichmann Y. Wotjakische Chrestomathie mit Glossar. Helsingfors: Druckerei Der Finnischen Literaturgesellschaft, 1901. 136 s.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Тагирова Фяридя Инсановна – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник, обособленное подразделение ГНБУ «Академия наук Республики Татарстан» «Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ»; e-mail: feride2412@mail.ru

Чумарина Гузель Раисовна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков и перевода Казанского инновационного университета им. В.Г. Тимирязова (ИЭУП); e-mail: chumarina1@yandex.ru

Акулина Людмила Владимировна – старший менеджер деканата Институт развития дистанционных образовательных технологий Казанского инновационного университета им. В.Г. Тимирязова (ИЭУП); e-mail: akulinalv@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Fyaridya Tagirova – candidate of Philological Sciences, leading research scientist of Ibragimov Institute of Language of Literature and Art of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan;

e-mail: feride2412@mail.ru

Guzel Chumarina – candidate of Philological Sciences, associate professor, associate professor at the department of foreign languages and translation of the Timiryasov Kazan Innovative University;

e-mail: chumarina1@yandex.ru

Lyudmila Akulina – senior manager at the Dean's Office of the Institute of distance learning technologies of Timiryasov Kazan Innovative University;

e-mail: akulinalv@mail.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Тагирова Ф.И., Чумарина Г.Р., Акулина Л.В. Потенциал корпусных и бумажных словарей для лексико-семантических исследований (на примере средств выражения понятия «жёлтый» в татарском и удмуртском языках) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2016. № 5. С. 137-144.

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-5-137-144

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

F. Tagirova, G. Chumarina, L. Akulina. Potential of corpora and paper dictionaries for lexical-semantic researches (on the example of expression means of the concept "yellow" in the Tatar and Udmurt languages) // Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology. 2016. no. 5. pp. 137-144.

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-5-137-144

УДК 811.161.1:37

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-5-145-157

ПАРНЫЕ ИМЕНОВАНИЯ И СМЕЖНЫЕ ЯВЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

У Ляньлянь

Владимирский государственный университет имени А.Г. и Н.Г. Столетовых
600000, г. Владимир, ул. Горького, д. 87, Российская Федерация

Аннотация: В данной статье рассматриваются дифференциальные признаки устойчивых лексико-семантических единиц – парных именований (типа *путь-дорога, хлеб да соль, мать и отец, день и ночь*), которые отграничиваются от следующих смежных явлений, основанных на повторе различного типа: 1) редупликации (*еле-еле, чуть-чуть*); 2) полиптотона (*человек человека, друг друга, миру мир*); 3) аппозитивного сочетания: (*Маша-растеряша, конёк-горбунок*). В лингвистике подобные случаи зачастую смешиваются с парными именованиями, не различаются. Наш материал показывает особенности и дифференциальные признаки каждого лингвистического явления, акцентируя внимание на характеристике парных именований.

Ключевые слова: парные именования, редупликация, полиптотон, аппозитивное сочетание, дифференциальные признаки.

PAIR NAMING AND RELATED PHENOMENA IN MODERN RUSSIAN LANGUAGE

Wu Lianlian

Alexander and Nikolay Stoletov Vladimir State University
87 Gorky St., Vladimir, Russian Federation, 600000

Abstract. In the article we are talking about the distinctive features of stable lexical-semantic expressions – pair naming (such as *path-road, bread and salt, mother and father, day and night*), which are distinguished from the following related phenomena, based on the repetition of various types: 1) reduplication (*barely, barely*); 2) poliptoton (*each other*); 3) appositive combination (*Masha-rasteryasha, humpbacked little horse*). In linguistics, such cases are often mixed with pair naming. Our material shows characteristics and distinctive features of each linguistic phenomenon, focusing on the characteristics of pair naming.

Keywords: pair naming, reduplication, poliptoton, appositive combination, distinctive features.

В современном русском языке довольно частотны такие устойчивые лексико-семантические единицы, как *пошло-поехало, худо-бедно, шито-крыто, есть и пить, житьё-бытьё, стыд и срам, вдоль и поперёк* и т. д. Современные русисты, особенно иностранцы, изучающие русский язык, часто не отличают эти сочетания от смежных явлений, основанных на повторе (например, реду-

пликации – *еле-еле, чуть-чуть*, полиптотона – *человек человека, друг друга, миру мир*, аппозитивного сочетания – *Маша-растеряша, конёк-горбунок*). В связи с этой актуальной проблемой мы проанализируем эти сочетания на материале современного русского языка и определим их особенности.

Целью настоящей статьи является выявление признаков смежных явлений (парного именования, редупликации, полиптотона, аппозитивного сочетания), что позволит чётче определить их место в системе современного русского языка.

Несвободные лексико-семантические единицы типа *брат и сестра, воздух и земля, гуси-лебеди, мать и отец, хлеб-соль, день и ночь, плоть и кровь* рассматривались на древнерусском материале, начиная с XIX в., под различными терминами, например: *соединение однородных по значению слов* (Ф. Миклошич); *двойственность субстанции* – «двое в одно» (А.А. Потебня); *синонимические пары с союзами «и», «да»* (А.П. Евгеньева); *синонимические дублиеты* (Д.С. Лихачёв, Д.В. Дмитриев); *парные именования* (В.В. Колесов, О.Ф. Жолобов, Л.П. Клименко, М.В. Пименова, М.В. Артамонова); *парные соединения близкозначных слов* (А.В. Алексеев); *гендиадис* (М.И. Лecomцева, И.П. Смирнов); *формулы-синтагмы, репрезентирующие отношения синонимического характера* (С.А. Аверина); *«сдвоенные» формулы* (О.П. Лопутько); *бинарные формулы-матрицы* (Ф.Н. Двинятин) и т. д. [5; 17; 19; 21; 27; 29; 30; 31; 34]. Мы вслед за В.В. Колесовым, О.Ф. Жолобовым, Л.П. Клименко, М.В. Пименовой, М.В. Артамоновой используем термин **парное именование**, которое, на

наш взгляд, достаточно точно передаёт лингвистическую суть данной лексико-семантической единицы. Как отмечает М.В. Пименова, «парные именования указывают на денотат, который возникает в результате синкретичной парности двух предполагающих друг друга предметов, явлений и т.д., например: *мать и отец* – ‘родители’, *день и ночь* – ‘сутки’, *небо и земля* – ‘вселенная’, *семо и овамo* – ‘везде’, *щит и меч* – ‘оружие’ и др.» [31, с. 63]. По определению М.В. Артамоновой, парное именование – это «устойчивое двухкомпонентное сочетание, представляющее собой сочинительное соединение семантически связанных лексических единиц (чаще существительных), реализующих нерасчленённое значение парности (*радость и веселье, небо и земля, хлеб и соль, гуси-лебеди*)» [5, с. 16].

Наш материал показывает, что подобные устойчивые единицы продолжают использоваться в современном русском языке, выражая в тексте единое, нерасчленённое значение: *Бедным гулять, сударь, некогда, у них день и ночь* (‘сутки’) *работа* [28]; *Когда сержант принёс мader и мы вытили по рюмочке, я взял его за руку и сказал: «Господин сержант, может быть, у вас есть отец и мать* (‘родители’)...» [35]; *Гости остались в столовой, шёпотом толкуя об этом неожиданном посещении, и опасаясь быть нескромными, вскоре разъехались один за другим, не поблагодарив хозяина за его хлеб-соль* (‘гостеприимство») [33]; *И – пошло-поехало* (‘дальнейшее развитие’) *вдоль и поперёк* (‘всюду, везде’) *по матушке России: сразу же были объявлены конкурсы и месячники* «патриотического

воспитания» в «классическом» духе советского периода [9]; Исписанные перья пачкали чернилами бумагу, я бросал одно, хватался за другое. Строчки разбегались **вкривь и вкось** ('беспорядок, путаница'). Я спешил, писал, не промокая клякс, не понимая, сколько прошло времени, час, а может быть, целый день [24]; Отправьте вы меня в часть, буду служить **верой и правдой** ('честно, преданно')... [38]; В 1864 году, во время празднования 300-летия со дня рождения великого драматурга, И.С. Тургенев говорил в юбилейной речи о том, что Шекспир стал неотъемлемой частью русской культуры и «вошёл в нашу плоть и кровь» ('неотъемлемая часть') [26], Вот именно как раньше делали – **руки-ноги** ('конечности') вязать и головой вниз на шпалы [7]; **ЗА И ПРОТИВ** ('мнение, решение, утверждение') Является ли необходимым условием для дальнейшего развития российского фондового рынка появление на нём деривативов? [39]; А нефть у нас уже есть, и она нас **худобедно** ('по крайней мере, минимум') кормит [22]; – Скучал! – отвечал Печорин, улыбаясь. – А помните наше **житьё-бытьё** ('жизнь') в крепости? Славная страна для охоты!... [18]; *Хоть в этом году по разделу экспедиции что-то освоим. А то ведь **стыд и срам** ('о постыдных поступках и последствиях, позорище'). Нам кредит отпускают, а мы обратно перебрасываем [13]; «А нам подавай корыто, и встанем во всей красе, не тайно, не **шито-крыто** ('скрыто так, что никто не узнает; в полной тайне'), а чтоб любовались все!» [14] и др.*

Сравним парные именованья со смежными явлениями, основанными на повторах различных типов и видов.

Парные именованья и редупликация

Под термином **редупликация** в современном русском языке рассматриваются несвободные сочетания типа *еле-еле, чуть-чуть*. По своим семантическим особенностям парные именованья и редупликация сближаются: и парные именованья, и редупликация выражают единое лексическое значение. Однако с точки зрения структуры редупликация – это «фономорфологическое явление, состоящее в удвоении начального слога (частичная редупликация) или целого корня (полная редупликация). Предельный случай редупликации – повтор, т.е. удвоение всего слова (ср. рус. *еле-еле, белый-белый*); образование таких форм смыкается со словосложением» [8, с. 408]. Приведём примеры: *Еле-еле дотянулся до телефона, сообщил новость приятелю Толе [3]; Шухов бы и сам попробовал, но какими-то часами там, в нутре своём, чует, что осталось до проверки **чуть-чуть** [1]; Якого-то **очень-очень** жалею, но кого же? [13]* Кроме того, удвоение, происходящее при редупликации, и парность в семантической организации парных именований не являются тождественными: парные именованья представляют собой не удвоение или повтор одной и той же лексической единицы, а соединение семантически близких, но разных лексических единиц [5, с. 17]. По сравнению с редупликацией парные именованья имеют двухкомпонентную структурную организацию, и каждый структурно-семантический компонент выражен отдельной лексемой.

Парные именованья и полиптотон

В современном русском языке **полиптотон** называют такие сочетания, как *душа душу, сердце сердцу, рука руку, сам собой (сам себе)*. В словарях М.Л. Гаспарова, А.Н. Чудинова, А.Д. Михельсона [11; 25; 37] полиптотон рассматривается как повторение одного и того же слова в разных падежах. Например: **Волк волка не ест, а человек человека живьём съедает** [10]; – *Каинской жертвы, видно, бог не приемлет, вот теперь душа душу и окупает, – заключил старик* [32]; *Катерина покачала головой: недаром говорят, рука руку моет* [4]; *Из Австралии? Миру мир! – Он погладил большой ладонью пыльную обшивку вэна* [6].

Опираясь на вышеприведённые примеры, можно выделить следующие структурные признаки полиптотона: 1) данное сочетание, как и парное именование, состоит из двух компонентов; 2) с точки зрения частеречной принадлежности оба компонента – имена существительные; 3) компоненты полиптотона дублируют друг друга, но в разных грамматических формах: один компонент стоит в именительном падеже, а другой – в косвенном; 4) в полиптотоне отсутствует союзная связь.

Следует отметить, что структура парного именованья гораздо разнообразнее, чем структура полиптотона, построенного только по модели «имя существительное + имя существительное» (*друг друга, человек человека*). Парное именование может быть построено не только по этой модели (далее – ИС + ИС), например: *мать и отец, хлеб-соль, печки-лавочки*), но и «наречие + наречие» (далее – Н + Н) (*худо-бедно, шито-крыто, так-сяк,*

подобру-поздорову), «глагол + глагол» (далее – Г + Г) (*есть и пить, дневать и ночевать*), «имя прилагательное + имя прилагательное» (далее – ИП + ИП) (*тихий и безмятежный, такой и сякой*).

Кроме того, склоняется грамматическая форма только одного из компонентов полиптотона, например: *Наглые взрослые мужики поубивали друга друга при попытке перегрызть другу другу глотки* [16]. А что касается парного именованья, то два компонента изменяются вместе (параллельно), например: *Для меня первая почесть служить верой и правдой королевскому дитяти!* [36]

Когда речь идёт о союзной связи, то в сочетании парного именованья может присутствовать как союзная связь (*и, да*), так и бессоюзная, например: *смех и грех, авось да небось, бухты-барахты*.

С точки зрения семантики компоненты полиптотона дублируют друг друга (*душа душу, рука руку*), а компоненты парного именованья являются абсолютно разными словами: например, *день и ночь, гиль и дичь, молодозелено, банки-склянки*.

Парное именование и аппозитивное сочетание (атрибутивные компоненты сочетаний)

Особенности структурной организации парных именованья близки к аппозитивным сочетаниям типа *Маша-растеряша, конёк-горбунок, бизнес-план, маркетинг-план, фитнес-зал, интернет-конференция, дизайн-бюро*. Парные именованья и аппозитивные сочетания сходны по семантическому

признаку – способности выражать нечленимое значение: например, сравним аппозитивную конструкцию *Маша-растеряша* – ‘рассеянная Маша’ и парное именование *день и ночь*, служащее для выражения синкретичного значения ‘сутки’: *День и ночь* не погасала на кухне огромная плита [12]. Но в парных именовании не развиваются отношения атрибутивности между компонентами, как в аппозитивных сочетаниях, например, *Маша-растеряша* – ‘рассеянная Маша, которая всё теряет’, *конёк-горбунок* – ‘горбатый конёк’, *бизнес-план* – ‘план для бизнеса’, *фитнес-зал* – ‘зал для фитнеса’. Структурно-семантические компоненты парных именовании находятся в отношениях равноправия и не соотносятся как определяемое и определяющее, например, *чай-сахар*, *муж и жена*. В аппозитивном сочетании один компонент является главным, а другой зависимым. Компоненты подобных сочетаний выражают семантические отношения «определяемое + определяющее» [23, с. 5].

Отметим ещё один признак, который отличает парные именовании от аппозитивных сочетаний, это союзная связь. В аппозитивных сочетаниях два компонента соединяются при помощи бессоюзной связи (на письме – через дефис), а в парных именовании средства связи могут варьироваться. Например: – *Гой еси, хозяин неведомый! Благодарим за хлеб соль. Ты уж прости,*

что нежданны незванны, а в гости за-явились [2]; *Снял папаху, пригладил жёсткие седые волосы. – Хлеб да соль! Экипаж Малешкина дружно ответил: «Спасибо, товарищ полковник!»* [7]; *Гости остались в столовой, шёпотом толкуя об этом неожиданном посещении и, опасаясь быть нескромными, вскоре разъехались один за другим, не поблагодарив хозяина за его хлеб-соль.* [33]; *С немецким пастором хлеб и соль водит!* [15]

Сопоставив парные именовании со смежными лингвистическими явлениями, основанными на повторе, мы можем сделать следующие выводы: во-первых, парные именовании имеют двухкомпонентную структурную организацию, и каждый структурно-семантический компонент не дублирует друг друга и по форме и по содержанию; во-вторых, значение парных именовании идиоматично, то есть не выводится из значений составляющих его компонентов (как и у фразеологических единиц); в-третьих, структурно-семантические компоненты парных именовании находятся в отношениях равноправия и не соотносятся как определяемое и определяющее; в-четвёртых, оба компонента в парных именовании склоняются; в-пятых, модели, по которым построены парные именовании, представлены разновидностями: ИС+ИС, ИП+ИП, Н+Н, Г+Г.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Солженицын А.И. Один день Ивана Денисовича (1961) [Электронный ресурс] // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: http://search2.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%F7%F3%F2%FC-%F7%F3%F2%FC&p=5 (дата обращения: 10.06.2016).

2. Белянин А. Свирепый ландграф (1999) [Электронный ресурс] // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: http://search2.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%F5%EB%E5%E1+%F1%EE%EB%FC (дата обращения: 24.06.2016).
3. Иванов А. Не повезло // «Трамвай», 1990 [Электронный ресурс] // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: http://search2.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%C5%EB%E5-%E5%EB%E5+ (дата обращения: 10.06.2016).
4. Львов А. Двор (1981) [Электронный ресурс] // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: http://search2.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%F0%F3%EA%E0%20%F0%F3%EA%F3%20&p=2 (дата обращения: 10.06.2016).
5. Артамонова М.В. Парные именованья в древнерусском тексте. Владимир: ВГТУ, 2009. 208 с.
6. Месяц В. Лечение электричеством // «Урал», 2002 [Электронный ресурс] // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: http://search2.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%CC%E8%F0%F3+%EC%E8%F0 (дата обращения: 10.06.2016).
7. Пелевин В. Жёлтая стрела (1993) [Электронный ресурс] // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: http://search2.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%F0%F3%EA%E8+%ED%EE%E3%E8+ (дата обращения: 22.05.2016).
8. Виноградов В.А. Редупликация // Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В.Н. Ярцевой. М.: Советская энциклопедия, 1990. 685 с.
9. Балачан В. Взгляд удава (2003) // «Советская Россия», 2003.05.15 [Электронный ресурс] // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: http://search2.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%E2%E4%EE%EB%FC%20%E8%20%EF%EE%EF%E5%F0%B8%EA&p=7 (дата обращения: 21.05.2016).
10. Гаршин Вс.М. Сигнал (1887) [Электронный ресурс] // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: http://search2.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%C2%EE%EB%EA+%E2%EE%EB%EA%E0+ (дата обращения: 10.06.2016).
11. Гаспаров М.Л. Полиптотон // Литературный энциклопедический словарь / Под ред. В.М. Кожевникова, П.А. Николаева. М.: Советская энциклопедия, 1987. [Электронный ресурс] // Словари и энциклопедии на Академике: [сайт]. URL: <http://literary-encyclopedia.academic.ru/6695/ПОЛИПТОТОН> (дата обращения: 23.04.2016).
12. Грекова И. Фазан (1984) [Электронный ресурс] // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: http://search2.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%E4%E5%ED%FC+%E8+%ED%EE%F7%FC (дата обращения: 10.06.2016).

13. Домбровский Ю.О. Хранитель древностей, часть 2 (1964) [Электронный ресурс] // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: [http://search2.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%F1%F2%FB%E4+%E8+%F1%F0%E0%EC+](http://search2.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%F1%F2%FB%E4+%E8+%F1%F0%E0%EC+(дата обращения: 22.05.2016)) (дата обращения: 22.05.2016).
14. Чижова Е. Лавра // «Звезда», 2002 [Электронный ресурс] // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: [http://search2.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%F8%E8%F2%EE-%EA%F0%FB%F2%EE%20&p=1](http://search2.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%F8%E8%F2%EE-%EA%F0%FB%F2%EE%20&p=1(дата обращения: 22.05.2016)) (дата обращения: 22.05.2016).
15. Загоскин М.Н. Русские в начале осмнадцатого столетия (1848) [Электронный ресурс] // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: [http://search2.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%F5%EB%E5%E1%20%E8%20%F1%EE%EB%FC&p=2](http://search2.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%F5%EB%E5%E1%20%E8%20%F1%EE%EB%FC&p=2(дата обращения: 24.06.2016)) (дата обращения: 24.06.2016).
16. Запись LiveJournal (2004) [Электронный ресурс] // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: [http://search2.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%E4%F0%F3%E3+%E4%F0%F3%E3%F3+](http://search2.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%E4%F0%F3%E3+%E4%F0%F3%E3%F3+(дата обращения: 10.06.2016)) (дата обращения: 10.06.2016).
17. Колесов В.В. Древнерусский литературный язык. Л., 1989. 295 с.
18. Лермонтов. М.Ю. Герой нашего времени (1839-1841) [Электронный ресурс] // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: [http://search2.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%E6%E8%F2%FC%B8-%E1%FB%F2%FC%B8+](http://search2.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%E6%E8%F2%FC%B8-%E1%FB%F2%FC%B8+(дата обращения: 22.05.2016)) (дата обращения: 22.05.2016).
19. Лихачёв Д.С. Поэтика древнерусской литературы. Л., 1967. 372 с.
20. Ломов А.Г. Устойчивые словесные комплексы древнейших русских летописей: автореф. дис.... канд. филол. наук. Самарканд, 1969. 33 с.
21. Лопутько О.П. Устойчивая формула в истории русского литературного языка (X–XV вв.). Новосибирск, 2001. 226 с.
22. Блант М. Система ценностей и ценность системы (2003) // «Еженедельный журнал», 2003.04.01 [Электронный ресурс] // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: [http://search2.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%F5%F3%E4%EE-%E1%E5%E4%ED%EE+](http://search2.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%F5%F3%E4%EE-%E1%E5%E4%ED%EE+(дата обращения: 22.05.2016)) (дата обращения: 22.05.2016).
23. Малахов А.С. Виды грамматической связи в аппозитивных сочетаниях: дис ... канд. филол. наук. Владимир, 2009. 157 с.
24. Шишкин М. Всех ожидает одна ночь (1993–2003) [Электронный ресурс] // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: [http://search2.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%E2%EA%F0%E8%E2%FC%20%E8%20%E2%EA%EE%F1%FC&p=2](http://search2.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%E2%EA%F0%E8%E2%FC%20%E8%20%E2%EA%EE%F1%FC&p=2(дата обращения: 21.05.2016)) (дата обращения: 21.05.2016).
25. Михельсон А.Д. Объяснение 25000 иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык, с означением их корней. 1865. [Электронный ресурс] // Словари и энциклопедии на Академике: [сайт] URL: [http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/28467/ПОЛИПТОТОН](http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/28467/ПОЛИПТОТОН(дата обращения: 23.04.2016)) (дата обращения: 23.04.2016).

26. Морозов М.М. Шекспир на советской сцене (1947) [Электронный ресурс] // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: http://search2.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%EF%EB%EE%F2%FC%20%E8%20%EA%F0%EE%E2%FC&p=12 (дата обращения: 22.05.2016).
27. Орлов А.С. Об особенностях формы русских воинских повестей (кончая XVII в.). М., 1902. 50 с.
28. Островский А.Н. Проза (1860) [Электронный ресурс] // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: http://search2.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%E4%E5%ED%FC%20%E8%20%ED%EE%F7%FC&p=3 (дата обращения: 21.05.2016).
29. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. 5-е изд. М., 1935. 452 с.
30. Пиккио Р. Slavia Orthodoxa: Литература и язык / Отв. ред. Н.Н. Запольская. М., 2003. 720 с.
31. Пименова М.В. Красотою украси: выражение эстетической оценки в древнерусском тексте. Владимир: ВГПИУ, 2007. 415 с.
32. Писемский А.Ф. Путевые очерки (1857) [Электронный ресурс] // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: http://search2.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%E4%F3%F8%E0+%E4%F3%F8%F3+ (дата обращения: 10.06.2016).
33. Пушкин А.С. Арап Петра Великого (1828) [Электронный ресурс] // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: http://search2.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%F5%EB%E5%E1-%F1%EE%EB%FC (дата обращения: 21.05.2016).
34. Творогов О.В. Традиционные устойчивые сочетания в "Повести временных лет" // ТОДРЛ. Т. 18. М.; Л., 1962. С. 277–284.
35. Толстой Л.Н. Отрочество (1854) [Электронный ресурс] // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: http://search2.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%EE%F2%E5%F6%20%E8%20%EC%E0%F2%FC&p=1 (дата обращения: 21.05.2016).
36. Чарская Л.А. Дуль-Дуль, король без сердца (1912) [Электронный ресурс] // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: http://search2.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%E2%E5%F0%E%E9+%E8+%EF%F0%E0%E2%E4%EE%E9+ (дата обращения: 10.06.2016).
37. Чудинов А.Н. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. 1910. [Электронный ресурс] // Словари и энциклопедии на Академике: [сайт]. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/28467/ПОЛИПТОТОН (дата обращения: 23.04.2016).
38. Шолохов М.А. Тихий Дон. Книга четвёртая (1928–1940) [Электронный ресурс] // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: http://search2.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%E2%E5%F0%EE%E9%20%E8%20%EF%F0%E0%E2%E4%EE%E9&p=14 (дата обращения: 22.05.2016).

39. Данилов Ю., Ведев А. За и против (2004) // «Эксперт», 2004.12.06 [Электронный ресурс] // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: http://search2.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%E7%E0%20%E8%20%E0%EE%F2%E8%E2&p=4 (дата обращения: 22.05.2016).

REFERENCES

1. Solzhenitsyn A.I. Odin den' Ivana Denisovicha [Elektronnyi resurs] [One day of Ivan Denisovich [E-source]] (1961) // Natsional'nyi korpus russkogo yazyka: [sait]. [National corpus of the Russian language: [website]]. URL: http://search2.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%F7%F3%F2%FC-%F7%F3%F2%FC&p=5 (request date 10.06.2016)
2. Belyanin A. Svirepyi landgraf [Elektronnyi resurs] [Fierce Landgraaf [E-source]] (1999) // Natsional'nyi korpus russkogo yazyka: [sait]. [National corpus of the Russian language: [website]]. URL: http://search2.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%F5%EB%E5%E1+%F1%EE%EB%FC (request date 24.06.2016)
3. Ivanov A. Ne povezlo [Elektronnyi resurs] [No luck [E-source]] (1990) // Natsional'nyi korpus russkogo yazyka: [sait]. [National corpus of the Russian language: [website]]. URL: http://search2.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%C5%EB%E5-%E5%EB%E5+ (request date 10.06.2016)
4. L'vov A. Dvor [Elektronnyi resurs] [The yard [E-source]] (1981) // Natsional'nyi korpus russkogo yazyka: [sait]. [National corpus of the Russian language: [website]]. URL: http://search2.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%F0%F3%EA%E0%20%F0%F3%EA%F3%20&p=2 (request date 10.06.2016)
5. Artamonova M.V. Parnye imenovaniya v drevnerusskom tekste [Pair naming in the ancient text]. Vladimir, VGGU, 2009. 208 p.
6. Mesyats V. Lechenie elektrichestvom // «Ural», 2002 [Elektronnyi resurs] [Treatment with electricity // "Ural", 2002 [E-source]] // Natsional'nyi korpus russkogo yazyka: [sait]. [National corpus of the Russian language: [website]]. URL: http://search2.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%CC%E8%F0%F3+%EC%E8%F0 (request date 10.06.2016)
7. Pelevin V. Zheltaya strela (1993) [Elektronnyi resurs] [The yellow arrow (1993) [E-source]] // Natsional'nyi korpus russkogo yazyka: [sait]. [National corpus of the Russian language: [website]]. URL: http://search2.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%F0%F3%EA%E8+%ED%EE%E3%E8+ (request date 22.05.2016)
8. Vinogradov V.A. Reduplikatsiya [Reduplication] // Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar' [Linguistic encyclopedic dictionary] / Ed. by V.N. Yartseva. M., Sovetskaya entsiklopediya, 1990.

9. Balachan V. Vzglyad udava (2003) [Elektronnyi resurs] [View of the boa (2003) [E-source]] // Natsional'nyi korpus russkogo yazyka: [sait]. [National corpus of the Russian language: [website]]. URL: http://search2.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%E2%E4%EE%EB%FC%20%E8%20%EF%EE%EF%E5%F0%B8%EA&p=7 (request date 21.05.2016)
10. Garshin Vs.M. Signal (1887) [Elektronnyi resurs] [Signal (1887) [E-source]] // Natsional'nyi korpus russkogo yazyka: [sait]. [National corpus of the Russian language: [website]]. URL: http://search2.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%C2%EE%EB%EA+%E2%EE%EB%EA%E0+ (request date 10.06.2016)
11. Gasparov M.L. Poliptoton / Literaturnyi entsiklopedicheskii slovar' / Pod red. V.M. Kozhevnikova, P.A. Nikolaeva. M.: Sovetskaya entsiklopediya, 1987. [Elektronnyi resurs] [Polyptoton / Literary encyclopedic dictionary / Ed. by V. M. Kozhevnikov, P. A. Nikolaev. M.: Soviet encyclopedia, 1987. [E-source]] // Slovarei i entsiklopedii na Akademike: [sait]. [Dictionaries and encyclopedias on the Academician [website]]. URL: <http://literary-encyclopedia.academic.ru/6695/ПОЛИПТОТОН> (request date 23.04.2016)
12. Grekova I. Fazan (1984) [Elektronnyi resurs] [Pheasant (1984) [E-source]] // Natsional'nyi korpus russkogo yazyka: [sait]. [National corpus of the Russian language: [website]]. URL: http://search2.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%E4%E5%ED%FC+%E8+%ED%EE%F7%FC (request date 10.06.2016)
13. Dombrovskii YU.O. Khranitel' drevnostei, chast' 2 (1964) [Elektronnyi resurs] [The Keeper of antiquities, part 2 (1964) [E-source]] // Natsional'nyi korpus russkogo yazyka: [sait]. [National corpus of the Russian language: [website]]. URL: http://search2.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%F1%F2%FB%E4+%E8+%F1%F0%E0%EC+ (request date 22.05.2016)
14. Chizhova E. Lavra (2002) [Elektronnyi resurs] [Laurel (2002) [E-source]] // Natsional'nyi korpus russkogo yazyka: [sait]. [National corpus of the Russian language: [website]]. URL: http://search2.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%F8%E8%F2%EE-%EA%F0%FB%F2%EE%20&p=1 (request date 22.05.2016)
15. Zagoskin M.N. Russkie v nachale os'mnadtsatogo stoletiya (1848) [Elektronnyi resurs] [The Russians in the early eighteenth century (1848) [E-source]] // Natsional'nyi korpus russkogo yazyka: [sait]. [National corpus of the Russian language: [website]]. URL: http://search2.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%F5%EB%E5%E1%20%E8%20%F1%EE%EB%FC&p=2 (request date 24.06.2016)
16. Zapis' LiveJournal (2004) [Elektronnyi resurs] [The LiveJournal entry (2004) [E-source]] // Natsional'nyi korpus russkogo yazyka: [sait]. [National corpus of the Russian language: [website]]. URL: http://search2.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%E4%F0%F3%E3+%E4%F0%F3%E3%F3+ (request date 10.06.2016)

17. Kolesov V.V. Drevnerusskii literaturnyi yazyk [The old Russian literary language]. L., 1989. 295 p.
18. Lermontov. M.YU. Geroi nashego vremeni (1839-1841) [Elektronnyi resurs] [A hero of our time (1839-1841) [E-source]] // Natsional'nyi korpus russkogo yazyka: [sait]. [National corpus of the Russian language: [website]]. URL: http://search2.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%E6%E8%F2%FC%B8-%E1%FB%F2%FC%B8+ (request date 22.05.2016)
19. Likhachev D.S. Poetika drevnerusskoi literatury [The poetics of old Russian literature]. L., 1967. 372 p.
20. Lomov A.G. Ustoichivye slovesnye komplekсы drevneishikh russkikh letopisei: avtoref. dis.... kand. filol. nauk [Steady verbal complexes of the ancient Russian Chronicles: abstr. of PhD thesis in Philology]. Samarkand, 1969. 33 p.
21. Loput'ko O.P. Ustoichivaya formula v istorii russkogo literaturnogo yazyka (X–XV vv.) [Sustainable formula in the history of the Russian literary language (X–XV centuries)]. Novosibirsk, 2001. 226 p.
22. Blant M. Sistema tsennosti i tsennost' sistemy (2003) [Elektronnyi resurs] [The system of values and value of system (2003) [E-source]] // Natsional'nyi korpus russkogo yazyka: [sait]. [National corpus of the Russian language: [website]]. URL: http://search2.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%F5%F3%E4%EE-%E1%E5%E4%ED%EE+ (request date 22.05.2016)
23. Malakhov A.S. Vidy grammaticheskoi svyazi v appozitivnykh sochetaniyakh: dis. ... kand. filol. nauk [The types of grammatical relationships in pozitivnykh combinations: PhD thesis in Philology]. Vladimir, 2009. 157 p.
24. Shishkin M. Vsekh ozhidaet odna noch' (1993–2003) [Elektronnyi resurs] [All expect one night (1993-2003) [E-source]] // Natsional'nyi korpus russkogo yazyka: [sait]. [National corpus of the Russian language: [website]]. URL: http://search2.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%E2%EA%F0%E8%E2%FC%20%E8%20%E2%EA%EE%F1%FC&p=2 (request date 21.05.2016)
25. Mikhel'son A.D. Ob "yasnenie 25000 inostrannykh slov, voshedshikh v upotreblenie v russkii yazyk, s oznacheniem ikh kornei. 1865. [Elektronnyi resurs] [Explanation of 25,000 foreign words entered into use in the Russian language, with explanation of their roots. 1865. [E-source]] // Slovari i entsiklopedii na Akademike: [sait] [Dictionaries and encyclopedias on the Academician [website]]. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/28467/ПОЛИПТОТОИ (request date 23.04.2016)
26. Morozov M.M. Shekspir na sovetskoi stsene (1947) [Elektronnyi resurs] [Shakespeare on the Soviet stage (1947) [E-source]] // Natsional'nyi korpus russkogo yazyka: [sait]. [National corpus of the Russian language: [website]]. URL: http://search2.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%EF%EB%EE%F2%FC%20%E8%20%EA%F0%EE%E2%FC&p=12 (request date 22.05.2016)
27. Orlov A.S. Ob osobennostyakh formy russkikh voinskikh povestei (konchaya XVII v.) [About the peculiarities of form of Russian military novels (ending with the XVII century)]. M., 1902. 50 p.
28. Ostrovskii A.N. Groza (1860) [Elektronnyi resurs] [The storm (1860) [E-source]] // Natsional'nyi korpus russkogo yazyka: [sait]. [National corpus of the Russian language:

- [website]]. URL: http://search2.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%E4%E5%ED%FC%20%E8%20%ED%EE%F7%FC&p=3 (request date 21.05.2016)
29. Peshkovskii A.M. Russkii sintaksis v nauchnom osveshchenii. 5-e izd [Russian syntax in a scientific light. 5th ed]. M., 1935. 452 p.
30. Pikkio R. Slavia Orthodoxa: Literatura i yazyk [Slavia Orthodoxa: Literature and language] / Resp. ed. N.N. Zapolskaya. M., 2003. 720 p.
31. Pimenova M.V. Krasotoyu ukrasi: vyrazhenie esteticheskoi otsenki v drevnerusskom tekste [By Beauty decorate: an expression of aesthetic evaluation in the ancient text]. Vladimir, VGPU, 2007. 415 p.
32. Pisemskii A.F. Putevye ocherki (1857) [Elektronnyi resurs] [Travel essays (1857) [E-source]] // Natsional'nyi korpus russkogo yazyka: [sait]. [National corpus of the Russian language: [website]]. URL: http://search2.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%E4%F3%F8%E0+%E4%F3%F8%F3+ (request date 10.06.2016)
33. Pushkin A.S. Arap Petra Velikogo (1828) [Elektronnyi resurs] [The Negro of Peter the Great (1828) [E-source]] // Natsional'nyi korpus russkogo yazyka: [sait]. [National corpus of the Russian language: [website]]. URL: http://search2.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%F5%EB%E5%E1-%F1%EE%EB%FC (request date 21.05.2016)
34. Tvorogov O.V. Traditsionnye ustoyichivye sochetaniya v "Povesti vremennykh let" [Traditional stable combination in the "tale of bygone years"] // TODRL. T. 18 [Works of the Department of Ancient Russian literature. Vol. 18]. M.; L, 1962. pp. 277–284.
35. Tolstoi L.N. Otrochestvo (1854) [Elektronnyi resurs] [Boyhood (1854) [E-source]] // Natsional'nyi korpus russkogo yazyka: [sait]. [National corpus of the Russian language: [website]]. URL: http://search2.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%EE%F2%E5%F6%20%E8%20%EC%E0%F2%FC&p=1 (request date 21.05.2016)
36. Charskaya L.A. Dul'-Dul', korol' bez serdtsa (1912) [Elektronnyi resurs] [Dul'-Dul, the king without heart (1912) [E-source]] // Natsional'nyi korpus russkogo yazyka: [sait]. [National corpus of the Russian language: [website]]. URL: http://search2.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%E2%E5%F0%E%E9+%E8+%EF%F0%E0%E2%E4%EE%E9+ (request date 10.06.2016)
37. Chudinov A.N. Slovar' inostrannykh slov, voshedshikh v sostav russkogo yazyka. 1910. [Elektronnyi resurs] [Dictionary of foreign words, included in the Russian language. 1910. [E-source]] // Slovarei i entsiklopedii na Akademike: [sait]. [Dictionaries and encyclopedias on the Academician [website]]. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/28467/ПОЛИПТОТОН (request date 23.04.2016)
38. Sholokhov M.A. Tikhii Don. Kniga chetvertaya (1928–1940) [Elektronnyi resurs] [The Quiet Don. Book fourth (1928–1940) [E-source]] // Natsional'nyi korpus russkogo yazyka: [sait]. [National corpus of the Russian language: [website]]. URL: http://search2.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req

=%E2%E5%F0%EE%E9%20%E8%20%EF%F0%E0%E2%E4%EE%E9&p=14 (request date 22.05.2016)

39. Danilov YU., Vedev A. Za i protiv (2004) [Elektronnyi resurs] [For and against (2004) [E-source]] // Natsional'nyi korpus russkogo yazyka: [sait]. [National corpus of the Russian language: [website]]. URL: http://search2.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%E7%E0%20%E8%20%EF%F0%EE%E2%E8%E2&p=4 (request date 22.05.2016)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

У Ляньлянь – аспирант кафедры русского языка Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых,
e-mail: natasha0086007@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Wu Lianlian – postgraduate student at Alexander and Nikolay Stoletov Vladimir State University,
e-mail: natasha0086007@mail.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

У Ляньлянь. Парные именованья и смежные явления в современном русском языке // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2016. № 5. С. 145-157.
DOI: 10.18384/2310-7278-2016-5-145-157

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

Wu Lianlian. Pair naming and related phenomena in modern Russian language // Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology. 2016. no. 5. pp. 145-157.
DOI: 10.18384/2310-7278-2016-5-145-157

УДК 811.1/.2

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-5-158-170

ОБ ОПРЕДЕЛЁННОСТИ НЕОПРЕДЕЛЁННЫХ МЕСТОИМЕНИЙ

Фисун Р.С.*Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
119991, Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация*

Аннотация. В представленной статье рассматриваются случаи выражения определённости русскими неопределёнными местоимениями. В работе анализируются как традиционно выделяемые местоименные серии, так и так называемые составные местоимения (*невесть кто, сколько положено* и т. п.). Показываются и анализируются основные типы контекстов, в которых наблюдается описываемое явление. С помощью инструментов метода семантического картирования выдвигается предположение о причинах того, что такие значения возможны лишь для некоторых местоимений разряда.

Ключевые слова: семантика, местоимение, составные местоимения, неопределённые местоимения, определённость, неопределённость, семантические карты.

ON THE DEFINITENESS OF INDEFINITE PRONOUNS

R. Fisun*Lomonosov Moscow State University
1, Leninskie gory, Russian Federation, 119991*

Abstract. The article deals with the notion of definiteness expressed by Russian indefinite pronouns. It focuses on traditional groups of pronouns as well as so-called “compound pronouns” (*nevest' kto, skol'ko polozheno*, etc). In addition, the basic types of context in which the phenomenon in question occurs are presented and analyzed. Using the instruments of semantic mapping, the author makes an assumption regarding the reasons why these types of meaning can only be conveyed by a limited number of indefinite pronouns.

Keywords: semantics, pronoun, compound pronouns, indefinite pronouns, definiteness, indefiniteness, semantic maps

В русском языке существует особая группа неопределённых местоимений, которые носят название «составные». Речь идёт о единицах типа *кто угодно, aby что, какой бы то ни было, куда следует*. Существование местоименных образований данного типа, сходство их структуры с традиционно выделяемыми неопределёнными местоимениями русского языка, а также возможность рассмотрения некоторых из них как словоформ обосновывается в ряде работ [4; 13; 27; 30].

Местоимения данной группы, подобно сериям на *-то, -либо, -нибудь* и *кое-*, имеют двухчастную структуру: они состоят из так называемого модификатора (термин предложен Г.А. Бондаревой [4]) и местоименной основы *к-*корня [15,

с. 163]. В качестве модификатора часто выступают элементы, соотносимые со знаменательными словами (*много, угодно, надо*) или словосочетаниями (*Бог знает, никто не понимает*), однако встречаются и элементы, не имеющие в современном языке омонимичных слов (*невесть, абы, чёрт-те*).

Так как образование «новых составных» местоимений является результатом действующего процесса грамматикализации [27], данные единицы образуют континуум: с одной стороны, существуют бесспорные словоформы типа *абы кто*, тогда как на другом полюсе находятся коллокации типа *когда бог пошлёт*, то есть фразеологически связанные выражения. Если модификаторы первых можно признать морфемами¹, то модификаторы единиц второго типа необходимо рассматривать как словоформы. Между названными полюсами располагаются ряды выражений, в разной степени обладающих названными признаками. В данной статье рассматриваются только те составные местоимения, которые можно признать словоформами.

Составные местоимения русского языка имеют ряд семантических особенностей. Назовём две из них. Следует оговориться, что обе особенности являются специфическими, но отнюдь не отличительными для группы составных местоимений. Во-первых, большинство составных местоимений имеет ярко выраженный неместоимённый, часто оценочный, компонент значения. В качестве такого компонента чаще всего выступают 'низкое качество' (1), 'соответствие норме' (2), 'высокое качество' (3).

¹ Обоснование такого понимания, а также обзор проблем словообразования подобных единиц содержится в статье автора [31].

(1) *Но мы не готовы довольствоваться **абы чем*** [3].

(2) *Человек он умный, грамотный, весь в орденах, всё подал **как нужно*** [8].

(3) *Да этот негодяй ведь возомнит себя **не пойми кем!*** [19].

Аналогичные значения, хотя и реже, могут выражаться и «традиционными» сериями: так, пример (4) Е.В. Падучевой [21, с. 82] демонстрирует способность традиционной серии на *-нибудь* выражать неместоименный компонент 'низкое качество'.

(4) *Мы не **какие-нибудь** мужики.*

Во-вторых, составные местоимения, принадлежа к разряду неопределённых, способны выражать определённую определённости. В современных лингвистических описаниях неопределённые местоимения так или иначе ассоциируются с выражением категории неопределённости [6, с. 42; 11; 25, § 1038–1039;], содержание которой понимается в разных работах по-разному. Как правило, значение неопределённых местоимений связывается или с недостатком информации у говорящего о сообщаемом [17, с. 294; 32, с. 230], или с выражением неопределённой референции [35, с. 11]. Такой же взгляд находим и в работе Е.В. Падучевой, где местоименным сериям на *-либо* и *-нибудь* даже отказывается в принадлежности к разряду неопределённых: они употребляются только нереферентно [20, с. 210].

На наш взгляд, более последовательным, однако, является первый подход, то есть осмысление значения составных местоимений в связи с известностью информации для участников речевого акта. Более того, и в работе Е.В. Падучевой предлагаются два бинарных признака: $\pm$ определён-

ность (сильная, известность объекта и для говорящего, и для слушающего) и ±слабая определённость (известность объекта только для говорящего) [20, с. 87], которые могут использоваться для обозначения границ разряда. Однако, в отличие от точки зрения, принимаемой в данной статье, Падучева использует данные признаки только для характеристики референтных употреблений именных групп, так как для нереперентных употреблений возможно лишь одно их сочетание [-Опр., -Сл. Опр].

Стоит отметить, что соответствующий признак известность для говорящего (*known*), предлагаемый в концепции Хаспельмата [35, с. 45-46], недостаточен для отграничения группы неопределённых местоимений.

Таким образом, неопределённые местоимения можно определить как местоименные единицы со следующими сочетаниями признаков (безотносительно от характера их референции): [-Опр., +Сл. Опр] или [-Опр., -Сл. Опр.]. Именно такое понимание позволяет охватить все употребления неопределённых местоимений. Так, данное определение позволяет отнести к одному разряду все члены серии на *-невесть*, тогда как при подходе, основывающемся только на типе референтного употребления, приходится считать, что в контекстах (5а, референтный слабоопределённый, и 5б, референтный неопределённый) присутствует неопределённое местоимение, а в контексте (5в – нереперентный, косвенное отрицание) местоимение какого-то иного разряда.

(5) а. *Мы, молоденькие девушки, испугались, вообразив от страха невесть что* [1].

б. *Ребёнок успокоился, когда в его изголовье положили балалайку, невесть кем принесённую в избу Парфёна Загорюлькина* [2].

в. – *Хучик не такой идиот, чтобы невесть чем мазаться!* [9]

Обозначенное понимание неопределённых местоимений охватывает большинство употреблений традиционных и составных серий, однако, как было указано, существуют контексты, в которых неопределённые местоимения – и традиционно выделяемые, и составные – указывают на определённую, известную и для говорящего, и для слушающего информацию. Таким образом, в соответствии с рассмотренной классификацией, такие употребления характеризуются признаком [+Опр.].

Так, например, серия на *кое-*, которая относится к неопределённым местоимениям традиционно [25, § 1270], может не указывать на недостаток информации у коммуникантов:

(6) *Мы внимательно следили за сообщениями о подготовке в Соединённых Штатах Америки спутника, названного не без намека «Авангардом». Кое-кому тогда казалось, что он будет первым в космосе. Посчитали и мы, чем располагаем. Убедились: можем вывести на орбиту добрую сотню килограммов. Обратились в Центральный Комитет партии* [5].

В данном примере именная группа местоимения *кое-кому* имеет определённую референцию (референт – американские конструкторы), референт известен для всех участников коммуникации, и поэтому местоимение обладает в данном контексте признаком [+Опр.].

Ещё более характерны подобные употребления для составных местоимений:

(7) *Ты ж понимаешь, занесём сколько надо кому надо, и никакого уголовного дела о похищении человека не будет* [18].

Здесь ИГ кому надо также указывает на актант, известный и говорящему, и слушающему: коррумпированные правоохранительные органы.

Способность к выражению определённости, в соответствии с результатами исследования основного и обоих газетных подкорпусов НКРЯ, была замечена у следующих местоименных серий: кое-, не пойми, надо, нужно, положено, следует. Все найденные случаи можно классифицировать по трём группам.

Во-первых, местоименные серии могут выражать определённую без каких-либо дополнительных оттенков. Так, в примере (8) местоимение-числительное указывает на информацию, известную обоим коммуникантам: и говорящему, и слушающему. Присутствующий неместоименный компонент значения 'соответствие норме' характерен не для определённых употреблений, а для всей серии в целом. Количество не называется, однако и говорящий, и слушающий знают его. Такое употребление поддерживается дополнительным неместоименным компонентом значения серии 'соответствие норме' [4, с. 96; 12, с. 148].

(8) *Было б у меня пальцев сколько положено, спал бы сейчас со всеми* [22].

Именно в данную группу входит большинство определённых употреблений традиционно выделяемой серии на кое- (пример 6).

Во-вторых, выделяется группа определённых употреблений состав-

ных местоимений, которые можно назвать эвфемистическими. В таких случаях с помощью составных местоимений говорящий заменяет слова и выражения, кажущиеся ему грубыми или неприличными. Так, например, может заменяться лексика, связанная с физиологическими отправлениями (9) или органами тела (10).

(9) *Не зря обе кошки отказывались ходить в лоток. <...> Надо сделать так, чтобы кошка сама захотела ходить куда положено* [10].

(10) *И вот Олег Иванович видит странное, заглянув куда следует. <...> Он, конечно, немного испугался, но вспомнил, что это похоже на картинку из учебника акушерства для четвёртого курса за подписью «Головка плода прорезывается», и побежал мне звонить* [28].

Частотно использование местоимений в эвфемистических целях в устойчивых словосочетаниях, содержащих вульгаризмы (11).

(11) *У него другие интересы, ему нужно учиться, год он из-за тебя уже проворонил, болтается как не пойми что...* [26].

В-третьих, неопределённые серии могут быть средством эзопова языка, иносказания. Прежде всего, речь идёт об использовании серий для указания на правоохранительные органы (с акцентом на их репрессивность [12] или коррумпированность [7]) или места лишения свободы (13).

(12) *Гражданин позвонил куда следует, и полиция обнаружила прятавшегося в катере Джохара* [7].

(13) *Хотя, может, это кой-кому и не понравится, но коллектив явно вздохнул с облегчением, узнав, что возчик Ордасов продал наконец кому-то*

на сторону куб сливочного масла, а деньги пропил, за что и был взят под стражу работниками ОБХСС, на допросе рыдал, во всём признавался и вскоре отправился **куда положено** [24].

Кроме того, к рассмотренным случаям близки употребления серии на кое- в разговорной речи, которые можно назвать игровыми. Имеются в виду употребления, подобные примерам (14). В этом случае создаётся эффект языковой игры: говорящий, обращаясь напрямую к слушающему, использует вместо личного местоимения второго лица форму третьего лица *кое-кто*. Однако здесь наблюдается не собственно определённое значение. Напротив, игровой эффект возникает из-за употребления серии с формально слабоопределённым значением в несоответствующей ситуации: говорящий как будто не желает открывать истинного адресата своего высказывания, в то время как в действительности все участники коммуникации имеют представление о нём. Такое употребле-

ние часто сопровождается неязыковыми средствами: мимикой, жестами, взглядами (пример 146).

(14) а. Когда мы прикинули сумму расходов и разделили на четверых, по количеству семей, Феликс торжественно хмыкнул: «А **кое-кто** боялся: деньги! деньги! Разве это деньги? А, Саня?..» [16]

б. Однажды я уже **кое-кому** крупно помог (тут он выразительно смотрел на Барби Валечку, в ответ на что она улыбалась, показывая мелкие острые зубы) – и вот теперь сижу, опасаясь последствий... [23].

Возможными кажутся автору игровые употребления и серии на -то:

(15) Кто-то мне обещал помочь.

Следует отметить, что способность неопределённых составных местоимений выражать определённую характеристику не только для русского языка. Пример (16) демонстрирует аналогичное употребление составной серии в польском.

(16) <i>Może-cie</i>	<i>głosowa-ć</i>	<i>jak</i>	<i>chce-cie,</i>	<i>ale</i>
мочь-PRS.2PL	голосовать-INF	как	х о т е т ь - н о	
			PRS.2PL	
<i>wyбierz-cie</i>	<i>kogo</i>	<i>trzeba</i> (ROB, Mają nowe władze, 2001) [34].		
выбрать-1MP.2PL	кого	надо		
‘Вы можете голосовать как хотите, но выбрать вы должны кого нужно.’				

Таким образом, приведённые примеры показывают способность некоторых серий неопределённых местоимений выражать значение определённости. В связи с этим инте-

¹ Г.М. Зельдович, приводя данный пример, указывает, что «двувидовые глаголы речи требуют, чтобы все участники ситуации были определены и единичны» [14, с. 207].

ресен следующий вопрос: случайно ли наличие такой способности для каждой конкретной серии?

Среди традиционно выделяемых серий в основном подкорпусе НКРЯ были замечены определённые употребления только для серии на *кое-*. Кроме того, допустимыми кажутся игровые

определённые употребления серии на *-то*. Определённое употребление серий на *-либо* и *-нибудь* представляются, однако, невозможными. Объяснение такому положению дел могут дать понятие о семантическом пространстве (см. [33]) и метод семантического картирования¹: предполагаемое расположение функции DEFINITE в семантическом пространстве неопределённых местоимений представлено на схеме 1.

По-видимому, семантическая функция DEFINITE (определённость) располагается в семантическом пространстве неопределённых местоимений рядом с функциями SPECIFIC KNOWN (слабоопределённые референтные

употребления) и SPECIFIC UNKNOWN (неопределённые референтные употребления) и связана с ними. Такой вывод основывается на том, что все серии, кроме *не пойми*, способные к определённому употреблению, могут обеспечивать и слабоопределённую референцию. Серия же на *не пойми* (а также на *-то*, соответствующие употребления которой носят, однако, игровой характер) может иметь неопределённый референтный денотативный статус. Серии на *-нибудь* и *-либо*, напротив, не способны выполнять данные функции и, таким образом, находятся на расстоянии от области определённости.

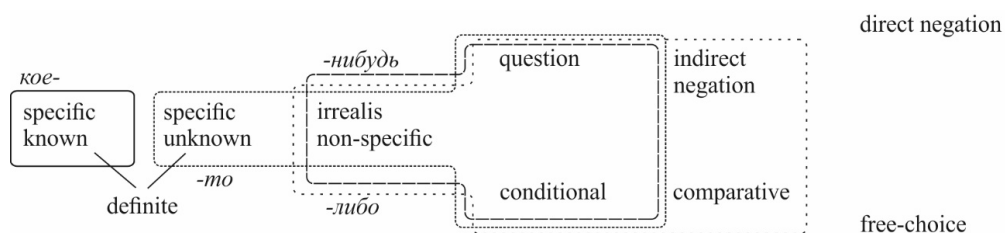

Схема 1. Области значения традиционных серий по [35, с. 273] и предполагаемое расположение семантической функции DEFINITE в семантическом пространстве составных местоимений.

Предположение о локализации данной семантической функции нуждается

в проверке на материалах других языков.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Арзипова И.К. Музыка жизни [1966] [Электронный ресурс] // Национальный корпус русского языка [сайт] URL: http://search2.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%EE%F2%20%F1%F2%F0%E0%F5%E0%20%ED%E5%E2%F1%F2%FC%20%F7%F2%EE%20%20&docid=108407&sid=871 (дата обращения: 5.12.2016)
2. Балков К. Балалайка [2013] [Электронный ресурс] // Национальный корпус русского языка [сайт]: URL: http://search2.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%E8%E7%E3%EE%EB%EE%E2%FC%E5%20%EF%EE%EB%EE%E6%E8%EB%E8%20

- %E1%E0%EB%E0%EB%E0%E9%EA%F3%2C%20%ED%E5%E2%E5%F1%F2%FC%20%EA%E5%EC%20&docid=53581&sid=15 (дата обращения: 5.12.2016)
3. Беспалов А. Как дела у 25-летних [2010] [Электронный ресурс] // Национальный корпус русского языка [сайт]. URL: http://search2.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%E0%E1%FB%20%F7%E5%EC&docid=52297 (дата обращения: 5.12.2016)
 4. Бондарева Г.А. Составные местоимения в русском языке: дис ... канд. филол. наук. Воронеж, 2010. 130 с.
 5. Волков А. Время вековых открытий ещё впереди! [2011] [Электронный ресурс] // Национальный корпус русского языка [сайт]: URL: http://search2.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%CA%EE%E5-%EA%EE%EC%F3%20%F2%EE%E3%E4%E0%20%EA%E0%E7%E0%EB%EE%F1%FC%2C%20%F7%F2%EE%20%EE%ED%20%E1%F3%E4%E5%F2&docid=38998&sid=66 (дата обращения: 5.12.2016)
 6. Галкина-Федорук Е.М. Выражение неопределённости в русском языке неопределёнными местоимениями и наречиями. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1963. 44 с.
 7. Данилова Д., Пахлюк К. Братья-террористы [2013] [Электронный ресурс] // Национальный корпус русского языка [сайт]. URL: http://search2.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%EF%EE%E7%E2%EE%ED%E8%EB%20%EA%F3%E4%E0%20%F1%EB%E5%E4%F3%E5%F2%2C%20%E8%20&docid=49432&sid=20 (дата обращения: 5.12.2016)
 8. Домбровский Ю.О. Факультет ненужных вещей, часть 5 [1978] [Электронный ресурс] // Национальный корпус русского языка [сайт]. URL: http://search2.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%F7%E5%EB%EE%E2%E5%EA%20%EE%ED%20%F3%EC%ED%FB%E9%2C%20%E3%F0%E0%EC%EE%F2%ED%FB%E9%2C%20%E2%E5%F1%FC%20%E2%20%EE%F0%E4%E5%ED%E0%F5%2C%20%E2%F1%B8%20%EF%EE%E4%E0%EB%20&docid=107770&sid=789 (дата обращения: 5.12.2016)
 9. Донцова Д. Доллары царя гороха [2004] [Электронный ресурс] // Национальный корпус русского языка [сайт]. URL: http://search2.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%F7%F2%EE%E1%FB%20%ED%E5%E2%E5%F1%F2%FC%20%F7%E5%EC%20&docid=30563&sid=5241 (дата обращения: 5.12.2016)
 10. Дубровина Е. Проблемы выращивания котят [Электронный ресурс] // Национальный корпус русского языка [сайт]. URL: http://search2.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%E7%E0%F5%EE%F2%E5%EB%E0%20%F5%EE%E4%E8%F2%FC%20%EA%F3%E4%E0%20%EF%EE%EB%EE%E6%E5%ED%EE%20&docid=11054&sid=19 (дата обращения: 5.12.2016)
 11. Дудко І.В. Семантика і функціонування неозначених займенників у сучасній українській літературній мові: дис ... канд. филол. наук. Київ, 2002. 255 с.
 12. Ермакова О.П. Взаимодействие двух систем частей речи (местоименной и знаме-

- нательной) при образовании составных номинаций // *Slowotworstwo a inne sposoby nominacji*. Katowice: Wydawn. Gnome, 2000. С. 147–152.
13. Ермакова О.П. Составные местоимения в русском языке // *Словарь. Грамматика. Текст: сб. статей*. М.: Наука, 1996. С. 195–205.
 14. Зельдович Г.М. Прагматика грамматики. М.: Языки славянских культур, 2012. 646 с.
 15. Исаченко А.В. О синтаксической природе местоимений // *Проблемы современной филологии*. М.: Наука, 1965. С. 159–166.
 16. Каралис Д. Мы строим дом [1987–2001] [Электронный ресурс] // Национальный корпус русского языка [сайт]. URL: http://search2.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%C0%20%EA%EE%E5-%EA%F2%EE%20%E1%EE%FF%EB%F1%FF&docid=20519&sid=90 (дата обращения: 5.12.2016)
 17. Крылов С.А., Падучева Е.В. Местоимения // *Языкознание. Большой энциклопедический словарь* / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. С. 294–295.
 18. Маринина А. Последний рассвет [2013] [Электронный ресурс] // Национальный корпус русского языка [сайт]. URL: http://search2.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%ED%E0%E4%EE%20%EA%EE%EC%F3%20%ED%E0%E4%EE%2C%20%E8%20%ED%E8%EA%E0%EA%EE%E3%EE%20%5C&docid=20743&sid=7757 (дата обращения: 5.12.2016)
 19. Мужичкая Т., Балашева И. А. В огороде – бузина, а в Киеве – счастье [Электронный ресурс] // Национальный корпус русского языка [сайт]. URL: http://search2.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%E2%E5%E4%FC%20%E2%EE%E7%EE%EC%ED%E8%F2%20%F1%E5%E1%FF%20%ED%E5%20%EF%EE%E9%EC%E8%20%EA%E5%EC&docid=52354&sid=174 (дата обращения: 5.12.2016)
 20. Падучева Е.В. Высказывание и его соотносённость с действительностью (референциальные аспекты семантики местоимений). М.: Наука, 1985. 288 с.
 21. Падучева Е.В. О семантике синтаксиса (материалы к трансформационной грамматике русского языка). М.: Наука, 1974. 292 с.
 22. Пелевин В. Затворники шестипалый [1990] [Электронный ресурс] // Национальный корпус русского языка [сайт]. URL: http://search2.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%F3%20%EC%E5%ED%FF%20%EF%E0%EB%FC%F6%E5%E2%20%F1%EA%EE%EB%FC%EA%EE%20%EF%EE%EB%EE%E6%E5%ED%EE&docid=47283&sid=155 (дата обращения: 5.12.2016)
 23. Петрушевская Л. Маленькая волшебница [1996] [Электронный ресурс] // Национальный корпус русского языка [сайт]. URL: http://search2.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%F3%E6%E5%20%EA%EE%E5-%EA%EE%EC%F3%20%EA%F0%F3%EF%ED%EE%20&docid=107827&sid=435 (дата обращения: 5.12.2016)
 24. Попов Е. Свиные шашлычки [1970–2000] [Электронный ресурс] // Национальный корпус русского языка [сайт]. URL: <http://search2.ruscorpora.ru/search.xml?e>

- nv=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%E8%20%E2%F1%EA%EE%F0%E5%20%EE%F2%EF%F0%E0%E2%E8%EB%F1%FF%20%EA%F3%E4%E0%20%EF%EE%EB%EE%E6%E5%ED%EE%20&docid=21000&sid=47 (дата обращения: 5.12.2016)
25. Русская грамматика. В 2-х тт. Т. I. / Гл. ред. Н.Ю. Шведова. М.: Наука, 1980. 784 с.
26. Рыбин А. Последняя игра [2000] [Электронный ресурс] // Национальный корпус русского языка [сайт]. URL: http://search2.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%E1%EE%EB%F2%E0%E5%F2%F1%FF%20%EA%E0%EA%20%ED%E5%20%EF%EE%E9%EC%E8%20%F7%F2%EE&docid=47169&sid=91 (дата обращения: 5.12.2016)
27. Соколова С. В. Динамические процессы в системе местоименных слов современного русского языка: дисс... канд. филол. наук. М., 2007. 202 с.
28. Соломатина Т. Акушер-ХА! Байки [2009] [Электронный ресурс] // Национальный корпус русского языка [сайт]. URL: http://search2.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%C8%E2%E0%ED%EE%E2%E8%F7%20%E2%E8%E4%E8%F2%20%F1%F2%F0%E0%ED%ED%EE%E5%2C%20%E7%E0%E3%EB%FF%ED%F3%E2%20%EA%F3%E4%E0%20%F1%EB%E5%E4%F3%E5%F2&docid=20075&sid=3024 (дата обращения: 5.12.2016)
29. Татевосов С.Г. Семантическое картирование: теория и методика // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2004. № 1. С. 123–139.
30. Фисун Р.С. Об использовании семантического картирования в описании местоименного компонента значения русских составных местоимений // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 11. Ч. II. С. 148–158.
31. Фисун Р.С. Референциальный тип деривации в системе словообразования русских местоимений // Язык, литература, культура / Под ред. Л.П. Клобукова и др. М.: МАКС Пресс, 2013. С. 122–126.
32. Bhat D. N. S. Pronouns. Oxford: Oxford University Press, 2007. 246 p.
33. Croft W. Radical Construction Grammar: Syntactic theory in typological perspective. Oxford: Oxford University Press, 2001. 450 p.
34. Narodowy Korpus Języka Polskiego [Электронный ресурс]. URL: <http://nkjp.pl> (дата обращения: 15.06.2016).
35. Haspelmath M. Indefinite pronouns (Oxford Studies in Typology and Linguistic Theory). Oxford: Oxford University Press, 1997. 364 p.
36. Haspelmath M. The geometry of grammatical meaning: semantic maps and cross-linguistic comparison // The new psychology of language. Vol. 2 / ed. M. Tomasello. New York: Erlbaum, 2003. P. 211–243.

REFERENCES:

1. Arzipova I.K. Muzyka zhizni [Elektronnyi resurs] [Music of life] [E-source]] [1966] // Natsional'nyi korpus russkogo yazyka: [sait]. [National corpus of the Russian language: [website]]. URL: http://search2.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%EE%F2%20%F1%F2%F0%E0%F5%E0%20%ED%E5%E2%E5%F1%F2%FC%20%F7%F2%EE%20%20&docid=108407&sid=871 (request date 5.12.2016)

2. Balkov K. Balalaika [2013] [E-source] // Natsional'nyi korpus russkogo yazyka: [sait]. [National corpus of the Russian language: [website]]. URL: http://search2.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%E8%E7%E3%EE%EB%EE%E2%FC%E5%20%EF%EE%EB%EE%E6%E8%EB%E8%20%E1%E0%EB%E0%EB%E0%E9%EA%F3%2C%20%ED%E5%E2%E5%F1%F2%FC%20%EA%E5%EC%20&docid=53581&sid=15 (request date 5.12.2016)
3. Bepalov A. Kak dela u 25-letnikh [Elektronnyi resurs] [How's 25-year old] [2010] [E-source] // Natsional'nyi korpus russkogo yazyka: [sait]. [National corpus of the Russian language: [website]]. URL: http://search2.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%E0%E1%FB%20%F7%E5%EC&docid=52297 (request date 5.12.2016)
4. Bondareva G.A. Sostavnye mestoimeniya v russkom yazyke: dis ... kand. filol. nauk [Compound pronouns in the Russian language: PhD thesis in Philology]. Voronezh, 2010. 130 p.
5. Volkov A. Vremya vekovykh otkrytii eshche vpered! [Elektronnyi resurs] [Time age-old discoveries is yet to come!] [E-source] [2011] // Natsional'nyi korpus russkogo yazyka: [sait]. [National corpus of the Russian language: [website]]. URL: http://search2.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%CA%EE%E5-%EA%EE%EC%F3%20%F2%EE%E3%E4%E0%20%EA%E0%E7%E0%EB%EE%F1%FC%2C%20%F7%F2%EE%20%EE%ED%20%E1%F3%E4%E5%F2&docid=38998&sid=66 (request date 5.12.2016)
6. Galkina-Fedoruk E.M. Vyrazhenie neopredelennosti v russkom yazyke neopredelennymi mestoimeniyami i narechiyami [The expression of indefiniteness in Russian indefinite pronouns and adverbs]. M., Izd-vo Moskovskogo universiteta, 1963. 44 p.
7. Danilova D., Pakhlyuk K. Brat'ya-terroristy [Elektronnyi resurs] [Brothers-terrorists] [E-source] [2013] // Natsional'nyi korpus russkogo yazyka: [sait]. [National corpus of the Russian language: [website]]. URL: http://search2.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%EF%EE%E7%E2%EE%ED%E8%EB%20%EA%F3%E4%E0%20%F1%EB%E5%E4%F3%E5%F2%2C%20%E8%20&docid=49432&sid=20 (request date 5.12.2016)
8. Dombrovskii YU.O. Fakul'tet nenuzhnykh veshchei, chast' 5 [Elektronnyi resurs] [Faculty of unnecessary things, part 5] [E-source] [1978] // Natsional'nyi korpus russkogo yazyka: [sait]. [National corpus of the Russian language: [website]]. URL: http://search2.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%F7%E5%EB%EE%E2%E5%EA%20%EE%ED%20%F3%EC%ED%FB%E9%2C%20%E3%F0%E0%EC%EE%F2%ED%FB%E9%2C%20%E2%E5%F1%FC%20%E2%20%EE%F0%E4%E5%ED%E0%F5%2C%20%E2%F1%B8%20%EF%EE%E4%E0%EB%20&docid=107770&sid=789 (request date 5.12.2016)
9. Dontsova D. Dollary tsarya gorokha [Elektronnyi resurs] [Dollars of the pea king]. [2004] [E-source] // Natsional'nyi korpus russkogo yazyka: [sait]. [National corpus of the Russian language: [website]]. URL: http://search2.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%F7%F2%EE%E1%FB%20

- %ED%E5%E2%E5%F1%F2%FC%20%F7%E5%EC%20&docid=30563&sid=5241 (request date 5.12.2016)
10. Dubrovina E. Problemy vyrashchivaniya kotyat [Elektronnyi resurs] [The problems of growing kittens] [E-source] [2004] // Natsional'nyi korpus russkogo yazyka: [sait]. [National corpus of the Russian language: [website]]. URL: http://search2.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%E7%E0%F5%EE%F2%E5%EB%E0%20%F5%EE%E4%E8%F2%FC%20%EA%F3%E4%E0%20%EF%EE%EB%EE%E6%E5%ED%EE%20&docid=11054&sid=19 (request date 5.12.2016)
 11. Дудко І.В. Семантика і функціонування неозначених займенників у сучасній українській літературній мові: дис ... канд. філол. наук. Київ, 2002. 255 с.
 12. Ermakova O.P. Vzaimodeistvie dvukh sistem chastei rechi (mestoimennoi i znamenatel'noi) pri obrazovanii sostavnykh nominatsii [The interaction of two systems of parts of speech (pronominal and significant) in the formation of compound nominations] // Slowotworstwo a inne sposoby nominacji. Katowice: Wydawn. Gnome, 2000. pp. 147-152.
 13. Ermakova O.P. Sostavnye mestoimeniya v russkom yazyke [Compound pronouns in the Russian language] // Slovar'. Grammatika. Tekst: sb. statei [Dictionary. Grammar. Text: collection of articles]. M., Nauka, 1996. pp. 195-205.
 14. Zel'dovich G.M. Pragmatika grammatiki [Grammar pragmatics]. M., Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2012. 646 p.
 15. Isachenko A.V. O sintaksicheskoi prirode mestoimenii [On the syntactic nature of pronouns] // Problemy sovremennoi filologii [Problems of modern Philology]. M., Nauka, 1965. pp. 159-166
 16. Karalis D. My stroim dom [Elektronnyi resurs] [We build the house] [E-source] [1987–2001] // Natsional'nyi korpus russkogo yazyka: [sait]. [National corpus of the Russian language: [website]]. URL: http://search2.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%C0%20%EA%EE%E5-%EA%F2%EE%20%E1%E%FF%EB%F1%FF&docid=20519&sid=90 (request date 5.12.2016)
 17. Krylov S.A., Paducheva E.V. Mestoimeniya [Pronouns] // YAzykoznanie. Bol'shoi entsiklopedicheskii slovar' [Linguistics. Big encyclopaedic dictionary] / Gen. edited by V. N. Yartseva. M., Bol'shaya Rossiiskaya entsiklopediya, 1998. pp. 294-295.
 18. Marinina A. Poslednii rassvet [Elektronnyi resurs] [The last dawn] [2013] [E-source] // Natsional'nyi korpus russkogo yazyka: [sait]. [National corpus of the Russian language: [website]]. URL: http://search2.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%ED%E0%E4%EE%20%EA%EE%EC%F3%20%ED%E0%E4%EE%2C%20%E8%20%ED%E8%EA%E0%EA%EE%E3%EE%20%5C&docid=20743&sid=7757 (request date 5.12.2016)
 19. Muzhitskaya T., Balasheva I. A. V ogorode – buzina, a v Kieve – schast'e [Elektronnyi resurs] [In the garden – elder, and in Kiev – happiness] [2011] [E-source] // Natsional'nyi korpus russkogo yazyka: [sait]. [National corpus of the Russian language: [website]]. URL: http://search2.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%E2%E5%E4%FC%20%E2%EE%E7%EE%EC%ED%E8%F2%20%F1%E5%E1%FF%20%ED%E5%20%EF%EE%E9%EC%E8%20%EA%E5%EC&docid=52354&sid=174 (request date 5.12.2016)
 20. Paducheva E.V. Vyskazyvanie i ego sootnesennost' s deistvitel'nost'yu (referentsial'nye

- aspekty semantiki mestoimenii) [The statement and its correlation with reality (referential aspects of the semantics of pronouns)]. M., Nauka, 1985. 288 p.
21. Paducheva E.V. O semantike sintaksisa (materialy k transformatsionnoi grammatike russkogo yazyka) [On the semantics of syntax (materials to transformational grammar of the Russian language)]. M., Nauka, 1974. 292 p.
22. Pelevin V. Zatvornik i shestipalyi [Elektronnyi resurs] [The hermit and the six-fingered man] [E-source] [1990] // Natsional'nyi korpus russkogo yazyka: [sait]. [National corpus of the Russian language: [website]]. URL: http://search2.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%F3%20%EC%E5%ED%FF%20%EF%E0%EB%FC%F6%E5%E2%20%F1%EA%EE%EB%FC%EA%EE%20%EF%EE%EB%EE%E6%E5%ED%EE&docid=47283&sid=155 (request date 5.12.2016)
23. Petrushevskaya L. Malen'kaya volshebnytsa [Elektronnyi resurs] [Little fairy] [E-source] [1996] // Natsional'nyi korpus russkogo yazyka: [sait]. [National corpus of the Russian language: [website]]. URL: http://search2.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%F3%E6%E5%20%EA%EE%E5-%EA%EE%EC%F3%20%EA%F0%F3%EF%ED%EE%20&docid=107827&sid=435 (request date 5.12.2016)
24. Popov E. Svine shashlychki [Elektronnyi resurs] [Pork kebabs] [E-source] [1970-2000] // Natsional'nyi korpus russkogo yazyka: [sait]. [National corpus of the Russian language: [website]]. URL: http://search2.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%E8%20%E2%F1%EA%EE%F0%E5%20%E%E%F2%E%F0%E0%E2%E8%EB%F1%FF%20%EA%F3%E4%E0%20%EF%EE%EB%EE%E6%E5%ED%EE%20&docid=21000&sid=47 (request date 5.12.2016)
25. Russkaya grammatika. V 2-kh tt. T. I [Russian grammar. In 2 vols. Vol. I] / Gen. ed. N.Yu. Shvedova. M., Nauka, 1980. 784 p.
26. Rybin A. Poslednyaya igra [Elektronnyi resurs] [Last game] [E-source] [2000] // Natsional'nyi korpus russkogo yazyka: [sait]. [National corpus of the Russian language: [website]]. URL: http://search2.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%E1%EE%EB%F2%E0%E5%F2%F1%FF%20%EA%E0%EA%20%ED%E5%20%EF%EE%E9%EC%E8%20%F7%F2%EE&docid=47169&sid=91 (request date 5.12.2016)
27. Sokolova S. V. Dinamicheskie protsessy v sisteme mestoimennykh slov sovremennogo russkogo yazyka: diss... kand. filol. nauk [Dynamic processes in the system of pronominal words in the modern Russian language: PhD thesis in Philology]. M., 2007. 202 p.
28. Solomatina T. Akusher-KHA! Baiki [Elektronnyi resurs] [Obstetrician-HA! Stories] [E-source] [2009] // Natsional'nyi korpus russkogo yazyka: [sait]. [National corpus of the Russian language: [website]]. URL: http://search2.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%C8%E2%E0%ED%EE%E2%E8%F7%20%E2%E8%E4%E8%F2%20%F1%F2%F0%E0%ED%ED%EE%E5%2C%20%E7%E0%E3%EB%FF%ED%F3%E2%20%EA%F3%E4%E0%20%F1%EB%E5%E4%F3%E5%F2&docid=20075&sid=3024 (request date 5.12.2016)
29. Tatevosov S.G. Semanticheskoe kartirovanie: teoriya i metodika [Semantic mapping: theory and methodology] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya [Bulletin of Moscow University. Series 9. Philology]. 2004. no. 1. pp. 123-139.

30. Fisun R.S. Ob ispol'zovanii semanticheskogo kartirovaniya v opisanii mestoimennogo komponenta znacheniya russkikh sostavnykh mestoimenii [On the use of semantic mapping in the description of the pronominal component of the value of the Russian compound pronouns] // *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Questions of theory & practice]. 2016. no. 11. P. II. pp. 148-158.
31. Fisun R.S. Referentsial'nyi tip derivatsii v sisteme slovoobrazovaniya russkikh mestoimenii [Referential type derivations in the system of word formation of Russian pronouns] // *Yazyk, literatura, kul'tura* [Language, literature, culture] / Edited by L. P. Klobukov, etc. M., MAKSS Press, 2013. pp. 122-126.
32. Bhat D. N. S. Pronouns. Oxford: Oxford University Press, 2007. 246 p.
33. Croft W. Radical Construction Grammar: Syntactic theory in typological perspective. Oxford: Oxford University Press, 2001. 450 p.
34. Narodowy Korpus Języka Polskiego [E-source]. URL: <http://nkjp.pl> (request date: 15.06.2016).
35. Haspelmath M. Indefinite pronouns (Oxford Studies in Typology and Linguistic Theory). Oxford: Oxford University Press, 1997. 364 p.
36. Haspelmath M. The geometry of grammatical meaning: semantic maps and cross-linguistic comparison // *The new psychology of language. Vol. 2* / Ed. M. Tomasello. New York: Erlbaum, 2003. pp. 211–243.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Фисун Роман Сергеевич – аспирант кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова;
e-mail: fisun.roman@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Roman Fisun – postgraduate student in the faculty of Philology at Lomonosov Moscow State University;
e-mail: fisun.roman@gmail.com

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Фисун Р.С. Об определённости неопределённых местоимений // *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология*. 2016. № 5. С. 158-170.
DOI: 10.18384/2310-7278-2016-5-158-170

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

R. Fisun. On the definiteness of indefinite pronouns // *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology*. 2016. no. 5. pp. 158-170.
DOI: 10.18384/2310-7278-2016-5-158-170

УДК 811.161.1(092)Виноградов В.В.; 81'42

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-5-171-179

ФУНКЦИИ ОБРАЗНЫХ ПАРАДИГМ В НАУЧНОМ СТИЛЕ В.В. ВИНОГРАДОВА

Халикова Н.В.

Московский государственный областной университет

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация

Аннотация. В представленной статье рассматриваются функции образных единиц с семантикой пространства в создании научного стиля выдающегося филолога В.В. Виноградова. Учение физиолога А.А. Ухтомского о доминанте позволяет использовать метод проекции отношения к конкретной действительности на отвлечённые идеи сознания учёного. Вокруг основных лингвистических понятий существует комплекс устойчивых образов. Все его элементы объединены значением интенсивного движения в единое семантическое поле. Псевдоперцептивность создаёт полифункциональную категорию «образа автора / исследователя» научного текста Виноградова.

Ключевые слова: метафора, категория образности, словесный образ, научный стиль, учение о доминанте, образ автора.

FUNCTIONS OF FIGURATIVE PARADIGMS IN V. VINOGRADOV'S SCIENTIFIC STYLE

N. Khalikova

Moscow State Region University

10A Radio St., Moscow, Russian Federation, 105005

Abstract. The article deals with the functions of figurative units with spatial semantics in the creation of scientific style of outstanding philologist V. Vinogradov. Physiologist A. Ukhtomsky's doctrine of the dominant allows to use the method of projection of relation to concrete reality on abstract ideas of the of consciousness. Around the basic linguistic concepts there is a complex of stable images. Its elements are combined by meaning of intense transfers in a single semantic field. Pseudo perception creates a multifunctional category of "image of the author / researcher" in the scientific text of Vinogradov.

Keywords: metaphor, figurativeness, scientific style, the doctrine of the dominant, image of the author.

На протяжении нескольких десятилетий В.В. Виноградов создавал собственную манеру научного стиля, в которой бы существовали, помимо глубины научной мысли, качества, которые он сам очень ценил в писательском мастерстве, – «стилистическое разнообразие, семантическая сложность и психологическая рельефность» [6, с. 270]. Важное место в формировании манеры научно-

го письма занимала образная система, в которой метафорически осмыслились важнейшие для него языковые и стилистические понятия. Ещё в 20-е годы это происходило параллельно с осознанным выбором предмета изучения: семиотических концептов (метафоры, образа символа) в языке русских писателей; категорий художественного текста; взаимосвязи литературных и языковых процессов. 7 февраля 1926 года Виноградов пишет: «Во мне происходит какой-то серьёзный сдвиг в сфере общих вопросов эстетики и философии. Увлекает Гуссерль. Одолевают мечты – взяться за вопросы об образе, метафоре и символе (в том смысле, как употребляли это слово символисты)» [7].

Частотность метафоры в научном стиле можно объяснить и тем, что учение Виноградова в разных областях филологии являлось первоисточником возникновения новых, весьма спорных дисциплин или категорий. Это были одни из первых ответов «на вопросы, представшие перед блестящей плеядой отечественных учёных-филологов. Что есть язык художественной литературы – язык художественной прозы, поэтический язык? Каков понятийный аппарат, предназначенный для его описания?» [10, с. 83] То же самое можно сказать о фразеологии и семасиологии, истории языка, грамматике и стилистике. По сравнению с современным научным стилем лингвиста и литературоведа, речь В.В. Виноградова кажется сложной, многословной, иррациональной и т. д. Она отличается диалогичностью (многоголосием, интертекстуальностью), оценочностью, эмоциональностью, образностью, множеством логических отступлений,

авторской модальностью и т. д. В трудные 1920-е годы безденежья и бытовой неустроенности Виноградова спасало не только научное творчество. Как он сам говорил, «пробую устроиться около кино: писать сценарии (23 января 1926) [7]. Работа сценариста (к сожалению, тексты его сценариев неизвестны) формирует особый тип образного мышления, развивает условно-пространственный символизм.

Целью данной работы не является описание или перечисление многочисленных метафорических моделей в трудах Виноградова, уже предпринятое в научных исследованиях. Более актуальной представляется проблема их функционирования как стилиобразующего средства, особого явления культуры книжной речи XX века. Теоретически более значимой является решение вопроса о парадигматических свойствах образности. В том, что множество одних и тех же образов, встречающихся в текстах лингвистических и литературоведческих работ разных лет, представляют собой единое образно-метафорическое поле в составе концептуального поля *Язык / Речь*, особым образом организованное, сомневаться не приходится: очень сильно ощущается единство уникального виноградовского стиля.

Помимо дани филологической традиции начала XX века, в разветвлённой образности логических ходов, в стилистической манере «научной медитации» этого выдающегося филолога [11, с. 31; 12, с. 15] скрывается, на наш взгляд, своя логика.

Биография и лингвистические данные виноградовского дискурса (письма, научные тексты, высказывания, отбор языкового материала, выбор книг

для чтения), а также двуаспектная структура метафоры (конкретное vs. абстрактное) позволяют использовать метод проекции, или дискурсивного анализа (к слову сказать, проекционный метод в литературоведении был впервые разработан Виноградовым [5, с. 95]). В данном случае это значит, что отношение к конкретно воспринимаемой действительности можно перенести на отвлечённые идеи учёного, анализируя содержание частотной когнитивной метафоры в его высказываниях.

Теория доминанты известного физиолога А.А. Ухтомского, применённая им к законам высшей психической жизни, деятельности учёного, писателя, художника, позволяет увидеть в экспрессивности и образности научной речи не «украшение» речи, а способ создания целостного образа действительности, сложного синтеза, проявление господствующей идеи всего научного опыта. Доминанта творчества (т. е., по определениям А.А. Ухтомского, направленное возбуждение, впечатление, переживание, образ из области бессознательного) устойчива и позволяет учёному формировать научную картину мира длительное время. Для исследования духовно развитой языковой личности важно, что научная теория (как и любая деятельность вообще), по Ухтомскому, не абстракция, а результат **преобразования действительности**, её проекция. Как в таком случае выглядит этот механизм? – «... *Предо мною существует конкретная действительность, а я преобразую её в другую, столь же конкретную действительность. В моём мышлении, даже в наиболее отвлечённом (каково научное, например математическое!), я всегда*

строю проекты действительности. Проектирую конкретное бытие, построенное согласно моим побуждениям» [12, с. 354]. Доминанта позволяет объединять разные картины мира – бытовую, научную, философскую – в единое пространство, где процесс переноса значения происходит в одних и тех же парадигмах. Есть остроумное выражение Виноградова, из которого следует, что он осознавал единство своей жизни и научной деятельности: «*Карты литературы и жизни перемешиваются, и выигрывает шулер, т. е. тот, кто заранее составил из них одну колоду*» (письмо от 13 апреля 1926) [7].

Большая часть образных парадигм в научных текстах В.В. Виноградова объединены семантикой интенсивного **движения**, преодоления препятствий на пути в визуально воспринимаемом пространстве языкового концепта. В опубликованных письмах учёного к Н.М. Виноградовой-Малышевой [7] можно проследить смену статичных образов *жизетской беготни* (быта, лекций, внешней жизни) и динамичных образов *бега мысли*. Внутренняя жизнь учёного *стремительным темпом бежит* (письмо от 30 ноября 1926, 17 января 1927) [7], она представляет собой именно пространство, в котором *тянет неудержимо к <...> личному творческому напряжению. Горы новых книг нависают над головой. Через них надо подняться на собственную вышку. Это – в научной сфере* (4 февраля 1927) [7].

Напряжённое движение мысли во внутреннем пространстве духовной жизни учёного проецируется на образы языковых и стилистических явлений. Отвлечённое понятие может принимать любые визуальные метафо-

рические формы: от строительства до тектонических разломов, от медленного движения путника до стремительности водной стихии. Сравните научный и мемуарный тексты: *Глагольный динамизм изображения чересчур конкретен. Он не отразил бы раздумья и анализа. Должны быть остановки в беге внешних впечатлений* [5, с. 243]; *А мысли текут, как ручьи с весенних гор. Я на миг устроил запруды и остановил их бег, чтобы воспроизвести Вам зигзаги прыгающих ассоциаций* (13 апреля 1926) [7].

Лексема *процесс* является наиболее частотной в семантическом поле *Язык*. Сам язык, его пласты, стили, ярусы виделись автором как мощные природные явления, потоки, стихии. Частные явления стилистики и грамматики переносились обычно на *почву, сцену, картину*. Государственная жизнь отражалась в метафорах революции, созидания, строительства. Таким образом, именно активное движение (его сила) является доминантой образного представления учёного о языке.

Доминанта обладает эмоциональным тоном, яркостью, оценкой. Иначе говоря, *эмоция закрепляет как нечто живое и конкретно пребывающее отвлечённые идеи сознания* [12, с. 368]. Следовательно, комплекс устойчивых образов вокруг основных понятий в теории В.В. Виноградова обладал функциями консервации уже найденных идей и явлений, их синтеза в единый проект научной реальности с воздействующим на читателя сильным эффектом. Устойчивые экспрессивно-оценочные образы-идеологемы языковых реалий Виноградова поражают, в силу этого запоминаются, как результат, мотивируют реципиента к активной деятельности.

Образ *пространства, пути (дороги)* в нём – ядерная зона образно-метафорического поля всех работ Виноградова.

Доминанта движения задаёт такой эмоциональный тон, который представлен в сумме различных приёмов. Один из них – оценочный эпитет, содержащий сему предельности качества (*яркий, наиболее яркий, напряжённый, многокрасочный, решительный, глубокий, напряжённый* и т. п.). Движение, по мироощущению автора, предполагает преодоление препятствия, силу, разрыв, борьбу и т. д. Эмоционально-оценочный эпитет необычным образом сочетается с термином: *острый* литературный символ, *напряжённо-метафорическая* фразеология, *яркие* синтаксические галлицизмы, *масса фразеологических осколков, неожиданная присоединительная сцепка* слов. Один термин мог наделяться сериями экспрессивных эпитетов: *стиль: субъективно выпрямленный, быстрый глагольный, быстрый повествовательный, отягощённый приёмами микроскопического анализа души, бесстрастно-деловой, полный парадоксов и афоризмов* и т. п.

Другая функция метафоры заключается в создании псевдоперцептивных значений. В художественном тексте единство элементов конкретной фикциональной действительности оформляется семантической и грамматической категорией литературной перцептивности – «скрытой категорией», связывающей признаки темпоральности, аспектуальности и локативности с восприятием окружающего мира человеком» [1, с. 275]. Прежде всего это отражается в визуализации фикционального пространства, его пара-

метров: формы, дали, близи, вертикали и горизонтали, замкнутости и т. п. Примеры образного осмысления ментальных концептов через метафору пространства в письмах: *Мысли мешают работе прямой, дробя её на тысячи теряющихся вдали тропинок* (26 мая 1926); *Чтение – как чистка и уборка квартиры. После суматохи и пыли голова с течением времени примет новое обличье* (26 сентября 1926); *Мне кажется, что под тусклой и грязной поверхностью жизни течёт чистая вода. Минутами (это трудно выразить простыми словами) я переживаю процесс погружения в глубину. Свежие, прозрачные струи тогда охватывают меня, и сквозь них я радостно вижу ключевой хрусталь* (5 марта 1927) [7].

Псевдоперцептивность в научном тексте, при полном переосмыслении значения визуальных глаголов *видеть*, *наблюдать*, *заметить* и др., имеет те же функции, что и в художественном тексте, то есть организует все элементы пространственной модели. Введение когнитивных и образных метафор пространства позволяет соединить в одном высказывании (либо СФЕ) агенса (исследователя, его перцептивный и оценочный модус), структуру «рассматриваемого» объекта, его связь с другими объектами, причинно-следственные связи. Типичный пример: **Видимая** *распылённость, разнородность морфологических примет заставила грамматистов искать* **внутреннего единства этой категории на путях семантического и синтаксического её изучения** [8, с. 282]. Пространственные образы с перцептивной семантикой используются для создания первичных научных представлений о каком-либо абстрактном понятии (литературном

символе, модальности, образе автора). Именно поэтому возникает категория «образа исследователя», подобного автору в художественном тексте, задача которого с позиции образной «точки зрения» максимально воздействовать идеологически с помощью псевдоперцептивных реакций. Например: *Необходимо пристальнее взглядеться в структуру фразеологических групп современного русского языка, более чётко разграничить их основные типы <...>* [3, с. 144]. Введённое Н.Б. Самсоновым понятие **коммуникативной сферы лица** (1-ого, 2-ого, 3-его) [11, с. 50] позволяет видеть в высказывании имена и именные группы, которые осмысляются участниками коммуникации как представители сферы этого лица (в данном случае учёного). Возникает смысловая однородность внутри грамматически безличного высказывания – признака научной речи. Во-первых, псевдоперцептивность создаёт авторскую интенцию (**нам** *надо взглядеться, разграничить* – ассоциативное 1 лицо). Во-вторых, личностно значимым становится объект исследования (фразеологические единицы), которые находятся «здесь и сейчас», перед «нами». В-третьих, как речевой акт с модальностью долженствования, это высказывание обладает иллюкутивной силой, предполагая ответную мыслительную реакцию «собеседника». Мы считаем, что, разрабатывая категорию «образа автора» в художественном тексте, Виноградов, возможно невольно, параллельно формировал и категорию «образа исследователя» научного текста.

Почему для Виноградова так важна апелляция к чувственному восприятию в научном тексте? Образность об-

ладает эффектом усиления критерия истинности за счёт включения перцептивных компонентов в сознание реципиента: если я и другой видим нечто, то это нечто безусловно существует. (...ведь я не выбрасываю из своего сознания образа, созданного воображением, он продолжает существовать, хотя бы в указанном сравнении [9, с. 9]). Картины природы рисуются лирическим стилем, который сочетает лирические краски с этнографической точностью научного описания [6, с. 236] – трудно сказать, о чём идёт речь: о типах стилистических единиц в прозе Лермонтова, то есть словесных образах и стилистических единицах, или «видимой» пейзажной зарисовке (художественном образе Кавказа). Два плана: научный информативный и перцептивный эмоциональный накладываются друг на друга.

Такой приём обладает сильным воздействующим эффектом. Рассмотрим, к примеру образную парадигму «язык писателя – водное пространство»: *логическая прозрачность и в то же время экспрессивная глубина в приёмах сочинения и подчинения предложений рельефно оттеняют быстрое движение острой и ясной мысли* [3, с. 55]. (Образы водного потока и геологических сдвигов впервые были отмечены А.П. Чудаковым как «излюбленные» у Виноградова: «речевые массы, которые движутся, сталкиваются, переплавляются, уходят вглубь или выносятся наверх» [13, с. 31–32].) Подобные афоризмы при переводе на язык науки с использованием терминов теряют образ автора, в них отчасти исчезает проекция духовной деятельности учёного.

Создающий метафоричность приём персонификации терминов и по-

нятий в псевдоперцептивном высказывании усиливает деавтоматизацию восприятия, позволяя создавать оценки, входящие в структуру «образа исследователя». Например: *Как исторически вырывается литературная проза из контекста враждебных бытовому говорению форм книжно-письменной речи и вовлекает в свою структуру разговорно-речевые формы?* [5, с. 76]; *вводные слова могут двигаться по словесному пространству предложения* [2, с. 57]. Персонификация или овеществление образуется из сочетания термина или понятия с «ненаучным» по стилю акциональным глаголом любой семантики: *своеобразие пушкинского синтаксиса испаряется* [5, с. 227]; *разнородные эмоционально-смысловые волны наплывают на данные символы* [5, с. 248] и мн. др.

Виноградов формировал устойчивые метафорические парадигмы на основе концепта-доминанты 'движение' для важнейших терминов семантики, грамматики и стилистики длительного времени (1920–1960-е гг.). Образная парадигма, собственно, и возникает, когда речь идёт о каком-либо главном, важном понятии: *Категория модальности предложения принадлежит к числу основных, центральных языковых категорий. <...> Она охватывает всю ткань речи* [2, с. 57]. В образно-метафорическое поле им помещался любой значимый для него объект, например, *лексическое значение, семантический оттенок, язык, стиль, фразеологическая единица, часть речи*. Принципиального изменения когнитивная образность не претерпевала. Метафора с чётким символическим значением, например, *путь, дорога, почва, рас- тение, строительство, борьба* может

быть встречена нами и в ранних литературоведческих работах, и в поздних лингвистических. Это результат концептуального сближения: 'язык' и его процессы есть 'жизнь'. Например: *Путь Пушкина от стиха к прозе пролегал в области повествовательных форм* [5, с. 176].

Пространство визуальное и мыслительное коррелируются. 'Пространство' может приобретать разнообразные перцептивные формы: сцены, почвы, пути, дали, близы, высоты и глубины, водной поверхности, строительства. Все они устойчивы. Образность формирует целостность всей теории, и поэтому одна пространственная метафора может усиливаться другой. Например: *Вопрос о тесных фразеологических группах привлекал внимание многих лингвистов. И всё же, кроме отдельных наблюдений и некоторых общих суждений, трудно указать какие-нибудь прочные результаты в этой области семантического изучения. По-видимому, наиболее ясно этот круг тем освещён Ш. Балли <...>. На родственной почве выросли мнения Alb. Sechehaye по тем же вопросам фразеологии* [3, с. 143].

Жизненное упорство учёного и концепты общественного сознания 30-40-х гг. проецируются на активность его «героев» – объектов исследования (синонимов, лексем, перифраз и т. п.). Как правило, они общественно активны, враждуют, сопротивляются, ведут

борьбу: «Грамматическая борьба за признание категории вида» – название параграфа в научной монографии [8, с. 393]). *Проза <...> становится основным орудием борьбы реализма* [5, с. 183]. Части речи имеют свои «тяжёлые» судьбы («Грамматические судьбы класса местоимений» – название главы монографии) [8, с. 264]; *идеологическая борьба между направлениями, революционное мировоззрение, враждебное господствующему общественно-политическому укладу* [6, с. 190] и т. п.

Метафора пространства картины с «лексическими, грамматическими, главным образом синтаксическими красками», «экспрессивными красками», [6, с. 204, 235] предполагает некоторую статичность. Однако и здесь превалирует семантика движения.

Таким образом, процесс, движение как доминанта мыслительной деятельности самого учёного отобразились в научном стиле в виде устойчивых визуально-перцептивных семантических моделей, структурированных в образно-метафорическом поле с концептуальным ядром «языковая / речевая деятельность», которое коррелирует с концептуальным полем «жизнь» в сознании учёного. Образность научного стиля является неотъемлемой частью языковой личности Виноградова, его особого «видения» системных и структурных особенностей языка и речи, частью напряжённой духовной работы исследователя.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бондарко А.В. Теория значения в системе функциональной грамматики: На материале русского языка. М.: Языки славянской культуры, 2000. 736 с.
2. Виноградов, В.В. Избранные труды. Исследования по русской грамматике: М.: Наука, 1975. 559 с.

3. Виноградов В. В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М., 1977. 312 с.
4. Виноградов В.В. Избранные труды. История русского литературного языка. М.: Наука, 1978. 320 с.
5. Виноградов В.В. Избранные труды. О языке художественной прозы. М.: Наука, 1980. 360 с.
6. Виноградов В.В. Избранные труды. Язык и стиль русских писателей. От Карамзина до Гоголя. М., 1990. 388 с.
7. Виноградов В.В. "...сумею преодолеть все препятствия..." Письма Н.М. Виноградовой-Малышевой // Новый мир. 1995. № 1. [Электронный ресурс]. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1995/1/pub_soob.html (дата обращения 19.08.2016)
8. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) / под. ред. Г.А. Золотовой. 4-е изд. М.: Русский язык, 2001. 719 с.
9. Глазков А.В. Текст: установка на истинность // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2015. № 2. С. 8-14.
10. Ревзина О.Г. Язык и литература: учение академика В.В.Виноградова в свете современного гуманитарного знания // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 1995. № 6. С. 83-89.
11. Самсонов Н.Б. Коммуникативно-прагматическая сфера лица // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2015. № 6. С. 50-54.
12. Ухтомский А.А. Интуиция совести. СПб.: Петербургский писатель, 1996. 528 с.
13. Чудаков А.П. О характере научной медитации и стиля В.В. Виноградова // Русская речь. 1989. 6. С. 31-36.
14. Чудаков А.П. Семь свойств научного метода Виноградова // К 100-летию со дня рождения академика Виноградова. М.: Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 1995. С. 9-15.

REFERENCES

1. Bondarko A.V. Teoriya znacheniya v sisteme funktsional'noi grammatiki: Na materiale russkogo yazyka [The theory of meaning in the system of functional grammar: On material of the Russian language]. M., Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2000. 736 p.
2. Vinogradov V.V. Izbrannye trudy. Issledovaniya po russkoi grammatike [Selected works. Studies on Russian grammar]. M., Nauka, 1975. 559 p.
3. Vinogradov V. V. Izbrannye trudy. Leksikologiya i leksikografiya [Selected works. Lexicology and lexicography]. M., 1977. 312 p.
4. Vinogradov V.V. Izbrannye trudy. Istoriya russkogo literaturnogo yazyka [Selected works. The history of the Russian literary language]. M., Nauka, 1978. 320 p.
5. Vinogradov V.V. Izbrannye trudy. O yazyke khudozhestvennoi prozy [Selected works. On the language of fiction prose]. M., Nauka, 1980. 360 p.
6. Vinogradov V.V. Izbrannye trudy. Yazyk i stil' russkikh pisatelei. Ot Karamzina do Gogolya [Selected works. The language and style of Russian writers. From Karamzin to Gogol]. M., 1990. 388 p.
7. Vinogradov V.V. "...sumeyu preodolet' vse prepyatstviya..." Pis'ma N.M. Vinogradovoi-Malyshevoi ["...will be able to overcome all obstacles..." Letters to N. Vinogradova-Malysheva] // Novyi mir. 1995. № 1. [Elektronnyi resurs]. [New world. 1995. no. 1. [E-source]]. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1995/1/pub_soob.html (request date 19.08.2016)

8. Vinogradov V.V. Russkii yazyk (Grammaticheskoe uchenie o slove) [Russian language (Grammatical teaching about the word)]. 4th ed. M., Russkii yazyk, 2001. 719 p.
9. Glazkov A.V. Tekst: ustanovka na istinnost' [Text: setting on the truth] // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology]. 2015. no. 2. pp. 8–14.
10. Revzina O.G. Yazyk i literatura: uchenie akademika V.V. Vinogradova v svete sovremennogo gumanitarnogo znaniya [Language and literature: the doctrine of academician V. Vinogradov in the light of modern humanitarian knowledge] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9. Filologiya [Bulletin of Moscow State University. Series 9. Philology]. 1995. no. 6. pp. 83–89.
11. Samsonov N.B. Kommunikativno-pragmaticheskaya sfera litsa [Communicative-pragmatic sphere of person] // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology]. 2015. no. 6. pp. 50–54.
12. Ukhtomskii A.A. Intuitsiya sovesti [Intuition of conscience]. SPb., Peterburgskii pisatel', 1996. 528 p.
13. Chudakov A.P. O kharaktere nauchnoi meditatsii i stilya V.V. Vinogradova [On the scientific nature of meditation and style of V. Vinogradov] // Russkaya rech'. [Russian speech]. no. 6. 1989. pp. 31–36.
14. Chudakov A.P. Sem' svoistv nauchnogo metoda Vinogradova [Seven properties of Vinogradov's scientific method] // K 100-letiyu so dnya rozhdeniya akademika Vinogradova [To the 100 anniversary from of academician V. Vinogradov]. M., Institut russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova RAN, 1995. pp. 9–15.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Халикова Наталья Владимировна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры современного русского языка Московского государственного областного университета;
e-mail: nathalik@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Natalya Khalikova – doctor of Philological Sciences, associate professor, professor at the Department of Modern Russian language, Moscow Region State University;
e-mail: nathalik@mail.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Халикова Н.В. Функции образных парадигм в научном стиле В.В. Виноградова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2016. № 5. С. 171-179.
DOI: 10.18384/2310-7278-2016-5-171-179

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

N. Khalikova. Functions of figurative paradigms in V. Vinogradov's scientific style // Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology. 2016. no. 5. pp. 171-179.
DOI: 10.18384/2310-7278-2016-5-171-179

РАЗДЕЛ II. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 82-1/-9

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-5-180-187

ПОЭТОЛОГИЯ М.Н. МУРАВЬЁВА В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ СИСТЕМЕ РУССКОЙ ЛИРИКИ ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XVIII ВЕКА*

Алпатова Т.А.

*Московский государственный областной университет
105005, Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация*

Аннотация: В статье рассматривается поэтология М.Н. Муравьёва – направление в творческом развитии поэта, нечасто привлекавшее внимание исследователей в силу эклектичности его позиции, совмещавшей в себе различные творческие интенции, от классицизма до романтизма. Показано значение нормативно-рационалистической традиции в поэтологических размышлениях Муравьёва («Опыт о стихотворстве»), а также выявлены направления, благодаря которым традиционная в своей основе поэтология шла к признанию индивидуально-творческих художественных начал, что соответствовало общим тенденциям развития русской поэтологической лирики XVIII века.

Ключевые слова: М.Н.Муравьев, поэтология, .рефлексия, эстетика, поэтологический трактат.

M. MURAVYOV'S POETICS IN THE ART SYSTEM OF THE RUSSIAN LYRICS OF THE LAST THIRD OF THE 18TH CENTURY

T. Alpatova

*Moscow State Region University
10A Radio St., Moscow, Russian Federation, 105005*

Abstract. The article deals with poetics of M. Muravyov – the direction in the poet's creative development, that rarely attracted the attention of researchers due to its eclectic position that combines different creative intentions, from Classicism to Romanticism. The paper demon-

* Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ, проект № 15-04-00494 «Н.М.Карамзин: энциклопедический словарь».

© Т.А.Алпатова, 2016.

strated the importance of the regulatory rationalist tradition in Muravyov's poetics ("Essay on versification"), as well as identified areas, which contributed to traditional in its basis poetics that shifted to the recognition of individual creative art, and this corresponded to the general trends of development of Russian poetics of the 18th century.

Keywords: M. Muravyov, poetics, reflection, aesthetics, poetological treatise.

Проблема развития русской поэзии последней трети XVIII века, связанная с движением от нормативно-традиционалистского к индивидуально-творческому типу художественного сознания [1, с. 3-38], тесно связана с трансформацией поэтологической лирики, изначально рационалистическая природа которой вступала в тот период в неизбежное противоречие с новым пониманием поэзии, сущности творчества и предназначения поэта. Возможно, именно поэтому исследователи, обращавшиеся к анализу поэтологической лирики как историко- и теоретико-литературного феномена, как правило, соотносили его расцвет с творчеством поэтов XX века [7; 8], по отношению же к веку XVIII высказывались мнения, что лишь в поэзии Н.М. Карамзина впервые возникают поэтологические мотивы в полном смысле этого термина [9, с. 296-310]. Однако, думается, сама природа поэтологической лирики как рациональной рефлексии творческого процесса отнюдь не противоречила нормативно-традиционалистскому художественному сознанию, поэтому особенно важным представляется понять свойственную ей оценку поэзии – как саморефлексию поэта, анализ которой позволяет выявить как степень традиционности, так и новаторство в решении важнейших для литературной эпохи творческих проблем. Вследствие этого, наряду с динамикой жанров, трансформацией представлений

о личности, «открытием природы» и др. новациями сентиментально-предромантической художественной системы, обновление топике поэтологической лирики оказывалось одним из важнейших показателей направленности литературного развития. При этом поэтология Г.Р. Державина, Н.М. Карамзина, И.И. Дмитриева, поэтов львовско-державинского кружка представляла собой сложный синтез традиционных мотивов, реализующих сложившуюся в недрах рационалистической поэтики классицизма нормативную систему, и, с другой стороны, новое видение поэзии, открывавшее путь той самой индивидуально-творческой эстетике, развитие которой и будет продолжаться в рамках романтической поэтики в XIX веке.

Поэтология М.Н. Муравьёва при этом, как и в большинстве «переходных» поэтических систем русских авторов последней трети XVIII века – Г.Р. Державина, Н.А. Львова, В.В. Капниста, Н.М. Карамзина, юного В.А. Жуковского и др. – представляется весьма многосоставной, если не эклектичной. Такова и эстетическая база поэтологической лирики, к которой, сохраняя классицистский в своей основе принцип «подражания и соревнования», обращались поэты (её составляли вполне традиционные для нормативной системы XVIII столетия Н. Буало, А. Поуп, Ш. Баттё и т. п.). Такова и жанровая природа стихотворений, в которых зачастую раскрыва-

лись взгляды на роль поэзии и предназначение поэта в обществе; таков и целый ряд идей, сформулированных в поэтологической лирике, анализ которых позволяет выявить присутствие как нормативно-традиционалистских, так и новых, более индивидуализированных творческих установок.

Тема поэтологии Муравьёва представляется очень широкой и в совокупности не может быть исчерпана в рамках журнальной статьи. В той или иной форме анализ муравьёвской поэтологии должен включать и характеристики собственно «поэтологических» произведений, по возможности с учётом логики творческого развития автора, и выявление генезиса творческой рефлексии, и её интенций, в том числе позволяющих судить о биографическом контексте – определении Муравьёвым своей роли в формировании близких по духу друзей-поэтов, и жанровую рефлексия, и мн. др. Предметом наблюдений в данной статье будут поэтологические воззрения Муравьёва преимущественно традиционного плана – та «база», на фоне которой ярче можно выделить его нововведения и в сфере творческой рефлексии, и в сфере практики.

В.Н. Топоровым в его исследовании была предложена идея рассматривать поэтологию Муравьёва как движущуюся, развивающуюся систему, началом которой становится «Опыт о стихотворстве» (1775, 1780). Ориентированный на целый ряд авторитетных поэтологических трактатов, от «Послания к Пизонам» Горация до «Эпистолы второй» (о стихотворстве) А.П. Сумарокова, «Опыт...» определяет прежде всего дидактическая идея – научить молодых поэтов, как именно следует

писать стихи. Она задана риторическим посылом уже в начале стихотворения (открывающегося вполне узнаваемым обращением «О вы...» – ср. у Сумарокова «О вы, которые стремитесь на Парнас...»), но поддерживается и впоследствии многочисленными «советами», предполагаемыми поэтам-«ученикам», – советами, носящими явно нормативный характер: «Любите здравый смысл...» [3, с. 132], «Явите истины великия черты...» [3, с. 132], «С восторгом ощущай, но мысли беспристрастно...» [3, с. 132], «Умей располагать и бояся долготы...» [3, с. 132], «Тщись в сердце проникать, чтоб нравиться уму...» [3, с. 133], «Бегите жёсткого стечения согласных...» [3, с. 133], «Брегитесь рано в путь пуститься эпопеи...» [3, с. 135] и мн. др. Топоровым выявляется тот идеал поэзии (и соответственно, творческой интенции поэта), который формируется в размышлениях автора «Опыта...»: «Здравый смысл, простота, <...> освобождение от ложного искусства и ума-умствования, доверие к природе, <...> вкус и свобода выбора, поэтическое воображение... – вот условия, определяющие успех в поэзии» [6, с. 635], к ним также относится «ясность выражения, умение “располагать”, избегание длиннот, излишеств “пышности” и “надутости” слога» [6, с. 635]. Эти эстетические принципы, к тому же излагаемые с явно дидактическим риторическим посылом, вполне соответствуют нормативно-традиционалистскому пониманию основных поэтологических проблем: «природы» поэзии, эстетического идеала, сущности творчества как «подражания» и т. п. Однако в муравьёвской поэтологии возможность новаторского переосмысления

привычных требований формируется постепенно, и самые традиционные в своей основе плоды эстетической рефлексии потенциально всегда таят в себе возможность изменения.

Задачей всякого истинного поэта оказывается гармоническое сочетание «восторга чувств» и «беспристрастности мысли». Это сочетание мысли и чувства, «размышления» и «вдохновения», рационалистически объединённое по закону взаимодействия противоположностей, закладывается Муравьёвым и в описании идеальной модели творческого акта поэта, также представленной в «Опыте...»:

Предметом полн своим будь прежде начинанья,

Обмысли всё и жди мгновения влиянья,

Потом стремлению предайся своему:

Священный пламень то, – не дай простыть ему... [3, с. 132]

Поэтологическое размышление Муравьёва выстраивается в системе исчисления возможных путей творчества – обычно в системе со/противопоставлений, антитетических конструкций, в совокупности составляющих образ «поэзии» как единства в многообразии. В этом единстве есть место и Ломоносову – и Сумарокову («Вспомните сих двух прославившихся россов: // Военною трубой Петра пел Ломоносов, // ... А Сумароков стон с Ильменой издавал...» [3, с. 131]); и аду – и раю; и мысли – и чувству; и анакреонтике – и высокому; и Расину – и Мольеру, и т. д. «Две разные страны вмещает Геликон...» [3, с. 135] – рационалистическая по своей природе логика «исчерпывающего деления» [5, с. 210-219], тем не менее, приводит Муравьёва и к достаточно новой для

русской поэтологии XVIII века мысли о важности живого чувства, созерцания природы, «естественного» начала в поэзии. В.Н. Топоров справедливо заметил, что Муравьёв в «Опыте...» нередко соотносит поэтическое «искусство» и «природу» [6, с. 637], представляет творческий процесс именно в природных, органических метафорах и сравнениях:

Законы языку природой сообщены,

И в исступлениях да будут вам священные:

Невежества нельзя в писателе простить

И прежде чем писать, умейте говорить.

Но хладен весь восторг и без души слова,

Коль в них не узнаю подобья естества.

В витийствах силы нет, пускай лишь сердце пишет... [3, с. 133]

Возможно, именно поэтому одним из основных приёмов, позволяющих представить своеобразие личности поэта (а значит, метонимически – самой поэзии), становится со/противопоставление его и, с другой стороны, – философа, «любителя мудрости» и созерцателя натуры:

Любитель мудрости причины испытует –

Поэт, природу зря, её живописует.

Толкует философ создание земли:

То ветры вещества горячие зажгли.

Но Этну зрит поэт горящу, воспаленну,

И тучу с пламенем и дымом устремленну... [3, с. 134]

Таково сопоставление «Картезия» и Расина – того, кто может рационально познавать нравы, и того, кто способен представить их в живом, органичном

художественном образе, воздействующим не только на мысль, но и на чувство. Именно единство чувства и мысли становится главным итогом поэтологического «исследования» Муравьёва, в котором выстраиваются два пути, объединённых общим творческим отношением к миру и любовью к поэзии:

*Счастливы ваши дни, коль Гением
внушенны*

*Иль созерцанию природы пригла-
шенны,*

*Останетесь всегда любителями
муз...* [3, с. 136]

Оценка традиционного и новаторского в поэтологии нормативно-традиционалистской литературной эпохи непременно должна включать в себя проблему цели, предназначения поэзии – от её решения зависело, как представляет конкретный художник место собственного творчества в жизни общества, а в конечном итоге – своё собственное место в мире. Обращаясь к проблеме цели поэзии, Муравьёв, как правило, сосредоточивает внимание на её житнетворческой природе. Поэзия творит гармонию из хаоса – таково определение её природы в «Оде четвертой» (1775), где не случайно возникают образы Орфея и Амфиона – певцов, один из которых был одарён способностью изменять природу, другой – созидать цивилизацию, символом которой становятся слагающиеся по звуку лиры певца стены града. Сходный образ возникает и в риторической похвале Муравьёва Ломоносову – «Похвальное слово Михайле Васильевичу Ломоносову» (1774). Ломоносов как личность и как поэт становится, таким образом, частью философии творчества, которая в се-

редине 1770-х годов формируется в сознании Муравьёва. В её основе мысль об истинной свободе творческого гения, боговдохновенности его природы, что не может и не должна подчиняться системе холодных рациональных норм и правил. Именно поэтому наиболее ярким мифологическим уподоблением – риторическим «примером» в похвальном слове, призванном раскрыть величие поэтического дарования Ломоносова, становится Амфион, благодаря чудным звукам песен которого «...плениются деревья от звука гласа его, прельщаются дубравные скоты, восхищаются птицы парящие, воспламеняются струи влажные, и течение своё реки пресекают, и самые камни приемлют чувство и повинуются велению» [2, с. 38]. *Песнь Амфиона* оказывается основой создаваемого благодаря её звукам города-государства; так и поэзия Ломоносова становится реализацией, воплощением государственного порыва России, воплощением созидательной энергии государственного строительства. Именно она, по мысли Муравьёва, и является высшей заслугой Ломоносова-поэта, который сумел благодаря государственническому пафосу своей оды стать выразителем житнетворческого порыва всего русского народа.

Гармонию и смягчение нравов приносит людям с небес изгнанный Аполлон (см. «Изгнание Аполлона», 1786):

Искусства исправляют нравы.

*Тот первый варваров в людей преоб-
ратил,*

*Который выдумал для разума заба-
вы...* [3, с. 80]

Размышления об образе поэта в поэтологических стихотворениях Муравьёва нередко выстраиваются в ли-

рическую ситуацию выбора между различными путями творчества, в совокупности представляющими возможное, рационально представимое разнообразие направлений, которыми может идти художник). Этот мотив может раскрываться в поэтической шутке – выбор между «пером» и «поэтом» («Перо. К его превосходительству Александру Петровичу Ермолову», 1780-е гг.) или между двумя увлечёнными певцами – Дафнисом и Коридоном («Эклога к его превосходительству Алексею Васильевичу Олешеву», нач. 1780-х гг.). В.Н. Топоров писал, что выбор этот осознавался Муравьёвым как драматический, что привело к кризису поэта, отразившемуся в стихотворениях второй половины 1770-х – 1780-х гг.: «Жалобы Музам» (1776), «Сонет к Музам» (1775), «Прискорбие стихотворца к *** в 1777 году», «Письмо к ***» («Вспоминаю те счастливые мгновенья...», 1783). По мысли исследователя, «выходом» из него становится понимание, что «без чувствительности нет ни полноты жизни, ни счастья, ни – в конечном счёте – поэзии и поэта» [6, с. 648].

Образы «нового» понимания поэзии и стали одушевляющими в наиболее новаторских поэтологических декларациях Муравьёва – «Сила Гения» (1785, 1797), «К Музе» (1790-е), и наконец – поэтическом фрагменте «Мои стихи, мой друг, – осенние листья...», по справедливости признаваемым исследователями наиболее близким новому, уже романтическому по своей природе пониманию поэтического

творчества как самовыражения художника, отнюдь не всегда достигающего понимания у современников:

Мои стихи, мой друг, – осенние листья:

Родятся блеклые, без живости и цвету,

*И, восхищаемы дыханий злых усты,
Пренебрегаемы разносятся по свету,
Не чтимые никем... [3, с. 246]*

Поэтологическая лирика Муравьёва играет особую роль в развитии художественной системы русской поэзии рубежа XVIII–XIX вв. Несмотря на то что большинство стихотворений, в том числе относящихся к рассматриваемой нами группе, не были опубликованы при жизни, воздействие его творческих исканий на наиболее близких поэтов – Г.Р. Державина, Н.М. Карамзина, В.А. Жуковского, К.Н. Батюшкова – сыграло значительную роль в развитии новой художественной системы русской лирики. При этом поэтология Муравьёва – переплетение, на первых взгляд, противоположных тенденций: рационалистической нормативной эстетики – и индивидуально-неповторимых творческих интенций, последующее развитие которых и определило направления в становлении предромантического, а затем и романтического понимания творчества. Так логика развития поэтологической лирики Муравьёва, наряду со многими другими мотивами его творчества, позволяет исследователям делать выводы о значении его творческого наследия в переходный период развития русской лирики конца XVIII – начала XIX века.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Аверинцев С.С., Андреев М.Л., Гаспаров М.Л., Гринцер П.А., Михайлов А.В. Категории поэтики в смене литературных эпох // Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания. М., 1994. С. 3-38.
2. М.В. Ломоносов в воспоминаниях и характеристиках современников / сост. Г.Е. Павлова. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1962. 232 с.
3. Муравьев М.Н. Стихотворения / вступительная статья, подготовка текста и примеч. Л.И. Кулаковой. Л.: Советский писатель, 1967. 388 с.
4. Нигматуллина Ю.Г., Пашкуров А.Н., Буранок О.М. Поиск инвариантов преобразований в русской литературе XVIII века: предклассицизм и предромантизм // Знание. Понимание. Умение. 2016. № 3. С. 262-272.
5. Пумпянский Л.В. Об исчерпывающем делении, одном из принципов стиля Пушкина // Пумпянский Л.В. Классическая традиция: Собрание трудов по истории русской литературы. М., 2000.
6. Топоров В.Н. Из истории русской литературы. Т. 2: Русская литература второй половины XVIII века. М.Н. Муравьев: Введение в творческое наследие. Кн. 2. М.: Языки славянской культуры, 2003. 928 с.
7. Тростников М.В. Поэтология. М.: Грааль, 1997. 192 с.
8. Федотова С.В. Поэтология Вячеслава Иванова: монография. Тамбов: ТОГОАУ ДПО «Институт повышения квалификации работников образования», 2012. 293 с.
9. Штруба М. Поэтологическая лирика Н.М. Карамзина // XVIII век. Сборник 24. СПб.: Наука, 2006. С. 296-311.

REFERENCES

1. Kategorii poetiki v smene literaturnykh epokh [Poetics categories in the changing literary epochs] // Istoricheskaya poetika. Literaturnye epokhi i tipy khudozhestvennogo soznaniya [Historical poetics. Literary epochs and types of artistic consciousness] / Averintsev S.S., Andreev M.L., Gasparov M.L., Grintser P.A., Mikhailov A.V. M., 1994. pp. 3-38.
2. Lomonosov v vospominaniyakh i kharakteristikakh sovremennikov [Lomonosov in the memories and characteristics of his contemporaries]. M.; L., Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1962. 232 p.
3. Muravyov M.N. Stikhotvoreniya [Poems]. L., Sovetskii pisatel', 1967. 388 p.
4. Nigmatullina YU.G. Pashkurov A.N., Buranok O.M. Poisk invariantov preobrazovaniy v russkoi literature XVIII veka: predklassitsizm i predromantizm [The search for invariants of transformations in the Russian literature of the 18th century: preclassical and preromanticism] // Znanie. Ponimanie. Umenie. [Knowledge. Understanding. Ability]. 2016. no. 3. pp. 262-272.
5. Pumpyanskii L.V. Ob ischerpyvayushchem delenii, odnom iz printsipov stilya Pushkina [On exhaustive division, one of the principles of Pushkin's style] // Pumpyanskii L.V. Klassicheskaya traditsiya: Sbranie trudov po istorii russkoi literatury [L. Pumpyansky. Classical tradition: a collection of writings on the history of Russian literature]. M., 2000.
6. Toporov V.N. Iz istorii russkoi literatury. T. 2: Russkaya literatura vtoroi poloviny XVIII veka. M.N. Murav'ev: Vvedenie v tvorcheskoe nasledie. Kn. 2 [From the history of Russian literature. Vol. 2: Russian literature of the second half of the 18th century. M. Muravyov: Introduction to the artistic heritage. Book 2]. M., Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2003. 928 p.
7. Trostnikov M.V. Poetologiya [Poetology]. M., Graal', 1997. 192 p.

8. Fedotova S.V. Poetologiya Vyacheslava Ivanova: monografiya [Poetology of Vyacheslav Ivanov: a monograph]. Tambov, TOGOAU DPO «Institut povysheniya kvalifikatsii rabotnikov obrazovaniya», 2012. 293 p.
9. Shtruba M. Poetologicheskaya lirika N.M. Karamzina [Poetologic lyrics of N. Karamzin] // XVIII vek. Sb. 24 [18th century. Coll. 24]. SPb., Nauka, 2006. pp. 296–311.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Алпатова Татьяна Александровна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской классической литературы Московского государственного областного университета;
e-mail: alpatova2005@rambler.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tatiana Alpatova – doctor of Philological Sciences, associate professor, professor at the Department of the Russian Classical literature, Moscow Region State University;
e-mail: alpatova2005@rambler.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Алпатова Т.А. Поэтология М.Н.Муравьева в художественной системе русской лирики последней трети XVIII века // Вестник Московского государственного областного университета. Серия Русская филология. 2016. № 5. С. 181-187.
DOI: 10.18384/2310-7278-2016-5-180-187

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

T. Alpatova. M. Muravyov's poetology in art sistem of the Russian lyrics of last third of the 18th century // Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology. 2016. no. 5. pp. 181-187.
DOI: 10.18384/2310-7278-2016-5-180-187

УДК 82-1/-9

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-5-188-194

ПОЭТИЧЕСКИЙ КОСМОС Е.А. БАРАТЫНСКОГО: СТИХОТВОРЕНИЕ «ОСЕНЬ» В СВЕТЕ КАРАМЗИНСКОЙ ТРАДИЦИИ»*

Алпатова Т.А., Поташова К.А.

Московский государственный областной университет

105005, Москва, ул. Радио, д. 10а, Российская Федерация

Аннотация: В статье рассматривается трансформация мотива времён года в стихотворении Е.А. Баратынского «Осень». Анализ проводится в сопоставлении с поэтической традицией рубежа XVIII – начала XIX века, традицией Н.М. Карамзина, а также английского поэта Д. Томсона; перевод Карамзиным поэмы Томсона «Времена года» также оценивается как один из источников осмысления мотива осени в поэзии сентиментализма и предромантизма. Выявлены элементы традиций рационалистической аллегории в «Осени» Баратынского, сделаны выводы о взаимодействии в стихотворении риторических и индивидуально-творческих принципов художественного изображения.

Ключевые слова: Е.А. Баратынский, Н.М. Карамзин, осенние мотивы, лирика, художественная философия.

POETIC SPACE OF E. BARATYNSKY: THE POEM "AUTUMN" IN THE LIGHT OF KARAMZIN'S TRADITION

T. Alpatova, K. Potashova

Moscow State Region University

10A Radio St., Moscow, Russian Federation, 105005

Abstract. This article is devoted to the poem of E. Baratynsky "Autumn" and the transformation of the motive "the seasons". The analysis is performed in comparison with the poetic tradition of the turn of 18th – early 19th centuries, with the tradition of N. Karamzin and J. Thomson. The translation of his poem "The Seasons" by Karamzin is also rated as one of the autumn motive reflection sources in sentimental and Pre-Romanticism poetry. The paper identified elements of the rationalist tradition of allegory in Baratynsky's "Autumn", and led to conclusions about the interaction of rhetorical and individual creative principles of artistic representation in the poem.

Keywords: E. Baratynsky, N. Karamzin, autumn theme, lyrics, art philosophy.

Реконструкция поэтического космоса Е.А. Баратынского – одновременно пугающая по своим масштабам и необыкновенно привлекательная задача, – настолько очевидна у него эта космичность художественного мышления, органично сочетающего в себе моменты видения и осмысления, «гармоническую точность» и «мысль», столь много стихотворений поэта претендует на то, чтобы

* Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ, проект № 15-04-00494 «Н.М.Карамзин: энциклопедический словарь».

© Т.А. Алпатова, К.А. Поташова, 2016.

быть воплощением этого поэтического космоса, то есть целостной картины мироздания, которую взгляд охватывает снизу доверху, от мельчайших жизненных подробностей до вершин Абсолюта. Но среди этих стихотворений особое место, безусловно, занимает «Осень» – и как наиболее важный факт творческой биографии самого поэта, и как одно из значимых звеньев в цепи так называемых «осенних текстов» русской, да и мировой поэзии. Не случайно ни один из исследователей, обращавшихся к творчеству Баратынского, не проходил мимо «Осени», и всякий раз её осмысление проходит под знаком «итога», «собрания» целого, некоей «суммы» – будь то идея В.Э. Вацууро об «Осени» как подведении итогов пушкинской литературной эпохи [5, с. 380-392] или мысль Ю.М. Лотмана о возможности прочтения её как квинтэссенции сборника «Сумерки», а вместе и всего позднего творчества Баратынского, с его переходом от индивидуального ко всеобщему, от «дневниковости» к размышлениям о судьбе мыслящего человека вообще [9, с. 394-406]. «Сумму элегий», отражение наиболее значимых тенденций в развитии элегического жанра в неканоническую эпоху видит в «Осени» Баратынского В. Козлов; о «раскрытом сознании современного человека» в этом стихотворении размышляет С.Г. Бочаров [4, с. 120].

Однако насколько справедливо можно говорить о целостном видении космоса в стихотворении, именовавшемся «одним из самых мрачных и трагических в нашей поэзии» [8, с. 35] (А. Кушнер), к тому же в полной мере отразившем философию поэта как нечто принципиально незавершённое

и незамкнутое, как «вихреобразование» дум и чувств, как «открытое», агностическое [4, с. 104] (С.Г. Бочаров)? По-видимому, анализ «Осени» потому и обретает особую важность, что именно здесь ярче всего оказалось представлено неожиданное и непредсказуемое – поэтический «космос» раскрылся именно как нечто бесконечное, не укладывающееся не только в рамки какого бы то ни было «готового» жанра, но, казалось бы, в рамки человеческой, земной мысли вообще.

«Осенняя» тема в западноевропейской и русской поэзии XVIII – первой половины XIX в. неизменно соотносилась с более широкой темой «времени года», основной вектор в художественно-философском осмыслении которой был задан поэмой Дж. Томсона «The Seasons», многочисленные трактовки представлены в разнообразных произведениях, преимущественно элегической жанровой модальности. В художественно-философском аспекте двойственность осмысления времени года не просто как явления природы, но как формы бытия, наделённой высшим ценностным значением, определялась, с одной стороны, восприятием их «таинственного круга» как воплощения высшей божественной гармонии (что в полной мере отразилось в «Гимне сезонам» Томсона – см. переводы на русский язык Н.М. Карамзина и В.А. Жуковского), с другой же, – взглядом на сезоны, сезонную смену состояний природы как свидетельство «повреждения» бытия, его отпадения от предвечного единства – длящегося настоящего – следовательно, как начало смерти. Воспринимавшаяся, в свою очередь, как символ сезонного круговращения (одновременно един-

ства и противоположности), осень как художественно философский символ получала сходный коннотативный фон. Это воплощение полноты бытия, плодоношения, высшая точка жизни и в то же время начало умирания с неизбежным религиозно-философским вопросом, последует ли за ним обетованное воскресение, а если последует, то насколько его «природный» аспект может быть аллегорически соотнесён с жизнью человека.

Среди всех времён года именно осень оказалась наиболее привлекательной для поэзии рубежа XVIII–XIX вв., а значит, для становления индивидуально-творческого художественного сознания [1, с. 3–38], не случайно; именно эта мифологема совмещала в себе наиболее органичные для переходной эпохи начала. В осени как устойчивом художественном образе, связанном с традицией классицизма, не только аллегория двойственности бытия, в котором пора плодоношения и умирания идут рядом, но и особое эмоциональное состояние человека, осознавшего эту двойственность осени и переживающего её родственность собственной душе.

Для русской поэзии конца XVIII века своеобразное «открытие» осени оказалось связано не только с томсоновской традицией; направления в её восприятии отечественной литературой задавались творчеством Г.Р. Державина и Н.М. Карамзина, в стихах которого «осенний» контекст начинает формироваться наиболее последовательно. «Осень» в поэзии Карамзина раскрывается как напоминание о том, что увядание природы – символ того, что ждёт человека – «странница жизни», хотя и без надежды на воз-

вращение весны: «Странник, стоящий на холме, // Взором унылым // Смотрит на бледную осень, // Томно вздыхая...» [6, с. 30]. По мысли Карамзина, именно осень рождает в человеке меланхолию – то самое состояние души, которое способно с наибольшей силой раскрыть внутренний потенциал чувствительной души – её способность «задумавшись, молчать // И на прошедшее взор нежный обращать» [6, с. 178]. При этом аллегорический потенциал образа, в котором прямо соотносятся состояния: «увядание природы» – «увядание человека», и столь же прямо противопоставляется временное и обратимое начало в осени природной и неотвратимое «осеннее» угасание человека. Именно поэтому осень и соответствует меланхолическому состоянию души:

Не шумная весны любезная веселость,

Не лета пышного роскошный блеск и зрелость

*Для грусти твоя приятнее всего,
Но осень бледная, когда, изнемогая,
И томною рукой венок свой обрывая,
Она кончины ждёт... [6, с. 178]*

В подобной логике развития образа рационалистически-обобщённое и субъективно-эмоциональное сближаются, что и сделало в итоге «осеннюю» образность одним из основных направлений в осуществлявшемся на рубеже веков процессе смены типов художественного сознания.

Своеобразной квинтэссенцией подобного видения становится пушкинское стихотворение «Осень», по справедливому суждению В.С. Непомнящего, представляющее «пушкинский космос» и задающее как целостный наиболее завершённый «круг»

космогонических представлений об осени – соединении начал жизни и смерти, так и столь же всеобъемлющее видение поэзии в её творческих возможностях «достраивать», «довоплощать» мир, и в конечном итоге гармонически уравнивать бытие природы и человеческой души [10, с. 435-494].

Поэтический космос «Осени» Баратынского, по-видимому, складывается иначе – на первый взгляд, следуя литературной традиции развёрнутого аллегорического уподобления «человек – природа», поэт приходит к совершенно неожиданным итогам, что и позволило исследователям не раз говорить о «разуверении» как основной поэтической интонации «Осени».

Основы этой интонации (причём не столько в её эмоциональном «векторе», сколько именно в аспекте «риторичности», обращённости к некоему условному «собеседнику») заданы как литературной традицией (Державинской – Пушкинской), так и многочисленными маркерами этой «риторичности», определяющими лирическую композицию стихотворения, поддержанную к тому же строфическим членением: «И вот сентябрь!..», «Прощай, прощай...», «Иди, зима...», «А ты, когда...», «Ты так же ли...», «Зови ж теперь...», «Какое же потом в груди твоей...» и мн. др. Однако указанная риторичность парадоксально не приводит здесь к ощущению рационалистической сконструированности текста. Её преодоление заложено в самой образной системе, последовательно преодолевающей логико-рационалистическую последовательность «чистой» мысли и разрушающей возникшие читательские ожидания.

Таким образом, поэтический космос «Осени» Баратынского выстраивается на контрапунктной смене ожидаемого – неожиданного: с одной стороны, строгая логическая последовательность изображения: состояние природы – аллегория человеческого бытия – постижение его метафизического смысла – вновь состояние природы; с другой же стороны, в развитии поэтического образа Баратынского возникает неожиданная градация этого состояния.

Баратынский достигает этого, в первую очередь разделяя «человеческий» план своей элегии на два аспекта, последовательно персонифицированные в образах «оратая», «досужего селянина» – крестьянина, связь которого с природой несомненна, и «оратая жизненного поля», того самого элегического «Я», с которым и связан в стихотворении мотив философских итогов жизни.

Однако это внутреннее разделение проникает и в образный ряд стихотворения – собственно его поэтический космос. «Осенняя» образность поэта также оказывается двойственной: с одной стороны, перед читателем проходит осень как «вечер года», время жатвы и наступающего покоя, с другой – картины природы, более соотнесённые с символично-аллегорическим планом: прощания навек, печального итога, крушения жизни. На этом и основан контраст начальной и финальной строф стихотворения: «И вот сентябрь! Замедля свой восход, // Сияньем хладным солнце блещет, // И луч его в зеркале зыбких вод // Неверным золотом трепещет...» [3, с. 70] –

*Зима идёт, и тощая земля
В широких лысынах бессилья,
И радостно блиставшие поля
Златыми класами обилья,
Со смертью жизнь, богатство с ни-
щетою*

*Все образы годины бывшей
Сравняются под снежной пеленой,
Однообразно их покрывшей...* [3, с. 75]

Как и в сложившейся поэтической традиции, в стихотворении Баратынского «Осень» взаимодействует рациональное аллегорическое и индивидуально-психологическое начало. Судьба осенних мотивов в лирике Баратынского, прослеженная на фоне их трансформации в русской лирике конца XVIII – начала XIX в. – один из примеров становления индивидуаль-

но-творческой художественной системы. Осенние мотивы – и шире, мотив времён года в целом, – один из наиболее устойчивых не только в развитии русской, но и мировой литературы и культуры. Каждый опыт его творческого осмысления позволяет авторам, тронувшим эту «силовую линию», приобщиться к древнейшей традиции и воплотить субъективное видение и природы, и собственной судьбы. Анализ подобных примеров позволяет проследить, как индивидуальный лиризм взаимодействует с традицией, что в итоге становится реализацией одной из центральных задач исторической поэтики в понимании А.Н. Веселовского – выявить роль и границы предания в процессе личного творчества.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Аверинцев С.С., Андреев М.Л., Гаспаров М.Л., Гринцер П.А., Михайлов А.В. Категории поэтики в смене литературных эпох // Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания, М.: Наследие, 1994. С. 3-38.
2. Альми И.Л. Сборник Е.А. Баратынского «Сумерки» как лирическое единство // Альми А.И. О поэзии и прозе. СПб.: Скифия, 2002. 527 с.
3. Баратынский Е.А. Полное собрание сочинений и писем. Т. 3. Ч. 1: Сумерки. Стихотворения 1835–1841 годов. М.: Языки славянской культуры, 2012. 608 с.
4. Бочаров С.Г. «Обречён борьбе верховной...» (Лирический мир Баратынского) // Бочаров С.Г. О художественный мирах. М.: Советская Россия, 1985. С. 69-123.
5. Вацура В.Э. Е.А. Баратынский // История русской литературы: в 4-х т. Т. 2. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1981. С. 380-392.
6. Карамзин Н.М. Полное собрание сочинений: в 18 т. Т. 14: Стихотворения и стихотворные переводы. Проза 1780 – начала 1790-х годов. М.: Терра – Книжный клуб, 2005. 432 с.
7. Козлов В.И. «Сумма элегий»: «Осень» Е.А.Баратынского // Вопросы литературы. 2014. № 4. С. 253-272.
8. Кушнер А.С. Аполлон в траве. М.: Прогресс-Плеяда, 2005. 632 с.
9. Лотман Ю.М. Две «Осени» // Ю.М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. М.: Гнозис, 1994. С. 394-406.
10. Непомнящий В.С. Космос Пушкина // Непомнящий В.С. Пушкин. Избранные работы 1960-х – 1990-х годов. М.: АО «Московские учебники», 2001. Т. 1. С. 435-494.

REFERENCES

1. Kategorii poetiki v smene literaturnykh epokh [Poetics categories in the changing literary epochs] // Istoricheskaya poetika. Literaturnye epokhi i tipy khudozhestvennogo soznaniya [Historical poetics. Literary epochs and types of artistic consciousness]. Averintsev S.S., Andreev M.L., Gasparov M.L., Grintser P.A., Mikhailov A.V. M., Nasledie, 1994. pp. 3–38.
2. Al'mi I.L. Sbornik E.A.Baratynskogo «Sumerki» kak liricheskoe edinstvo [E. Baratynsky collection "Twilight" as a lyrical unity] // Al'mi A.I. O poezii i proze [On poetry and prose]. M., Skifiya, 2002. 527 p.
3. Baratynsky E.A. Polnoe sobranie sochinenii i pisem. T. 3. CH. 1: Sumerki. Stikhotvoreniya 1835–1841 godov [Complete works and letters. Vol. 3. Part 1: Twilight. Poems of 1835–1841 years]. M., Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2012. 608 p.
4. Bocharov S.G. «Obrechen bor'be verkhovnoi...» (Liricheskii mir Baratynskogo) ["Doomed to struggle of the Supreme..." (Lyrical world of Baratynsky)] // Bocharov S.G. O khudozhestvennykh mirakh [On Art worlds]. M., Sovetskaya Rossiya, 1985. pp. 69–123.
5. Vatsuro V.E. E.A.Baratynskii [E. Baratynsky] // Istoriya russkoi literatury: v 4-kh t. T. 2. [History of Russian literature: in 4 vols. Vol. 2.]. L., Nauka, Leningradskoe otdelenie, 1981. pp. 380–392.
6. Karamzin N.M. Polnoe sobranie sochinenii: v 18 t. T. 14: Stikhotvoreniya i stikhotvornye perevody. Proza 1780 – nachala 1790-kh godov. [Complete works: in 18 vols. Vol. 14: verses and verse translations. Prose of 1780 – early 1790s.]. M.: Terra – Book club, 2005. 432 p.
7. Kozlov V.I. «Summa elegii: «Osen'» E.A.Baratynskogo ["The amount of elegy": "Autumn" by E. Baratynsky] // Voprosy literatury [Questions of literature]. 2014. no. 4. pp. 253–272.
8. Kushner A.S. Apollon v trave [Apollo in the grass]. M., Progress-Pleyada, 2005. 632 p.
9. Lotman YU.M. Dve «Oseni» [Two "Autumns"] // YU.M. Lotman i tartusko-moskovskaya semioticheskaya shkola [Y. Lotman and the Tartu-Moscow semiotic school]. M., Gnozis, 1994. pp. 394–406.
10. Nepomnyashchii V.S. Kosmos Pushkina [Pushkin's space] // Nepomnyashchii V.S. Pushkin. Izbrannye raboty 1960-kh – 1990-kh godov [Pushkin. Selected works 1960-1990s]. M., AO «Moskovskie uchebniki», 2001. Vol. 1. pp. 435–494.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Алпатова Татьяна Александровна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской классической литературы Московского государственного областного университета
e-mail: alpatova2005@rambler.ru

Поташова Ксения Алексеевна – кандидат филологических наук, ассистент кафедры русской классической литературы Московского государственного областного университета
e-mail: kseniaslovo@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Tatiana Alpatova – doctor of Philological Sciences, associate professor, professor at the Department of the Russian Classical literature, Moscow Region State University;
e-mail: alpatova2005@rambler.ru

Kseniya Potashova – candidate of Philological Sciences, assistant at the Department of the Russian Classical literature, Moscow Region State University;
e-mail: kseniaslovo@yandex.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА:

Алпатова Т.А., Поташова К.А. Поэтический космос Е.А.Баратынского: стихотворение «Осень» в свете карамзинской традиции // Вестник Московского государственного областного университета. Серия Русская филология. 2016. № 5. С. 188-194.

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-5-188-194

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

T.Alpatova, K.Potashova. Poetic space of E. Baratynsky: the poem "Autumn" in the light of Karamzin's tradition // Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology. 2016. no. 5. pp. 188-194.

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-5-188-194

УДК 821.111

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-5-195-201

«ГОСТИ С ТОГО СВЕТА». СПИРИТИЗМ И ВИКТОРИАНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА: К ИСТОРИИ ВОПРОСА (ПО МАТЕРИАЛАМ БРИТАНСКОЙ ПЕРИОДИКИ 1850-1890-Х ГГ.)

Ахмедова Э.Т.

*Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
119991, Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация*

Аннотация. В данной статье анализируются материалы спиритической периодики в Великобритании 1850-1890-х гг. с точки зрения формирования специфических жанровых форм. Периодические издания, служившие для распространения и легитимации спиритизма, были вынуждены создавать новые и трансформировать уже существующие жанры, которые соответствовали бы их целям и задачам. Новые жанровые формы складываются в ходе взаимодействия разных дискурсов: естественно-научного, философско-морализаторского, религиозного и художественного.

Ключевые слова: спиритизм, литература, периодика, жанр, Великобритания, XIX век, викторианство.

“GUESTS FROM THE UNDERWORLD”. SPIRITUALISM AND VICTORIAN LITERATURE: A HISTORICAL BACKGROUND (A CASE STUDY OF BRITISH PERIODICALS IN 1850-1890S)

E. Akhmedova

*Lomonosov Moscow State University
1, Leninskie gory, Russian Federation, 119991*

Abstract. The article analyses British spiritualistic periodicals (1850-1890s) and the formation of specific genres within them. To meet their aims and purposes, periodicals that served for legitimation and promotion of spiritualism had to create new and transform already existing genres. These genres were developing in the process of interaction between different types of discourse – scientific, philosophical, religious and fictional.

Keywords: spiritualism, literature, periodicals, genre, Great Britain, 19th century, the Victorian era.

Общепринятой датой появления спиритизма считается 1848 год, когда сёстры Фокс из американского города Хайдесвилл объявили, что они «переговариваются» с призраком с помощью постукивания.

Медиумы впервые приехали на британские острова в 1852 году из США. Спиритические сеансы вскоре начали распространяться среди населения: появились медиумы-любители, во многих домах общение с духами стало обычным время-

препровождением. Постепенно начинают обозначаться разные варианты спиритизма. Условно можно выделить три основных направления спиритического учения: «христианский» («консервативный») спиритизм, «прогрессивный» («антихристианский») и «научный». Сторонники первого (распространённого среди британского среднего класса) называли себя «истинными христианами», признавали христианские доктрины и утверждали, что все чудеса, описанные в Библии, можно повторить на спиритическом сеансе. Более того, У. Ховитт в своей книге «История сверхъестественного» [8, р. 224] пишет, что все религии мира с древнейших времён основаны на фактах общения с призраками умерших, описанных как боги, ангелы, демоны и т. д. «Прогрессивный»¹ или «антихристианский» спиритизм пользовался популярностью, в основном, в провинции. Его сторонники признавали существование загробного мира, но отрицали присутствие там Бога и иных сверхъестественных существ, кроме призраков. В 1880-х гг. в спиритизме возникает направление, которое станет называться «психические исследования» (“psychical research”), целью которого являлось научное исследование феномена.

Периодика, посвящённая спиритизму, появляется уже в 1850-е гг. как ответ критике в центральных газетах и журналах, а затем для консолидации разрозненных адептов, обсуждения философских аспектов учения и привлечения новых сторонников.

¹ Термины «консервативный» и «прогрессивный» в данном случае являются условными, так как сторонники всех версий спиритизма считали свои учения новыми и отвечающими духу времени.

Большинство изданий быстро закрывались, но некоторые из них стали по-настоящему влиятельными и широко распространёнными. Это, прежде всего, еженедельная газета *The British Spiritual Telegraph* (1857–1859), создатели которой вскоре превратили её в ежемесячный журнал *Spiritual Magazine* (1860–1877). Большую роль в этих изданиях сыграл У. Ховитт (1792–1879), учёный, сторонник «христианского» спиритизма. Вместе с издателями (Ф. Питмэном, Т. Шортером и др.) он пытался оправдать спиритизм в глазах британского общества.

Spiritual Magazine остаётся лидирующим журналом на протяжении 1860-х гг., вплоть до появления газеты *The Spiritualist* (1869–1882) и *Medium and Daybreak* (1870–1895). Первая была направлена на исследование феномена спиритизма, как писал её главный редактор, У. Харрисон [9, р. 45]. Журнал *Medium and Daybreak* издавался Дж. Бёрнсом, сторонником «прогрессивного» антихристианского спиритизма и социализма.

В следующем десятилетии появляются два спиритических журнала, которые доживут до наших дней. Первый из них, *Light*, появляется в 1881 году как параллель, а затем и продолжение *The Spiritualist*. Э.Д. Роджерс, первый издатель журнала, стремился к объективности, анализу и размышлению, но его стремление к всеохватности приводило к эклектичности содержания. Газета *The Two Worlds*, также существующая по сей день (в журнальном формате), была основана Эммой Хардинг Бриттен, известным теоретиком спиритизма и медиумом. Её газета стала ведущим провинциальным спиритическим изданием, ориентировалась на

«прогрессивный» вариант спиритизма и пыталась объединить разные группы сторонников по всей стране.

Вскоре в спиритической периодике складываются устойчивые жанры, сохраняющие свою форму на протяжении десятилетий, в то время как их содержание меняется. Один из самых распространённых жанров – эссе, посвящённые рассуждениям о спиритизме, его сущности, космологии, взаимодействию с религиями, наукой и обществом. Внутри этого жанра тексты подразделяются по тематике на: а) философские, б) морализаторские, в) посвящённые описанию загробного мира и г) утверждающие общественный статус спиритизма. Вне зависимости от тематики в данном жанре можно выделить два поджанра: авторские статьи, написанные теоретиками спиритизма и публицистами, а также медиумами от своего лица, и «диктовки», полученные от медиумов в состоянии транса, подписанные именами призраков, якобы продиктовавших текст. Чаще всего как авторские статьи, так и «диктовки» появлялись на страницах журнала *Spiritual Magazine* и газеты *The Spiritualist*. В качестве примера первого поджанра можно привести философское эссе из журнала *Spiritual Magazine* «О вечности будущих наказаний» (“On the Eternity of Future Punishments”) [3], с подписью «Католик». В нём автор анализирует библейский текст, размышляет о соотношении спиритизма и христианства. Язык эссе достаточно сложный, прослеживается чёткая система аргументации.

Пример второго поджанра – текст под названием «Что такое истинный Эликсир жизни и Философский камень?» («What is the True Elixir of Life,

or the Philosopher’s Stone?») [11]. Он начинается с предисловия, где описаны обстоятельства получения самого «эссе», даётся характеристика медиума и призрака, передан диалог человека, записывающего «послание», с медиумом в трансе. Автор этого фрагмента не использует никаких средств выразительности, стремясь к эффекту реалистичности. Он замечает в самом начале, что призрак был викарием, и, действительно, эссе напоминает проповедь. В газете *The Spiritualist* авторы эссе акцентируются уже не на моральных и философских аспектах, а на общественном статусе спиритизма и его отношениях с оккультными движениями (например, теософией). К примеру, один из номеров 1878 года открывается лекцией У. Хэррисона «Спиритизм и современная культура» («Spiritualism and Modern Culture») [7]. Она сильно отличается от «проповедей» в первых номерах *Spiritual Magazine*, так как обращена уже не столько к адептам, сколько к учёным. В 1870-х меняются методы донесения материала, но цель остаётся той же – вписать спиритизм в современный контекст, заставить читателя поверить в то, о чём говорят адепты.

Специфическим для спиритической прессы жанром является и отчёт о спиритическом сеансе, появляющийся уже в 1850-х гг. Сеансы очень рано стали считаться экспериментами, – поэтому канон отчёта был похож на протокол эксперимента. Канон складывается достаточно быстро, к 1860-м гг., и не меняется десятилетиями. В первых, отчёты всегда написаны без использования средств выразительности, короткими фразами (как вышеупомянутое вступление к «статье

призрака»). Во-вторых, действия всегда перечислены в строго определённой последовательности. Сначала даётся круг лиц и место действия, указывается количество медиумов. Затем рассказывается, как участники-скептики проверили комнату на наличие скрытых механизмов, и обязательно уточняется, что ничего подобного не было найдено, а руки и ноги медиума были на виду у присутствующих. Далее изображаются «явления», происходившие на сеансе, в хронологическом порядке. Заканчивается отчёт чаще всего краткой оценкой сеанса или анонсом следующего. В качестве примера можно привести отчёт из одного из декабрьских номеров газеты *The Two Worlds* за 1887 год [4]. Повествование ведётся от первого лица, акцент сделан на «поведении» призраков, связанных с повествователем. Рассказчик сам выступает в качестве скептика. Все «явления» описываются предельно кратко, так как призраков, участвовавших в сеансе, было много. Даже призрак Милтона (автор сообщает, что он «сразу его узнал») описывается всего в двух предложениях. Те же правила построения отчёта мы видим и в краткой заметке о сеансе в декабрьской газете *The Spiritualist* от 1878 года [1]. Несмотря на небольшой объём, здесь указано место проведения сеанса, его участники, имя медиума, а также кратко перечислены все «явления».

Совершенно иначе выглядят статьи, рассказывающие о встречах людей с призраками и другими паранормальными явлениями вне сеансов. Сенсационные статьи, письма читателей, исторические статьи, различного рода «подборки» фактов (они появляются позднее в журнале *Light*), детективные

истории и даже тексты, близкие к агиографии – все эти формы использовались для того, чтобы передать историю о призраках, их явлениях и их предсказаниях. Например, в ноябрьском номере *The British Spiritual Telegraph* за 1857 г. присутствует рассказ о том, как сон о смерти самого спящего воплотился в реальности [2]. Сначала молодой человек видит сон, где на работе в угольной шахте на него падает камень. Когда он приходит на службу, практически сразу же его придавливает огромный валун. Описания падения камня и агонии умирающего были направлены на то, чтобы вызвать у читателей шок. Однако чаще всего в рассказах родственники видят привидение умирающего человека в тот момент, когда он на самом деле умирает, затем сверяют дату и время, когда произошло явление. Очень много подобных видений присутствует в письмах читателей – они называют имена и место действия своих историй, описывают изумление и печаль родственников. К примеру, в письме, опубликованном в апрельском номере *Spiritual Magazine* за 1860 г. [10], рассказывается о семье, в которой появился призрак сына, уехавшего в Австралию. Сначала родные принимают его за живого, но их смущает его поведение. Разгадка появляется лишь в последнем предложении, где говорится о его смерти.

Именно в этих статьях постепенно стирается грань между документальным и фикциональным письмом. Истории о встречах с призраками наиболее ярко демонстрируют, как проходило взаимодействие спиритической периодики с художественной литературой, начавшееся уже с 1850-х гг. В этих журнальных материалах для описания

встреч с призраками часто используются распространённые в то время литературные формульные элементы из готической традиции, детективов, мелодрам, рождественских рассказов и т. д. В свою очередь, литература 1880-х гг. заимствует уже сложившиеся в спиритической прессе жанровые формы. Яркие примеры – рассказ Э. Бульвер-Литтона «Призраки и жертвы» (1859), его роман «Странная история» (1862), а также роман Дж. Шеридана де Фаню «Всё во тьме» (1866) и «Роман двух миров» (1886) Мэри Корелли, где описывается путешествие главной героини по загробному миру.

В 1870-е гг. эта тенденция взаимовлияния только усиливается. Статья «Призрак настоятеля» (“The Rector’s Ghost”) [13] в январском номере *The Spiritualist* 1878 г. больше похожа на историю с привидениями (столь распространённую в то время), чем на повествование о реальных событиях, а её действие разворачивается в канун Рождества, что связывает его с традицией рождественского рассказа. Дух священника приходит в церковь в сочельник и застаёт там двух людей, которые тайком выпивали церковное вино.

В ноябрьском номере *The Spiritualist* 1878 г. рассказывается о расследовании убийства с помощью медиума [5]. Отличие от обычного детективного рассказа лишь в том, что в данном случае делается акцент на взаимодействие медиума с призраком (очевидцем событий). В газете *The Two Worlds* в одном из номеров 1888 г. [14] появляется история о «Привидении в башне», пугающем людей настолько, что они умирают. Недосказанность, определённый

антураж (замок, тёмное время суток) сближают эту историю скорее с художественным рассказом в готическом духе, чем с «журналистским расследованием».

Иногда неизвестные духи выступают в качестве «добрых волшебников», помогающих людям обрести счастье. В ноябрьском номере *The Spiritualist* 1881 г. помещается статья о принце, который с помощью духов находит свою будущую невесту [12]. И он, и она являются убеждёнными адептами спиритизма, что сразу характеризует их в данном контексте как положительных персонажей.

Несмотря на нараставшее сходство ряда материалов спиритической периодики с фикциональными жанрами, художественная проза почти не представлена в спиритической прессе. Однако в каждом номере обязательно присутствует поэзия. Стихи, как и эссе, могут быть авторскими и «надиктованными» призраками. Содержание чаще всего отражало мораль адептов спиритизма и их понимание устройства загробного мира. В декабрьском номере *The Spiritualist* за 1878 г. напечатано стихотворение, «переданное» через медиума Лиззи Дотен [6]. В нём описан весь путь души от лимба до ворот Рая по озеру Авернус (образ заимствован из «Энеиды» Вергилия; присутствуют и отсылки к «Божественной комедии» Данте Алигьери). В конце автор от лица ребёнка высказывает мораль всего произведения, выраженная и в заглавии: «Храма же я не видел в нём» (Откр. 21:22). В поэзии вообще часто присутствуют дети в качестве лирических героев или действующих лиц, а также ангелы или целые «сообщества» призраков.

Обращение к спиритической периодике 1850-1890-х гг. позволяет проследить, как увлечение спиритизмом повлияло на разные типы дискурсов поздневикторианской эпохи: научный, в рамках которого возникали дискуссии о «психических исследованиях» и сеансах-экспериментах; фило-софско-морализаторский (в общении

с призраками многие видели решение мировоззренческого кризиса); и, наконец, на художественную литературу. Спиритические издания стали для литературы своеобразной площадкой для поиска новых жанровых и стили-вых форм, соответствующих новому контенту.

ЛИТЕРАТУРА:

1. A Private Séance // *The Spiritualist*. 1878. December 27. P. 302.
2. Awful Fulfilment of a Dream // *The British Spiritual Telegraph*. 1857. November 1. P. 23.
3. Catholic. On the Eternity of Future Punishments // *Spiritual Magazine*. 1862. no. 3. pp. 122–126.
4. Chadwick A. Spirit Phenomena // *The Two Worlds*. 1887. December 30. P. 101.
5. Clairvoyance Used to Detect a Murderer // *The Spiritualist*. 1878. November 22. pp. 250–252.
6. Doten L. “And I saw no temple therein” // *The Spiritualist*. 1878. December 27. P. 302.
7. Harrison W. H. Spiritualism and Modern Culture // *The Spiritualist*. 1878. February 22. pp. 85–87.
8. Howitt W. *The History of Supernatural in All Ages and Nations*. L.: Longman, Green, Longman, Roberts, & Green, 1863. In 2 vols.
9. Oppenheim J. *The Other World: Spiritualism and Psychical Research in England, 1850-1914*. L.: Cambridge UP, 1985. 503 p. P. 60.
10. S. J. C. To the Editor of the “*Spiritual Magazine*” // *Spiritual Magazine*. 1860. N. 4. P. 191.
11. S. J. What is the True Elixir of Life, or the Philosopher’s Stone? // *Spiritual Magazine*. 1860. no. 3. pp. 110–112.
12. Signor Rondi. The Details of a Marriage Foretold by Spirits // *The Spiritualist*. 1881. November 11. pp. 235–237.
13. Stone Lucia C. The Rector’s Ghost // *The Spiritualist*. 1878. January 4. pp. 3–4.
14. The Tower Ghost // *The Two Worlds*. 1888. November 2. P. 652.

REFERENCES

1. A Private Séance // *The Spiritualist*. 1878. December 27. P. 302.
2. Awful Fulfilment of a Dream // *The British Spiritual Telegraph*. 1857. November 1. P. 23.
3. Catholic. On the Eternity of Future Punishments // *Spiritual Magazine*. 1862. no. 3. pp. 122–126.
4. Chadwick A. Spirit Phenomena // *The Two Worlds*. 1887. December 30. P. 101.
5. Clairvoyance Used to Detect a Murderer // *The Spiritualist*. 1878. November 22. pp. 250–252.
6. Doten L. “And I saw no temple therein” // *The Spiritualist*. 1878. December 27. P. 302.
7. Harrison W. H. Spiritualism and Modern Culture // *The Spiritualist*. 1878. February 22. pp. 85–87.
8. Howitt W. *The History of Supernatural in All Ages and Nations*. L.: Longman, Green, Longman, Roberts, & Green, 1863. In 2 vols.
9. Oppenheim J. *The Other World: Spiritualism and Psychical Research in England, 1850-1914*. L.: Cambridge UP, 1985. 503 p. P. 60.
10. S. J. C. To the Editor of the “*Spiritual Magazine*” // *Spiritual Magazine*. 1860. N. 4. P. 191.

11. S. J. What is the True Elixir of Life, or the Philosopher's Stone? // *Spiritual Magazine*. 1860. no. 3. pp. 110-112.
12. Signor Rondi. The Details of a Marriage Foretold by Spirits // *The Spiritualist*. 1881. November 11. pp. 235-237.
13. Stone Lucia C. The Rector's Ghost // *The Spiritualist*. 1878. January 4. pp. 3-4.
14. The Tower Ghost // *The Two Worlds*. 1888. November 2. P. 652.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ахмедова Эльнара Теймуровна – аспирант филологического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова;
e-mail: eternity999liberty@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Elnara Akhmedova – postgraduate student at the Philological department of Lomonosov Moscow State University;
e-mail: eternity999liberty@yandex.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Ахмедова Э.Т. «Гости с того света». Спиритизм и викторианская литература: к истории вопроса (по материалам британской периодики 1850-1890-х гг.) // *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология*. 2016. № 5. С. 195-201.
DOI: 10.18384/2310-7278-2016-5-195-201

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

E. Akhmedova. "Guests from the Underworld". Spiritualism and Victorian Literature: A Historical Background (a Case Study of British Periodicals in 1850-1890s) // *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*. 2016. no. 5. pp. 195-201.
DOI: 10.18384/2310-7278-2016-5-195-201

УДК 82-1/-9

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-5-202-213

АПОЛОГИЯ ИЛИ РАЗВЕНЧАНИЕ МИФА О НАПОЛЕОНЕ НА СТРАНИЦАХ «ВЕСТНИКА ЕВРОПЫ» Н.М. КАРАМЗИНА И ЭПОПЕИ «ВОЙНА И МИР» Л.Н. ТОЛСТОГО*

Блудилина Н.Д.*Федеральное государственное бюджетное учреждение науки**Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук**121069, Москва, Поварская, 25а, Российская Федерация*

Аннотация. В статье прослежена трансформация мифа о Наполеоне на страницах «Вестника Европы» (1802–1804) Н.М. Карамзина и романа-эпопеи «Война и мир» Л.Н. Толстого. В цикле статей о Наполеоне «Вестника Европы» Карамзин представляет разные психологические и художественные модели трансформаций образа Наполеона в прессе. Для Карамзина – будущего историка – это важно для возможного разрешения противоречия (уже назревающего исторического военного конфликта), которое существует в данной ему реальности, и которое сейчас ему невозможно разрешить иным путём, чем демифологизацией личности Бонапарта. Показать двойственность отношения к мифу Наполеона и развенчание его в общественном сознании александровской эпохи, опровержение мифа самой реальностью событий войны с французами было художественной задачей Толстого, одним из источников решения которой для писателя стал опыт Карамзина.

Ключевые слова: русская литература, XIX век, Н.М. Карамзин, журнал «Вестник Европы», Л.Н. Толстой, роман-эпопея «Война и мир», Наполеон, образ, миф.

APOLOGY OR DEBUNKING OF THE MYTH OF NAPOLEON ON THE PAGES OF THE N. KARAMZIN'S «ENVOY OF EUROPE» AND THE NOVEL «WAR AND PEACE» BY L. TOLSTOY

N. Bludilina*A. Gorky Institute of world literature**25a, Povarskaya Str., Moscow, Russian Federation, 121069*

Abstract. The article traced the transformation of the myth of Napoleon (apology or debunking) on the pages of N. Karamzin's «Envoy of Europe» (1802–1804) and the novel «War and peace» by Leo Tolstoy. In a series of articles about Napoleon in «Envoy of Europe» Karamzin presents different psychological and artistic transformation models of Napoleon's image in the press. For Karamzin as a future historian, this is important for possible resolution of a contradiction (already looming historical military conflict), that exists in reality given to him, and that now cannot be resolved in any other way, then by demythologization of the Bonaparte's identity. To

* Работа выполнена по исследовательскому проекту РГНФ № 15-04-0049 «Н.М. Карамзин: энциклопедический словарь».

© Блудилина Н.Д., 2016.

show the ambivalence towards the myth of Napoleon and debunking it in public consciousness of the Alexander era, and a refutation of the myth by reality of the war with the French was an artistic task of Leo Tolstoy.

Keywords: Russian literature, the 19th century, N. Karamzin, magazine «Envoy of Europe», L. Tolstoy, the novel «War and peace», Napoleon, image, myth.

Всплеск широкого общественного, культурного интереса к Н.М. Карамзину, вызванный его 250-летним юбилеем, помог «вновь» установить, что он «великий писатель во всём смысле этого слова», по пушкинскому определению, что не раз было отмечено в СМИ, и, разумеется, в многочисленных докладах на столь же многочисленных и разнообразных научных конференциях. Обозначено было исключительное влияние и самой личности Карамзина, и, несомненно, его творчества на современников и потомков.

Обратимся теперь к изысканиям прошлого. Ещё в XIX в. учёные помимо изучения его биографии исследовали также «образ мыслей Карамзина как историка», — А.Д. Галахов [10, с. 11]. В советское время к постановке проблемы значения карамзинского наследия для русских писателей, прежде всего, для Л.Н. Толстого первым обратился в своих историко-литературных исследованиях Б.М. Эйхенбаум. Важно отметить, что задачу литературоведения он видел не в воссоздании замкнутых в себе эпох прошлого, а в изучении постоянно действующих законов исторической динамики. Эйхенбаум выдвигает мысль о творческой связи Толстого-художника не столько с современной ему литературой, сколько с литературой конца XVIII в., утверждая, что более всего Толстой сближается с Карамзиным [21].

Известный историк культуры и литературовед Ю.М. Лотман утверждал,

что созданные Карамзиным жанры, сюжеты, конфликты и характеры были своего рода «генетическим кодом», определившим развитие русской литературы на много десятилетий, связи с его творчеством «в форме ли полемики, преодоления влияния или продолжения традиции» знаменуют целый этап русской литературы [15, с. 312].

Сам Карамзин весьма иронично относился к проблеме «влияния». 3 ноября 1810 г. он писал П.А. Вяземскому: «...Тургенева, Жуковского смело называю в Петербурге друзьями, хотя первого редко видим, а второго почти никогда; первый занимается движением, второй – сидением: пишет академическую речь ... о влиянии etc. Это богатый предмет: не правда ли? Мы все произошли от влияния; всё зависит от влияния и проч. Это самое академическое влияние...» [13, с. 312]

Из современных работ, близких нашей теме, стоит отметить кандидатскую диссертацию Н.А. Спектор «Н.М. Карамзин в художественном сознании Л.Н. Толстого» (1998), которая прослеживает линию формирования жанра «Войны и мира» и возможность того, что в этом процессе определённую роль сыграло знакомство Толстого с «Историей государства Российского» Карамзина [17]. Статьи Н.М. Карамзина из «Вестника Европы» в качестве источника влияния на эпопею ей не исследуются.

Докторская диссертация Л.А. Сапченко «Творческое наследие Н.М. Ка-

рамзина: проблемы преемственности» (2003) представляет научный интерес для нашей темы, особенно глава вторая «Творческая личность Карамзина в оценке русских писателей» и шестая «Продолжение и переосмысление проблематики “Писем...” в альманахе Карамзина “Аглая” и в материалах “Вестника Европы”. Пути художественной трансформации карамзинских текстов русскими писателями» [16]. Во введении к диссертации исследовательница пишет, развивая раннюю идею Эйхенбаума: «Проблема осмысления того значения, которое имело наследие Н.М. Карамзина для русской литературы последующих десятилетий, приобрела в наши дни особую актуальность. Если историко-литературная наука XIX столетия замыкала Карамзина в рамках его времени, отмечая всё же его первенство во многих начинаниях, то современное литературоведение, охватывая творчество Карамзина в историко-литературной перспективе, выявило колоссальную роль его личности и его произведений для новых поколений писателей» [16, с. 1-2].

В диссертациях Н.А. Спектор и Л.А. Сапченко положительно были отмечены и ранние научные труды автора данной статьи по подходу к рассматриваемой теме [2; 3], где доказывалось знание и чтение Толстым «Вестника Европы» (1802–1804) и утверждалось: «Публицистические сочинения Карамзина (помимо других источников) помогли Толстому художественно воссоздать в “Войне и мире” общественное сознание александровской эпохи в его развитии» [3, с. 127].

Задача данной статьи – проследить трансформацию мифа о Наполеоне

(апология или развенчание) на страницах «Вестника Европы» Н.М. Карамзина и эпопеи «Война и мир» Л.Н. Толстого. Актуальность подобного исследования подтвердили доклады отечественных и французских учёных на недавно состоявшемся (3–5 октября 2016 г.) в Институте мировой литературы им. А.М. Горького РАН международном симпозиуме «Наполеоновские мифы в мировой культуре: эпистемология, аксиология, репрезентации в литературе, историографии, искусстве». Процесс мифологизации личности Наполеона в литературе, искусстве и литературоведении, несмотря на некоторое ослабление влияния этого мифа на современность, не окончен и по сей день.

Платон определял миф как вымысел, который социум считает фактом. Подобное понимание ближе всего к феномену создания мифа Наполеона в общественном сознании романтически настроенных молодых людей из высшего общества александровской эпохи как их «коллективных» и личных представлений. Карамзин жил в эту эпоху. Мыслитель и писатель видел, наблюдал этот феномен, изучал и прекрасно воспроизвёл его трансформацию в «Вестнике Европы» (1802–1804), что нами отчасти было рассмотрено в статье «“Дух нового времени” в публицистических статьях Н.М. Карамзина в “Вестнике Европы”» [1, с. 81-92]. Временная дистанция и иная творческая задача была у Толстого: художественное воссоздание этого феномена в «Войне и мире» в духовно-нравственных исканиях молодых героев, и создание реалистического образа Наполеона. Дальнейший анализ текстов: статей из карамзинского издания и основного

текста и черновых вариантов «Войны и мира» (позволяющих увидеть художественную мысль Толстого в развитии), – покажет, что отношение к мифу о Наполеоне и у Карамзина, и у героев «Войны и мира» было совсем неоднозначным.

«Война и мир» (основной текст) начинается французской фразой о Бонапарте-антихристе: он открывает действие, являясь одной из самых важных и динамичных фигур сюжета; служит антитезой другому историческому персонажу – Александру I. Высокую миссию России герои романа (основной текст) видят в спасении Европы от этого узурпатора власти, таково мнение придворной знати из светского салона Анны Павловны Шерер, которая убеждена, что именно в этом и высокое призвание Александра I: «Нашему доброму чудному государю предстоит величайшая роль в мире, и он исполнит своё призвание задавить гидру революции, которая ещё ужаснее в лице этого убийцы и злодея» [18, т. 4, с. 9].

Здесь ярко выражена художественная оппозиция Наполеон – Александр I, этическое противопоставление: «зло – добро», далее – и национальное: «он француз – мы русские».

Антитеза Наполеон и Александр I в цикле статей, посвящённых Наполеону в «Вестнике Европы», составила организующее начало этической и политической позиции Карамзина, как автора, так и редактора.

Для издателя «Вестника Европы» это было противопоставление «тёмного» политического гения – Бонапарта (хотя «гений и злодейство», безусловно, для Карамзина, как и для Пушкина, «две вещи несовместные»)

и «светлого» политического гения – Александра I¹.

Материал о Бонапарте появляется в первых же номерах «Вестника Европы», но это свидетельствует не о «бонапартистском» направлении журнала, а об интересе читающей и думающей публики александровского времени к столь важной политической фигуре в международных делах, и издатель, в соответствии с общественными задачами журнала, знакомит читателей с загадочным для них пока образом французского консула.

В № 8 «Вестника Европы» за 1802 г. Карамзин публикует «Письмо о консуле Бонапарте» (без подписи), словесный портрет будущего героя (или антигероя, каждый из читателей волен сделать выбор сам), наглядно демонстрируя, как формируется миф о Наполеоне: «Всякий портрет и бюст сего редкого человека должны быть похожи; но никакое изображение не представит его совершенно. Можно ли кистью или резцом изобразить огонь глаз и какую-то неизъяснимую любезность рта его? В приёме и обхождении он чрезвычайно холоден и даже застенчив; на всякого человека, ему представляемого, устремляет быстрый

¹ В статье ««Дух нового времени» в публицистических статьях Н.М. Карамзина в «Вестнике Европы»» мы опровергли сложившееся априорное мнение у некоторых исследователей [14, с. 20], что «Вестник Европы» журнал «откровенно бонапартистский», в котором личность и политику Наполеона Карамзин рассматривает как показательный пример для Александра I, противопоставляя сильного правителя Наполеона слабому правителю Александру I. Доказав, что в этой антитезе Наполеона – Александра I, их надо поменять местами: слабый правитель (Наполеон) – сильный правитель (Александр I), согласно пониманию их роль в истории для Карамзина [1].

взор – потупляет глаза в землю, и редко взглядывает в другой раз, слушает с великим вниманием, и всего более удивляет тем французов; отвечает коротко и нерешительно, так что из слов его нельзя ничего заключить об успехе дела» [4, с. 343].

Для главных героев «Войны и мира», молодых либералов Андрея Болконского и Пьера Безухова, в начале эпопеи Бонапарт – герой и кумир, «гений военного искусства», «самый великий человек древней и новой истории» [19, с. 195-196]. В сцене обеда у молодого князя Волконского (черновой вариант начала «Войны и мира») его жена невольно выдаёт присутствующим слабость мужа: «Нет портрета, нет бюста Наполеона, которого не было у Andre, – сказала княгиня, – посмотрите у него в кабинете» (пер. с франц.) [19, с. 197].

В приведённом выше «Письме о консуле Бонапарте» и в других исследуемых нами ранее и ниже статьях «Вестника Европы» («День консула Бонапарта, из записок одной немецкой дамы, живущей в Париже» [5], «Письмо из Парижа. Приём в Сен-Клу. (Из нем. журнала)» [6], «Цезарь, Кромвель и Бонапарте (Из англ. “Ведомостей”)» [9]) можно предположить отчасти авторство Карамзина, который по всем отзывам европейской прессы создаёт некий собирательный психологический портрет Бонапарта, сначала иронично-восторженный, из которого очень явственно видны черты великого лицедея, играющего пока в многозначительность и загадочность «редкого человека», который на глазах изумлённой публики скоро превратится в «великого человека», но у которого уже «ни одна черта не изобра-

жает отменного человека» [5, с. 307]. Это не просто один из знаменитых парадоксов гения. Карамзин как писатель представляет разные психологические и художественные модели трансформаций образа Бонапарта в прессе, оформленные им в логическую цепь превращений от создания мифа (далее загадочный образ постепенно проясняется и вызывает явную неприязнь) до его развенчания (прозрение наступило в 1804 г., когда произошло полное превращение «маленького капрала» в императора). Для Карамзина, будущего историка, это важно для возможного разрешения противоречия (уже назревающего исторического военного конфликта), которое существует в данной ему реальности и которое сейчас ему невозможно разрешить иным путём, нежели демифологизацией личности Бонапарта. Это приводит к появлению в статьях о Наполеоне определённого числа слоёв, которые раскрываются по суживающейся спирали, развивая во времени и пространстве (представлен взгляд из России, Франции, Германии, Англии) этот ментальный феномен, пока миф не будет развенчан.

Многие горячие головы и тщеславные сердца молодых людей александровского времени были романтически увлечены славой Бонапарта, которую они ошибочно принимали за величие. Развенчание этого мифа реальностью событий войн с наполеоновской армией 1805 и 1812 гг. была художественной задачей Толстого.

В романе «Война и мир» не случайно старый князь Болконский с насмешкой над «новыми людьми» и увлечением сына «великим полководцем» с твёрдым убеждением пожившего на свете

человека говорит, что «Бонапарте был ничтожный французишка, имевший успех только потому, что уже не было Потёмкиных и Суворовых противопоставить ему», для вельможи екатерининской эпохи «Буонапарте» – «холопский император» [18, т. 4, с. 142–143]. В отчасти беспомощном (не услышан, не смог убедить) крике старика сыну, идущему на войну: «Ступай же ты к Буонапарте своему», – утверждение, что их спор рассудит сама жизнь, грядущая война [18, т. 4, с. 144].

Но и у «молодых» героев эпопеи величие Бонапарта вызывает иногда сомнения. Пьер (в черновых вариантах романа) возражает князю Андрею на его восклицание: «Что ни говорите, он самый великий человек древней и новой истории» – «Это ваш герой. Не понимаю, как можно так любить человека нехорошего... Ну, уж это наша слабость, *le petit caporal* (маленький капрал)» [19, т. 13, с. 196, 197].

Возможно, что именно статьи из «Вестника Европы» помогли Толстому передать в романе всю сложность восприятия Бонапарта современниками: он показывает взгляд на него всех слоёв русского общества.

Мнение старого князя Болконского справедливо, но он ещё не видит всей полноты опасности властолюбия Наполеона, «пустого человека» (хотя он первый, кто поймёт и выскажет эту сущность «маленького капрала» [18, т. 4, с. 142–143], готового ввергнуть в хаос войны всю Европу. У персонажей романа, лишённых собственного мнения и придерживающихся официального, Бонапарт – узурпатор законной власти, «корсиканское чудовище, которое возмущает спокойствие Европы». Роялист-эмигрант виконт Мортемар

убеждает светское общество в салоне у Шерер, что поступки Бонапарта – «...шулерство, вовсе не похожее на образ действий великого человека», с ним тут же соглашается князь Ипполит: «Выскачка, что ни говорите» (пер. с франц.) [18, т. 4, с. 29].

В первой сцене романа официальное великосветское мнение оспаривают убеждённые бонапартисты Андрей и Пьер, их не смущает даже то, что для достижения своих целей Наполеон совершает убийство – казнь герцога Энгиенского. Пьер оправдывает это злодейство тем, что это «была государственная необходимость; и я именно вижу величие души в том, что Наполеон не побоялся принять на себя одного ответственность в этом поступке»; «один Наполеон сумел понять революцию, победить её, и потому для общего блага он не мог остановиться перед жизнью одного человека»; «Наполеон велик, потому что он стал выше революции, подавил её злоупотребления, удержав все хорошее – и равенство граждан, и свободу слова и печати только потому приобрёл власть» [18, т. 4, с. 27]. Якобинские взгляды Пьера тут же оспариваются всем обществом, кроме князя Андрея: «Как, месье Пьер, вы видите в убийстве величие души?» [18, т. 4, с. 28]. Заблуждения молодого человека очевидны даже для маленькой княгини Болконской: «А пленные в Африке, которых он убил? <...> Это ужасно!» [18, т. 4, с. 29]. Князь Андрей приходит к другу на помощь: «...надо в поступках государственного человека различать поступки частного лица, полководца или императора. <...> Наполеон как человек велик на Аркольском мосту, в госпитале в Яффе, где он чумным подаёт руку, <...> но есть дру-

гие поступки, которые трудно оправдать» [18, т. 4, с. 29–30].

В черновых вариантах начала «Войны и мира» полярность отношения к Наполеону не столь явно выражена. Толстой пытался там передать все оттенки восприятия Бонапарта молодыми людьми, будущими участниками походов против его армии. Князь Андрей признаётся другу: «Нет на свете человека, которого я так бы ненавидел и которым бы так восхищался, как им. Вот мой откровенный взгляд на него» (пер. с франц.) (13, 197); и далее поясняет: «...ненавидел, как врага законной монархии, и обожал, как величайшего полководца мира» [19, т. 13, с. 198].

В другом варианте текста Толстой поясняет, как создавался миф – романтический ореол вокруг фигуры Бонапарта и французской революции, идеи, которую он олицетворял для юных умов: «Я понимаю и твоё одушевление к революции, – говорит князь Андрей Пьеру. – Я аристократ, да, но я люблю великое во всём. Я не разделяю этих мыслей, но тут есть поэзия, я понимаю. Я понимаю, как можно обожать такого человека, как *le petit caporal*, хотя и не обожаю его, и с у доволствием пойду драться против него» [19, т. 13, с. 231].

Напомним, Карамзин в № 20 «Вестника Европы» за 1804 г. публикует статью, развенчивающую романтические представления его молодых современников-либералов и о Наполеоне, и о французской революции – «Цезарь, Кромвель и Бонапарте (Из англ. “Ведомостей”): «Поработить народ именем вольности, предаться всем злодеяниям, твердя о добродетели: вот первые начала науки революционной! Известно, какую силу имеют слова над умами толпы народной, но ещё может

быть и не довольно примечено, сколь далеко простирается сила их в отношении к тем, которые почитают себя чуждыми общих предрассудков, потому что воспользовались ими. <...> Г. Бонапарте, подобно Цезарю, уничтожил Республику, подобно Кромвелю восхитил престол своего государя; подобно тому и другому покусился присвоить себе царское достоинство – но здесь оканчивается сравнение» [9, с. 335]. Отличие Наполеона от других тиранов автор статьи видит лишь в том, «что г. Бонапарте рассудил за благо поступить совсем иначе: он дерзнул стать на ряду с государями, но мы уверены, что он от страха не назвался королём французов. Г. Бонапарте польстил себя надеждою, что титул императорское, новое для французов, не возбудит в них, подобно королевскому, напоминаний, для него страшных...» [9, с. 337–338].

Толстой в черновых вариантах отмечал, что, описывает «то самое время, когда у нас в России человек с маленькими ручками и орлиным носом звали Буонапарте... когда отвращение к святотатцу, осквернившему престол святого Лудовика и мученика Лудовика, соединялось с презрением к нему...» [19, т. 13, с. 71–72].

В первой сцене романа (основной текст) новость о короновании Бонапарта обсуждается собравшимся у А.П. Шерер великосветским обществом: «Но как вы находите эту последнюю комедию коронации в Милане? – сказала Анна Павловна. – ... И господин Бонапарте сидит на троне и исполняет желания народов. <...> Нет, от этого можно с ума сойти. Подумаешь, что весь свет потерял голову. <...> Надеюсь, что это была, наконец,

та капля, которая переполнит стакан. Государи не могут более терпеть этого человека, который угрожает всем» (перевод с франц.) [18, т. 4, с. 25].

Ответ эмигранта виконта Мортемара хозяйке салона звучит отрезвляюще безнадежно: «Государи! Они шлют послов приветствовать похитителя престола». Он же иронично-презрительно доказывает Пьеру всю глупость его речей о величии революции и её идей: «Да, идеи грабежа, убийства; и царев убийства. <...> Свобода и равенство ... все громкие слова, которые уже давно компрометировались. Кто же не любит свободы и равенства? Ещё спаситель наш проповедывал свободу и равенство. Разве после революции люди стали счастливее? Напротив. Мы хотели свободы, а Бонапарте уничтожил её» (перевод с франц.) [18, т. 4, с. 26].

Поучения виконта, на себе испытавшего воплощение в реальности «идей» французской революции, очень напоминают начало статьи из «Вестника Европы», цитированной выше, – «Цезарь, Кромвель и Бонапарте».

Совсем иначе «эта последняя комедия» воспринимается князем Андреем Болконским, у него лицедейство Наполеона вызывает восхищение: «“Бог дал мне корону. Горе тому, кто её тронет”. <...> Говорят, он был очень хорош, произнося эти слова» (перевод с франц.) [18, т. 4, с. 25].

С точкой зрения Карамзина на загадку величия Наполеона, отчётливо высказанную в указанных выше статьях, и особенно с его утверждением: «...какую силу имеют слова над умами толпы народной», почти полностью совпадает оценка Толстым мифа о Бонапарте в начале романа: «Подумаешь, что весь свет потерял голову» [18, т. 4, с. 25].

В черновых вариантах «Войны и мира», определяя характерные черты александровской эпохи, Толстой даёт ясное объяснение психологическому феномену возвышения Бонапарта: «Это было то время, когда Наполеон уже убедился, что не нужно ума, постоянства и последовательности для успеха, что нужно только твёрдо верить в глупость людскую, что в сравнении с людской глупостью и ничтожеством всё будет величием, когда верят в него. Он не обдумывал, а делал то, что ему первое приходило в голову, подстраивая под каждый поступок систему и называл сам каждый свой поступок великим ... и все бились проникать глубочайший, сокрытый смысл его поступков, и никто не думал о том, что кроме проявлений прихотливых желаний человека смысла никакого не было. Но он верил в себя, и весь мир верил в него» [19, т. 13, с. 58].

Повторим, что в статьях «Вестника Европы» антитезой «тёмному» правителю-тирану, разрушителю спокойствия народов Европы – Наполеону является «светлый» мудрый монарх, который «читит древний образ своего правления» и «безопасность и счастье своего народа» – Александр I. В 1804 г. Карамзин опубликовал в своём журнале в № 3 статью «Первые годы царствования Александра I». В ней «последним превращениям французского правления» противопоставлен идиллический образ России «под кроткою державою» Александра I: «Где господствует тишина и спокойствие, где земледелие и промышленность подают друг другу руки; где правитель и граждане согласно текут путём своим; там народ благодетельствует под мудрым правлением» [7, с. 64]. Здесь уже созда-

ётся своеобразный миф об Александре I и начале его царствования.

На опровергнутое нами «заявление» отдельных исследователей, что «Вестника Европы» «бонапартистский журнал», можно представить как аргумент следующее утверждение, что журнал Карамзина «монархический». В 1804 г. Карамзин во внезапном превращении французского правления из республиканского консульского в монархическое увидел подтверждение «давно уже всеми признанной истины», «что государство обширное и великое не может и не должно быть республикою» [7, с. 65].

Монархизм в то время исповедовало почти всё высшее сословие России, обожание своего монарха было естественным. Для А.П. Шерер, Жюли Карагиной и других верноподданных персонажей «Войны и мира» Александр I был «ангелом, которого всемогущий в своей благодати поставил над нами повелителем», он всегда для них, как помазанник Божий, противостоит «корсиканскому чудовищу» и «антихристу», воплощающему разрушительные силы тьмы [18, т. 4, с. 9, 127].

Только захваченные либеральным духом молодые герои Андрей и Пьер убеждены в обратном, хотя князь Болконский в силу своего аристократического происхождения в душе – монархист. Это именно о них и их взглядах, о новом разрушительном духе времени сказано в начале романа: «...свет потерял голову» [18, т. 4, с. 25].

Где искать истоки этих заблуждений молодых умов России?

И Карамзин, и Толстой видят их в иностранном воспитании целого поколения русских дворян, выросших на любви к Франции.

«Мы осыпаны, можно сказать, обременены благодеяниями господ французов, – с иронией отмечал Карамзин в «Вестнике Европы» за 1804 г. в № 16. – Никто не сомневается, с какими трудностями сопряжена обязанность приучать грубых северных жителей произносить в нос французское п, заставляя вытверживать вокабулы и ощупью по пути непорочному и непроходимому вести нас к храму просвещения» [8, с. 658].

Толстой в начальных вариантах «Войны и мира» особенно подчёркивал, что это было «то время», «когда лестно и славно казалось быть французом, когда у нас в России во всех семействах хвастались друг перед другом своими французами-губернёрами, дамы в Петербурге бегали за секретарями французского посольства, когда все говорили по-французски лучше самих французов и спорили за французов и Наполеона» [19, т. 13, с. 183].

Для Карамзина, погружившегося в изучение русской истории, пора просветительских мечтаний и надежд периода издания «Вестника Европы» подошла к концу, наступила пора разочарования и переосмысления прошедшего перед лицом будущих испытаний «духа» нации «грозой двенадцатого года». Плоды его глубоких размышлений и анализа современности «Вестника Европы» в сопоставлении с развитием истории осуществились в его историко-публицистическом сочинении 1811 г. «Записка о древней и новой России», в которой автор выразил более зрелый и нелюбимый взгляд историка на александровское правление и его реформы: «Можно было угадать следствия... Но отчего такая перемена в системе? Узнали опасное

властолюбие Наполеона? А дотол не знали его?..»; «...каким образом изъясним горестное расположение умов? Несчастливыми обстоятельствами Европы и важными, как думаю, ошибками правительства, ибо, к сожалению, можно с добрым намерением ошибаться в средствах добра» [12, с. 49-51]. С историком Карамзиным в спор в первых томах «Войны и мира» вступают

жаждущие перемен более молодые, либеральные его «литературные» современники – князь Андрей Болконский и Пьер Безухов, которые на страницах эпопеи пройдут свой путь разочарования в своём герое Наполеоне и переосмысления смысла исторических событий своего времени через испытания их «духа» «грозою двенадцатого года».

ЛИТЕРАТУРА:

1. Блудилина Н.Д. «Дух нового времени» в публицистических статьях Н.М. Карамзина в «Вестнике Европы» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2015. № 5. С. 81-92.
2. Блудилина Н. Д. Литературные источники романа Л. Н. Толстого «Война и мир». (Художественно-документальная проза): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1994. 27 с.
3. Блудилина Н.Д. Толстой и Карамзин // Н.М. Карамзин. Юбилей 1991 г. Сборник научных трудов. М., 1992. С. 127-135.
4. Вестник Европы, издаваемый Николаем Карамзиным. М.: в Университетской типографии у Люби, Гария и Попова, 1802. № 8. С. 293-395.
5. Вестник Европы, издаваемый Николаем Карамзиным. М.: в Университетской типографии у Люби, Гария и Попова, 1803. № 12. С. 239-323
6. Вестник Европы, издаваемый Николаем Карамзиным. М.: в Университетской типографии у Люби, Гария и Попова, 1803. № 18. С. 85-162.
7. Вестник Европы, издаваемый Николаем Карамзиным. М.: в Университетской типографии у Люби, Гария и Попова, 1804. № 3. С. 175-240.
8. Вестник Европы, издаваемый Николаем Карамзиным. М.: в Университетской типографии у Люби, Гария и Попова, 1804. № 16. С. 239-347.
9. Вестник Европы, издаваемый Николаем Карамзиным. М.: в Университетской типографии у Люби, Гария и Попова, 1804. № 20. С. 263-347.
10. Галахов А.Д. Карамзин как оптимист // Отечественные записки. 1858. Т. 116. № 1. С. 107-146.
11. Галахов А.Д. Образ мыслей Н.М. Карамзина как историка // Вестник Европы. Т. IV. 1866. Декабрь. С. XXXIII–LVIII.
12. Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в её политическом и гражданском отношениях. М., 1991.
13. Карамзин Н. М. Избранные статьи и письма. М., 1982. 128 с.
14. Кувшинова Н. В. Нравственные основания мировоззренческих идей Н.М. Карамзина: автореф. дисс. ... канд. филос. н. Шуя, 2009. 22 с.
15. Лотман Ю.М. Эволюция мировоззрения Карамзина (1789–1803) // Лотман Ю.М. Карамзин. Сотворение Карамзина. Статьи и исследования 1957–1990. Заметки и рецензии. СПб., 1997. 832 с.
16. Сапченко Л.А. Творческое наследие Н.М. Карамзина: проблемы преемственности: дисс. ... д-ра филол. н. М., 2003. 463 с.

17. Спектор Н.Б. Н.М. Карамзин в художественном сознании Л.Н. Толстого: дисс. ... канд. филол. наук. Иваново, 1998. 209 с.
18. Толстой Л.Н. Собр. соч.: в 22 т. М., 1978.
19. Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений: в 90 тт. М., 1953.
20. Фадеева И.И. Образ Наполеона Бонапарта в журнале Н.М. Карамзина «Вестник Европы» // Экстремизм, конфликты и войны: история и современность. Труды международной конференции. 2010. С. 154-156.
21. Эйхенбаум Б.М. Молодой Толстой. Пб.; Берлин: Изд-во З.И. Гржебина, 1922. 156 с.

REFERENCES

1. Bludilina N.D. «Dukh novogo vremeni» v publitsisticheskikh stat'yakh N.M. Karamzina v «Vestnike Evropy» ["The new Zeitgeist" in N. Karamzin's publicistic articles in the "Envoy of Europe"] // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology]. 2015. no. 5. pp. 81–92.
2. Bludilina N.D. Literaturnye istochniki romana L. N. Tolstogo «Voina i mir». (KHudozhestvenno-dokumental'naya proza): avtoref. diss. ... kand. filol. nauk [Literary sources of the novel by L. Tolstoy "War and peace": abstr. from candidate of Philological Sciences thesis]. M., 1994. 27 p.
3. Bludilina N.D. Tolstoy i Karamzin [Tolstoy and Karamzin] // N.M. Karamzin. Yubilei 1991 g. Sbornik nauchnykh trudov [N. Karamzin. The anniversary of the 1991. Collection of scientific papers]. M., 1992. pp. 127–135.
4. Vestnik Evropy, izdavaem Nikolae Karamzinym [Envoy of Europe, published by Nikolay Karamzin]. M., v Universitetskoi tipografii u Lyubi, Gariya i Popova, 1802. pp. 293–395.
5. Vestnik Evropy, izdavaemyi Nikolaem Karamzinym [Envoy of Europe, published by Nikolay Karamzin]. M., v Universitetskoi tipografii u Lyubi, Gariya i Popova, 1803. pp. 239–323.
6. Vestnik Evropy, izdavaemyi Nikolaem Karamzinym [Envoy of Europe, published by Nikolay Karamzin]. M., v Universitetskoi tipografii u Lyubi, Gariya i Popova, 1803. pp. 85–162.
7. Vestnik Evropy, izdavaemyi Nikolaem Karamzinym [Envoy of Europe, published by Nikolay Karamzin]. M., v Universitetskoi tipografii u Lyubi, Gariya i Popova, 1804. pp. 175–240.
8. Vestnik Evropy, izdavaemyi Nikolaem Karamzinym [Envoy of Europe, published by Nikolay Karamzin]. M., v Universitetskoi tipografii u Lyubi, Gariya i Popova, 1804. pp. 239–347.
9. Vestnik Evropy, izdavaemyi Nikolaem Karamzinym [Envoy of Europe, published by Nikolay Karamzin]. M., v Universitetskoi tipografii u Lyubi, Gariya i Popova, 1804. pp. 263–347.
10. Galakhov A.D. Karamzin kak optimist [Karamzin as an optimist] // Otechestvennye zapiski [Domestic Notes]. 1858. Vol. 116. no. 1. pp. 107–146.
11. Galakhov A.D. Obraz myslei N.M. Karamzina kak istorika [Way of thinking of N. Karamzin as a historian] // Vestnik Evropy. T. IV. 1866. Dekabr'. S. XXXIII–LVIII. [Envoy of Europe. Vol. IV. 1866. Dec. pp. XXXIII–LVIII.].
12. Karamzin N.M. Zapiska o drevnei i novoi Rossii v ee politicheskom i grazhdanskom otnosheniyakh [A note about ancient and new Russia in its political and civil relations]. M., 1991.
13. Karamzin N.M. Izbrannye stat'i i pis'ma [Selected articles and letters]. M., 1982. 128 p.
14. Kuvshinova N.V. Nравственные основания мировоззренческих идей Н.М. Карамзина: автореф. дисс. ... канд. филос. наук [Moral basis of philosophical ideas of N. Karamzin: abstr. from candidate of Philological Sciences thesis]. Shuya, 2009. 22 p.
15. Lotman YU.M. Evolyutsiya mirovozzreniya Karamzina (1789–1803) [The evolution of Karamzin's outlook (1789-1803)] // Lotman YU.M. Karamzin. Sotvorenie Karamzina. Stat'i

- i issledovaniya 1957–1990. Zametki i retsenzii [Y. Lotman. Karamzin. The Creation of Karamzin. Articles and studies of 1957-1990s. Notes and reviews]. SPb., 1997. 832 p.
16. Sapchenko L.A. Tvorcheskoe nasledie N.M. Karamzina: problemy preemstvennosti: diss. ... dokt. filol. nauk: 10.01.01 [The creative legacy of N. Karamzin: the problem of continuity: doctor of Philological Sciences thesis: 10.01.01]. M., 2003. 463 p.
17. Spektor N.B. N.M. Karamzin v khudozhestvennom soznanii L.N. Tolstogo: diss. ... kand. filol. nauk: 10.01.01 [Karamzin in the artistic consciousness of L. Tolstoy: doctor of Philological Sciences thesis: 10.01.01]. Ivanovo, 1998. 209 p.
18. Tolstoy L.N. Sobr. soch.: v 22 t. [Coll. of works: 22 vols]. M., 1978.
19. Tolstoy L.N. Polnoe sobranie sochinenii: v 90 tt [Complete works: in 90 vols]. M., 1953.
20. Fadeeva I.I. Obraz Napoleona Bonaparta v zhurnale N.M. Karamzina «Vestnik Evropy» [The image of Napoleon Bonaparte in N. Karamzin's magazine] // Ekstremizm, konflikty i voiny: istoriya i sovremennost' [Extremism, conflict and war: history and modernity]. Proceedings of the international conference, 2010. pp. 154–156.
21. Eikhenbaum B.M. Molodoy Tolstoy [Young Tolstoy]. SPb., Berlin, Izd-vo Z.I.Grzhebina, 1922. 156 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Блудилина Наталья Даниловна – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН
e-mail: dilinata@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Natallya Bludilina – Doctor of Philological Sciences, Senior Researcher at A. Gorky Institute of world literature, Russian Academy of Sciences;
e-mail: dilinata@mail.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Блудилина Н.Д. Апология или развенчание мифа о Наполеоне на страницах «Вестника Европы» Н.М. Карамзина и эпопеи «Война и мир» Л.Н. Толстого // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2016. № 5. С. 202-213.
DOI: 10.18384/2310-7278-2016-5-202-213

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

N. Bludilina. Apology or debunking of the myth of Napoleon on the pages of the N. Karamzin's «Envoy of Europe» and the novel «War and peace» by L. Tolstoy // Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology. 2016. no. 5. pp. 202-213.
DOI: 10.18384/2310-7278-2016-5-202-213

УДК 821.161.1.09 Лермонтов М.Ю.
DOI: 10.18384/2310-7278-2016-5-214-224

МЕТАМОРФОЗЫ СВЯЗЕЙ АВТОРОВ С ЛИТЕРАТУРНЫМИ ГЕРОЯМИ: М.Ю. ЛЕРМОНТОВ И Е.А. ГАН («КНЯЖНА МЕРИ» И «МЕДАЛЬОН»)

Дорожкина М.А.

*Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация*

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о связи творчества таких разномасштабных писателей, как М.Ю. Лермонтов и Е.А. Ган, сходство светских повестей «Княжна Мери» и «Медальон». Причина видится в контактных связях и в таком явлении, как интертекстуальность. Сходство описаний пейзажей продиктовано объективной близостью творчества писателей одного и того же времени (1837–1838 гг.), местом (Пятигорск, Кисловодск), общим кругом знакомых, близкими условиями общественной и литературной жизни, независимо от осознания этой связи самими авторами. Ключом к возможным «заимствованиям» становится журнал О.И. Сенковского «Библиотека для чтения», который читал Лермонтов и в котором печаталась Ган. «Заимствования» Лермонтова нельзя назвать заимствованиями в полном смысле этого слова, это была творческая переработка, сознательное усвоение поэтом чужих текстов. Заметная общность картин жизни в повестях «Княжна Мери» Лермонтова и «Медальон» Ган позволяет глубже понять общественно-исторический ход развития литературы конца 30-х годов XIX века. Схожие впечатления породили близкие друг другу эстетические и идейные формы творчества писателей.

Ключевые слова: М.Ю. Лермонтов, светская повесть, «Княжна Мери», Е.А. Ган, интертекстуальность, «Медальон», Кавказ, картины жизни.

METAMORPHOSES OF CONNECTIONS OF AUTHORS WITH LITERARY HEROES: M. LERMONTOV AND E. GAN ("PRINCESS MARY" AND "MEDALLION")

M. Dorozhkina

*Moscow State Region University
10A Radio St., Moscow, Russian Federation, 105005*

Abstract. The article presents the issue of literary work connection of two different-scale writers M. Lermontov and E. Gan – the similarity of two secular novels "Princess Mary" and "Medallion". The reason for similarity seems to lie in typological connections and borrowings. The likeness of landscape descriptions, manners and way of life of "water society" is based on typological connections which are imposed by objective congeniality of literary works of these writers who lived in the same time period (1837–1838), same place (Pyatigorsk, Kislovodsk), who had a mutual circle of friends and similar social and literary living conditions. The answer to the question about the borrowings is Senkovsky's magazine "Library for reading" which published

some works by Gan and was read by Lermontov. Lermontov's borrowings cannot be called pure borrowings, they were creatively transformed. Tracing the typological connections and borrowings of Lermontov's "Princess Mary" and Gan's "Medallion" enables us to understand social and historical way of literature development in the late 30s of 19th century. The similar conditions evoked resembling aesthetic and ideological forms in the writers' works.

Keywords: M. Lermontov, secular novels, "Princess Mary", E. Gan, "Medallion", borrowings, contacts connections, Caucasus, pictures of life.

Вопрос о связи творчества таких разномасштабных писателей, как М.Ю. Лермонтов и Е.А. Ган – сходстве светских повестей «Княжна Мери» и «Медальон» – уже затрагивался в лермонтоведении. В 1919 г. в неопубликованной работе «Эпизод из истории русского романтизма...» академик А.И. Белецкий заметил, что «Медальон», «упредивший на год "Героя нашего времени"», «любопытно» совпал «в ряде моментов с эпизодом "Княжны Мери"»¹. Современный исследователь А.В. Очман также указывает: «Есть веская, фактически трудно доказуемая таинственная связь между "Медальоном" и текстом "Княжны Мери"». [10].

В лермонтоведении установлено, что Лермонтов включал в свои произведения отдельные понравившиеся ему выражения других авторов, перерабатывал сюжеты. Среди источников лермонтовских заимствований были такие русские авторы, как М.В. Ломоносов, В.А. Жуковский, К.Н. Батюшков, А.С. Пушкин, Н.В. Гоголь, А.И. Полежаев, А.И. Подолинский, И.И. Козлов и др. К изучению проблемы заимствований Лермонтова обращались М.Н. Розанов, Б.М. Эйхенбаум, Л.Я. Гинзбург, Д.Д. Благой, С.Н. Дурылин, В.Э. Вацууро, Г.Е. Горланов. Никто из выше перечисленных исследователей не отрицает на-

личия заимствований Лермонтовым. Проблема заключается в том, чтобы определить их роль в его творчестве, понять причины, побудившие обратиться к чужим текстам.

Целью статьи стало выявление связи между светскими повестями «Княжна Мери» и «Медальон» двух разномасштабных писателей. Совпадение или это явление можно назвать «заимствованием» Лермонтова?

«Княжна Мери» была напечатана в первом отдельном издании романа «Герой нашего времени» в 1840 г. В нём показаны время и жизнь современного Лермонтову дворянского общества, нравы и быт посетителей Кавказских минеральных вод. По жанровой характеристике «Княжна Мери» относится к «светской повести» 1830-х годов. Лермонтов использует светскую жизнь как рамку, ему важно показать внутреннюю жизнь героя, его рефлексии. Из воспоминаний Н.М. Сатина известно, что летом 1837 года в Пятигорске Лермонтов уже «писал свою "Княжну Мери" и зорко наблюдал за встречающимися ему личностями» [14, с. 250]. Ган работала над «Медальоном» в 1838 г., а опубликовала повесть в 1839 г.

По признанию Ган, она «видела» Лермонтова, знала о нём по рассказам своей двоюродной сестры Е.А. Сушковой. Доказательств знакомства Ган и Лермонтова не существует. В ИРЛИ РАН хранится рукописная копия пись-

¹ Белецкий А.И. Эпизод из истории русского романтизма. Русские писательницы 1830–1860-х гг. РО ИРЛИ, ф. Р1, оп. 2, № 44.

ма Ган к сестре Е.А. Фадеевой об истории отношений Е.А. Сушковой и Лермонтова¹. «С Катей (Е.А. Сушкова. – М. Д.) я довольно сошлась, она меня любила и дала тайную историю своей жизни, большая тетрадь, а то бы я переписала, вот участь необыкновенная, редкий в романах случай»². Этот же отрывок из письма был воспроизведён в воспоминаниях Е.А. Сушковой-Хвостовой [13]. Ган пишет о Лермонтове: «И я видела его несколько раз, дивилась ей, *mais les goûts on ne dispute pas* («но о вкусах не спорят») (фр.). – М. Д.), по крайней мере, он правду сказал, что похож на сатану, точно маленький чертёнок с двумя углями вместо глаз, чёрный кучерявый и вдобавок в красной куртке»³. «...Его я знаю лично, его зовут – Лермонтов. Умная голова! Поэт, красноречив. Нехорош собою, какое-то азиатское лицо, но южные, пламенные глаза, и ловок, как бес!..» [5, с. 743]. В то же время В.П. Желиховская, дочь Ган, пишет о том, что её мать вряд ли могла быть знакома с Лермонтовым. Ган читала дневник Сушковой, следовательно, была знакома со стихотворениями, адресованными ей Лермонтовым; также она могла прочитать поэму «Хаджи Абрек», напечатанную в 1835 г. в «Библиотеке для чтения».

Летом 1837 г. Лермонтов был в Пятигорске, там же в это время с семьёй была Ган. В мае 1837 г. писательница вместе с двумя маленькими дочерьми,

сестрой и отцом покинула Петербург и отправилась в Астрахань, где её отец, А.М. Фадеев, в то время служил главным попечителем кочующих народов. В Астрахани к ним присоединилась мать, и они поехали в Пятигорск, в который прибыли 16 июня 1837 г., и пробыли на водах до сентября. Весной 1838 года Ган с матерью и детьми во второй раз едет на Кавказ. Результатом поездки стали повести «Воспоминания Железноводска» и «Медальон», в которых отразились кавказские впечатления. Второе лето, проведённое на водах, Ган вспоминает с большой душевной теплотой и радостью: «Я была почти счастлива на Кавказе, особенно в Кисловодске; каждый день августа начертан золотыми письменами в книге моего бытия» [4, с. 60]. Писательница упоминает в письмах «приятный круг людей», «чудесные дни, прожитые на Кавказе», «прекрасное небо» и «очаровательную природу». В круг общения Ган вошли декабрист и писатель А.И. Одоевский, декабристы С.И. Кривцов, Н.Р. Цебриков, А.Е. Розен, В.М. Голицын, доктор Н.В. Майер, ставший прототипом доктора Вернера в «Княжне Мери». С Майером Ган состояла в переписке, по её просьбе он прислал ей собрание сочинений А.А. Бестужева-Марлинского с портретом.

В творческой судьбе Ган немаловажную роль сыграл О.И. Сенковский – редактор «Библиотеки для чтения», журнала, в котором она напечатала почти все свои повести. Лермонтов был знаком с Сенковским. В 1838 г. на свадьбе Е. Сушковой Сенковский стал посажёным отцом, бабушка поэта, Е.А. Арсеньева, – посажёной матерью, а Лермонтов, по одной из версий, – шафером. Тремя годами ранее, в 1835 г., поэма «Хаджи Абрек» Лермонтова

¹ Ган Е.А. Письмо сестре Е.А. Фадеевой (копия) Б.д. // НИОР ИРЛИ РАН. Ф. 524. Оп. 4. № 112. 3 лл.

² Ган Е.А. Письмо сестре Е.А. Фадеевой (копия) Б.д. // НИОР ИРЛИ РАН. Ф. 524. Оп. 4. № 112. 3 лл. л. 1.

³ Ган Е.А. Письмо сестре Е.А. Фадеевой (копия) Б.д. // НИОР ИРЛИ РАН. Ф. 524. Оп. 4. № 112. 3 лл. Л. 3 об.

была опубликована без ведома автора в «Библиотеке для чтения». Из повести «Предубеждение» Сенковского, напечатанной в 1834 г. в «Библиотеке...», Лермонтов заимствовал фамилию, слегка изменив её, и черты героя Шприха для своей драмы «Маскарад», которую начал писать в 1835 г. (У Сенковского – Шпирх). Отношение к журналу Сенковского отражены в размышлении Печорина о своей судьбе в «Княжне Мери»: «Уж не назначен ли я ею в сочинители мещанских трагедий и семейных романов – или в сотрудники поставщику повестей, например, для “Библиотеки для чтения”?» [6, с. 301]. Из этого следует, что Лермонтов читал журнал «Библиотека для чтения», в котором публиковалась Ган.

Над повестью «Медальон», которая появилась в 1839 году в «Библиотеке для чтения» [2], Ган работала, по своему признанию, всего две недели [8, с. 364]. Первоначально произведение имело подзаголовок «Записки одной больной на тёплых водах». Такая поспешность не могла не отразиться на качестве работы. «Записок» как таковых не получилось. Этот жанр предполагает исповедальность и дневниковость. Ни того, ни другого в «Записках» нет, зато вышла «светская повесть», оригинальная по своей композиции: две истории, объединённые общими героями. Нужно заметить, что «Княжна Мери» Лермонтова является дневником Печорина и традиционно рассматривается как светская повесть, а роман «Герой нашего времени» композиционно состоит из пяти «историй», относящихся к разным повествовательным жанрам (рассказ, повесть, новелла).

Ган начала писать «Медальон» на Кавказе, с большим перерывом закон-

чила её уже дома. «Был месяц для этого, я закончила ещё одну повесть, события которой почти все происходят на Кавказе. <...> Но, что касается повести, в ней есть какой-то недостаток, и я не знаю какой. Но я не решаюсь посылать её Сенковскому, а мне не удаётся уловить недостаток в этом. У меня нет совершенно никого, кто бы мог оценить повесть, и так досадно! Я послала её в Астрахань и жду их критики»¹, – писала Ган Кривцову. «Посылаю вам новую повесть, которую я начала ещё летом, на Кавказе, но по болезням моим и моих детей, не могла кончить по сю пору. Даже теперь не могла всю списать своей рукой, и боюсь, чтобы незнакомый почерк не затруднил вас. В этой повести, в первом отделении, я не успела в том, что затеяла; мне хотелось в противоположность второму отделению, сделать его живым, блестящим, остроумным; но из этого ничего не вышло. Вижу, что мне недостаёт знания светских разговоров, этой болтовни, которая забавляется, ничего не выражая. Посылаю её вам, надеюсь, что вы не откажетесь исправить мои грехи. Заметив по “Джеллаледину”, что мои многословные рассуждения вам не нравились, я старалась избегать их, и в этой повести, кажется, вы их не встретите» [12, с. 515], – обращалась она к Сенковскому.

Художественное построение повести двухчастное: две истории, одна в другой, связанные между собой общим героем. Первая – история соблазна, вторая – история мести. Место действия первой части – деревня, а затем Москва, действие второй части – Кавказские воды. Сначала события

¹ Ган Е.А. Письмо Кривцову С.И. от 10 января 1839 г. // ГАРФ. Ф. 1710. Ед. хр. 27. Оп. 1.

происходят в Пятигорске, потом переносятся в Кисловодск, так же, как и в «Княжне Мери». В середине XIX века было принято начинать курс лечения водами в Пятигорске, а затем продолжать его в Кисловодске. Три главных героя составляют любовный треугольник: баронесса Энгельсберг, её сестра Олимпия и князь Юрьевич.

Для удобства последующего рассуждения необходимо обратиться к ключевым событиям и обстоятельствам, изображённым в повести. В «Медальоне» представлены «две великодушные, любящие женщины против одного негодяя, изверга-мужчины. Одна из них, жертва обольщения коварного светского человека, ослепла от слёз, узнав его вероломство; другая, сестра её, привлекает его тонким кокетством, влюбляет в себя, и, когда он готов на всё, даже жениться на ней, отказывается от выгодной партии, она читает ему, при многочисленном обществе, будто бы сочинённую ею повесть, а в самом деле, рассказ о его преступном поступке с её сестрою, открывает медальон и показывает ему портрет его жертвы, своей слепой сестры... Модный изверг, смущённый и взбешённый, вполне почувствовал ядовитую горечь женского мщения...» [1, с. 659], – такова в общих чертах фабульная канва повести в изложении В.Г. Белинского.

Образ князя Юрьевича – штриховой карандашный набросок, выполненный быстрой рукой. Герой обозначен только внешне без прорисовки. Читатель никогда не узнает природы дурных сторон его характера: было ли это результатом неправильного воспитания или влияния каких-то внешних факторов, в том числе светского общества. «Промотавшись, как говорится, в пух и прах, он

вспомнил о забытом дяде, старом холостяке, и решился подвергнуть себя временному рабству, которое обещало ему золотой выкуп. Добрый старик, тронутый покорностью и мнимым раскаянием племянника, принял его, обласкал, даже сосватал за него богатую невесту, дочь своего задушевного приятеля, ручаясь, что его племянник составит счастье милой институтки» [3, с. 12]. Князь цинично признаётся друзьям, что женится не на женщине, а на её четырёх тысячах душ, и сразу же после свадьбы отправляется в Париж. Таким он появляется на первых страницах повести. История князя Юрьевича и его дяди, которому он всем обязан, напоминает ситуацию, в которой оказался пушкинский Евгений Онегин.

Также прослеживается сходство князя Юрьевича с другим литературным персонажем – Печориным. Об этом косвенно говорит фамилия героя Ган – князь Юрьевич, которая отсылает к отчеству Лермонтова. Князь Юрьевич и Печорин – герои своего времени. Разница лишь в том, что Ган не прописывает социальный подтекст, не рассматривает личность своего персонажа в контексте общества и эпохи, у неё нет задачи выявить влияние на формирование человека всего, что его окружает. И в этом она является сторонницей романтизма. Писательница изображает личность героя как некую данность, в статике, вне развития, в отличие от Лермонтова, которого интересовала не столько личность как таковая, сколько «история души человеческой». Поэтому образ Печорина глубок и объёмен, в сравнении со штриховым наброском характера князя Юрьевича. Академик А.И. Белецкий отметил, что князь

Юрьевич кажется карикатурой Печорина¹ [1, с. 255].

«Нужно ли говорить об его особе, об его характере? Увы, подобные характеры не редки!» [4, с. 11], – восклицает Ган. «Избалованный в юношестве, он и в мужском возрасте сохранил самоуверенность, настойчивость и все прихоти маменькина сынка. Слова *жизнь* и *наслаждение* были для него тождественны». Мир казался князю Юрьевичу «колыбелью, женщины – цветами, которыми он играл, тешился, ощипывая их по прихоти и вплетая в бесконечную гирлянду своих побед» [3, с. 11]. Это созвучно со словами Печорина о том, что «есть необъятное наслаждение в обладании молодой, едва распустившейся души! Она как цветок, которого лучший аромат испаряется навстречу первому лучу солнца; его надо сорвать в эту минуту и, подышав им досыта, бросить на дороге: авось кто-нибудь поднимет» [6, с. 294]. Литературовед А.И. Белецкий видел

в образе князя Юрьевича карикатуру, «он не умел ещё ко всему... охладеть, как Онегин, но успел во всё... внести холодную рефлексию, как Печорин»².

Действия «Медальона» и «Княжны Мери» разворачиваются на Кавказе (Кисловодск, Пятигорск), поэтому в текстах Ган и Лермонтова встречаются похожие места в описаниях природы и нравов «водяного общества».

У Ган и Лермонтова есть описание вида с одного и того же места на краю города у подножия Машука, с которого открывается панорамный вид на Пятигорск и горы. Печорин «... нанял квартиру на краю города...». Это автобиографическая деталь. Лермонтов писал М.А. Лопухиной 31 мая 1837 года: «У меня здесь очень славная квартира; из моего окна я вижу каждое утро всю цепь снеговых гор и Эльбрус. И, сейчас, покуда пишу это письмо, я иногда останавливаюсь, чтобы взглянуть на этих великанов, так они прекрасны и величественны» [6, с. 730].

М.Ю. Лермонтов	Е.А. Ган
Вчера я приехал в Пятигорск, нанял квартиру на краю города, на самом высоком месте, у подошвы Машука: во время грозы облака будут спускаться до моей кровли. <...> На запад пятиглавый Бештау синее, «как последняя туча рассеянной бури»; на север поднимается Машук, как мохнатая персидская шапка, и закрывает всю эту часть небосклона; на восток смотреть веселее: внизу передо мною пестреет чистенький новенький городок, шумят целебные ключи, шумит разноязычная толпа, – а там, дальше, амфитеатром громоздятся горы всё синее и туманнее, а на краю горизонта тянется серебряная цепь снеговых вершин, начинаясь Казбеком и оканчиваясь двуглавым Эльбуром... [6, с. 260-261].	Вот баронесса дома... Она отворяет окно и садится подле в кресло. Перед ней на скате горы чернеет спящий город, кое-где в домах мелькают ещё огоньки или свечи... Постепенно грохот экипажей стихает, огни гаснут, и только изредка прерывают тишину бряцание сабли о стремя проезжего казака, бой городских часов, да ключи, спущенные в ночную пору, шумят, сбегая по камням в долину. Вот из-за противоположного утеса появляется светлая полоса; она всё светлее и светлее; она разливает сияние по небу, и полная, серебристая луна всплывает на край горизонта: при лучах её сверкает вдали широкий ручей; за ним возвышаются чёрные холмы, а далеко над ними белеют нежные очертания снежных гор, едва обозначенных в тёмных небесах [3, с. 33-34].

¹ Белецкий А.И. Эпизод из истории русского романтизма. Русские писательницы 1830–1860-х гг. РО ИРЛИ, ф. Р1, оп. 2, № 44. С. 255.

² Белецкий А.И. Эпизод из истории русского романтизма. Русские писательницы 1830–1860-х гг. РО ИРЛИ, ф. Р1, оп. 2, № 44. С. 225.

С этими описаниями интересно сравнить отрывок из «Писем с Кавказа», напечатанных в «Московском телеграфе» в 1830 г.: «Домик, в котором живём мы, стоит на высоте, господствующей над всем местечком. Сзади, над самую голову нашу возвышается Машуха, покрытая лесом и кустарником; внизу перед нами, как в панораме, поставлен Горячеводск, так что все крыши домов пересчитать можно... Прямо через них взор упирается в скалу, на которой построены Александровские и Ермоловские ванны. Немного правее видна мутная Подкумка; за нею необозримая степь, на коей местами возвышаются горы, похожие видом на курганы или насыпи. Далее, в ясную погоду виден Эльбрус, со всею цепью гор Кавказских, которые, как шатры,

белеются на небосклоне и блестящими льдистыми верхами подпирают свод неба» [9, с. 182-183].

Кавказские пейзажи Ган уступают по своей художественности Лермонтовским. Картины природы в «Медальоне» носят описательный и эстетический характер. «Об одном прошу, – вы не прогневайтесь на меня за это? – если можно, не вычеркните в первом отделении дорассветной прогулки на вершину Машука и грозы под Кисловодском, – это такие приятные минуты для меня, что я желала бы перечитать их в печати» [12, с. 515], – обращалась Ган к Сенковскому. У Лермонтова иная задача: психологическая, философская.

Лермонтов и Ган рисуют схожие типы «водяного общества».

М.Ю. Лермонтов	Е.А. Ган
...Я пошёл бульваром, где встретил несколько печальных групп, медленно поднимающихся в гору; то были большею частию семейства степных помещиков; об этом можно было тотчас догадаться по истёртым, старомодным сюртукам мужей и по изысканным нарядам жён и дочерей.... <...>. Наконец вот и колодец... Несколько раненых офицеров сидели на лавке, подобрав костыли, – бледные, грустные. Несколько дам скорыми шагами ходило взад и вперёд, ожидая действия вод. Между ними были два-три хорошеньких личика. Под виноградными аллеями, покрывающими скат Машука, мелькала порою пёстрая шляпка любительницы уединения вдвоём, потому что всегда возле такой шляпки я замечал или военную фуражку, или безобразную круглую шляпу [9, с. 262].	Бульвар такой имеет свою оригинальность. Тут вы полюбуетесь на прекрасные личики под шляпками последней моды; встретите и молодых fashionables с гвардейскими отворотами или в модных визитных сюртуках, с лорнетами, хлыстиками, с причёсками а la mougick, а la coq effarouche; увидите толпы раненых слегка, с рыцарскими перевязями, с милою гримасой на устах, и тяжело раненных, которые, забывшись, не схватят простреленною рукой стула, чтобы подать вам его с приветствием. Подле смуглого черкеса в косматой шапке, вооружённого с головы до ног, будто на бегу, смиренно шествует мирная семья помещиков, которые ехали два месяца из отдаленной губернии на своих и привезли с собою запоздалые моды и наречье своего уезда [4, с. 13-14].

Точность описаний «водяного общества» Лермонтова и Ган подтверждают свидетельства мемуаристов: «В то время съезды на кавказские воды были многочисленны, со всех концов России. Кого, бывало,

не встретишь на водах?.. Со всех концов России собираются больные к источникам, в надежде, и большею частью справедливой, исцеления. Тут же толпятся и здоровые, приехавшие развлечься – поиграть в картишки.

С восходом солнца толпы стоят у целительных источников со своими стаканами. Дамы с грациозным движением опускают на беленьком снурочке свой стакан в колодезь; казак с ногойкой через плечо, обыкновенной его принадлежностью, бросает свой стакан в тёплую вонючую воду и потом, залпом выпив какую-нибудь десятую порцию, морщится и не может удержаться, чтобы громко не сказать: «чёрт возьми, какая гадость!» Легко больные не строго исполняют предписания своих докторов держать диету, и я слышал, как один из таких звал своего товарища на обед, хвастаясь ему, что получил из колонии двух славных поросят и велел их изжарить к обеду» [7, с. 681-682].

Сцена во время верховой прогулки в грозу, описанная Ган, по ситуации напоминает сцену между Печориным и княжной Мери на Подкумке. Ган в письме к Кривцову признавалась: «...Я описала несколько наших прогулок, грозу, которая застигла нас под Кисловодском. Мне доставило истинное удовольствие воскресение в моей памяти часов столь приятных»¹.

Герои повестей (у Лермонтова – Печорин, у Ган – баронесса Энгельсберг) на вечере рассказывают истории любви. Печорин делает это для того, чтобы привлечь внимание Веры, таким образом он просит прощение за своё «кокетство» с княжной Мери. Цель баронессы Энгельсберг – месть. Она хочет, чтобы поступок князя Юрьевича был осуждён обществом, а сам «злодей» наказан. Использование вставных элементов в повествовательное полотно произведения – дань моде романтизма.

¹ Ган Е.А. Письмо Кривцову С.И. от 10 января 1839 г. ГАРФ. Ф. 1710. Ед. хр. 27. Оп. 1.

Разница существенная в подходе к реализации этого приёма. У Лермонтова реализм в психологизме: он передаёт не саму историю, а описание рассказа истории («я рассказал...», «я изобразил...»), собственно, эта история ему нужна, чтобы попросить прощение у Веры; Ган следует романтическому канону: баронесса Энгельсберг читает якобы придуманную ей историю в качестве доказательства истинности по-казывает медальон.

Можно выявить следующие связи в текстах Лермонтова и Ган: 1) жанровые (произведения являются светскими повестями); 2) исповедальный, дневниковый характер повествования (у Лермонтова – это журнал Печорина; Ган делает подзаголовок «Записки одной больной на тёплых водах»); 3) тип героя (Печорин и князь Юрьевич); 4) мотив обольщения и соблазнения (у Ган линия Олимпия – князь Юрьевич, у Лермонтова Мери – Печорин); 5) вставные элементы (истории любви, рассказанные Печориным и баронессой Энгельсберг); 6) конкретно-историческая основа сближаемых явлений в описании нравов «водяного общества»; 7) отдельные сцены (прогулка на лошадях); 8) описание природы Кавказа; 9) изображённое время – лето 1837–1838 гг.

Причина сходства повестей «Княжна Мери» и «Медальон» видится в непроизвольности совпадений и сближений, «литературности» стиля Лермонтова, в таком явлении, как интертекстуальность. Сходства описаний пейзажей, нравов и быта «водяного общества» основаны на контактных связях, которые продиктованы изображаемым временем (лето 1837–1838 гг.), местом (Пятигорск, Кисловодск),

общим кругом знакомых, независимо от осознания этой связи самими писателями. Разгадка кроется в формуле: «чужое – моё сокровище» (К.Н. Батюшков), т. е. в сознательном усвоении поэтом чужих текстов. Ключом может стать журнал Сенковского «Библиотека для чтения», в котором была напечатана повесть «Медальон» Ган. В лермонтоведении не отрицается вопрос о том, что Лермонтов черпал образы, сюжетные ходы, отдельные сцены в литературном творчестве других писателей (русских и западноевропейских), как, например, в ситуации с героем Сенковского Шпирхом.

В целом установка контактных

связей Лермонтова и Ган и интертекстуальности «Княжны Мери» и «Медальона» позволяет глубже понять общественно-исторический и духовно-культурный ход развития литературы конца 30-х годов XIX века. Схожие впечатления, обстоятельства реальности породили близкие друг другу эстетические и идейные формы творчества писателей. У писателей совпал сам «предмет» изображения, его «антураж». Но творчество Лермонтова – это творчество художника-реалиста, тогда как Ган в истории литературы осталась на периферии русского романтизма.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: в 13 т. М.: АН СССР, 1953–1959. Т. VII. С. 649–678.
2. Ган Е.А. Медальон // Библиотека для чтения. Т. 34. 1839. Май-июнь. Отд. I. С. 17–134.
3. Ган Е.А. Медальон // Полное собрание сочинений Зенеиды Р-вой. СПб. Т. 2. 1843. С. 11.
4. Гершензон М.О. Материалы по истории русской литературы и культуры: русская женщина 30-х годов // Русская мысль. 1911. № 12. Отд. III. С. 54–73.
5. Желиховская В.П. М.Ю. Лермонтов и Е.А. Сушкова в письмах Е.А. Ган // Русская старина. 1887. Т. 53.
6. Лермонтов М.Ю. Княжна Мери // Лермонтов М.Ю. Сочинения: В 6 т. М.; Л., Т. 6. 1957.
7. Лорер Н.И. Из записок // Русский архив. 1874, кн. 2, С. 681–682.
8. Некрасова Е.С. Елена Андреевна Ган (Зенеида Р-ва). 1814–1842. Биографический очерк // Русская старина. 1886. Т. LI. № 8. С. 335–374.
9. Письма с Кавказа // Московский телеграф. 1830. Май, № 10, С. 182–183.
10. Очман А.В. Елена Ган и Михаил Лермонтов («Медальон» и «Княжна Мери» [Электронный ресурс] // Пятигорский государственный университет [сайт]. URL: http://pglu.ru/upload/iblock/737/uch_2014_vi_31.pdf (дата обращения: 28.06.2016).
11. Сатин Н.М. Отрывки из воспоминаний // М.Ю. Лермонтов в воспоминаниях. М.: Художественная литература, 1964. 584 с.
12. Старчевский А.В. Роман одной забытой романистки // Исторический вестник. 1886. Т. 25. № 9. С. 509–531.
13. Сушкова Е.А. Записки. М.: Захаров, 2004. 304 с.

REFERENCES

1. Belinskii V.G. Poln. sobr. soch.: v 13 t. T. VII [The complete works in 13 Vols. Vol. VII] M., AN SSSR, 1953–1959. pp. 649–678.
2. Gan E.A. Medal'on [Medallion] // Biblioteka dlya chteniya. T. 34. Otd. I. [Library for reading. Vol. 34. Part. I.]. 1839. pp. 17–134.
3. Gan E.A. Medal'on [Medallion] // Polnoe sobranie sochinenii Zeneidy R-voi. T. 2 [The

- complete works of Zeneida R-voy. Vol. 2]. SPb., 1843. P. 11.
4. Gershenzon M.O. Materialy po istorii russkoi literatury i kul'tury: russkaya zhenshchina 30-kh godov [Materials on the history of Russian literature and culture: a Russian woman in 30s] // Russkaya mysl' [Russian thought]. 1911. no. 12. Part III. pp. 54–73.
 5. Zhelikhovskaya V.P. M.YU. Lermontov i E.A. Sushkova v pis'makh E.A. Gan [Lermontov and E. Sushkova in the letters of E. Gan] Russkaya starina. T. 53 [Russian Old Times. Vol. 53]. M., 1887.
 6. Lermontov M.YU. Knyazhna Meri [Princess Mary] // Lermontov M.YU. Sochineniya: V 6 t., T. 6 [M. Lermontov. Works: In 6 vols. Vol. 6]. M.; L., 1957.
 7. Lorer N.I. Iz zapisok [From the notes] // Russkii arkhiv. 1874, kn. 2 [Russian archive. 1874, book 2nd]. pp. 681–682.
 8. Nekrasova E.S. Elena Andreevna Gan (Zeneida R-va). 1814–1842. Biograficheskii ocherk [Elena Andreevna Gan (Zeneida R-va). 1814–1842. Biographical essay] // Russkaya starina [Russian Old Times]. 1886. Vol. LI. no. 8. pp. 335–374.
 9. Pis'ma s Kavkaza [Letters from the Caucasus] // Moskovskii telegraf [Moscow telegraph]. 1830. Mai, no. 10. pp. 182–183.
 10. Ochman A.V. Elena Gan i Mikhail Lermontov («Medal'on» i «Knyazhna Meri» [Elektronnyi resurs] [Elena Gan and Mikhail Lermontov ("Medallion" and "Princess Mary" [Electronic resource]) // Pyatigorskii gosudarstvennyi universitet [sait]. [Pyatigorsk State University [website]]. URL: http://pglu.ru/upload/iblock/737/uch_2014_vi_31.pdf (request date 28.06.2016)
 11. Satin N.M. Otryvki iz vospominanii [Excerpts from the memoirs] // M.YU. Lermontov v vospominaniyakh [M. Lermontov in the memories]. M., Khudozhestvennaya literatura, 1964. 584 p.
 12. Starchevskii A.V. Roman odnoi zabytoi romanistki [A novel of a forgotten novelist] // Istoricheskii vestnik [Historical bulletin]. Vol. 25. 1886. no. 9. pp. 509–531.
 13. Sushkova E.A. Zapiski [Notes]. M., Zakharov, 2004. 304 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Дорожкина Мария Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры методики преподавания русского языка и литературы Московского государственного областного университета;
e-mail: 490a@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Maria Dorozhkina – candidate of Philological Sciences, associate professor at the Department of Methods of Teaching Russian and Literature in Moscow Region State University;
e-mail: 490a@mail.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Дорожкина М.А. Метаморфозы связей авторов с литературными героями: М.Ю. Лермонтов и Е.А. Ган («Княжна Мери» и «Медальон») // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2016. № 5. С. 214-224.
DOI: 10.18384/2310-7278-2016-5-214-224

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

M. Dorozhkina. Metamorphoses of connections of authors with literary heroes: M. Lermontov & E. Gan ("Princess Mary" & "Medallion") // Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology. 2016. no. 5. pp. 214-224.
DOI: 10.18384/2310-7278-2016-5-214-224

УДК 82-17-9

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-5-225-232

«СТАРОСВЕТСКИЕ ПОМЕЩИКИ» Н.В. ГОГОЛЯ: МИР ПОСЛЕ КОНЦА**Егорова С.О.***Волгоградская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации
400089, г. Волгоград, ул. Историческая, 130, Российская Федерация*

Аннотация. В статье рассматриваются эсхатологические значения повести Н.В. Гоголя «Старосветские помещики» в рамках сочетающихся в ней сентименталистской и фольклорно-мифологической моделей мира. В общем смысловом контексте «Миргорода» сентименталистская «идиллия» рождается в результате гибели волшебного-олицетворенной сердцевины земли, изображенной в «Вие». Гибель же идиллии происходит вследствие того, что в сознании её обитателей образ волшебного-олицетворенной земли остаётся источником смертного зова.

Ключевые слова: идиллия, сентиментализм, конец мира, эсхатология, волшебное-олицетворенная земля, смертный зов, матриархат, вечное детство.

**“THE OLD WORLD LANDOWNERS” BY N. GOGOL:
THE WORLD AFTER THE END****S. Egorova***Volgograd Academy of the Interior Ministry of Russian Federation
130, Istoricheskaya st., Volgograd, Russian Federation, 400089*

Abstract. The article considers the eschatological meanings of the novel “The old world landowners” by N. Gogol within the combined sentimental and mythological models of the world. In the common semantic context of “Mirgorod” the idyll is born from the crash of the magic-personified earth, pictured in “Viy”. And the death of the idyll happens because the magic earth stays in the people’s mind as the source of the fatal call.

Keywords: Idyll, sentimentalism, the end of the world, eschatology, magic-personified earth, fatal call, matriarchy, eternal childhood.

Эсхатологический мотив «конца мира» либо его глобальной и катастрофической перемены присутствует в «Старосветских помещиках» Гоголя в виде уходящих в глубь её художественного целого смысловых пластов. Их последовательное открытие, думается, позволит яснее представить ключевые составляющие идейной проблематики повести.

Обозначена «закатная» линия в «Старосветских помещиках» прямым уподоблением заглавных героев чете Филемона и Бавкиды (II; 15) из II книги «Метаморфоз» Овидия, за благочестие исключённых Юпитером из наказания

их города потопом¹. Такая своего рода «репетиция конца света» позволяет соотнести героев Овидия с библейской четой Лота и его супруги.

О собственно библейском эсхатологизме в «Старосветских помещиках» весьма интересно писал А. Ремизов в книге «Огонь вещей» (1954). Однако его наблюдения не свободны от внутренних противоречий. Так, автор видит в СП *«блаженное райское состояние человека»*, – над которым, однако, *«тяготеет первородное проклятие время-смерть»*, хотя смерть в Библии как раз не «первородна», и в раю её нет. Сам Ремизов опровергает «первородность» смерти в мире Товстогузов, связывая её с довлеющими друг другу и равно несовместимыми с райским состоянием жестоким *смахом* (шутливыми вопросами Афанасия Ивановича супруге о возможном пожаре) и *рассуждениями*. Последние делают время необратимым, что и рождает феномен смерти [17, с. 42, 46].

Главный недостаток оценок Ремизова видится в том, что гоголевская повесть предстаёт в них простым «варьированием» известных эсхатологических смыслов. Между тем, эсхатология в повести становится предметом глубокого переосмысления. Его орудием выступает сентименталистский образ мира, который в «Старосветских помещиках» и разворачивается, и опровергается [см., напр., 19, с. 139; ср.: 15, с. 180].

Очевидно, что подобие Товстогузов Филемону и Бавкиде развивается Гоголем в русле подчеркнуто сентимен-

талистского понимания их праведности. Для сентименталистов Овидиева чета воплощает мир патриархальной («естественной») жизни на лоне природы, исчезающий под натиском рационально-бездушной цивилизации². Так, с одной стороны, поместье Товстогузов отчётливо наделено чертами хронотопа вечной весны золотого века. Его обитатели довольствуются тем, что земля производит для них сама:

«...сколько ни обкрадывали приказчик и войт, как ни ужасно жрали все в дворе, начиная от ключницы до свиней, которые истребляли страшное множество слив и яблок, и часто собственною мордою толкали дерево, чтобы стряхнуть с него целый дождь фруктов, сколько ни клевали их воробы и вороны, сколько вся дворня ни носила гостинцев своим кумовьям в другие деревни и даже таскала из амбаров старые полотна и пряжу, что всё обращалось к всемирному источнику, т. е. к шинку... – но благословенная земля производила всего в таком множестве... что все эти страшные хищения казались вовсе незаметными в их хозяйстве» [4, т. II, с. 20-21].

Поэтому благоденствие помещиков изображено в тонах сказки: здесь в одно и то же время цветёт черемуха, поспевают вишни и сливы, и сушатся яблоки [см.: 7, с. 80; ср.: 3, с. 53]. Мир «внутри плетня» – ахронный и циклический, без прошлого и будущего, что соответствует данному В. Гумбольдтом [7, с. 245] определению идиллии, где «завтра повторится сделанное сегодня».

¹ По наблюдениям И. Есаулова [9, с. 24], супружеские пары Овидия и Гоголя сближает: а) радушие, увиденное извне (глазами гостя); б) бездетность; в) оба автора смотрят на поместье стариков из будущего, когда эти превращаются, соответственно, в болото и овраг.

² Возможными сентименталистскими «ре-трансляторами» образов Филемона и Бавкиды в повесть Гоголя Т. Зверева [10, с. 35-36] считает «Исторические воспоминания на пути к Троице» Н.М. Карамзина и «Письма к другу» Ф.Н. Глинки.

С другой стороны, Товстогубы, по точному наблюдению И. Есаулова [9, с. 31; ср.: 20, с. 169], – люди не конкретно прошлого (т. е. номинально восемнадцатого), а навсегда *«прошедшего»* золотого века. Восторжествовавшие в современности «...страсти, желания и ...непокойные порождения злого духа, возмущающие мир» [4, т. II, с. 13], вытеснили идиллию на окраину империи (и тем самым цивилизации в целом)¹. *«Уединенны[е] владетел[и] отдалённых деревень»* [4, т. II, с. 15] составляют

«...противоположность тем низким малороссиянам, которые выдираются из ...торгащей, наполняют, как саранча, палаты и присутственные места...» [4, т. II, с. 15].

Поэтому пришедшим извне идиллия Афанасия Ивановича и Пульхерии Ивановны предстаёт «потерянным раем». Ко времени рассказа от неё остались лишь *«заглохший пруд, заросший ров на том месте, где стоял низенький домик, – и ничего более»* (4, т. II, с. 14). Такое постепенное схождение мира из «золотого» века в «железный» и делает сентиментализм эсхатологией, растянутой до размеров человеческой истории.

¹ Отмеченным рассказчиком в гостинной Товстогубов портретам Петра III и герцогини де ла Вальер [4, т. II, с. 17] приписывались различные сентименталистские значения. С одной стороны, сохранять портреты свергнутого монарха вопреки приказу Екатерины сдать их местным властям, можно было лишь в глуши, вдали от столицы [см.: 18, с. 327-328]. С другой стороны, вычеркнутые из истории классической эпохи несчастный монарх и опальная фаворитка Людовика XIV отражали не просто хрупкость земного триумфа, но были реабилитированы сентиментализмом в русле очеловечения истории и связывания счастья не с подобными триумфами, а с частной жизнью [см.: 15; с. 175-176, 178; ср.: 10, с. 37-38].

Подлинная актуальность эсхатологической темы в «Старосветских помещиках» проявляется, повторимся, именно в переосмыслении её сентименталистской модели, в том числе фабульном. По верной оценке Ю.М. Лотмана [13, с. 268-269], в повести не один, а два противоположных типа «чужого пространства»: *город*, к которому ведёт проезжая дорога, и *лес*. И «замкнутость» идиллии «нарушена двояким образом: взглядом из-за плетня и зовом из глубины» [2, с. 141].

Строго говоря, гибель Товстогубам вообще приходит со стороны не жестокой цивилизации (неведомый наследник прибывает из столицы уже на пепелище)², а «предвечной» Природы. Кошка Пульхерии Ивановны, сбежавшая от неё в дикий *лес*, вернувшаяся к ней ненадолго через *подземную* дыру и воспринятая хозяйкой как вестник смерти, обоснованно сравнивалась с атакующей Хому Брута ведьмой – вассалом земляного бога Вия в одноименной повести [см.: 2, с. 141; ср.: 13, с. 271] ³. Г. Ермилова [8, с. 47] видит в самой идиллии черты демонизма.

Между тем, Природа, строго говоря, так же «неповинна» в крахе идиллии, как и цивилизация. В отличие от «Вечеров на хуторе близ Диканьки» и «Вия» (далее в тексте – «Вечера...»), в «Старосветских помещиках» природный мир *«за плетнём»* уже вовсе не волшебный.

² Это особенно наглядно на фоне близкого к «Старосветским помещикам» по идиллической рамке «Семейства Холмских» (1832) Д.Н. Бегичева, где причиной катастрофы оказывается штатный для сентиментализма произвол «страстей» [см.: 16, с. 90].

³ Это как будто актуализует финал Филемона и Бавкиды у Овидия, превратившихся по смерти в два сросшихся дерева, то есть вернувшихся в мир Природы, предвечной их идиллии.

И смертный земляной «зов» – компонент не бытия, а сознания обитателей старосветского мира, определяющий их поведение и судьбу. Пульхерия Ивановна уверила себя, что в обличье сбежавшей кошки за ней приходила смерть, и покоряется этому чувству.

При этом фольклорное сознание вырастает из идиллического бытия. По точной оценке С. Овечкина [16, с. 92], к сфере прославляемой и всевластной в имении Товстогузов привычки принадлежат и привычка Пульхерии Ивановны к её кошке, бегство которой и запускает живущую в сознании её хозяйки фольклорно-волшебную «синтагматику» смерти. Эта синтагматика, очевидно, и составляет основу «онтологического», глубинного зла идиллического мира, разрушающегося поэтому не извне, а изнутри [см.: 2, с. 137, 139-141; ср.: 13, с. 269, 272; 16, с. 90].

Переход волшебнo-олицетворённой земли из объективной в субъективную плоскость сознания людей патриархального мира «объяснён» в рамках всё того же миргородского цикла. Как показывает А. Иваницкий [11, с. 106-107], дикий лес вокруг имения Товстогузов, который «...был глух, запущен, старые древесные стволы были закрыты разросшимся орешником и походили на мохнатые лапы голубей...» [4, т. II, с. 28-29], не просто подобен лесу, выросшему в финале «Вия» из нечисти, погибшей в церкви сотника: «*Так навеки и осталась церковь, с завязнувшими в дверях и окнах чудовищами, обросла лесом, корнями, бурьяном, диким терновником, и никто не найдёт теперь к ней дороги*» [4, т. II, с. 217]¹, но исторически наследует

ему. «Старосветская» идиллия, таким образом, живёт не *накануне*, а *после* конца мира.

Погибнув, волшебство земли не только переходит в сознание патриархального человека, но меняет духовное содержание самой идиллии. Она теряет присущую ей ахронию и превращает жизнь обитателей в дрящущую всю жизнь ожидание окончательного слияния с землёй. Это и наделяет особой точностью данное ещё на заре минувшего века Н. Котляревским определение СП как «идиллической истории двух закатывающихся жизней» [12, с. 233].

Переосмысление идиллии в СП проясняет ещё один, возможно, самый психологически глубокий пласт эсхатологии в повести. Имение Товстогузов по ряду ключевых позиций схоже с хутором Вытребенки заглавных персонажей повести «Иван Фёдорович Шпонька и его тетушка» из цикла «Вечеров...». Прежде всего, их роднит безграничный матриархат². Стержнем его являются описанные С. Гончаровым [5, с. 97-98] «материнские» отношения тётушки к племяннику, который в сорок с лишним лет «...еще молода дытына» [4, т. I, с. 294], а Пульхерии Ивановны – к супругу, который для неё, даже находящейся на смертном одре, «...как дитя маленькое: нужно, чтобы любило вас то, которое будет ухаживать за вами...» (4, т. II, с. 31).

«миргородского» цикла – «Старосветские помещики», «Вий» и «Тарас Бульба» – образуют временную (историческую) ретроспективу, где каждая последующая повесть проясняет сюжетно-смысловую подоплёку предыдущей.

² Не требующее комментария применительно к «Ивану Фёдоровичу Шпоньке...», в «Старосветских помещиках» царство женщин проявляется, в частности, в непрерывных беременностях служанок при отсутствии мужчин в имении [см.: 8, с. 48].

¹ Первым на это подобие обратил внимание И. Есаулов [9, с. 54]. Вообще три первые вещи

Фигура могучей тётушки Василисы Кашпоровны, как было показано С. Гончаровым [5, с. 70-98; ср.: 11, с. 58-61], несёт в себе символику «матери-земли» в её различных мифологических ипостасях: Деметры, Артемиды, Гекаты, Астарты и др. В то же время в утратившем волшебное начало мире СП женское царство уже не объемлет всей предвечной Природы, а оказывается на её периферии. Возникает антитеза *идиллии* и *дикого леса*, заведомо отсутствовавшая в «Иване Фёдоровиче Шпоньке...». Такая территориальная редукция женской власти ограничивает её исполнительную силу. Если Василиса Кашпоровна «...Пьяницу мельника... дёргая каждый день за чуб... умела сделать золотом [...] была ленивых вассалов своею страшною рукою и подносила достойным рюмку водки из той же грозной руки» [4, т. I, с. 293–294], то Пульхерия Ивановна лишь грозит приказчику, воровством которого «дубки сделались ...редкими»: «... Гляди, чтобы у тебя волосы не были редки». И полностью удовлетворяется его объяснениями о том, что дубки «и громом побило, и черви проточили» [4, т. II, с. 20]¹.

Однако вечному дитяти Афанасию Ивановичу гигантский мировой сдвиг,

произошедший в сравнении с ситуацией «Ивана Фёдоровича Шпоньки...», остаётся неведом². Ю. Манн [14, с. 37-38] справедливо обращает внимание на то, что смерть супруги столь катастрофична для Товстогуба, что осознаётся им лишь по возвращении с похорон в опустевший дом. Между тем, поведение Товстогуба у едва остывшего тела Пульхерии Ивановны, а затем на кладбище показывает, что уход подруги есть для него нечто невозможное, противоестественное в самом прямом смысле слова:

«...Афанасий Иванович был совершенно поражён. Это так казалось ему дико, что он даже не заплакал. Мутными глазами глядел он на неё, как бы не зная всего значения трупа [...] работники принялись за заступы, и земля уже покрыла и сравняла яму, – в это время он пробрался вперёд; все расступились, дали ему место, желая знать его намерение. Он поднял глаза свои, посмотрел смутно и сказал: „Так вот это вы уже и погребли её! зачем?!...“» [4, II, 32-33].

Вопрос «зачем?» говорит о том, что Пульхерия Ивановна, по разумению её мужа, не может умереть не только в силу его личной к ней привязанности, но физически, в принципе. Причина, очевидно, в том, что для Афанасия Ивановича, как *вечного ребёнка*, не понимающего наставшей обратимости времени, его супруга вплоть до своей кончины оставалась той же царицей земли, а точнее, олицетворённой землёй, какою для Шпоньки была его тётушка. Поэтому если для Пульхерии

¹ Та же редукция, возможно, лежит в основе парадокса, отмечённого Ю. Манном [14, с. 162-163]. Несмотря на то что еда составляет основное содержание жизни помещиков (прежде всего Афанасия Ивановича), в своих формах она резко редуцирована в сравнении с эпическими пирами «Тараса Бульбы», пожирания всего и вся Собакевичем в первом томе «Мёртвых душ». А их гостеприимное угощение столь же далеко от окормливания гостей Петухом во втором томе поэмы. Причина, видимо, в том, что, в отличие от «владельческих» исполинов Василисы Кашпоровны и Григория Григорьевича Сторченко, Товстогубам «так мало было надо» [4, т. II, с. 21].

² Отмеченная Г. Гуковским [6, с. 92] принадлежность повсеместной «вечной весны» в СП не бытию, а сознанию Товстогубов касается, очевидно, в первую очередь, именно Афанасия Ивановича.

собственная её кончина была делом почти обыденным и сопровождалась бытовыми распоряжениями: «...Платье наденьте на меня серенькое, то, что с небольшими цветочками по коричневому полю. Атласного платья, что с малиновыми полосками, не надевайте на меня... А вам оно пригодится: из него сошьёте себе парадный халат на случай когда придут гости...» [4, т. II, с. 30-31], то для Товстогуба смерть жены есть, по сути, смерть земли, «конец света»¹.

До своей кончины супруга олицетворяла для Товстогуба бессмертную землю, а после неё, позвав мужа по имени, она олицетворила для него смертный зов земли – как для неё самой он метонимически обозначился вернувшейся кошкой: «...обстоятельства кончины его имели какое-то сходство с кончиною Пульхерии Ивановны... Когда он медленно шёл по дорожке... (он) вдруг услышал, что позади его произнёс кто-то довольно явственным голосом: Афанасий Иванович! Он оборотился, но никого совершенно не было... Он на минуту задумался; лицо его как-то оживилось, и он, наконец, произнёс: „Это Пульхерия Ивановна зовёт меня!“...Он весь покорился своему душевному убеждению... с

волею послушного ребёнка... и наконец угас так, как она...» [4, т. II; с. 36-37].

Это, по-видимому, и превращает приют Товстогубов из ахронной идиллии на лоне Природы в идиллию блаженного ухода в мир Природы, что позволило В. Виноградову [1, с. 218] определить «Старосветских помещиков» как идиллию «жалостную».

Таким образом, развёрнутая в «Старосветских помещиках» сентименталистская версия постепенного «конца мира» служит Гоголю точкой отсчёта в переосмыслении эсхатологической темы. Источником возникновения «идиллии» Товстогубов в рамках смыслового целого «Миргорода» оказывается изображенная в «Вие» катастрофическая перемена земли: гибель её волшебной-олицетворенной сердцевины, сделавшая время обратимым. Исчезает же идиллия потому, что в сознании её хозяйки волшебная земля продолжает жить как источник смертного зова. В то же время для её детски-блаженного «мужа-сына» супруга вплоть до своего ухода олицетворяет предвечную землю, обеспечивая их общее бессмертие. Поэтому смерть «супруги-матери» становится для него «концом мира», а земля – сферой желанного воссоединения с нею.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Виноградов В.В. Гоголь и натуральная школа // Виноградов В.В. Поэтика русской литературы. М., 1976. С. 191-235.
2. Виролайнен М.Н. Мир и стиль («Старосветские помещики») // Вопросы литературы. № 4. М., 1979. С. 125-141.
3. Гиппиус В.В. Гоголь. Пг., 1924. 238 с.
4. Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений: В 14 т. М.–Л.: АН СССР, 1937–1952.

¹ Поэтому, как верно отмечает Г. Гуковский, с кончиной супруги для Афанасия Ивановича заканчивается олицетворяемый ею ахронный круговорот хозяйственного изобилия, воплощавшийся в непрестанной еде. В этом контексте замечание Т. Зверевой о том, что значимой в идиллии Товстогубов оказывается только смерть Пульхерии Ивановны [10, с. 39], следует также уточнить: для её супруга.

5. Гончаров С.А. Творчество Гоголя в религиозно-мистическом аспекте. СПб. 1997. 340 с.
6. Гуковский Г.А. Реализм Гоголя. М.–Л., 1959. 531 с.
7. Гумбольдт В. Язык и философия культуры. М., 1985. 452 с.
8. Ермилова Г.Г. «Старосветские помещики» Гоголя: презентация смерти // Малые жанры: теория и история. Иваново. 2003. С. 40–53.
9. Есаулов И.А. Эстетический анализ литературного произведения («Миргород» Н.В. Гоголя). Кемерово. 1991. 90 с.
10. Зверева Т.В. «Двойной портрет» в повести Н.В. Гоголя «Старосветские помещики» // Вестник Удмуртского университета. Ижевск. № 3. 2009. С. 35–40.
11. Иваницкий А.И. Гоголь. Морфология земли и власти. М., 2000.
12. Котляревский Н. Н.В. Гоголь. 1829–1842. Пг., 1915. 572 с.
13. Лотман Ю.В. Художественное пространство в прозе Гоголя // Лотман Ю.М. В школе поэтического слова. Пушкин. Лермонтов. Гоголь. М., 1988. С. 251–292.
14. Манн Ю.В. Поэтика Гоголя. М., 1978. 398 с.
15. Николаев О.Р. К истолкованию одной детали «Старосветских помещиков» Н.В. Гоголя // Русская литература. Л., 1988. № 1. С. 175–180.
16. Овечкин С.В. «Старосветские помещики»: неоднородность нарратива и жанровая трансформация // Дергачёвские чтения – 2004: Русская литература: национальное развитие и региональные особенности. Екатеринбург. 2006. С. 88–93.
17. Ремизов А.М. Огонь вещей. М., 1989. 525 с.
18. Рицци Д. «Станционный смотритель» Пушкина и «Старосветские помещики» Гоголя // Пушкинская конференция в Стэнфорде. Материалы и исследования. М., 2001. С. 318–334.
19. Степанов Н.Л. Н.В. Гоголь: творческий путь. М., 1955. 607 с.
20. Турбин В.Н. Пушкин. Гоголь. Лермонтов: Об изучении литературных жанров. М., 1978. 239 с.

REFERENCES

1. Vinogradov V.V. Gogol' i natural'naya shkola [Gogol and the natural school] // Vinogradov V.V. Poetika russkoi literatury [V. Vinogradov. Poetics of the Russian literature]. M., 1976. pp. 191–235.
2. Virolainen M.N. Mir i stil' («Starosvetskie pomeschchiki») [World and style ("The old world landowners")] // Voprosy literatury [Questions of literature]. 1979. no. 4. pp. 125–141.
3. Gippius V.V. Gogol' [Gogol]. Pg., 1924. 238 p.
4. Gogol' N.V. Polnoe sobranie sochinenii: V 14 t. [Complete works: in 14 vols]. M.–L., AN SSSR, 1937–1952.
5. Goncharov S.A. Tvorchestvo Gogolya v religiozno-misticheskom aspekte [The works of Gogol in the religious-mystical aspect]. SPb., 1997. 340 p.
6. Gukovskii G.A. Realizm Gogolya [The Realism of Gogol]. M–L, 1959. 531 p.
7. Gumbol'dt V. Yazyk i filosofiya kul'tury [The language and philosophy of culture]. M., 1985. 452 p.
8. Ermilova G.G. «Starosvetskie pomeschchiki» Gogolya: prezentatsiya smerti ["The old world landowners" by Gogol: the presentation of death] // Malye zhanry: teoriya i istoriya [Small genres: theory and history]. Ivanovo, 2003. pp. 40–53.
9. Esaulov I.A. Esteticheskii analiz literaturnogo proizvedeniya («Mirgorod» N.V. Gogolya) [Aesthetic analysis of literary works ("Mirgorod" by N. Gogol)]. Kemerovo, 1991. 90 p.
10. Zvereva T.V. «Dvoinoi portret» v povesti N.V. Gogolya «Starosvetskie pomeschchiki» ["Double portrait" in the N. Gogol's story "The old world landowners"] // Vestnik Udmurtskogo universiteta [Bulletin of Udmurt University]. Izhevsk. 2009. no. 3. pp. 35–40.

11. Ivanitskii A.I. Gogol'. Morfologiya zemli i vlasti [Gogol. Morphology of land and power]. M., 2000.
12. Kotlyarevskii N. N.V. Gogol'. 1829–1842 [Gogol. 1829–1842]. Pg. 1915. 572 p.
13. Lotman YU.M. Khudozhestvennoe prostranstvo v proze Gogolya [Artistic space in Gogol's prose] // Lotman YU.M. V shkole poeticheskogo slova. Pushkin. Lermontov. Gogol' [Y. Lotman. In the school of poetic word. Pushkin. Lermontov. Gogol]. M., 1988. pp. 251–292.
14. Mann YU.V. Poetika Gogolya [The Poetics Of Gogol]. M., 1978. 398 p.
15. Nikolaev O.R. K istolkovaniyu odnoi detali «Starosvetskikh pomeshchikov» N.V. Gogolya [The interpretation of one part "The old world landowners" by N. Gogol] // Russkaya literatura [Russian literature]. L. 1988. no. 1. pp. 175–180.
16. Ovechkin S.V. «Starosvetskie pomeshchiki»: neodnorodnost' narrativa i zhanrovaya transformatsiya ["The old world landowners": heterogeneity of narrative and genre transformation] // Dergachevskie chteniya – 2004. Russkaya literatura: natsional'noe razvitiye i regional'nye osobennosti [Dergachev readings – 2004. Russian literature: national development and regional peculiarities]. Ekaterinburg, 2006. pp. 88–93.
17. Remizov A.M. Ogon' veshchei [Fire of things]. M., 1989. 525 p.
18. Ritstsi D. «Stantsionnyi smotritel'» Pushkina i «Starosvetskie pomeshchiki» Gogolya ["The Stationmaster" by Pushkin and "The old world landowners" by Gogol] // Pushkinskaya konferentsiya v Stenforde. Materialy i issledovaniya [Pushkin conference in Stanford. Materials and research]. M., 2001. pp. 318–334.
19. Stepanov N.L. N.V. Gogol': tvorcheskii put' [Gogol: the creative path]. M., 1955. 607 p.
20. Turbin V.N. Pushkin. Gogol'. Lermontov: Ob izuchenii literaturnykh zhanrov [Pushkin. Gogol. Lermontov: the study of literary genres]. M., 1978. 239 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Егорова Светлана Олеговна – преподаватель кафедры иностранных языков, Волгоградской академии Министерства внутренних дел Российской Федерации; e-mail: kler85@rambler.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Svetlana Egorova – lecturer at the Department of foreign languages at Volgograd Academy of the Interior Ministry of Russian Federation; e-mail: kler85@rambler.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Егорова С.О. «Старосветские помещики» Н.В. Гоголя: мир после конца // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2016. № 5. С. 225–232.
DOI: 10.18384/2310-7278-2016-5-225-232

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

S. Egorova. "The old world landowners" by N. Gogol: the world after the end // Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology. 2016. no. 5. pp. 225–232.
DOI: 10.18384/2310-7278-2016-5-225-232

УДК 82-17-9

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-5-233-242

О ЗНАЧЕНИИ И РОЛИ «ПОЭЗИИ» В ЛИРИКЕ РУССКОГО СЕНТИМЕНТАЛИЗМА*

Иваницкий А.И.*Российский государственный гуманитарный университет
125993, Москва, Миусская площадь, д. 6, Российская Федерация*

Аннотация. В русской поэзии второй половины XVIII века сентиментализм отразил стремления дворянского интеллигента к духовному освобождению от гегемонии абсолютистского государства. Осваивая «общие места» необходимых для этого новых лирических жанров, поэты зачастую наделяли ключевой для сентиментализма мотив бегства от цивилизации к природе противоположными значениями. Духовный эпикурец противостоял аскетическому отшельнику. Преодолевая противоречия собственного дискурса с помощью концепта «поэзии», сентиментализм последовательно отказывался сначала от своих ключевых оппозиций (чувства – разуму и природы – культуре), а затем и от сюзеренитета в отношении самой поэзии – ставя её над собою.

Ключевые слова: сентиментализм, чувство, поэзия, природа, разум, цивилизация.

SIGNIFICANCE AND ROLE OF 'POETRY' IN RUSSIAN SENTIMENTALISM

A. Ivanitskiy*Russian State University for the Humanities
6, Miusskaya Sq., Moscow, Russian Federation, 125993*

Abstract. In Russian poetry of 2nd half of 19th century, sentimentalism had reflected the aspirations of the nobility's intellectuals to the spiritual liberation from the absolutist monarchy. Having developed the key sentimental motive of the escape from the Civilization to the Nature in the new lyrical genres, the poets gave these escape two contradictory meanings: the spiritual Epicureanism and the askesis of the anchoret. Overcoming this contradiction with the help of the concept "Poetry", the sentimentalism, firstly, had refused of its key oppositions ("feeling – mind" and "civilization – nature") and then of its own patronage of the poetry, having placed it above itself.

Keywords: Sentimentalism, feeling, poetry, nature, mind, civilization.

Значимость концепта «поэзии» в русском сентиментализме обусловлена тем, что последний явился не только литературной, но социо-культурной альтернативой классицизму, отражая стремления дворянского интеллигента к духовному освобождению от гегемонии абсолютистского государства.

* Работа выполнена по программе гранта РГНФ № 15-04-00494 «Н.М. Карамзин: энциклопедический словарь».

© Иваницкий А.И., 2016.

Оно и воплотилось в противопоставлении «чувства» рационально-классицистическому «разуму». Этой ключевой для сентиментализма оппозиции довела вторая, воспринятая сентиментализмом у Горация в «редакции» Ж.-Ж. Руссо: Цивилизации – Природе, явившейся основным полем, источником и измерением «чувственного» высвобождения человека¹.

Первая дихотомия наиболее отчётливо звучит у М. Хераскова, который разводит «плодотворное» чувство и «бесплодный» разум во времени, делая их атрибутами, соответственно, юности и старости:

*...Вы, угрюмы философы... / <...>
Ты, о старость хладнокровна!*

*Не ропщи против любви; / Не её
ты покидаешь, / Но оставлена ты
ею... [12, с. 82–83].*

Вторая («цивилизация – природа») систематически утверждается Н.М. Карамзиным, призывающим «...Оставить мир холодный, / Который враг чувствительным душам [5, с. 207], чтобы «...в сельском крове мирном / Питать в груди своей чувствительность...» [5, с. 172]. Карамзин отразил и связь оппозиций «чувство – разум» и «природа – цивилизация», обусловленную тем, что именно Природа выступает фундаментальным объектом и источником чувства, «...Хотя... не все народы / К дарам счастливейшим Природы / Равно чувствительны душой...» [5, с. 226].

Ключевой формой сентименталистского «чувствования» Природы

¹ Наиболее объёмный и предметный анализ русского сентиментализма как поэтической системы см. в работе Н.Д. Кочетковой [6]. О специфике и основных тенденциях сентиментализма в лирике и в ранней прозе Карамзина см.: 7, с. 5–52, 1, с. 99–106.

сентименталистами и становится Поэзия. Лирический герой И. Дмитриева «...думал, что везде — в Аркадии поэт...», но в свете открыл «...к дарованиям холодность иль презренье...» [2, с. 341]. Единственные локус и измерение Поэзии – Природа, где она заново открывает своим избранныкам рай вечной весны «золотого века»: «...Любимцам, Муза, ты Елизий сотворяешь / И щедро сыплешь вокруг сокровища весны!..» [9, с. 236]. Ср. у Карамзина: «...Лишь струны вдруг её златые забряцают — / Яснеют небеса, / И воздух сладостны дыханья проникают...» [5, с. 155–156]. Поэт – «...слабый ученик любовника Глицеры... / в мягких ута[ится] убежищах нещеры...» [5, с. 156]. С уходом же поэзии весна сменяется осенью: «...когда нахмуришь бровь, / Во основаниях колеблется природа...» [9, с. 238].

Между тем, поэты «сентименталистского» периода (М.Н. Муравьёв, В.В. Капнист, Н.А. Львов, И.И. Дмитриев, Н.М. Карамзин и др.), как и отчасти их старшие предшественники (А.П. Сумароков, М.М. Херасков, И.И. Хемницер), осваивали новые лирические жанры идиллии, эклоги, элегии и их общие места, создавая для них соответствующий поэтический язык, а не стремясь к выработке принципиально новых смыслов. В результате они, зачастую безотчётно, развивали прямо противоположные синтагматические цепочки смыслов сентименталистского бегства от «света», его «страстей» и «суета».

Однако сентименталистское отрицание социума, его «страстей» и «суета», не предполагает отказа от жизненных наслаждений в принципе. Его главным локусом и измерением стано-

вится Природа, которая теперь предстаёт осколком ушедшего «...златого века... [когда] / ...Роз зефиры бодро ищут, / Соловьи, не дремля, свищут...» [11, с. 106-107].

Противоставшая цивилизации Природа, которая не утоляет страсти, а успокаивает их: «В спокойствии природы / ... утихли страсти, / Движение людей...» [9, с. 243], становится единственным альтернативным городу источник наслаждения – как телесного: «...Прохлада, что из недр пространная земли / Восходит вверх... / ...Касается до жил и освежает кровь!..», так и поэтического: «...Здесь буду странствовать в кустарниках цветущих / И слушать соловьёв, в полночный час поющих...» [9, с. 159-160].

Но, слушая соловья – голос поэтического самосознания Природы, – человек рефлексировал в ней собственный душевный опыт:

...Но почто ж... / Чувства ноют и томятся / От гармонии твоей?

Ах! я вспомнил незабвенных, /... Их могилы заросли / Все высокою травою... [5, с. 121].

«Сочувствие» природе становится не просто полем размышления:

...В спокойствии природы / ...Душа одной лишь власти

Покорствует своей! / ...в сии явления / Со мной перенесись,

...Размышленья / Мгновеньем насладись [9, с. 243],

но и катарсисом утрат:

«...Кто ж милых не терял? Оставь холодный свет

И горесть разделяй с унылыми древами,

С кристаллом томных вод и с нежными цветами...» [5, с. 92].

В программной элегии Карамзина «Меланхолия» (1802) переживание утрат в осенней («переходной») природе, «...когда, изнемогая... / Она кончины ждёт...», делает внушенную поэзией печаль («меланхолию», как рефлексия своей жизни во времени) самостоятельным источником наслаждения: «...Веселие твоё – задумавшись, молчать / И на прошедшее взор нежный обращать» [5, с. 261]. Ср. у Дмитриева: «...Филомелу вспомню я / С нею вместе унываю / И доволен, что грущу!..» [2, с. 124]¹.

Альтернативным такому «поэтико-эпикурейскому» бегству в мир природы становится бегство «отшельническое». Его основанием объявляется ненадёжность цивилизации – «пышного града», где «...скользкий счастья путь, где ров цветами скрыт...» [9, с. 159-160].

Это рождает в людях постоянный страх за уже добытое: «...Сребро и пышные чертоги / Спокойства сердцу не дают...» [12, с. 91]. Отсюда единственным подлинным благом в мире оказывается покой: «...Фортуна любит шум, а Счастье покой...» [8, с. 75], которого «...нельзя купить / За груды злата накоплены...» [4, с. 149]. Покой же приносит нищета: «...Убогая семья стократ / Счастливей жизнь свою проводит...» [4, с. 149], поскольку «...Убогий грусти не имеет, / Коль нечего ему терять...» [12, с. 91].

¹ Сладостно переживая минувшее и связанные с ним утраты в «переходной» (осенней) Природе, герой Карамзина в элегии «Кладбище» воссоединяется с этим прошедшим собственным необратимым переходом в Природу, где «...струится в воздухе светлом / Пар благовонный синих фиалок, / Белых ясминов, лилей...» [5, с. 114]. И совершается такой «переход» именно в поэзии: «...Пойду я с лирой в те места, / Где сном дарит природа вечным, / Где спит и скорбь, и суета...» [2, с. 345].

Главной душевной добродетелью обитателя природной идиллии становится самоограничение: «...Разумный человек / Умеренностию препровождает век...» [11, с. 104]; «...Затем в тебе твой ум устроен, / Чтобы повелевать собой...» [9, с. 122], а герой Дмитриева «В желаньях строг...» [2, с. 364].

В то же время столица и вообще социум оказываются виновны уже не в чрезмерности, а в самом наличии наслаждений: «...Я ...в Москве обитаю, / В жилище сует...» [2, с. 117]. Поэтому герой бежит из города уже не от своих страстей, а от всеобщих. Вдали от мира «...не взираешь / На порченые нравы...» [12, с. 79], и можно «...Гнушаться издали пороком...» [5, с. 138].

Уход из городов превращается в отшельничество: «...Сокроюсь в лесах я темных / Или во пропастях подземных... / Я светской наглости терпели не могу...» [11, с. 92]. Для Дмитриева образцом становится Нестор, который, «Постигнув с юных лет тщету и скоротечность, / Сей инок житие пустынное избрал...» и жил, «...кроясь от живых...» [2, с. 336].

Умеренность сменяется воздержанием: «...всех благополучней, / Кто страсти и желанья / ...Преодолеть умеет...» [12, с. 76]; «Не тот богат, / Кто .../...больше накапливает, / Но тот, кто больше не желает...» [4, с. 287]; «Хотите ль ваш покой, о юноши, спасти? – / От искушения старайтесь уйти» [9, с. 193].

Воздержание переходит в культ нищеты [«ничтожества»]: «...Ничтожество!.. / Ты друг чувствительным сердцам, / Всегда надеждой обольщенным, / Всегда тоскою изнуренным! [5, с. 202], а также аскезы: «...Я же низменной стезёю / От мирских сует уйду...»

[4, с. 120]. Единственно добродетельная аскеза отрицает любовь, которая «...Только в сердце, богу верном, / Только в мыслях просвещенных / ...не смеет воцариться...» [12, с. 83], а в удалении от городов «...Не видно бесполезной / ...роскоши любви...» [12, с. 79]¹.

Теперь поэзия воспевает именно самоограничение героя: «... мне формуна и природа / Послали в дар клочок земли; / Таланта искру к песнопенью...» [2, с. 365]. В конечном же счёте поэзия сама становится жертвой редукции:

...я... прошу от неба, / ...чтобы в бедности моей

Хранило мне здоровье цело... / И век пресекло б престарелый,

Бесчувственный ко звуку лир [4, с. 156-157].

В лирике Карамзина эта цепочка смыслов превращает сентиментального поэта из энтузиаста в скептика, врага любого чувства [«чувствительности»]: «...Пусть сердце превратится в камень! / Его чувствительность мне яд...» [«Долина Иосафатова, или Долина спокойствия», 1796; 5, с. 212], рождая в нём неверие сначала в земной мир, а затем и в загробный. Это парадоксальным образом делает рокальную поэзию мечты и иллюзии единственным утешением скептика:

...существование бедна < ...> / <...> Надежда – золото для нас,

Призрак любезнейший для глаз, / В котором счастье лобызаем...,

в то время как поэт «... есть хитрый чародей... / Творит красавиц из цветка...» [5; с. 193, 194]².

Поскольку обе смысловые «цепочки» разрабатывались одними и теми же поэтами, то по мере расхождения

¹ Здесь и далее курсив мой. – А. И.

² См. подробнее: 3, с. 114-116.

этих смысловых цепочек оно всё больше осознавалось поэтами как внутренне противоречие. Преодоление этого противоречия, как мы увидим, шло практически параллельно его нарастанию.

Следует иметь в виду, что, оппонируя классицизму, сентименталисты во все не отвергали лежащие в его основе эстетико-философские идеалы античности. Они либо фиксировали смещение исторической ситуации с точки зрения этого идеала. Это либо его несуществующее:

...я вижу ясно, что с Платоном / Республик нам не учредить,

С Питтаком, Фалесом, Зеноном / Сердце жестоких не смягчить... [5, с. 137], – либо переосмыслили его ценностную иерархию (отсюда – апология Горация).

Именно поэзия выступала своеобразной родовой «пуповиной» связи сентиментализма с идеалом золотого века в его античном изводе. В подражании Н. Карамзина посвящению Ф.А. Грувея «К Амуру» (1790) тот прямо привязывается к «золотому веку», ныне утраченному, но подлежащему поиску и воскрешению: «...Он был в Астреин век. Уже мы не находим / Его нигде. Но жизнь в искании проводим» [5, с. 96]¹.

Естественно поэтому, что именно «Поэзия» стала главным орудием преодоления противоречий сентименталистского дискурса. Хронологически первой попыткой такого преодоле-

ния видится «Письмо к ***» (1783) М.Н. Муравьева и ряд мотивно при-мыкающих к нему стихов. Вслед за Херасковым Муравьев видит превращение энтузиаста в скептика сменой возрастов. «Золотой век» вечной весны в земном раю, воспеваемый поэзией, – это **юность**, когда душа «...для красоты, для чувства дыша, / Жила природы в лоне / И в хижине своей быть чаяла на троне...». В юности поэзии непреложно сопутствует любовь: «...Весна вливает в чувства сладость, / И увлекает Аполлон...» [9, с. 151]. Уходящие со зрелостью поэтические «...мечтания, чувствительности глас...» сменяются «эгоизмом»: «...Когда действительность сердечну дал ты стерти... / ...И подлый эгоизм, тобою овладев, / Все чувства любви во свой поглотит зев...», то есть отделением от мира: «...Ты будешь зреть ещё, но всё, что зришь, мертво, / И всюду грубое ты встретишь вещество...».

Отторгнутыми неизбежно оказываются и дружба, и любовь:

...Без восхищения ты узришь лучша друга,

И нежных дней твоих прекрасная подруга

Простой девицею предстанет пред тобой... [9, с. 216-217].

В старости энтузиаста сменяет скептик: «**Пиит скрывается: печальный философ** / Бессилен врачевать, зря собственны недуги» [9, с. 229].

Если юноша «...для красоты, для чувства дыша, / Жил <...> природы в лоне...», то в зрелости он теряет поэзию как ключ фантазии и форму любви. Его

...Отяжелевшая и грубая душа

Едва сквозь облако вспоманет дни минувши,

¹ Ср. вариант И. Дмитриева:

...Дитя, но всех сердца он брал в своё подданство,—

Таков был, говорят, сын Лады в век златой!

Где ж ныне он? Увы! нам это неизвестно;

Мы только чтим его и ищем повсеместно [2, с. 334].

...С ней музы не поют, / Не собеседуют с ней тайно, как подруги,

И восхитительных не открывают снов... [9, с. 229].

Отсюда призыв к юноше возможно дольше оставаться юным, а значит, поэтом:

...Счастливый юноша! прекрасной музы друг!..

Будь доле в обществе небесных сих подруг...

...Не разгоняй сей рой сияющий и звучный...

Которых общества желал бы философ / В своей пустыне скучной... [9, с. 228].

Этот призыв Муравьев адресует и себе: «...Пусть буду с вами [музами] я и буду заблуждать, / Чем медленно идти и хладно рассуждать...» [9, с. 145].

В этом Муравьев опять-таки развивает мотивы Хераскова, героя которого муза также покидает вместе с юностью: «...О моя любезна Муза... / ...Как покроюсь сединою... / Ни свирелью, ни трубою / Действовать уже не стану...» [12, с. 88-89]. Тем самым как будто бы утверждается ключевое для сентиментализма противостояние «чувства» и «разума». Однако поэзию «эпикурейского» сочувствия природе Муравьев прямо возводит к разумно-классицистическому идеалу полноты и гармонии:

...Во юности моей сколь было мне удобно

Стихосложения красами мысль об-лечь...

Природу в целом зреть и зреть её подробно...

Во всё вступалася чувствительность моя... [9, с. 204].

Следует иметь в виду, что русская поэзия «чувствительности» и «сочувствия» совпала с периодом не упад-

ка просвещённого абсолютизма (как было в современной ей Франции), а его рассвета. Екатерининское освобождение дворянства не ослабило «национально-государственный» энтузиазм дворянства, а вывело его на новый уровень, сделав предметом свободного личностного выбора и самоопределения. Поэтому-то эстетической и познавательной полноте юношеской поэзии у Муравьева довлеет этическая: муравьевский юноша – «...**Питомец грации моральной...**» [9, с. 228].

Отсюда поэзия взрослеет вместе с героем: «Я льстилсся, что со мной и дух ваш возрастёт...» [9, с. 145]. Ср. надежду Хераскова на то, что: «...моя нестройна лира / С веком дней моих созреет...» [12, с. 88].

Муза, таким образом, не бежит от крепнущего разума, а сопутствует ему:

...Кому ты в юности спутницей была,

Того [не оставишь] и в охлажденны леты,

Когда суровый ум даёт свои совет-ты... [9, с. 236].

Такая «разумно-зрелая» муза возвращается вместе с «чувствительностью», которая заново связывает человека как с природой: «...Приди, чувствительность! и воскреси несчастна ...Пусть бедный отдохнёт, ещё узнав природу...», но через неё – с людьми: «**И плачет с радости, причтён ко смертных роду...**».

Именно на основе «чувствительности» герой возвращается к нормативной [«общественной»] добродетели классицизма:

...Расскажет чадам он минувший свой недуг,

Своё отторженье, чувствительности трату... [9, с. 217].

Таким образом, в лице Муравьева русский сентиментализм осознаёт тупиковый характер своего «отшельнического», по сути, *стоического* бегства в природу. Однако, заново обретая поэзию (лежавшую в основе бегства «эпикурейского»), он делает её «сентименталистскую» роль сочувствия природе орудием возвращения классицистического идеала разума, полноты и гармонии. Это снимает оппозицию «чувства» как с «разумом», так и с обществом («смертных родом») и тем самым мотив самого *бегства*. Сентиментализм (как поэтическое сочувствие природе и людям) фактически мыслится новым стержнем классицистического мира.

Такое переосмысление поведенческой модели сентиментализма и роли поэзии в ней развивается в трёх посвящённых ей стихотворных трактатах Карамзина и ряде мотивно примыкающих к ним стихов. В «Поэзии» (1787) молодой Карамзин отчасти ещё в русле хвалебной оды классицизма видит поэта певцом гармонии Природы и государства, утверждаемой богоподобного монархом. Человечек,

...Узрев собор красот и чувствуя себя, / ...почувствовал и бога...,

а поэзия служит ему *средством* выражения восторга, обращённого к Богу – первоисточнику чувствуемой им природной гармонии:

...Причину бытия – толь живо ощутил...

Что сердце у него в гимн нежный излилось,

Стремясь лететь к отцу... [5, с. 58]

В развивающем эту позицию «Послании к женщинам» (1795) поэт «мил» своим адресатам тем, что

«... верно переводит / Всё тёмное в сердцах на ясный нам язык;

Слова для тонких чувств находит!»... [5, с. 170].

Но, будучи обращено в поэтическую форму, любовное чувство оказывается путём к обретению мысли. От своих адресатов поэт «С улыбкой, чувством оживлённой, / ...первых мыслей ждёт...» [5, с. 174].

Объединение любви и разума связью порождения позволяет поэту переносить пророчества с интимной сферы на социальную и тем самым ещё решительнее, чем Муравьев, снимать сентименталистскую оппозицию Природы и общества / государства:

...Кто, чувством сердца вдохновённый,

Усердем к трону восхищённый, / Гремит народу: “Царь отец!”

...и в сердце проникает?.. / Питомец нежный муз – певец [5, с. 187].

Следующим этапом стал, возможно, самый программный стихотворный трактат Карамзина «Дарования» (1796), отразившие энтузиазм первых месяцев правления Павла I и воплотившиеся в попытку сентименталистского переосмысления самой цивилизации просвещённого абсолютизма. Теперь поэзия – уже не **орудие**, а **источник** обретения человеком сочувствия Природы и людям. Получив с помощью поэзии дар чувства / постижения Природы и Бога в Природе, человек увидел в другом отражение самого себя; сочувствие ближнему и ближним создало общество, а эстетическое сознание подвига во имя общества преобразовало последнее в государство. В «Песни мира» 1791 года (вольном переложении «Оды к Радости» Ф. Шиллера) Карамзин пока-

зывает, что «всесочувствие» в земной Аркадии совершается в строгом соответствии с эстетическим идеалом античности: «...*На берегах кристальных вод / Нимфы, фауны, сатиры / Составляют хоровод...*»¹.

Тем самым Карамзин, вслед за Муравьевым, с помощью концепта «поэзии» окончательно снимает обе ключевые оппозиции сентиментализма: чувство не отрицает, а предполагает разум: в свою очередь, сочувствие / постижение Природы преобразует её в цивилизацию.

Наконец, философская элегия «Протей, или Несогласия стихотворца...» (1798) знаменовала разочарование Карамзина как в павловских «исправлениях» материнского царствования, так и в просвещённом абсолютизме вообще. В результате поэзия из стержня сентименталистского («чувственного») постижения Природы и построения общества / государства на основе этого чувствования превращается в суверенную альтернативу Природе. Способность отражать все природные перемены, подобно глади пруда, где

...в сию минуту зрими / ... яркий Фебов свет, чистейший свод небес...

...Ещё минута... вдруг иное представление:

Сокрыли облака в кристалле Фебов зрак...

делает поэта не просто подобным Природе в своей переменчивости, но представляет последнюю свободой поэтического выбора:

...В душе любимца муз такое ж изменение

Бывает каждый час; что видит, то поёт,

И, всем умея быть, всем быть перестаёт... [5, с. 242-243].

В свою очередь, собственные ключевые мотивы как «отшельнического», так и «универсально-государственного» сентиментализма полушутливо изображаются Карамзиным свободно меняющиеся предметы этого выбора. Так, проклятия собственной «чувствительности» в приведённой выше элегии «Долина Иосафатова, или Долина спокойствия» (1796) просто объясняются в «Протее...» изменой любимого предмета: «*О нежные сердца! сей юноша любил; / Но милый друг ему коварно изменил!*» [5, с. 250].

Традиционная сентименталистская риторика рождается в поэте, «...*Когда в весенний день, среди лугов цветущих / Гуляя, видит он Природы красоты...*» – рождает в душе поэта «...мечты / О веке золотом...» – который он в горацанском духе всецело связывает с Природой: «...*Тогда он с Геснером свирелию своей / Из шума городов зовёт в поля людей...*».

В то же время пафос «Дарований» двухлетней давности автор «Протей...» объясняет тем, что поэта в данную минуту пленил «блеск искусства», который он связывает не с природой, а с цивилизацией «Лишь в общежитии... / ...художества... родились...». Именно тогда «...*певец села... / Забыв свирель, берёт для гимна своего / Златую лиру, петь успехи просвещения...*» и отвергает «золотой век» земной «Аркадии», ограниченный одной Природой, где человек «...был с зверями равен...»:

“...Для бедных разумом жизнь самая бедна:

Лишь в общежитии мы им обогатились...” [5, с. 243-244].

¹ [5, с. 107-108]; См. подробнее: [3, с. 112-114].

Таким образом, преодолевая противоречия собственного дискурса с помощью концепта «поэзии», сентиментализм последовательно отказывается от своих ключевых оппозиций (чувства – разуму и природы – культуре), а затем и от своего созеренитета в отношении самой поэзии – ставя её над собою¹.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Алпатова Т.А. . Генезис и жанровая специфика отрывков в прозе Н.М.Карамзина (1789-1792) // Учёные записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. 2016. Т. 158. Кн. 1. С. 99-106.
2. Дмитриев И.И. Полное собрание стихотворений. Библиотека поэта. Второе издание. Л., 1967. 502 с.
3. Иванецкий А.И. Ещё раз о соотношении «сентиментального» и «классицистического» в поэзии Карамзина // Вестник Московского областного университета. Серия: Русская филология. 2015. № 4. С. 109-118.
4. Капнист В.В. Избранные произведения. Библиотека поэта. Л., 1973. 616 с.
5. Карамзин Н.М. Полное собрание стихотворений. Библиотека поэта. Л., 1966. 273 с.
6. Кочеткова Н.Д. Литература русского сентиментализма. Эстетические и художественные искания. СПб. 1994. 279 с.
7. Лотман Ю.М. Поэзия Карамзина // Карамзин Н.М. Полное собрание стихотворений. Л., 1966. С. 5-52.
8. Львов Н.А. Избранные произведения. Кёльн – Вена – Веймар – СПб. 1994. 422 с.
9. Муравьев М.Н. Стихотворения. Библиотека поэта. Второе издание. Л., 1967. 385 с.
10. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений. Тт. 1-10, М.; Л., 1949.
11. Сумароков А.П. Избранные произведения. Библиотека поэта. Второе издание. Л., 1957. 608 с.
12. Херасков М.М. Избранные произведения. Библиотека поэта. Второе издание. М.; Л., 1961. 410 с.

REFERENCES

1. Alpatova T.A. Genezis i zhanrovaya spetsifika otryvkov v proze N.M.Karamzina (1789-1792) [Genesis and genre-specific passages in the prose of N. Karamzin (1789-1792)] // Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki [Scientific notes of Kazan University. Series: Humanitarian Sciences]. 2016. Vol. 158. Book 1. pp. 99–106.
2. Dmitriev I.I. Polnoe sobranie stikhotvorenii. Biblioteka poeta [Complete collection of poems. The library of poet]. 2nd edition. L., 1967. 502 p.
3. Ivanitskii A.I. Eshche raz o sootnoshenii «sentimental'nogo» i «klassitsisticheskogo» v poezii Karamzina [Again on the relationship between "sentimental" and "classic" in the poetry of Karamzin] // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology]. 2015. no. 4. pp. 109–118.

¹ В следующем веке этот заданный Карамзиным потенциал на новом уровне реализовал Пушкин. В стихах «Поэт идёт – открыты вежды...» вошедших в новеллу «Египетские ночи» (1835), герой Пушкина родствен и равен Природе в свободе выбора не только *позиции*, но *предмета*:

...Затем, что ветру и орлу / И сердцу девы нет закона.

Таков поэт: как Аквилон / Что хочет, то и носит он... [10, VI, с. 380].

Но анализ этой преемственности – тема уже другого исследования.

4. Kapnist V.V. Izbrannye proizvedeniya. Biblioteka poeta [Selected works. The library of poet]. L., 1973. 616 p.
5. Karamzin N.M. Polnoe sobranie stikhotvorenii. Biblioteka poeta [Complete collection of poems. The library of poet]. L., 1966. 273 p.
6. Kochetkova N.D. Literatura russkogo sentimentalizma. Esteticheskie i khudozhestvennye iskaniya [The literature of Russian sentimentalism. Aesthetic and artistic quest]. SPb., 1994. 279 p.
7. Lotman YU.M. Poeziya Karamzina [The Poetry of Karamzin] // Karamzin N.M. Polnoe sobranie stikhotvorenii [N. Karamzin. Complete collection of poems]. L., 1966. pp. 5–52.
8. L'vov N.A. Izbrannye proizvedeniya [Selected works]. Cologne – Vienna – Weimar – SPb., 1994. 422 p.
9. Murav'ev M.N. Stikhotvoreniya. Biblioteka poeta [Poems. The library of poet]. 2nd edition. L., 1967. 385 p.
10. Pushkin A.S. Polnoe sobranie sochinenii. Tt. 1–10 [Complete works. Vols 1-10]. M.; L., 1949.
11. Sumarokov A.P. Izbrannye proizvedeniya. Biblioteka poeta [Selected works. The library of poet]. 2nd edition. L., 1957. 608 p.
12. Kheraskov M.M. Izbrannye proizvedeniya. Biblioteka poeta [Selected works. The library of poet]. 2nd edition. M.; L., 1961. 410 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:

Иваницкий Александр Ильич – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института высших гуманитарных наук им. Е.М. Мелетинского Российского государственного гуманитарного университета;
e-mail: meisster@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Aleksandr Ivanickij – doctor of Philological Sciences, Senior Researcher at Meletinskiy Institute of the Humanitarian Studies, Russian State University for the Humanities;
e-mail: meisster@mail.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА:

Иваницкий А.И. О значении и роли «поэзии» в лирике русского сентиментализма // Вестник Московского государственного областного университета. Серия Русская филология. 2016. № 5. С. 233–242.
DOI: 10.18384/2310-7278-2016-5-233-242

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

A. Ivanickij. Significance and role of “Poetry” in Russian Sentimentalism // Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology. 2016. no. 5. pp. 233–242.
DOI: 10.18384/2310-7278-2016-5-233-242

УДК 82-1/-9

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-5-243-250

ПРИНЦИП «ИСЧЕРПЫВАЮЩЕГО ДЕЛЕНИЯ» В ЛИРИКЕ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА И ТРАДИЦИИ ПОЭЗИИ XVIII ВЕКА (К ПРОБЛЕМЕ «М.Ю. ЛЕРМОНТОВ И Н.М. КАРАМЗИН»)*

Киселева И.А., Алпатова Т.А.

*Московский государственный областной университет
105005, Москва, ул. Радио, д. 10а, Российская Федерация*

Аннотация. В статье рассматривается особый поэтический приём, популярный в лирике XVIII – первой половины XIX века, который Л.В. Пумпянский назвал «принцип исчерпывающего деления». На примере стихотворений Н.М. Карамзина и М.Ю. Лермонтова проводится анализ исчерпывающего деления как особого типа композиции стихотворения, в котором перечисляются все рационально представляемые грани отдельного явления. Таким образом ставится вопрос о гносеологическом потенциале «исчерпывающего деления» – способа постижения бытия как «единства в многообразии», высшего проявления гармонии мироздания, к которой стремится поэт.

Ключевые слова: Н.М. Карамзин, М.Ю. Лермонтов, классицизм, сентиментализм, романтизм, риторика.

THE PRINCIPLE OF “EXHAUSTIVE FISSION” IN M. LERMONTOV’S POEMS AND THE TRADITIONS OF THE 18TH CENTURY’S POETRY (TO THE PROBLEM OF “LERMONTOV AND KARAMZIN”)

I.Kiselyova, T.Alpatova

*Moscow State Region University
10A Radio St., Moscow, Russian Federation, 105005*

Abstract. The article deals with a special poetic technique, popular in the lyrics of 18th – the first half of the 19th century, which L. Pumpyansky called "principle of exhaustive fission". On example of N. Karamzin's and M. Lermontov's poems, the analysis of the exhaustive fission as a special type of poem composition is performed. The composition lists all rational to the brink of a single phenomenon. Thus the question of the epistemological potential of "exhaustive fission" is raised – ways of understanding life as "unity in diversity", the highest manifestation of the harmony of the universe, to which the poet strives.

Keywords: N. Karamzin, M. Lermontov, classicism, sentimentalism, romanticism, rhetoric.

Характерный для рационалистической поэтики образно-композиционный приём, получивший название «принцип исчерпывающего деления», был в 1923

* Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ, проект № 15-04-00494 «Н.М.Карамзин: энциклопедический словарь».

© Киселева И.А., Алпатова Т.А., 2016.

г. описан Л.В. Пумпянским применительно к стилю А.С. Пушкина. По мысли исследователя, приём представлял собой не столько стилевое явление, сколько именно «принцип мышления», некое особое «разделительное суждение», «не дающее нового знания, а расчленяющее с возможной точностью состав старого знания» [6, с. 212], представляющее характерную именно для рационалистической литературы тенденцию.

В задачи данной работы входит рассмотрение судьбы указанного приёма в поэтических системах, «выбивавшихся» за пределы нормативно-риторической эстетики, что предполагало и трансформацию «разделительного мышления», образно-композиционным воплощением которого оказывалось «исчерпывающее деление». Важность такого подхода видится ещё и в том, что позволяет найти сравнительно органичную сферу для сопоставления принципов лермонтовской поэтики с традициями отечественной лирики XVIII века. **Вопрос этот сложен** уже потому, что сам поэт словно бы заранее дал на него ответ, дистанцировавшись от предшествующего столетия [5, с. 423-424], подчёркнуто стремясь к художественной самостоятельности и потому не принимая принципов нормативно-традиционалистской эстетики на самых разных уровнях, от проблемно-тематического до жанрового.

Имя Лермонтова в связи с исследованием судьбы «исчерпывающего деления» в романтической лирике было названо уже Л.В. Пумпянским. Карамзин в этом случае возникает как сопоставительная фигура именно потому, что в его художественной систе-

ме можно выделить сходные процессы трансформации рационалистического «изобретения» художественного образа, которые как сближают его с нормативно-риторической традицией, так и отдаляют от неё. Рабочая гипотеза данной статьи видится в том, что подобное взаимодействие разнонаправленных процессов обнаруживается и в поэтике Лермонтова, что в перспективе даёт ещё одну возможность ставить вопрос об истинном значении эстетического наследия прошлого в его творчестве.

Генезис «принципа исчерпывающего деления» в композиции развёртывания лирического образа, по видимому, необходимо возводить к риторической амплификации, в которой равнозначные выражения – своего рода «поиск» точного слова из ряда близких соотносимых – притом поиск, который ведётся, но не имеет однозначной «цели»; целью подобной синтаксической структуры оказывается она сама, её собственное построение, вся совокупность перечисляемых / «нанизываемых» словесно-образных единиц. Значительное влияние на развитие «исчерпывающего деления» в русской поэтике оказала также теория «изобретения» М.В. Ломоносова, представляющая собой последовательность определённым образом связанных граней поэтической мысли – в этом случае также расходящийся «веер» ассоциаций может быть очень сложным и широким [4, с. 111-113], что нередко приводило к критике Ломоносова со стороны более строгих приверженцев теории классицизма, а для исследователей позднейшего времени стало основным тезисом в утверждении значения барокко для

ломоносовской торжественной оды. В свете этих генетических источников «принципа исчерпывающего деления» составляющие его приёмы – собственно «деление» и «перечисление», так называемые «списки» и «упоминания» («перечни неразвивающихся тем») [6, с. 216-217] – не отрицают в том числе ассоциативности. «Расчленяя» суждение и перечисляя его составные части, выстраивая таким образом «исчерпывающее деление», поэт стремится к некоей цели, в конечном итоге внеположной «перечню», природу которой также представляется важным понять, прежде чем обратиться к её переосмыслению в начале XIX века.

Характеризуя «принцип исчерпывающего деления», по-видимому, важно также представлять тот источник «универсального знания», благодаря которому и становится возможной столь «предельная» и «безусловная» аналитичность подобного суждения. Восстанавливая генезис русской торжественной оды XVIII века, Н.Ю. Алексеева видит её истоком особое философско-эстетическое воззрение, в котором между поэтическим образом и «реальностью» стоит некое «готовое представление» [1, с. 197] «умственное созерцание взаимообусловлено готовыми представлениями и готовыми словами» [1, с. 197]. Эти представления членимы и исчислимы, в этом смысле они и подвержены «исчерпывающему делению», высшую цель которого, по мысли Н.Ю. Алексеевой, его приверженцы видели во всеохватности представленной картины мира: «Мыслящему взору поэта открывается весь мир в его настоящем, прошлом и будущем; во всей его огромности и безбрежности...» [1, с. 192].

Формулы «исчерпывающего деления» занимают в поэзии Н.М. Карамзина весьма значительное место. В этом смысле рассматриваемый феномен оказывается в одном ряду и с другими риторическими приёмами в поэтике карамзинского текста, и таким образом сентиментально-предромантические тенденции, реализовавшиеся на проблемно-тематическом уровне его стихотворений, взаимодействовали в его многосоставной эстетике с рационалистическими элементами, когда «новые» поэтические эмоции воплощались в рамках риторической образности – и «готового слова», и «готового представления».

Интересно посмотреть реализацию этого приёма в стихотворении Н.М. Карамзина «Протей, или Несогласия стихотворца», по справедливости признаваемого современными исследователями одной из важнейших эстетических деклараций карамзинской поэзии. Центром художественного размышления здесь становится идея творческой свободы; своеобразный эклектизм поэтического выражения – свидетельство отзывчивости души всем впечатлениям бытия:

Противоречий сих в порок не должно ставить

Любимцам нежных Муз; их дело выражать

Оттенки разных чувств, не мысли соглашать,

Их дело не решать, но трогать и забавить <...>

Здесь сердце говорит, но истина нема [2, с. 168].

Однако сам принцип композиционно-стилистического построения текста – «размышления» о свободе – представляет своего рода расчленение

и исчисление возможных «примеров» реализации свободных «превращений» поэта-Протея. Идея разнообразия человеческих судеб и состояний раскрывается в чётко организованной последовательности: естественная жизнь на лоне природы – «великолепный град, картина многолюдства», представляющая успехи цивилизации; твёрдость души истинного мудреца – чувствительность «нежных сердец»; слава «великих душ» – тщета славы перед лицом вечности; любовь как высшее счастье человека – любовь как источник печали и горести... Парно противопоставляемые, образы людских состояний, страстей, переживаний, в совокупности представляют некий образ *всеобщего* – это не просто «разные» состояния, но объединённые согласно логическому рациональному суждению, – единство в многообразии. Сущность этого единства в данном случае – «человек», в природе которого заложены истоки противоречивых, противоположных жизненных импульсов и принципов; «исчерпывающее деление», лежащее в основе стихотворения в целом, позволяет раскрыть сложную природу этого явления.

При этом контрапунктное соединение установок на анализ и синтез в исчислении возможных поэтических ассоциаций проявляется не только на макроуровне текста в целом, но и на микроуровне – в каждом отдельном описании, детали которого в совокупности также составляют элементы целого. Так, в хвале *Цивилизации* соединяются искусство – город – общество; в *Обществе*, в свою очередь, также перечисляются более частные понятия, объединённые в состав целого:

*Разнообразное движение страстей,
Подобно бурному волнению морей,
Но действием ума премудро согла-
шенных*

*И к блеску общества законом обра-
щенных;*

*Театр, где, действуя лишь для себя
самых,*

*Невольно действует для выгоды
других;*

*Машина хитрая, чудесное сплетенье
Бесчисленных колес; ума произведение,
Но, несмотря на то, загадка для
него!.. [2, с. 162]*

Свобода в выборе поэтического предмета, таким образом, отнюдь не отвергает рационального; «протезизм» как высшая идея стихотворства и предмет художественного осмысления в своих конкретных проявлениях раскрывается в разнообразных ассоциативных рядах, в свою очередь объединяемых, снова разделяющихся; реализуясь на различных уровнях поэтического текста, «принцип исчерпывающего деления» в данном случае решает ту же риторическую задачу некоей высшей «убедительности», природа которой заключена именно во «всеохватности» описания.

Лермонтовские случаи «исчерпывающего» принципа риторико-композиционного построения текста не менее многочисленны. Нередко они поддерживаются строфическим членением стихотворения, анафорами, приёмами синтаксического параллелизма и т. п.

Думается, характерным элементом именно лермонтовской трактовки приёма оказывается подчёркнутая устремлённость исчисляемых «единиц» ко всеобщему. Принцип «исчерпывающего деления» может реализовываться в «парных» понятиях,

своеобразный «контрапункт» которых и может разрешаться в итоге желанным единством:

*Нет, я не Байрон, я другой,
Ещё неведомый избранник,
Как он гонимый миром странник,
Но только с русскою душой...* [3, с. 361]

В поэтическом размышлении Лермонтова пары противоположностей существуют на различных уровнях: «не Байрон» – «другой»; «как он...» – «но только»; начало – конец; ум – душа; человек – толпа... Завершающее стихотворение восклицание «Я – или Бог – или никто!» не только очередное противопоставление, разрешающееся своеобразным «отрицающим синтезом», но и реминисценция (возможно, неосознанная) карамзинского «Протей...», в котором размышление о стоицизме истинного мудреца поэтически представляется в некоем возможном панегирическом тексте, частью которого и становится восклицание:

Великая душа! Что мир сей пред тобой?

Горсть пыльных земли. Кто повелитель твой?

Сам Бог – или никто... [2, с. 163]

В связи с «принципом исчерпывающего деления» Л.В. Пумпянский выделял стихотворение Лермонтова «Ветка Палестины», показывая, что в данном случае сам исходный принцип рационалистического мышления – «анализировать и перечислять в порядке» [6, с. 212], «аристотелевская удобообозримость» [6, с. 217] оказывается радикально трансформирован: у Лермонтова-поэта «нет пафоса вопрошения» [6, с. 213], а цепочка вопросов оборачивается вопросами мнимыми, которые «суть на самом

деле ответы» [6, с. 213], «перечень ассоциаций», по мысли Пумпянского, присущий именно романтической эстетике.

«Ветка Палестины» предстаёт одним из самых насыщенных пушкинскими реминисценциями стихотворением, причём, в отличие от ранней лирики Лермонтова, они настолько органично и плотно врастают в самые разные слои текста, что формируют своего рода «пушкинскую амальгаму»: от ритмической структуры и строфической / синтаксической композиции («кальки» пушкинского стихотворения «Цветок») до узнаваемых персонажей и мотивов («Жил на свете рыцарь бедный...», «Бахчисарайский фонтан»), словно бы невольно подсказанных поэтической памятью «цитат» (как «прозрачный сумрак...» последней строфы, унаследованный Лермонтовым от пушкинского вступления к «Медному всаднику»). Эта «пушкинская» основа, безусловно ассоциировавшаяся в творческом сознании Лермонтова с абсолютной гармонией, проникает и в глубину ритмико-интонационной структуры: чётко выдержанный четырёхстопный ямб (к тому же в значительном количестве стихов полноударный), классическая «правильность» которого, уже несколько архаичная для русской поэзии конца 1830-х – начала 1840-х гг., поддерживалась столь же чётко выдержанным фонетическим жестом – постоянно повторяемым переходом с раскатистого «р» к мягкому плавному «л» в различных звуковых сочетаниях («Где ты росла...»; «Ты украшением была...»; «Ночной ли ветер в горах Ливана...»; «Широколиственной главой...» и мн. др.).

Совокупность приёмов, организующих текст, функционально связана с особой творческой задачей, которая может быть определена как стремление к абсолюту – полноте, завершённости, гармонической уравновешенности всех возможных формальных элементов. Вопросы, в избытке присутствующие в семи строфах из девяти, тем не менее выстроены таким образом, что лишь способствуют этому ощущению равновесия и полноты: и благодаря многократному параллелизму («Где ты росла, где ты цвела, // Каких холмов, какой долины...» и др.), и благодаря размеренно-чёткой строфической композиции, в свою очередь столь же чётко оформляющей лирический сюжет, пространственно-временную и субъектно-объектную структуру текста. Четыре части стихотворения почти равны по длительности: три строфы – вопрошания, связанные с той памятью, что несёт в себе «ветка»; две строфы – судьба пальмы; две – размышления о том загадочном человеке, что привёз ветку в иной, далёкий от её родины край, и наконец, последние две строфы – явление самого образа ветки, не видимого до той поры и представавшего лишь в цепочке воспоминаний. Эта абсолютная формальная завершённость – совершенство структуры – в итоге делает несомненным то духовное откровение, которое становится главной движущей силой в развитии поэтической мысли. Стихотворение занимает особое место в ряду духовно-философских произведений поэта последних лет его жизни: наряду со стихотворениями «Молитва» («В минуту жизни трудную...» и «Я, Матерь Божия, ныне с молитвою...»), «Когда волнуется желтеющая нива...», «Выхожу один я на дорогу...» и др.

оно свидетельствовало о важнейшем для лирического героя Лермонтова духовном опыте – живого, свободно-го от мистико-фантастической образности и романтических оппозиций («земное» / «небесное», с устоявшимся набором ценностно-иерархических характеристик) ощущения небесного как непосредственно предстоящего, как несомненной и абсолютно ясной реальности. «Спокойствие» и выверенность ритмико-интонационного, фонетического, образного «рисунка» оказывается для этого особенно важна как свидетельство очевидности этого опыта. Три «вопрошающие» части поэтического монолога здесь – путь к постижению того, что есть безусловная реальность; не случайно в последней, четвёртой части вопросы исчезают; не случайно сам образ «ветки Палестины» описывается лишь в двух последних строфах, где она является как незыблемо стоящая на грани земли и небес вертикаль («Страж Ерусалима, // Святини верный часовой...»), вписанная в абсолютный круг Божественной полноты и совершенства: «Прозрачный сумрак, луч лампады, // Кивот и крест, символ святой... // Всё полно мира и отрады // Вокруг тебя и над тобой» [3, с. 416]. Так происходит «процесс “преображения” одного мира в другой, изживание экзистенциальной драмы» [6, с. 114].

Этот опыт тем более важен, что образ ветки являет собой и очень важное в лермонтовском духовном развитии переосмысление смерти: рост, цветение, жизнь для неё, казалось бы, в прошлом, она «увяла», но в этом увядании, в «уходе» от земной жизни обрела истинный смысл своего существования, как бы «смертию смерть поправ». В отличие даже от пушкинского «Цвет-

ка» – символа, пробуждающего память о прошлом («И вот уже мечтою странной // Душа наполнилась моя...»), «ветка Палестины» у Лермонтова ведёт не только к прошлому, но к будущему, а по сути – к тому особому состоянию бытия, в котором преодолевается иллюзия временной разделённости и достигается истинная, предначальная полнота существования.

Таким образом, анализ проявлений принципа исчерпывающего деления в русской лирике конца XVIII – начала XIX в. позволяет выявить важную область взаимодействия индивидуально-авторского и нормативно-традиционалистского типов художественного сознания. При этом важно помнить, что «разделяющее» и «исчисляющее» изображение – не просто следствие рационали-

стического мирозерцания, не просто «структура»; высшей целью подобного «исчисления» было постижение закона бытия как «единства в многообразии». Гносеологический потенциал «исчерпывающего деления» как поэтической структуры связан с неоплатоническими представлениями об истинной природе бытия, его высшей гармонии, которая и воплощается в «гармонизирующей» направленности «исчисляющего» изображения. Примеры реализации этого приёма в творчестве Н.М. Карамзина и М.Ю. Лермонтова подтверждают его значение в творческом развитии не только конкретных поэтов, но и русской лирики той поры, сложная система взаимодействия с традицией у которой и позволяет судить о путях её развития в новой эстетике XIX столетия.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Алексеева Н.Ю. Русская ода. Развитие одической формы в XVII–XVIII веках. СПб.: Наука, 2005. 369 с.
2. Карамзин Н.М. Полное собрание сочинений: В 18 т. Т. 14: Стихотворения и стихотворные переводы. Проза 1780 – начала 1790-х годов. М.: Terra – Книжный клуб, 2005. 432 с.
3. Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 1. Стихотворения, 1828–1841 / ред. В.Э. Вацура; вступ. ст., подгот. текста Т.П. Головановой. 1979. АН СССР. Институт русской литературы (Пушкинский дом). Изд. 2-е, испр. и доп. Л.: Наука. Ленингр. отделение, 1979–1981. 655 с.
4. Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 7: Труды по филологии 1739–1758. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. 996 с.
5. Нейман Б.В. Русские литературные влияния в творчестве Лермонтова // Жизнь и творчество М.Ю. Лермонтова: Исследования и материалы: Сборник 1. М.: ОГИЗ, 1941. С. 422–465.
6. Пумпянский Л.В. Классическая традиция. Собрание трудов по истории русской литературы. М.: Языки русской культуры, 2000. 864 с.

REFERENCES

1. Alekseeva N.YU. Russkaya oda. Razvitie odicheskoi formy v XVII–XVIII vekakh [Russian ode. The development of the odic form in the 17–18th centuries]. Spb., Nauka, 2005. 369 p.
2. Karamzin N.M. Polnoe sobranie sochinenii: V 18 t. T. 14: Stikhotvoreniya i stikhotvornye perevody. Proza 1780 – nachala 1790-kh godov [Complete works: In 18 V. V. 14: Verses and verse translations. Prose 1780 – early 1790s]. M., Terra - Knizhnyi klub, 2005. 432 p.
3. Lermontov M.YU. Sobraenie sochinenii: V 4 t. T. 1. Stikhotvoreniya, 1828–1841 [Collected works: in 4 vol-s. Vol. 1. Poems, 1828–1841] / Ed. V.E. Vatsuro; Introd. art., prep. of text by

- T.P. Golovanov. 1979. AS USSR. The Institute of Russian literature (Pushkin house). Ed. 2nd, rev. and ext. L., Nauka. Leningr.otd-nie, 1979–1981. 655 p.
4. Lomonosov M.V. Polnoe sobranie sochinenii: v 10 t. T. 7: Trudy po filologii 1739–1758 [Complete works in 10 volumes. Vol. 7: Works on Philology 1739–1758]. M.; L., Izd-vo AN SSSR, 1952. 996 p.
5. Neiman B.V. Russkie literaturnye vliyaniya v tvorchestve Lermontova [Russian literary influence in the works of Lermontov] // ZHizn' i tvorchestvo M.YU. Lermontova: Issledovaniya i materialy: Sb. 1 [The life and work of M. Lermontov: Studies and materials: Coll. 1]. M., OGIZ, 1941. pp. 422–465.
6. Pumpyanskii L.V. Klassicheskaya traditsiya. Sobranie trudov po istorii russkoi literatury [The classical tradition. A collection of writings on the history of Russian literature]. M., Yazyki russkoi kul'tury, 2000. 864 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Киселева Ирина Александровна – доктор филологических наук, доцент, профессор, заведующий кафедрой русской классической литературы Московского государственного областного университета

e-mail: ia.kiseleva@mgou.ru

Алпатова Татьяна Александровна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской классической литературы Московского государственного областного университета

e-mail: alpatova2005@rambler.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Irina Kiselyova – doctor of Philological Sciences, associate professor, professor, head of Department of Russian classical literature at Moscow Region State University;

e-mail: ia.kiseleva@mgou.ru

Tatiana Alpatova – doctor of Philological Sciences, associate professor, professor of Department of Russian classical literature at Moscow Region State University;

e-mail: alpatova2005@rambler.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА:

Киселева И.А., Алпатова Т.А. Принцип «исчерпывающего деления» в лирике М.Ю.Лермонтова и традиции поэзии XVIII века (к проблеме «М.Ю.Лермонтов и Н.М.Карамзин») // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2016. № 5. С. 243–250.

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-5-243-250

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

I. Kiselyova, T. Alpatova. The principle of “exhaustive fission” in Lermontov’s poems and the tradition of the 18th century’s poetry (to the problem of “Lermontov and Karamzin”) // Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology. 2016. no. 5. pp. 243–250.

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-5-243-250

УДК 82-1/-9

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-5-251-260

Н.М. КАРАМЗИН: МЫСЛИ О ЛЮБВИ***Сапченко Л.А.**

Ульяновский государственный педагогический университет имени И.Н. Ульянова
432700, г. Ульяновск, пл. 100-летия со дня рождения В.И. Ленина, д. 4,
Российская Федерация

Аннотация. Статья представляет собой анализ в жанрово-стилевом и историко-литературном аспекте написанного на французском языке произведения Н.М. Карамзина «Quelques idées sur l'amour» (известного в русском переводе как «Мысли о любви»). Обращение к редким материалам и документам (малоизвестные журнальные публикации, неопубликованный рукописный альбом Карамзина) существенно обогащает существующие представления о жанровом своеобразии его литературного наследия, корректируется его хрестоматийный облик, выявляется неоднозначность творческой личности писателя, принципиальная диалогичность его позиции.

Ключевые слова: Н.М. Карамзин, Quelques idées sur l'amour, «Мысли о любви», своеобразие жанра, диалогизм авторской позиции.

N. KARAMZIN: THOUGHTS OF LOVE**L. Sapchenko**

Ulyanov Ulyanovsk State Pedagogical University

4, pl. 100-letiya so dnya rozhdeniya V. I. Lenina, Ulyanovsk, Russian Federation, 432700

Abstract. The article presents an analysis of the work «Quelques idées sur l'amour» by N. Karamzin, written in French (known in Russian translation as «Thoughts of love»), in the genre, stylistic, historical and literary aspects. Turning to rare materials and documents (little known journal articles and Karamzin's unpublished handwritten album) significantly enriches the existing views on genre originality of his literary heritage, his textbook image is being amended, ambiguity of the creative personality of the writer and essential dialogueness of his viewpoint are being revealed.

Keywords: N. Karamzin, «Quelques idées sur l'amour», «Thoughts of love», genre originality, Dialogism of the author's viewpoint.

Жанровая форма афоризмов, максим, «мыслей» и «парадоксов» обнаруживает свою актуальность в различные эпохи. Вид словесного искусства, называемый «афористикой», получил достаточно полное осмысление в теории и истории литературы. Афористика отражает «жизненный опыт в виде кратких по форме и обобщающих по смыслу высказываний-суждений» [14, с. 43]. Доста-

* Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ, проект № 15-04-00494 «Н.М.Карамзин: энциклопедический словарь»

© Сапченко Л.А., 2016.

точно разветвлённой предстаёт жанровая дифференциация афористики (сентенции, максимы, гномы, хрии).

Нетрудно, однако, заметить, что встречающееся наряду с этими обозначениями в соответствующих сборниках (нередко в их заглавиях) жанровое понятие «мысли» не получило никакого отражения в литературоведческих словарях и энциклопедиях.

Между тем «Мысли» обладают особой спецификой в сравнении с афоризмами или максимами. Афоризм – краткое изречение, представляющее собой готовый результат мыслительного процесса, который может быть как мгновенным озарением, так и долго вызревающим плодом трудных опытов целой жизни. «Мысли» же, записанные порой на клочках бумаги (Паскаль, Шамфор), могут заключать в себе как сам процесс мышления в его стремлении к постижению сложности жизни, так и собственно итог раздумий, который несёт на себе следы мучительного поиска, пульсирующего биения жизни и, наконец, внезапно разлившего света. Так, в «Мыслях» Паскаля есть и краткие, и пространные высказывания (некоторые из них «кажутся небольшими трактатами о государстве или философских школах, другие представляют собой ёмкий афоризм, который смог бы стать содержанием целого философского романа о человеческой природе, третьи – состязательный диалог...» [14, с. 184-185]), но объединяет их именно напряжённая работа человеческого духа, движение мысли, преподнесенной либо как обретённая истина, либо как страстное искание её. Афоризмы – это вечные истины. «Мысли» – истины, впервые

открываемые, несущие в себе очарование первозданности.

Сравнительно большая протяжённость тех или иных словесных фрагментов в «Мыслях» обусловлена не многосложностью высказывания, а передачей самого пути, самого движения к истине.

Предполагалось, что «мысль изреченная есть истина» (научная, религиозная, нравственная). Однако кризис рационалистической философии, распространение сенсуализма и развитие личностного начала привели к тому, что жанровая форма «мыслей» стала выражать специфическое миропонимание их автора. Мысли и афоризмы публиковались, заносились в записную книжку, помещались в альбомы. В самой природе истины теперь наиболее важным становится то, что она прочувствована, выстрадана. При этом автора не покидало стремление найти сочувственников. «Мысли» публиковались в надежде, что существует не столько единство умов, сколько родство душ. Не философские диалоги античности, предполагающие рождение истины в споре, не богословские диспуты средневековья – специфичным для конца XVIII столетия становится уединённое размышление. Но итоги его преподносились всё же обществу, приобретая характер исповеди при всех.

Однако круг адресатов постепенно сужался – до самых близких друзей или даже до единственного друга, но этого было достаточно. Важным становилось не выведение обобщения, а акт коммуникации, именно это превращалось в цель высказывания.

Уникальность «мыслей» в том, что они, облекаясь в различные жанровые

формы и разные типы высказываний, проникают в психологические глубины, улавливают и схватывают такие парадоксы и тонкости человеческой психики и ума, которые долго оставались тайной для самого их носителя.

С избранной точки зрения представляют интерес опубликованные труды и рукописное наследие Н.М. Карамзина.

Разочарование Карамзина в силе человеческого разума, стремление решить вопрос о самом существовании истины, о возможности человека жить в мире с миром и с собой выразились в его собственных афористических высказываниях и в многочисленных выписках из произведений европейских авторов. Карамзин помещал такие выписки в своих журналах, в отделе «Смесь» газеты «Московские ведомости», в «Пантеоне иностранной словесности», а также в записных книжках и альбомах.

В одной из глав «Писем русского путешественника» [4, с. 288] есть эпизод о литературном вечере в салоне госпожа Гло*, где состоялось чтение сочинения маркизы Л* «Мысли о любви», «глубокомысленного» произведения.

И.З. Серман выражает сомнение по поводу достоверности описываемого события. Прежде всего, в июне Карамзина уже не было в Париже [12, с. 184-211]. Во-вторых, сожалея, что не может «от слова до слова пересказать» мыслей автора, русский путешественник приводит те отрывки, которые остались у него в памяти, «в таком отлично сохранённом изложении, что трудно представить себе возможность подобного запоминания прозаического французского текста, да ещё тща-

тельно отредактированного, с закурсивленными словами...» [13, с. 186]. «Это мог сделать только автор», – делает вывод исследователь и обращает внимание читателя «на то удивительное обстоятельство, что Карамзин смог тут же сделать русский перевод прочитанных по-французски мыслей» [13, с. 188]. И.З. Серман определяет этот эпизод как «своего рода пастиш или даже пародия на тот тип салонной литературы, который был неприемлем для Карамзина ни во Франции, ни тем более в России» [13, с. 186].

Передавая своё впечатление от услышанного, Карамзин (в своей манере) совмещает противоположные оценки в пределах одной фразы. В приведённом тексте он видит как достоинства, так и недостатки: «хорошо, изрядно, высокопарно, темно, и совсем не женский язык!» [3, с. 289]. «Тёмный» и «высокопарный», – «самые осудительные оценки стиля в критических статьях Карамзина» [13, с. 195]. Строя свои суждения по принципу диалога, Карамзин вначале соглашается с некоторыми положениями оппонента, а после – возражает ему.

В письме к И.И. Дмитриеву (от 10 декабря 1797 года) Карамзин поместил собственный этюд на французском языке «Quelques idées sur l'amour». Хотя переведённые на русский язык «Quelques idées sur l'amour» получили в погодинском двухтомнике название «Мысли о любви» [7, с. 270-274], это не тот текст, который упомянут в «Письмах русского путешественника». Он другой – и по языку, и по содержанию.

31 декабря 1797 года Карамзин даёт автокомментарий к «Quelques idées sur l'amour», отвечая другу, по-видимому, на упреки в недо-

статке логики и чёткости построения: «Мысли мои о любви брошены на бумагу в одну минуту; я не думал писать трактат, а хотел единственно сказать, по тогдашнему моему чувству, что любовь сильнее всего, святее всего, несказаннее всего. Философия и страстная любовь не могут быть дружны, мой милый Иван Иванович. Первая пишет только сатиры на последнюю; а тогда жить и любить было для меня одно. Рассуждать о страстях может только равнодушный человек; не в бурю описывать бурю» [2, с. 89]. Отметая жанровое определение «*Quelques idées sur l'amour*» как «трактата», Карамзин воспринимает их скорее как *impromptu* (экспромт, импровизация), «или назови, как хочешь» [2, с. 89].

Термин *Impromptu* происходит от латинского *xprom(p)tus* – «готовый, быстрый». Обычно так определяется жанр небольшого музыкального сочинения, отличающегося свободной формой, порывистостью и производящего впечатление импровизации. Это непосредственное выражение настроения или лирического переживания, возникшего под влиянием минуты, вызванного особой ситуацией и написанное сразу, без подготовки.

Излившись в такой необычной для словесного искусства форме, творение Карамзина свидетельствовало, с одной стороны, о невозможности для него оставаться в рамках привычной системы жанров, а с другой, делало более зримыми специфические свойства его ранней прозы: лирический сюжет, мелодичность, эмоциональность, ритмичность.

Включение литературных произведений в состав дружеского письма было характерной чертой этого жанра.

Дружеское послание допускало, даже предполагало публичное прочтение в среде единомышленников, в литературных кружках. Отсюда – просьба Карамзина не разглашать его авторства, поскольку содержание этюда было глубоко личным, основанным на недавно пережитом страстном чувстве.

«Сын века Просвещения», Карамзин отметал стиль «салонно-прециозной литературы французской аристократии XVII века» [13, с. 197], – пишет И.З. Серман. Исследователь убеждён, что Карамзин следовал, скорее, эстетическим установкам века Просвещения и современных ему французских авторов, в частности Мармонтеля, много переводя его и солидаризуясь с ним «в неприязни к эпигонам презиозной литературы» [13, с. 200]. «Пустоте женского рукоделия Карамзин противопоставил гимн любви, гимн страсти» [14, с. 204].

Однако «*Quelques idées sur l'amour*» тоже написаны от лица женщины. В письме автор просил друга: «... Не называй никому, что эта пьеса моя. Я называл её сочинением одной дамы; и так не противоречь мне» [2, с. 84]. В соответствии с просветительской программой Карамзина «желание скрыть своё авторство за вымышленным лицом мифической дамы» должно было, по словам Ю.М. Лотмана, «убедить, что женщина может быть изящным сочинителем. Требование русской речи придёт позже» [5, с. 276].

Слог сочинения «парижской дамы» и слог отрывка из карамзинского письма к Дмитриеву, действительно, различаются. Первый более афористичен, риторичен, украшен, «высокопарен». Приведённые в отрывке суждения претендуют на выражение всеобщей,

равно для всех приемлемой истины и представлены как нравственно-философский итог. В отличие от этого, эту «Несколько мыслей о любви» передаёт само стремление к истине. Одна идея рождает другие, которые, в свою очередь, являются предпосылкой появления новых и отражают специфическое миропонимание их автора. «Мыслям», в отличие от афоризмов, свойственно многоголосие, столкновение разных точек зрения, полифония, где ведущую партию исполняет всё же авторский голос.

«...собственные карамзинские «Мысли о любви», посланные в конце 1796 года Дмитриеву, написаны полемически и вместо изящных кружев женского рукоделия представляют собой образец пламенного красноречия на тему о любви, красноречия в духе персонажей Шиллера», – пишет И.З. Серман [13, с. 204-205]. Уточняя мнение французского слависта Ж. Брейяра и указывая на отбор писателей в «Пантеоне иностранных авторов», И.З. Серман подтверждает, что Карамзин ориентируется не на престижную литературу, а на постклассицизм, на эпоху Просвещения в целом и на одного из её, может быть, не первостепенных, но популярных представителей – на Мармонтеля» [13, с. 204-205]. Исследователь приводит при этом мнение О.Б. Кафановой, что «переводы из Мармонтеля явились своеобразной лабораторией становления литературного языка и нового слога русской прозы вообще» [4, с. 157-176].

Нельзя, однако, не отметить, что для Карамзина существовали и другие литературные образцы, к которым он постоянно обращался и делал иностранные выписки из них для себя и

самых близких своих друзей. Это, прежде всего, Руссо, затем Монтень, а кроме того, те писатели и мыслители, которые упоминаются значительно реже или даже никогда не принимаются во внимание при характеристике мировоззрения и творчества Карамзина: Боссюэ, Паскаль, Монтескье, Бюффон, Лафонтен, Ларошфуко, Помпийн, Николь, г-жа Неккер и др.

Помещая отрывки из их сочинений в альбомы и записные книжки, в свои журналы и т. д., Карамзин тем самым придавал цитируемым фрагментам специфический жанровый статус – «мыслей», афоризмов, «парадоксов».

Карамзинские «Мысли о любви», «Мысли об уединении», «Мысли об истинной свободе» и т. д. нередко афористичны и всегда парадоксальны, как и целый ряд других его известных высказываний. Причём «Мысли о любви» в письме к Дмитриеву (сочинение мадам де Lim.) не во всём противопоставлены сочинению маркизы «Л» из «Писем русского путешественника». В них есть многое, что мог бы повторить (и повторял в своих произведениях, записных книжках, альбомах) сам Карамзин.

Это касается, во-первых, восходящего к роману Руссо «Новая Элоиза» представления о безотчётном (избирательном) сродстве душ, о взаимном влечении, которое чувствуют два сердца, друг для друга сотворённые» и которое изобразил Карамзин в повести «Наталья Боярская дочь» («Вот он!» – восклицает героиня, впервые увидев Алексея) [9, с. 149-153].

Кроме этого, высказывание Монтеня, которое приводит сочинительница в «Письмах русского путешественника» («Друг мне мил для того, что он –

он; я мил ему для того, что я – я»), сам Карамзин более пространно цитировал в рукописном альбоме, составленном им для императрицы Елизаветы Алексеевны¹.

Текст, отправленный в письме к Дмитриеву, отмечен уже сложившимися приметами карамзинского стиля: полемическим построением, столкновением разных точек зрения, несовпадающих мнений, суждений, высказываний. Всему тому, что «говорят», «обыкновенно думают», что сказал «один великий писатель», в ответ многократно звучит убеждённое «Нет!» (сочинение «парижской дамы» в основном монологично).

Вместе с тем карамзинские «*Quelques idées sur l'amour*» обладают уникальной жанровой спецификой, не позволяющей безоговорочно отнести их к жанру афоризмов или даже «мыслей», поскольку представлены они не как умозаключения, а как всплеск эмоций, как поток сменяющих друг друга возражений, соединяющий

¹ «Если бы у меня настойчиво требовали ответа, почему я любил моего друга, я чувствую, что не мог бы выразить этого иначе, чем сказав: «Потому, что это был он, и потому, что это был я. Где-то за пределами доступного моему уму и того, что я мог бы высказать по этому поводу, существует какая-то необъяснимая и неотвратимая сила, устроившая этот союз между нами. Мы искали друг друга прежде, чем свиделись, и отзывы, которые мы слышали один о другом, вызывали в нас взаимное влечение большей силы, чем это можно было бы объяснить из содержания самих отзывов. Полагаю, что таково было веление неба. Самые имена наши сливались в объятиях. И уже при первой встрече, которая произошла случайно на большом празднестве, в многолюдном городском обществе, мы почувствовали себя настолько очарованными друг другом, настолько знакомыми, настолько связанными между собой, что никогда с той поры не было для нас ничего ближе, чем он мне, а я ему» [7, с. 234].

и чувства, и аргументацию. Автор начинает с опровержения того мнения, что «писать о любви может только человек, воспламенённый любовью»: «...Только тогда, как он придёт в себя, как буря страсти постепенно рассеется, он будет в состоянии говорить о силе любви, им испытанной...». Но «копия с отсутствующего оригинала» всё-таки не будет иметь совершенного сходства с оригиналом и потому (делает вывод автор) никто не может описать любовь так, «как она есть в сердцах восторженных любовников, с её огнедышащей энергией, с её сладострастно-лихорадочным трепетом, – никто» [7, с. 271]. Затем следует попытка разъяснить, почему невозможно описать любовь.

Автор не согласен также с теми, кто считает преувеличенной силу страстей, описанных в романах. Он знает, что «легче бы представить воображению неизмеримость или вечность, чем изобразить несколькими чертами пера всемогущество любви» [7, с. 271]. Перед силой женской любви, перед её способностью к самопожертвованию, считает автор, меркнут все доблестные подвиги героев древности.

Чувство любви предстаёт возвышенным и священным, угодным Богу, оно способно обезоружить праведный гнев создателя по отношению к роду человеческому, спасти его от гибели. Более того, любящие уже здесь, на земле, получают «некоторое понятие» о будущем небесном блаженстве, «поглощая друг друга взглядами». Мнение холодных и порочных людей не может бросить тень на их «светозарные души».

Здесь обнаруживается близость воззрений Карамзина к взглядам тех французских авторов, которых назы-

вает И.З. Серман: Мармонтель и Руссо. Каковы должны быть моральная оценка и нравственная характеристика персонажей, Мармонтель решает в связи с установкой на современного человека: «Персонажи Мармонтеля живут по законам естественной человеческой морали, морали благоприятствования, доброжелательности и взаимопонимания» [13, с. 207]. Что касается Руссо, то он «...своим стилем облагораживает ту смесь порока и добродетели, какая характеризует его персонажей» [13, с. 208].

В качестве одного из участников спора предстаёт в тексте Бюффон: «Один великий писатель сказал, что, кроме физического удовольствия, ничего нет, ни хорошего, ни естественного в любви. Этот великий писатель имел весьма малую душу. Физическое удовольствие не значит ничего в истинной любви; предмет её слишком свят, слишком божествен в наших глазах и не может возбуждать желаний: чувства спокойны, когда сердце взволновано, – а оно всегда в волнении при этой страсти...» [7, с. 273] и т. д.

Вновь предоставляя слово скептически настроенным оппонентам («Чувство любви может ли быть так могущественно в нашей душе, чтобы поглощать в себе все способности, всю деятельность? Недолжно ли приписать это чудо силе воображения?»), автор вступает в спор ними: «Нет, нет. Мечта никогда не может иметь того пламенного жара, который чувствует страстное сердце в стремительных своих порывах. Нет, природа, сама природа, ея непреодолимая сила, возносит нас на эту высоту любви» [7, с. 273].

В публикации «Бюффон и Руссо»,

продолжающей эту тему, сопоставлены их мнения о любви: «Оба писали о любви: изображая её сладость и муку с жаром и трогательную истину, Руссо восхитил сердца чувствительных; Бюффон оскорбил их, утверждая, что одна физическая любовь хороша и что моральная есть зло» [16, с. 417].

Однако противопоставление Бюффона и Руссо опять-таки неоднозначно. Говоря от лица своей героини, Карамзин как бы спорит с самим собой. Сам Карамзин нередко сочувственно цитировал строки из письма Юлии к Сен-Прё из «Новой Элоизы» (письмо XX, часть 3), видимо, полностью соглашаясь с ними¹, но здесь он утверждает, что «Ж.-Ж. Руссо, умирая от любви к г-же Гудето, сжёг бы самые пламенные письма своей Элоизы, найдя их слишком холодными» [7, с. 271], в то время как Бюффон тоже мог быть способен к поэтизации непосредственного, искреннего, пламенного чувства. В альбоме, посвящённом Елизавете Алексеевне (1821), в разделе, специально озаглавленном «Любовь», Карамзин помещает только один отрывок – из

¹ «...Мысль о том, что для счастливого супружества нужна любовь, долгое время вводила меня в заблуждение, а вас, пожалуй, обманывает и поныне. Друг мой, это ошибка: порядочности, добродетели, некоторого соответствия, не столько состояний и возрастов, сколько души и нрава, – достаточно для супругов, что, впрочем, не мешает возникнуть нежной привязанности между ними, хотя и не порождённой любовью, но тем не менее трогательной и более долгой. Любовь сопровождают вечные муки ревности или нужда, не подходящие для брачного союза, который дарует блаженство и покой. Женятся не для того, чтобы думать только друг о друге, но чтобы совместно выполнять обязанности, налагаемые жизнью общества, умело и разумно вести хозяйство, хорошо воспитывать детей» [10, с. 312-313] и т. д.

Бюффона¹. Карамзин любил афоризмы Бюффона и часто их цитировал [см.: 11]. Помещённый среди других высказываний, афоризмов, максим, фрагмент из «Натуральной истории» [16, с. 80-81] приобретает статус «мыслей»: «Любовь! Врождённый инстинкт! Душа природы! Неисчерпаемый источник существования! Высшее могущество, которое может всё, которому никто не в силах противостоять, благодаря которому всё движется, всё дышит и всё обновляется! Божественное пламя, источник вечного продолжения рода, который Творец своим дыханием жизни распространил повсюду! Бесценное чувство, которое одно лишь может смягчать сердца кровожадные и холодные, пронизывая их сладостным жаром! Первопричина любого блага, любого общества, способная объединять без всякого принуждения и одними своими чарами даже натуры дикие

и ожесточенные! Единственный и плодотворный источник всякого удовольствия, всякого наслаждения! Любовь! Почему ты составляешь счастье всех живых существ и приносишь несчастье одному лишь человеку?» [8, с. 74].

Карамзин способен был найти союзника в своём бывшем оппоненте.

Мышлению Карамзина свойственно столкновение различных взглядов: таков принцип внутренней организации «Мыслей о любви». Уникальный в словесном искусстве жанр *impromptu* предстаёт здесь как реплика в жарком споре, а затем (со слов «О вы, горячие сердца...») приобретает черты стихотворения в прозе (гимн любви) и свидетельствует о многомерности творческой личности Карамзина, способного использовать как устойчивые, канонические жанры, так и создавать (под названием «мысли») небывалые жанровые формы.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Вестник Европы. 1802. № 8. С. 339–345.
2. Карамзин Н.М. Письма к И.И. Дмитриеву. СПб.: Императорская академия наук, 1866. 727 с.
3. Карамзин Н.М. Письма русского путешественника («Литературные памятники»). Л.: Наука, 1987. 718 с.
4. Кафанова О.Б. Н.М. Карамзин – переводчик Мармонтеля // Проблемы метода и жанра. Вып. 6. Томск, 1979. С. 157–176.
5. Лотман Ю.М. Сотворение Карамзина. М.: Книга, 1987. 336 с.
6. Монтень М. Опыты: В 3 кн. Кн. 1–2. М.: Терра, 1996. 718 с.
7. Погодин М.П. Н.М. Карамзин по его сочинениям, письмам и отзывам современников. Материалы для биографии с примечаниями и объяснениями. Ч. 1–2. М.: Типография А.И. Мамонтова, 1866. 505 с.
8. Разумовская М.В. Бюффон-писатель. Французские естествоиспытатели XVIII в. и литература. СПб.: Санкт-Петербургский университет, 1997. 156 с.
9. Розова З. «Новая Элоиза» Руссо и «Наталя, боярская дочь» Карамзина // Русская литература. 1966. № 4. С. 149–153.
10. Руссо Ж.-Ж. Избр. соч. Т. 2. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1961. 768 с.
11. Сапченко Л.А. Карамзин и Бюффон // Вестник Московского государственного об-

¹ Карамзин Н.М. Альбом с различными выписками (Стихи, пословицы и др.) // ГАРФ Ф. 728. Оп. 1. Т. 1. Индекс 567. 1821

- ластного университета. Серия: Русская филология. 2015. № 4. С. 133-140.
12. Серман И.З. Где и когда создавались «Письма русского путешественника» Н.М. Карамзина? // XVIII век. Сборник 23. СПб.: Наука, 2004. С. 194-211.
 13. Серман И.З. Литературное дело Карамзина. М.: РГГУ, 2005. 328 с.
 14. Тарасов Б.Н. «Мыслящий тростник». Жизнь и творчество Паскаля в восприятии русских философов и писателей, М.: Языки славянских культур, 2004. 896 с.
 15. Эпштейн М. Афористика // Литературный энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1987. 750 с.
 16. Buffon. Histoire naturelle, générale et particulière: En 36 t. Paris: imprimerieroyale, 1749–1788. T. IV. pp. 3-113.

REFERENCES

1. Vestnik Evropy [Envoy of Europe]. 1802. no. 8. pp. 339–345.
2. Karamzin N.M. Pis'ma k I.I. Dmitrievu [Letters to I. Dmitriev]. SPb., Imperatorskaya akademiya nauk, 1866. 727 p.
3. Karamzin N.M. Pis'ma russkogo puteshestvennika («Literaturnye pamyatniki») [Letters of a Russian traveler ("Literary monuments")]. L., Nauka, 1987. 718 p.
4. Kafanova O.B. N.M. Karamzin – perevodchik Marmontelya [N. Karamzin as Marmontel's translator] // Problemy metoda i zhanra. 1979. no. 6. Tomsk. pp. 157–176.
5. Lotman YU.M. Sotvorenie Karamzina [The Creation of Karamzin]. M., Kniga, 1987. 336 p.
6. Monten' M. Opyty: V 3 kn. Kn. 1–2 [Experiences: 3 vol. Book 1–2]. M., Terra, 1996. 718 p.
7. Pogodin M.P. N.M.Karamzin po ego sochineniyam, pis'mam i otzyvam sovremennikov. Materialy dlya biografii s primechaniyami i ob'yasneniyami. CH. 1–2 [N. Karamzin in his writings, letters and reviews of his contemporaries. Materials for a biography, with notes and explanations. Parts 1–2]. M., Tipografiya A.I.Mamontova, 1866. 505 p.
8. Razumovskaya M.V. Byuffon-pisatel'. Frantsuzskie estestvoispytately XVIII v. i literatura [Buffon as a writer. French naturalists of the 18th century and literature]. SPb., Sankt-Peterburgskii universitet, 1997. 156 p.
9. Rozova Z. «Novaya Eloiza» Russo i «Natal'ya, boyarskaya doch'» Karamzina ["The new Heloise" by Rousseau and "Natalya, the Boyar's Daughter" by Karamzin] // Russkaya literatura. 1966. no. 4. pp. 149–153.
10. Sapchenko L.A. Karamzin i Byuffon [Karamzin and Buffon] // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya. 2015. no. 4. pp. 133–140.
11. Serman I.Z. Gde i kogda sozdavalis' «Pis'ma russkogo puteshestvennika» N.M. Karamzina? [Where and when were the "letters of a Russian traveler" by N. Karamzin created?] // XVIII vek. Sb. 23 [18th century. Coll. 23]. SPb., Nauka, 2004. pp. 194–211.
12. Serman I.Z. Literaturnoe delo Karamzina [Karamzin's literary case]. M., RGGU, 2005. 328 p.
13. Tarasov B.N. «Myslyashchii trostnik». Zhizn' i tvorchestvo Paskalya v vospriyatii russkikh filosofov i pisatelei ["Thinking reed". The life and work of Pascal in the perception of Russian philosophers and writers]. M., Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2004. 896 p.
14. Epshtein M. «Aforistika», Literaturnyi entsiklopedicheskii slovar' ["Aphoristics", the Literary encyclopedia]. M., Sovetskaya entsiklopediya, 1987. 750 p.
15. Buffon. Histoire naturelle, générale et particulière: En 36 t. Paris: imprimerieroyale, 1749–1788. T. IV. pp. 3–113.

Сапченко Любовь Александровна – доктор филологических наук, профессор Ульяновского государственного педагогического университета им. И.Н.Ульянова
e-mail: ssj-sla@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ljubov Sapchenko – doctor of Philological Sciences, Professor of Ulyanov Ulyanovsk State Pedagogical University
e-mail: ssj-sla@mail.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА:

Сапченко Л.А. Н.М. Карамзин: «Мысли о любви» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2016. № 5. С. 251-260.

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-5-251-260

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

L. Sapchenko. N.M. Karamzin: Thoughts of Love // Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology. 2016. no. 5. pp. 251-260.

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-5-251-260

УДК 821.161.1

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-5-261-269

ЖЕНСКИЙ ХАРАКТЕР КАК ВАРИАЦИЯ «ПОЛОЖИТЕЛЬНОГО» И «ИДЕАЛЬНОГО» НАЧАЛ ЖИЗНИ В РОМАНАХ И.А. ГОНЧАРОВА И ЕГО ПУШКИНСКИЕ ИСТОКИ

Семакина А.А.*Московский городской педагогический университет**129226, г. Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4, Российская Федерация*

Аннотация. В статье рассматриваются женские образы из романной трилогии Гончарова в свете «положительного» и «идеального» начал, а также их пушкинские истоки. Гончаров полагал, что в романе «Евгений Онегин» Пушкиным были созданы такие женские образы, к которым впоследствии будут восходить практически все романские героини в отечественной литературе. Эта идея в полной мере воплотилась в художественной антропологии писателя. Автор доказывает, что принцип «положительное – идеальное», по которому Гончаров разделил и сопоставил пушкинских героинь, можно с уверенностью применить к его романной трилогии.

Ключевые слова: И.А. Гончаров, А.С. Пушкин, «Евгений Онегин», романная трилогия, женские персонажи, положительное, идеальное.

FEMALE CHARACTER IN GONCHAROV'S NOVELS AS A VARIATION OF THE «POSITIVE» AND «IDEAL» LIFE BEGINNINGS AND ITS PUSHKIN'S SOURCES

A. Semakina*Moscow City Teacher Training University**4, 2-y Selskokhozyaystvennyy pr-d, 4, Russian Federation, 129226*

Abstract. The article analyses Goncharov's female characters in his novels in the light of «positive» and «ideal» life beginnings and their Pushkin's origins. Goncharov believed that Pushkin had created universal female characters for the whole Russian literature. This idea is fully embodied in the writer's artistic anthropology. The author proves that the principle of «positive — an ideal», which Goncharov shared with Pushkin while describing female characters, may be definitely applied to his trilogy of novels.

Keywords: I. Goncharov, A. Pushkin, «Eugene Onegin», novel trilogy, female characters, positive, ideal.

О пушкинском влиянии в творчестве Гончарова существует немало работ, назовём наиболее значимые для нашего исследования труды Е.А. Краснощековой [8], М.В. Отрадина [11], В.П. Сомова [12], А.Г. Цейтлина [13].

Известно, что Гончаров высказывался об определяющей роли художественных открытий Пушкина для русской литературы. В своей статье «Лучше поздно, чем никогда» он писал о том, что в романе «Евгений Онегин» Пушкиным были созданы такие женские образы, к которым впоследствии будут восходить практически все романские героини в отечественной литературе. По его мнению, у Пушкина сложилась прочная типологическая пара женских персонажей, в которой поэту удалось «сформулировать» самую суть русской женщины. Гончаров выделяет «положительный» тип, т. е. пушкинскую Ольгу, и в «противоположность» ему говорит об идеале – пушкинской Татьяне [1, с. 77]. И поясняет, что «положительное» есть полное и верное отражение эпохи, лучшего, что в ней есть, а идеальное превосходит «положительное» потому, что в нём сильны начала «самобытности и самостоятельности».

Неожиданность характеристики Ольги как существа «положительного», тогда как читателю в этом качестве видится Татьяна, лишь высвечивает самое главное в том, как Гончаров понимал суть пушкинской художественной антропологии. Женской «положительности», с его точки зрения, противостоит не отрицательное начало, но «идеальное».

Как романист Гончаров рассматривал пушкинских Ольгу и Татьяну в качестве национальных литературных архетипов, воспроизводимых затем в отечественной традиции, которые определили образную структуру и его собственных романских текстов.

Признавая, что открытая Пушкиным параллель «положительного» и

«идеального» в женском характере едва ли неприложима ко всей русской литературе, Гончаров, однако, применительно к своему творчеству обозначает соотносённость с ней лишь героинь своего романа «Обрыв» [1, с. 78], намечая при этом общие линии, которые, безусловно, стоит конкретизировать. Есть смысл предположить, что женские образы и в других произведениях романной трилогии Гончарова транслируют этот принцип «положительное – идеальное», образуя целые парадигмы женских персонажей, так или иначе несущих в себе черты «положительной» Ольги и «идеальной» Татьяны. Тем не менее, последуем логике Гончарова-критика и обратимся вначале к роману «Обрыв».

Марфиньку¹ сам Гончаров относил к «положительному» типу, вмещающему в себя всё самое лучшее, что устоялось в традиции: она никогда не ослушается старших, ничем не огорчит Бабушку². Пушкинская Ольга и гончаровская Марфинька воплощают собой лучшее, что есть в большинстве достойных и вполне обычных русских провинциальных дворянках: добропорядочное воспитание, милый характер, доброту, готовность стать прекрасной женой и матерью. В этом и заключается то качество «положительности», о котором писал Гончаров.

Выявим, какие именно «опорные точки», заданные в пушкинской Ольге, развиваются Гончаровым в Марфиньке, а что, наоборот, скрыто. Отметим схожие черты обеих героинь: обе пре-

¹ Написание имени соответствует тому, как оно представлено у Гончарова в романе.

² Прописная буква использовалась самим Гончаровым в именовании героини в его статье «Лучше поздно, чем никогда». Здесь мы следуем за Гончаровым-критиком.

лестны, милы, хороши собой, веселы, простодушны, общительны, но при этом скромны и послушны. Воспроизводя в Марфиньке бездумную весёлость Ольги, Гончаров вместе с тем поэтизирует этот женский тип. Писатель лишает его возможных отрицательных коннотаций, которые были у Пушкина, и подчёркивает «положительность».

В «Евгении Онегине» Ольга далеко не лишена отрицательных граней: Пушкин показывает, что красота и жизнерадостность Ольги не могут скрыть бедности её душевного мира, в её чертах *нет жизни*. Ольга живёт бездумно, как бы по привычке. И у Пушкина это – настораживающий знак, тогда как Гончаров ведёт повествование о своей героине в подобном ключе без всякого пренебрежения. Наоборот, он показывает, что Марфинька прекрасна именно потому, что она такая: «Боже тебя сохрани меняться, быть другою! <...> Ты перл, ангел чистоты... ты светла, чиста, прозрачна...» [2, т. 7, с. 259].

Отметим, что такие качества, как заботливость и щедрость, усилены Гончаровым в образе Марфиньки, тогда как в Ольге эти черты лишь потенциальны: в будущем она вполне может стать радушной и щедрой хозяйкой, ведь у неё перед глазами живой пример матери.

Образы Ольги и Марфиньки являются «пассивным выражением эпохи», всего того, что устоялось в обществе веками. Это «идеал простой, чистой натуры» [2, т. 7, с. 176]. Героини довольны тем, что наследуют, ведь жизнь в таком случае течёт спокойно и без потрясений. По Гончарову, не только великие личности должны наполнять

мир. Положительный ход истории совершается во многом благодаря таким «простым» и «чистым» людям, как его Марфинька – продолжение пушкинской Ольги.

Гончаровская Вера относится ко второму типу женских характеров – *идеальному*. Она сравнима с пушкинской Татьяной, в которой, по мнению В. С. Непоминающего, «воплотилась пушкинская жажда веры в высший смысл бытия» [10, с. 292]. Одна из главных черт героини Пушкина – способность к великой, самоотверженной любви. Несмотря на то что, по справедливому мнению С. Г. Бочарова, можно говорить о «любовном несовпадении и превосходстве героини» [6, с. 152] над Онегиным, Татьяна не только сама вырастает в своей любви к нему, но и возлюбленного меняет и возвышает. Как верно отмечает И.А. Беляева, «Татьяна начала и конца романа – разные эпохи одного человека хотя бы только потому, что в финале героиня любит, а не влюблена в книжном духе <...> И именно эту новую Татьяну, в которой живёт и Татьяна прежняя, “та самая”, полюбил Онегин. Полюбил тем объемлющим чувством любви, которое вмещает в себя и духовное пробуждение» [4, с. 46, 51]. Данная ситуация схожа тем, как складываются отношения Веры и Марка Волохова.

И Татьяна, и Вера, возможно, не носили бы титула «идеальных», если бы не испытали большое чувство. Их любовь не схожа с любовью Ольги и Ленского или Марфиньки и Викентьева. Она иного качества, в ней скрещиваются все токи: и земные, человеческие, где быт, телесность, семья, рождение детей, и небесные, где не только плоть и кровь, но и душа. Отметим также,

что ни Татьяна, ни Вера не перестают любить своих избранников, но, как бы ни была сильна их страсть, героини оказываются сильнее, их чувства выше страсти, хотя и не лишены её.

В конце романа, когда Татьяна отказывает Евгению, «она жертвует собою ради Онегина», благодаря чему «себя сохраняет, спасает как личность» [9, с. 314]. То же самое можно сказать про гончаровскую Веру, которая отказывается совершить побег вместе с Марком и благодаря *старой правде* находит для себя *новый путь*. И здесь тоже присутствует мотив спасения. Не случайно Марк готов идти на уступки, его не отпускает эта история с Верой: «Обвенчаемся, и я останусь здесь до тех пор, пока... словом, на бессрочное время» [2, т. 7, с. 701]. Думается, герой стал немножко лучше, чем был «до Веры».

Параллель «положительное – идеальное» присутствует не только в «Обрыве», на который указывал сам Гончаров, но и в других его романах. Слабые отголоски пушкинской Ольги присутствуют, по нашему мнению, в чертах простой душой и сердцем Агафьи Пшеницыной. Если Ольга будет хорошей матерью и хозяйкой, то Агафья Матвеевна таковой уже является. Обе они крепко связаны с традицией. Обломов сравнивает Агафью Матвеевну с огнём – домашним очагом, – «от которого становится всё теплее и теплее» [2, т. 4, с. 382]. Думается, что жизнь Ильи Ильича в доме на Выборгской стороне есть своего рода реализация «возможного» сюжета жизни Ленского, где на роль хозяйки вполне подходят такие героини, как Ольга или Агафья Матвеевна. Кстати, Марфинька («Обрыв») мечтала быть похожей на такой тип женщины: «Буду в зрелых

летах, буду своим домом жить» [2, т. 4, с. 178]. И именно такой, на наш взгляд, станет в итоге и пушкинская Ольга.

Думается, что в Агафье Матвеевне Пшеницыной есть немало того, что составляет ядро «положительного» типа русской женщины.

На другом конце параллели «положительное – идеальное» в романе «Обломов» располагается образ Ольги Ильинской. «Робкая, молчаливая» [2, т. 4, с. 204], она относится к «идеальному» типу характера, в ней присутствуют отголоски Татьяны. Как и Татьяна, Ольга кажется чужой в своей среде. Подобно пушкинской героине, у неё свой путь – «самобытный и самодеятельный».

Гончаров отмечает, что Ольга далека от идеала красоты: она «в строгом смысле не была красавица» [2, т. 4, с. 191]. Сравним с пушкинской Татьяной, которая «не привлекла б очей...» [3, т. 4, с. 47]. При этом мысль – доминанта портрета Ольги: «присутствие говорящей мысли светилось в зорком, всегда бодром, ничего не пропускающем взгляде тёмных, серо-голубых глаз» [2, т. 4, с. 191]. Нет в ней «никакой лжи, никакой мишуры, ни умысла», как и у пушкинской Татьяны, хотя героиня Гончарова «была не без лукавства» [2, т. 4, с. 343].

В любви к Обломову Ольгу ждут важные для роста её души страдания, подобные тем, что пережила и Татьяна. Не случайно Штольц «увидел потом в выросшей и созревшей Ольге не только роскошь расцветшей красоты, но и силу, готовую на жизнь и жаждущую разума и борьбы с жизнью» [2, т. 4, с. 449].

«Идеальными» чертами гончаровской Ольги и пушкинской Татьяны

являются внутренняя сила, душевная крепость, уверенность в себе, доброта, простота, свой, не похожий ни на чей другой, образ мыслей. Однако примечательно, что «идеальное» в обеих героинях сосуществует с такими качествами, как гордость и самолюбие, что лишний раз доказывает убеждение Гончарова: идеал в жизни всегда требует «уступок» [1, с. 319].

На пушкинские истоки художественной образности в «Обыкновенной истории» указывали многие исследователи, но это касалось мужских персонажей: например, Александра Адуева сопоставляли с Ленским [8, с. 81]. С женскими персонажами дела обстояли сложнее. Так, Надинька Любецкая, по своей ветрености чем-то напоминающая пушкинскую Ольгу, едва ли может быть отнесена к «положительному» типу. Да и её «измена» Александру качественно иная, чем поступок героини Пушкина. Обе «бросают» поэтов, но по разным причинам. Любецкой нужен был «необыкновенный» избранник. Мир «обыкновенного» ей тесен. Думается, в этом она ближе к пушкинской Татьяне.

Таким образом, в образе Надиньки пока ещё малоразличимы *положительное и идеальное*. Гончаров смог показать, что в одном женском характере они могут сосуществовать в одно и то же время, обнаруживая как раз свою родственность.

Патриархальной мудростью, которая, на наш взгляд присутствует в «положительном» типе, Гончаров наделяет, скорее, не Надиньку, а мать Александра, вся суть натуры которой проявляется в неуклонной, неутомимой заботе о благе своего ребёнка. К «положительному» типу мы можем от-

нести и Софью, первую возлюбленную Александра, которая символизирует собой дом и семью.

А вот в образе Юлии Тафаевой представлено начало «идеальное», однако в травестированном виде. Эта героиня Гончарова «взяла себе за образец Татьяну и мысленно повторяла своему идеалу пламенные строки Татьянина письма к Онегину, и сердце её ныло, билось. Воображение искало то Онегина, то какого-нибудь героя мастеров новой школы – бледного, грустного, разочарованного» [2, т. 1, с. 364]. Однако излишнее подражание своему идеалу производит комический эффект на читателя. Впоследствии Юлия, подобно Татьяне, писала возлюбленному письма, но по содержанию они были далеки от писем пушкинской героини. Не удивительно, что чрезмерная, излишне романтизированная и страстная любовь Юлии наскучила Александру.

Возможно, в данном случае комическое снижение «идеальности» героини подчинено задаче показать, что идеал в жизни невозможен без отступлений от него. Юлия Тафаева слишком упорно пытается *подражать* идеалу, но не живёт с ним в душе. Она забывает о том, что в жизни необходимо быть собой, то есть натурой «самобытной и самодеятельной», чем не только вызывает горькую улыбку у читателя, но и раздражение со стороны Адуева.

Словом, «идеал» пушкинской Татьяны – нечто внешнее для Юлии Тафаевой. Так не стремится ли Гончаров тем самым в своём первом романе развенчать его, свести с пьедестала, как это было, например, у Тургенева в ряде поэм 1840-х годов [5; 7]? Во всяком случае, писатель готов взглянуть на него

иронически, если реализация идеала свидетельствует о своей неполноте.

Подобные процессы, правда, с другой интонацией, скорее трагической, дают о себе знать и в случае с образом Лизаветы Александровны Адуевой. В подтексте образа тётюшки Александра прослеживается пушкинская Татьяна – в качестве предыстории её девичества и становления, которой в романе Гончарова нет. Мы ничего не знаем о Лизавете Александровне, поскольку видим её уже замужней дамой, то есть фактически Гончаров начинает историю Лизаветы Александровны там, где Пушкин прощается с Татьяной.

Гончаров показал «идеальную» женскую натуру, которая поставлена в «обыкновенные» обстоятельства семьи и брака, однако старается не примиряться с ними.

Автор «Обыкновенной истории» предлагает читателю современный контекст, в котором могли бы реализовать себя те начала женской идеальности, описанные Пушкиным, применительно к своему времени. Это был общий для русской литературы 1840-х годов вектор не то чтобы пересмотра пушкинских антропологических идей, но осмысление их в новом времени и в новой реальности. Однако, если Тургенев в своих сочинениях 1840-х годов высветил исключительно иронически ту высокую идеальность женщины, которая со всей полнотой раскрывалась у Пушкина в «возможном» сюжете и прежде всего в линии Татьяны, то у Гончарова её «продолжение» будет в высшей степени трагическим. У Тургенева за иронией также скрывается высокий драматизм и катастрофичность бытия, но Гончаров предлагает взглянуть на ситуацию не только исходя из

неизбежного снижения и примирения идеала к жизни. Он готов как травестировать идеальное – в образе Юлии Тафаевой, так и трагически его возвеличить – в образе Лизаветы Александровны. Гончаров согласен, что идеал и современность плохо согласуются между собой, однако видит не только комические метаморфозы идеальности, но и способность идеала не терять своих высоких смыслов, даже если он оказывается перед бездной. Писатель не признаёт её полного проигрыша: пошлость, даже если и торжествует, а «обыкновенная история», даже если и всегда случается так, как написано в романе, не всеильны – они имеют свои пределы. А вот красота женской души, её способность к «самобытности и самодеятельности», её творческая сущность непреложны, хотя страдают и даже гибнут под властью обстоятельств, как это практически и происходит с Лизаветой Александровной, несмотря на «финальное поражение» [9, с. 114] Петра Адуева перед судьбой.

Итак, Гончаров считал, что все женские образы в русской литературе берут своё начало от пушкинских Ольги и Татьяны. Принцип «положительное – идеальное», по которому Гончаров разделил и сопоставил пушкинских героинь, можно с уверенностью применить к его романной трилогии, в которой образуются парадигмы женских персонажей, так или иначе несущих в себе «положительные» и «идеальные» черты.

В отличие от Пушкина, Гончаров принимает и поэтизирует с доброй иронией такой тип героини, который называет «положительным». Они – пассивное выражение своего времени, однако в них отражаются все лучшие качества эпохи. Женские персонажи

данного типа способны быть великолепными хозяйками, матерями и любящими женами. «Положительный» тип невозможно не полюбить. «Оттенки» [1, с. 78] пушкинской Ольги можно обнаружить в образах Марфиньки, Агафьи Пшеницыной, Софьи («Обыкновенная история»), матушки Александра Адуева, Надиньки, а также во всех жительницах Обломовки.

Героини «идеального» типа несут в себе великую тайну женского сердца:

«тайны бытия, тайны человека, тайны России», «свою мечту об идеальном, прекрасном человеке» [10, с. 290]. Они деятельны и внутренне свободны. Таковы гончаровские Вера, Ольга Ильинская, отчасти Любецкая и Лизавета Александровна. Однако Гончаров не упускает возможности и взглянуть на пушкинский и свой идеал иронически. Примером тому служит образ Юлии Тафаевой.

ИСТОЧНИКИ:

1. Гончаров И.А. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 8. Статьи, заметки, рецензии, автобиографии, избранные письма. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1952–1955.
2. Гончаров И.А. Полное собрание сочинений: в 20 т. СПб.: Наука, 1997. Издание продолжается.
3. Пушкин А.С. Собрание сочинений в десяти томах. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1959–1962.

ЛИТЕРАТУРА:

4. Беляева И.А. Генезис русского классического романа («Божественная комедия» Данте и «Фауст» Гёте как истоки жанра): учебное пособие. Ч. I. М.: МГПУ, 2011. 280 с.
5. Беляева И.А. «Онегинская» традиция в творчестве И.С. Тургенева // Спасский вестник. Тула. 2008. Вып. 15. С. 29–35.
6. Бочаров С.Г. Проблема реального и возможного сюжета: «Евгений Онегин» // Генезис художественного произведения: Материалы советско-французского colloquium. М., 1986. С. 143–155.
7. Дубинина Т.Г. Пушкинские традиции в творчестве И.С. Тургенева 1840-х – начала 1850-х годов: дис. ... канд. филол. наук. М., 2011. 203 с.
8. Краснощекова Е.А. И.А. Гончаров: Мир творчества. СПб.: Пушкинский фонд, 1997. 492 с.
9. Ларин С.А. «А зачем ты чашку-то разбил?» (о «гончарной» символике в романе И.А. Гончарова «Обломов» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2011. № 5. С. 109–116.
10. Непомнящий В.С. «Евгений Онегин» как «проблемный роман» // «Да ведают потомки православных. Пушкин. Россия. Мы». М.: Сестричество во имя преподобномученицы Великой княгини Елизаветы, 2001. С. 270–320.
11. Отрадин М.В. Проза И.А. Гончарова в литературном контексте. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1994. 169 с.
12. Сомов В.П. Пушкинские традиции в прозе И.А. Гончарова 30-х годов // Учёные записки Московского педагогического института. 1969. № 315. С. 303–311.
13. Цейтлин А.Г. И.А. Гончаров. М.: Изд-во АН СССР, 1950. 492 с.

REFERENCES

1. Goncharov I.A. Sobr. soch.: v 8 t. T. 8. Stat'i, zametki, retsenzii, avtobiografii, izbrannye pis'ma [Coll. works: in 8 vols. Vol. 8. Articles, notes, reviews, biography, selected letters]. M., Gos. izd-vo khudozh. lit., 1952–1955.
2. Goncharov I.A. Polnoe sobranie sochinenii: v 20 t. [Complete works: in 20 vols.]. The publication continues. M., Nauka, 1997.
3. Pushkin A.S. Sobranie sochinenii v desyati tomakh [Works in ten volumes]. M., GIKHL, 1959–1962.
4. Belyaeva I A. Genezis russkogo klassicheskogo romana («Bozhestvennaya komediya» Dante i «Faust» Gete kak istoki zhanra): ucheb. posobie. CH. I [The Genesis of the Russian classical novel ("The Divine Comedy" by Dante and "Faust" by Goethe): textbook. P. I. M., MGPU, 2011. 280 p.
5. Belyaeva I. A. «Oneginskaya» traditsiya v tvorchestve I.S. Turgeneva ["Onegin" tradition in the works of I. Turgenev] // Spasskii vestnik. Tula. 2008. no. 15. pp. 29–35.
6. Bocharov S. G. Problema real'nogo i vozmozhnogo syuzheta: «Evgenii Onegin» [The problem of real and possible story: "Eugene Onegin"] // Genezis khudozhestvennogo proizvedeniya: Materialy sovetsko-frantsuzskogo kollokviuma [The Genesis of works of art: proceedings of Soviet-French Colloquium]. M., 1986. pp. 143–155.
7. Dubinina T. G. Pushkinskie traditsii v tvorchestve I.S. Turgeneva 1840-kh – nachala 1850-kh godov: dis. kand. fil. nauk [Pushkin's traditions in creativity of I. Turgenev in 1840s – the beginning of the 1850s: candidate of Philological Sciences thesis]. M., 2011. 203 p.
8. Krasnoshchekova E. A. I.A.Goncharov: Mir tvorchestva [I. Goncharov: World of creativity]. SPb., Pushkinskii fond, 1997. 492 p.
9. Larin S. A. «A zachem ty chashku-to razbil?» (o «goncharnoi» simbolike v romane I.A. Goncharova «Oblomov») ["Why did you break the cup?" ("pottery" symbolism in I. Goncharov's novel «Oblomov») // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya. 2011. no. 5. M.: MGOU. pp. 109–116.
10. Nepomnyashchii V. S. «Evgenii Onegin» kak «problemnyi roman» ["Eugene Onegin" as a "problem novel"] // Sbornik statei «Da vedayut potomki pravoslavnykh. Pushkin. Rossiya. My» [A collection of articles "Let the descendants of the Orthodox know. Pushkin. Russia. We"]. M., Sestrichestvo vo imya prepodobnomuchenitsy Velikoi knyagini Elizavety, 2001. pp. 270–320.
11. Otradin M. V. Proza I.A. Goncharova v literaturnom kontekste. [The prose of I. Goncharov in the literary context.]. SPb., Izd-vo S.-Peterburg. un-ta, 1994. 169 p.
12. Somov V. P. Pushkinskie traditsii v proze I. A. Goncharova 30-kh godov [Pushkin's traditions in I. Goncharov's prose in 1930s] // Uchenye zapiski Mosk. ped. in-ta. 1969. no. 315. pp. 303–311.
13. Tseitlin A. G. I.A. Goncharov [I. Goncharov] / AS USSR. Inst. of world lit. n.a. A.M.Gorky. M., Izd-vo AN SSSR, 1950. 492 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Семакина Александра Андреевна – аспирант кафедры русской литературы Московского городского педагогического университета;
e-mail: lenor495@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexandra Semakina – postgraduate of the Department of Russian literature of the Moscow City Pedagogical University.

e-mail: lenor495@mail.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Семакина А.А. Женский характер как вариация «положительного» и «идеально-го» начал жизни в романах И.А. Гончарова и его пушкинские истоки // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2016. № 5. С. 261-269.

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-5-261-269

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

A. Semakina. Female character in Goncharov's novels as a variation of the «positive» and «ideal» life beginnings and its Pushkin's sources // Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology. 2016. no. 5. pp. 261-269.

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-5-261-269

УДК 82.091

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-5-270-277

Н.М. КАРАМЗИН В СОЗНАНИИ РУССКИХ РЕЛИГИОЗНЫХ ФИЛОСОФОВ***Сытина Ю.Н.***Московский государственный областной университет**105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация*

Аннотация. В статье представлен обзор высказываний русских религиозных философов конца XIX – первой половины XX века о Н.М. Карамзине как о писателе и поэте, историке и политическом деятеле, мыслителе и просто человеке. Внимание уделяется трудам Г.В. Флоровского, В.В. Зеньковского, В.В. Розанова, С.Н. Дурылина, Д.С. Мережковского, Вл.С. Соловьёва, Л.И. Шестова, Г.П. Федотова. На основе обзора высказываний названных философов делается вывод о том, что, хотя Карамзин и не был ключевой фигурой в русской религиозной философии, однако имя его – литератора, мыслителя, историка, консерватора – прочно вошло в сознание русских образованных людей, стало неотъемлемой частью культуры.

Ключевые слова: Н.М. Карамзин, сентиментализм, понимание, религиозная философия, культура, история.

N. KARAMZIN IN THE MINDS OF THE RUSSIAN RELIGIOUS PHILOSOPHERS**Y. Sytina***Moscow State Region University**10A Radio St., Moscow, Russian Federation, 105005*

Abstract. The article presents a review of the statements of Russian religious philosophers of the late 19th – early 20th century about N. Karamzin as a writer and poet, historian and political figure, thinker and a man. We focus on the works of G. Florovsky, V. Zenkovsky, V. Rozanov, S. Durylin, D. Merezhkovsky, V. Solov'ev, L. Shestov, G. Fedotov. Basing on a review of statements of named philosophers it is concluded that although Karamzin was not a key figure in Russian religious philosophy, his name as writer, thinker, historian, conservator has firmly entered the consciousness of the Russian educated people and became an integral part of the culture.

Keywords: N. Karamzin, sentimentalism, understanding, religious philosophy, culture, history.

К вопросу о посмертной судьбе художественного наследия Н.М. Карамзина, восприятия его личности и творчества представителями различных исторических периодов и мировоззренческих течений так или иначе обращались многие исследователи. Несмотря на немалую изученность, Карамзин и поныне остаётся загадкой. По-разному не только интерпретируют, но и оценивают его вклад в

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-04-00494.

© Сытина Ю.Н., 2016.

русскую культуру. Для одних он глубокий и самобытный мыслитель, для других – поверхностный популяризатор [см. подробнее: 1; 4; 6]. Как отмечает Т.А. Алпатова, постижение личности и богатого наследия Карамзина «может многое открыть нам (выросшим на постклассицистской, посттрадиционалистской культуре, истоки которой восходят в том числе и к карамзинскому наследию), в нас самих, в нашем отношении к миру, окружающим людям и самим себе» [1, с. 114]. Для понимания Карамзина, считает исследовательница, важно «представить ту бесконечно разнообразную мозаику оценок, которая сложилась за годы читательского интереса к произведениям писателя». Обращение к русской религиозной философии даёт возможность посмотреть на Карамзина в галерее оригинальных, порою неожиданных зеркал, где он предстаёт как литератор, историк, мыслитель, политический деятель и просто человек.

Не раз и в различных ипостасях появляется Карамзин в труде Г.В. Флоровского «Пути русского богословия». Обращаясь к древнерусской литературе, философ особо останавливается на митрополите Иларионе и, вслед за «придирчивым» академиком Е.Е. Голубинским, говорит о слове «О законе, Моисеем данном, и о благодати и истине» как о «безупречной академической речи, с которой из новых речей идут в сравнение только речи Карамзина» [13]. Обозревая и осмысляя историю России, правление Ивана III, Ивана Грозного, Александра I, Флоровский не раз обращается к «Истории Государства Российского», неизменно считая её авторитетным источником.

Критикуя «режим Священного Союза» при Александре I, провозглашавший полную веротерпимость в рамках различных христианских конфессий, Флоровский прибегает к выражению Карамзина: «”сугубое министерство” слишком часто оказывалось “министерством затмения”» [13].

Однако, высоко оценивая Карамзина как историка, Флоровский не принимает его как мыслителя, философа сентиментализма. Сутью той эпохи Флоровский считает «воспитание души в мечтательности и чувствительности, в какой-то постоянной задумчивости, и в некой “святой меланхолии”», не лишённой, впрочем, «привкуса скептицизма» [13]. Карамзин видится Флоровскому характернейшим представителем русского сентиментализма, а вершинным произведением это направления – повесть «Бедная Лиза».

Вновь Флоровский вспоминает о Карамзине в разговоре о Л.Н. Толстом, в молодых дневниках которого, по мнению философа, «чувствуется даже не влияние, но сам дух XVIII-го века, дух Просвещения и сентиментализма, точно писал их какой-нибудь сверстник Жуковского или самого Карамзина» [13]. Созвучным сентиментализму Флоровский находит характерное для Толстого стремление к нравоучениям и морализаторству: «В годы юности он литературно и психологически упражняется в сентиментализме <...>. Из русских его всего больше привлекает Карамзин, ещё Новиков, Радищев. Уже в 50-х годах он читает Карамзина и нравоучительные журналы прошлого века» [13].

Здесь же, давая оценку сентиментализму, Флоровский называет его

«только обмирщённым пиетизмом», «вариацией того же психологического типа» [13]. Влияние воззрений Толстого на современников позволяет Флоровскому говорить и о популярности «этих пиетических соблазнов в русской душе, совсем не изжитых и не исчерпанных в своё время» [13].

Сентиментализм Флоровский характеризует как «пробуждение сердца», но «ещё не пробуждение мысли», и поэтому «так легко и так часто люди того поколения впадают в прелесть, в мечтательность или визионерство», что ведёт к «безответственности сердца», когда торжествует «эстетическая культура сердца, заменявшая нравственные правила тонкими чувствами» (слова Ключевского)» [13].

Похожую оценку взглядам Карамзина как идеолога сентиментализма даёт и В.В. Зеньковский в «Истории русской философии». Существенным признаком русского сентиментализма Зеньковский считает его эстетизирующий характер, порождающий эстетический гуманизм. Любовь к Руссо и любование республиканизмом не мешали Карамзину быть «апологетом русского самодержавия» [3] именно благодаря сугубо эстетическому поклонению перед ними, поклонению, не связанному с конкретными историческими реалиями русской жизни. В «панэстетизме» Карамзина, считает Зеньковский, «тонет» «моральная и идейная ответственность» [3]. По мнению философа, характерное для сентиментализма «обмирщение былой церковной идеи заменяло церковный пафос эстетическим любованием русской жизнью, русской историей» [3]. И здесь Зеньковский солидаризуется с Пыпиным, который обвинял Карамзи-

на в том, что он «укрепил национальное самообольщение, содействовал историософскому сентиментализму и, отодвигая в сторону реальные нужды русской жизни, упивался созерцанием русского величия» [3]. Главный вклад Карамзина в современные ему духовные «блуждания» Зеньковский видит в развитии светской идеологии у интеллигенции, ставшее продвижением «в сторону секулярного понимания жизни» [3].

Иной ракурс оценка Карамзина приобретает, когда речь заходит о его влиянии на А.С. Пушкина. Вл.С. Соловьёв в «Оправдании добра», рассуждая об эволюции человечества и переходе от «родового союза» к «образованному государству» и о нравственном преимуществе последнего, обращается к творческому и мировоззренческому пути Пушкина. По мысли Соловьёва, только «незрелая фантазия начинающего поэта» может прославлять «полудикий быт кочующих цыган» [9]. Определённую эволюцию, мировоззренческую зрелость Пушкина философ усматривает в обращении поэта к истории России, осмыслении им государственности. О роли, которую сыграл Карамзин в пушкинском самоопределении, свидетельствует то, что «зрелое своё произведение Пушкин “с благоговением” посвящает историку государства Российского» [9]. При таком рассмотрении путь Пушкина от воспевания кочевой жизни к государственности оценивается Соловьёвым как прогресс, важную роль в котором сыграл Карамзин.

О важности Карамзина в мировоззренческом самоопределении Пушкина затем напишет и «основоположник богословия культуры» [10] Г.П. Федо-

тов в статье «Певец империи и свободы». Отмечая сложность и выстраданность пушкинского консерватизма, философ подчёркивает, что «Личный опыт и личный ум» Пушкина оказались «в гармонии с основным и мощным потоком русской мысли: «Это течение – от Карамзина к Погодину – легко забывается нами за блестящей вспышкой либерализма 20-х годов. А между тем национально-консервативное течение было, несомненно, и более глубоким, и органически выросшим» [11]. Истоки русской консервативной мысли Г.П. Федотов связывает с «Историей Государства Российского» и подчёркивает народность этого труда, которая «удовлетворяла глубокой национальной потребности общества» [11]. Недаром и Пушкин, столь много привнёсший в осмысление и творческое воплощение русской народности, «был ближе по своим сочувствиям к Карамзину (несмотря на юношескую эпиграмму), чем к Каченовскому, к Погодину, чем к Полевому» [11].

Имя Карамзина появится в работах Федотова и позже. С горестью отмечая в статье «Россия и свобода» «восточные методы» при формировании централизованного Государства Российского и массового переселения народа в Москву, следствием чего было забвение местных традиций, Федотов замечает: «Кто из тверичей, рязанцев, нижегородцев в XIX веке помнил имена древних князей, погребённых в местных соборах, слышал об их подвигах, о которых мог бы прочесть на страницах Карамзина?» [12]

Не историческое, но эстетическое совершенство «Истории Государства Российского» подчёркивает С.Н. Дурылин, которому принадлежит один

из самых восторженных отзывов о Карамзине. Философ советует В.К. Звягинцевой в письме: «Послушайтесь меня: раздобудьте где-нибудь “Письма русского путешественника” Карамзина <...>. Во-1-х, Вы познакомитесь с *живыми* Кантом, Лафатером, Виландом, Парижем во время революции. Во-2-х... Во-2-х, Вы узнаете, что значит быть великим писателем, мастером, тончайшим стилистом, грустным мыслителем и пленительным поэтом. Это всё называется *Карамзин*. <...>. Об его “Истории” не говорю. Как создание искусства, это вековечный шедевр, чудесная эпическая поэма в серебряной прозе» [2, с. 661–662] (*курсив Дурылина*. – Ю. С.).

Проводником западноевропейской философии и её ценностей считает Карамзина Д.С. Мережковский. В работе «Гоголь. Творчество, жизнь и религия», развёртывая картину опошления и профанации высоких идей в устах Хлестакова, Мережковский пишет: «Величайшие мысли человечества, которые давят его целые века своей тяжестью, попадая в голову Хлестакова, становятся вдруг легче пуха». Например, важная для европейских мыслителей XVII и XVIII веков идея о «естественном состоянии» и возврате человека в природу, появляющаяся, как отмечает Мережковский, и у Карамзина, в устах Хлестакова принимает довольно низкий смысл. Когда жена городничего отговаривается от ухаживаний мнимого ревизора тем, что она замужем, он возражает: «Для любви нет различия: и Карамзин сказал: “Законы осуждают”. Мы удалимся под сень струй». Мережковскому остаётся только воскликнуть: «От древнегреческой идиллии Дафниса и Хлои <...> до

чувствительных романов XVIII века, <...> через Карамзина до Хлестакова – какой невероятный путь прошла человеческая мысль и во что она превратилась!» [5]

О близости Карамзина к Европе пишет и В.В. Розанов. Именно в «Письмах русского путешественника», по мнению философа, «впервые склонилась, плакала, любила и понимала русская душа чудный мир Западной Европы...» [7]. Карамзин, по мнению Розанова, первый, в ком «европейская цивилизация коснулась уже не форм нашего быта, поэтического творчества и мышления, но тронула внутреннее содержание наше, коснулась самой души» [7].

В книге «Уединённое» В.В. Розанов пишет о Карамзине иначе, подчёркивает неприемлемость отношения русского сентименталиста к жизни, а вместе с ним, правда, и всей русской словесности. Размышляя о «великолепной» русской литературе, которая «в сущности ужасно недостаточна и не глубока» [8], замечательна только тем, как изображает, но не тем, что изображает, её сущностной безжизненности, философ приводит в подтверждение того, что всё в ней только «сладкие вымыслы», «красивые» слова Карамзина:

*Не для бедствий нам существенных
Даны вымыслы чудесные...* [8]

Слова, по мнению Розанова, созвучные всей русской классике XIX века.

С иных позиций в спор с идеями Карамзина и его отношением к жизни в целом вступает Л.И. Шестов в «Апофеозе беспочвенности» – «опыте адогматического мышления» (здесь и далее курсив Л.И. Шестова. – Ю. С.). Признавая художественное мастерство Карамзина и предполагая авторитет-

ность его мнения для читателей, Шестов оспаривает убеждение историка в возможности полного постижения жизни и спокойного её проживания в возрасте 35-40 лет – в лучший, по Карамзину, период жизни. Резюмируя идеи сентименталиста, высказанные в очерке «О счастливейшем времени жизни», согласно которому, когда «человек, не видя уже ничего нового, <...> решает, что он вправе обо всём судить», Шестов прямо говорит: «Карамзин ошибался» [14]. Ошибался подобно тому, как «склонные к заключениям люди ошибаются, когда утверждают, что для них не может случиться ничего нового в жизни» [14]. Философ не приемлет саму идею о возможности остановиться в поисках и успокоиться, наслаждаясь мирным ходом жизни. В душевном и духовном спокойствии Шестову видится нечто едва ли не аморальное, поскольку «как бы ни было богато и разнообразно ваше прошлое, оно и на миллионную долю не исчерпывает разнообразия действительности» [14]. Рассуждения приводят Шестова к выводу: «Человек или живёт, т. е. изведывает жизнь, или освобождается от заключений, навязанных ограниченным опытом. Всё же прочее – от лукавого. От лукавого и те соблазны, которыми прельщался и которыми прельщал своих читателей Карамзин... Или, наоборот? Кто разрешит этот вопрос?» [14] С самого начала заявив о своей *адогматичности*, Шестов последовательно придерживается этого принципа. Однако позиция Карамзина до конца остаётся для него неприемлемой. Утверждая общую иррациональность бытия, органическую невозможность для иных остановиться, успокоиться и не искать – обре-

чённость человека на поиск – Шестов заключает: «А те, которые хотели бы, но не имеют возможности жить по Карамзину? Им я не знаю, что сказать. Шиллер рекомендовал в таких случаях надежду. Годится? Откровенно говоря, едва ли: раз потерявший покой никогда не обретёт его вновь» [14].

Карамзин не рефлексировал над религиозно-философскими вопросами непосредственно, последовательно стремился к принятию мира, данного Богом, к обретению гармонии. Может быть, именно поэтому он не был в центре внимания русских религиозных философов. Однако имя его – литератора, мыслителя, историка, консерватора – прочно вошло в сознание русских образованных людей, стало неотъемлемой частью культуры. Об

этом свидетельствуют упоминания о Карамзине, цитирование его слов, взывание к его авторитету как историка, мыслителя, писателя или же его оспаривание.

Проявления русской религиозной философии многообразны и зачастую глубоко оригинальны – разнообразно и восприятие ею Карамзина. Разноголосица мнений позволяет говорить, с одной стороны, о своего рода мифологизации личности Карамзина и существующих вокруг его имени представлений, но с другой – о живом представлении о нём. Так или иначе с Карамзиным считаются – его опровергают, над ним иронизируют, им восхищаются. Никто не остаётся равнодушным.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Алпатова Т.А. Личность и творчество Н.М. Карамзина как мера методологического развития русской историко-литературной науки // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология, 2011. № 4. С. 113-118.
2. Дурылин С.Н. В своём углу. М.: Молодая гвардия, 2006. 880 с.
3. Зеньковский В.В. История русской философии. М.: Академический Проект. Паритет, 2001. 880 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://predanie.ru/lib/book/73137/#toc7> (дата обращения 15.09.2016).
4. Калинин Е.А. Карамзин // Литературная энциклопедия русского зарубежья. Т. 4, ч. 2. М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2006. С. 83-88.
5. Мережковский Д.С. «Гоголь и чёрт». [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/m/merezhkowskij_d_s/text_1906_gogol_i_chert.shtml (дата обращения 15.09.2016).
6. Н.М. Карамзин: pro et contra / сост., вступ. ст. Л.А. Сапченко. С-Пб: ПХГА, 2006. [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/k/karamzin_n_m/text_0950.shtml (дата обращения 15.09.2016).
7. Розанов В.В. Три момента в развитии русской критики [Электронный ресурс]. URL: http://dugward.ru/library/rozanov/rozanov_tri_momenta_v_razvitii.html (дата обращения 15.09.2016).
8. Розанов В.В. Уединённое. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vehi.net/rozanov/uedin.html> (дата обращения 15.09.2016).
9. Соловьёв Вл.С. Оправдание добра. [Электронный ресурс]. URL: http://www.vehi.net/soloviev/oprav/10.html#_ftnref4 (дата обращения 15.09.2016).
10. Федотов Г.В. // Библиотека «Вехи». [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vehi.net/fedotov/index.html> (дата обращения 15.09.2016).

11. Федотов Г.П. «Певец империи и свободы». [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vehi.net/fedotov/pevec.html> (дата обращения 15.09.2016).
12. Федотов Г.П. Россия и свобода. [Электронный ресурс]. URL: http://www.vehi.net/fedotov/svoboda.html#_ftn1 (дата обращения 15.09.2016).
13. Флоровский Г.В. Пути русского богословия. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vehi.net/florovsky/puti/07.html> (дата обращения 15.09.2016).
14. Шестов Л.И. Апофеоз беспочвенности. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vehi.net/shestov/apof1.html> (дата обращения 15.09.2016).

REFERENCES

1. Alpatova T.A. Lichnost' i tvorchestvo N.M. Karamzina kak mera metodologicheskogo razvitiya russkoi istoriko-literaturnoi nauki [N. Karamzin's personality and creativity as a measure of methodological development of Russian historical-literary science] // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology]. 2011. no. 4. pp. 113–118.
2. Durylin S.N. V svoem uglu [In its own corner]. M., Molodaya gvardiya, 2006. 880 p.
3. Zen'kovskii V.V. Istoriya russkoi filosofii. [Elektronnyi resurs]. [History of Russian philosophy [E-source]]. M.: Academic Project. Raritet, 2001. 880 p. // Predanie.ru (pravoslavnyi portal) [sait] [Predanie.ru (Orthodox portal) [website]]. URL: <http://predanie.ru/lib/book/73137/#toc7> (request date 15.09.2016)
4. Kalinin E.A. Karamzin [Karamzin] // Literaturnaya entsiklopediya russkogo zarubezh'ya. Tom 4, chast' 2 [Literary encyclopedia of the Russian abroad. Volume 4, part 2]. M., Institut nauchnoi informatsii po obshchestvennym naukam RAN, 2006. pp. 83–88.
5. Merezhkovskii D.S. «Gogol' i chert». [Elektronnyi resurs]. ["Gogol and the devil". [E-source]]. Lib.ru [sait] [Lib.ru [website]]. URL: http://az.lib.ru/m/merezhkovskij_d_s/text_1906_gogol_i_chert.shtml (request date 15.09.2016)
6. Karamzin: pro et contra [Elektronnyi resurs]. [Karamzin: pro et contra [E-source]] / Comp., introd. article by L.A. Sapchenko. Saint Petersburg: Russian Christian Humanities Academy, 2006 // Lib.ru [sait] [Lib.ru [website]]. URL: http://az.lib.ru/k/karamzin_n_m/text_0950.shtml (request date 15.09.2016)
7. Rozanov V.V. Tri momenta v razvitii russkoi kritiki [Elektronnyi resurs]. [Three moments in the development of Russian criticism [E-source]] // Literatura i zhizn' [sait] [Literature and life [website]]. URL: http://dugward.ru/library/rozanov/rozanov_tri_momenta_v_razvitii.html (request date 15.09.2016)
8. Rozanov V.V. Uedinennoe. [Elektronnyi resurs]. [Secluded. [E-source]]. Biblioteka "Vekhi" [sait] ["Milestones" library [website]]. URL: <http://www.vehi.net/rozanov/uedin.html> (request date 15.09.2016)
9. Solov'ev V.I.S. Opravdanie dobra [Elektronnyi resurs]. [Justification of good [E-source]] // Biblioteka "Vekhi" [sait] ["Milestones" library [website]]. URL: http://www.vehi.net/soloviev/oprav/10.html#_ftnref4 (request date 15.09.2016)
10. Fedotov G.V. [Elektronnyi resurs]. [Fedotov G.V. [E-source]] // Biblioteka «Vekhi» [sait] ["Milestones" library [website]]. URL: <http://www.vehi.net/fedotov/index.html> (request date 15.09.2016)
11. Fedotov G.P. «Pevets imperii i svobody». [Elektronnyi resurs]. ["The singer of Empire and freedom" [E-source]]. // Biblioteka "Vekhi" [sait] ["Milestones" library [website]]. URL: <http://www.vehi.net/fedotov/pevec.html> (request date 15.09.2016)

12. Fedotov G.P. Rossiya i svoboda [Elektronnyi resurs]. [Russia and freedom [E-source]] // Biblioteka "Vekhi" [sait] ["Milestones" library [website]]. URL: http://www.vehi.net/fedotov/svoboda.html#_ftn1 (request date 15.09.2016)
13. Florovskii G.V. Puti russkogo bogosloviya [Elektronnyi resurs]. [Ways of Russian theology [E-source]] // Biblioteka "Vekhi" [sait] ["Milestones" library [website]]. URL: <http://www.vehi.net/florovsky/puti/07.html> (request date 15.09.2016)
14. Shestov L.I. Apofeoz bespochvennosti [Elektronnyi resurs]. [Apotheosis of groundlessness. [E-source]] // Biblioteka "Vekhi" [sait] ["Milestones" library [website]]. URL: <http://www.vehi.net/shestov/apof1.html> (request date 15.09.2016)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сытина Юлия Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской классической литературы Московского государственного областного университета,
e-mail: yun.sytina@mgou.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yuliya Sytina – candidate of Philological Sciences, associate professor at Russian Classic Literature Department, Moscow Region State University,
e-mail: yun.sytina@mgou.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Сытина Ю.Н. Н.М. Карамзин в сознании русских религиозных философов // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2016. № 5. С. 270-277.
DOI: 10.18384/2310-7278-2016-5-270-277

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

Y. Sytina. N. Karamzin in the minds of the Russian religious philosophers // Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology. 2016. no. 5. pp. 270-277.
DOI: 10.18384/2310-7278-2016-5-270-277

УДК 811.111.1.09 Тарковский А.

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-5-278-287

ФЕНОМЕН НЕОАКМЕИЗМА В ТВОРЧЕСТВЕ АРС. ТАРКОВСКОГО

Фетисова Е. Э.

Институт научной информации по общественным наукам РАН

117997, Москва, Нахимовский проспект д. 51/21, Российская Федерация

Аннотация. Данная статья иллюстрирует на отдельных примерах отличительные черты лирического мироощущения Арс. Тарковского и предлагает новый подход к уникальной специфике художественно-эстетической системы поэта, включая время, пространство и характерные особенности оригинальной жанровой системы и жанровых модификаций. Индивидуальный поэтический стиль Арс. Тарковского рассматривается в межтекстуальной коммуникации с акмеизмом и неоакмеизмом. В центре сопоставительного подхода – подобие выразительных средств и авторской стилистики – от литературоведческих приёмов, общих фраз, цитат – вплоть до общности авторской концепции неоакмеизма, сходным образом представленной в «Божественной комедии» Данте, лирических циклах Арс. Тарковского и стихотворениях А. Ахматовой и М. Цветаевой. Анализируется разнообразие исканий, художественно-стилевых течений, жанров, обуславливающих перспективу новых открытий на путях отечественной и мировой литературы.

Ключевые слова: неоакмеизм, «Божественная комедия», парадигма, «ахматовский миф», лирический герой, литературный контекст.

PHENOMENON OF NEO-ACMEISM IN A. TARKOVSKY'S POETRY

E. Fetisova

Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences

51/21, Nakhimovsky pr., Moscow, Russian Federation, 117997

Abstract. The article presents on separate examples the distinctive peculiarities of A. Tarkovsky's lyrics perception and offers new approach towards his unique artistic and aesthetic system including time, space and characteristic features of the original genre and its modifications. The particular features of A. Tarkovsky's individual poetic style are considered in terms of intra-text communication with Acmeism and Neo-Acmeism. The comparative analyses was focused on expressive means and style of Dante from literary techniques, general phrases, quotations, to the similarities between the concept of Neo-Acmeism presented in Dante's 'Divine Comedy', A. Tarkovsky's lyric cycles and A. Akhmatova's and M. Tsvetaeva's verses. The author analyses the variety of ideas, styles, tendencies and genres that create the prospect of new discoveries on the paths of Russian and world literature.

Keywords: Neo-Acmeism, Dante's 'Divine Comedy', cultural paradigm, 'Akhmatova's myth', lyric hero, literary context.

Акмеизм и неокмеизм – литературные направления, противопоставившие себя по ряду оснований авангарду. В отличие от символизма и футуризма, неокмеизм – явление глубоко национальное, не имеющее аналогов в мировой литературе. Можно выделить три группировки неокмеизма: «старшие неокмеисты» (Арс. Тарковский, М. Петровых, Г. Оболдуев) и поэты «фронтового поколения» (Д. Самойлов, С. Липкин, Ю. Левитанский), – плеяда неокмеистов, опирающихся на русскую классическую традицию (Ахматову, Мандельштама, Гумилёва) и архетипы с глубоким онтологическим содержанием; «шестидесятники» (Б. Ахмадулина, Ю. Мориц, Л. Лосев, И. Лиснянская, А. Кушнер), противопоставившие свою романтически-элегическую эстетику конъюнктурной, официальной эстетике соцреализма. Их поэзия характеризовалась сменой ритма, монтажным принципом построения стиха и инновациями в области формы. И, наконец, поколение «задержанной литературы» 1970-1980-х годов (В. Кривулин, С. Стратановский, О. Седакова, Л. Миллер, Г. Русаков, Г. Умывакина), образующее внешний концентрический круг неокмеизма – создатели «метафизической поэзии», приоритет которой отдаётся постоянному цитатному диалогу с классическими текстами и необыкновенному чувству историзма. Литературными эмблемами неокмеизма становятся философы, поэты-Демиурги, а также литературные и исторические образы – Григорий Сковорода, Сократ, Прометей, Марсий, Эдип, Анджело Секи (у Арс. Тарковского), Данте Алигьери, Винсент Ван Гог, Ахилл, Нефертити, Кора (мифическая царица), ста-

туи, камни-валуны, сфинксы, могилы (у Д. Самойлова), имеющие собственную историю.

Несмотря на то что творчество «старших» неокмеистов уже становилось объектом рассмотрения в весьма немногочисленных работах тартуско-московской семиотической школы – статье Ю.И. Левина, Д.М. Сегала, Р.Д. Тищенко, В.Н. Топорова, Т.В. Цивьян [2], пособия Н. Л. Лейдермана, М.Н. Липовецкого [4], в данной статье предлагается принципиально новый исследовательский ракурс: мифопоэтика Арс. Тарковского рассматривается в свете механизма памяти культуры (в сопоставительном аспекте с «Божественной комедией» Данте), что выявляет наличие стадийального перехода от акмеизма к неокмеизму, при котором традиции акмеизма неизбежно экстраполируются на художественно-эстетическую платформу «нового акмеизма». Таким образом, акмеизм и неокмеизм впервые осмысляются как единая жанрово-стилевая парадигма посредством реконструкции вертикального контекста «вечных образов» акмеистической культуры, в которой далеко не последнюю роль занимает «Божественная комедия» Данте.

Таким образом, в основе мифологической модели повествования в текстах неокмеистов выступает синтез античного мифа, библейских ветхозаветного и новозаветного мифов, изначальных архетипов, национального «трансмифа» (града Китежа), историко-софского мифа («Слово и культура» О. Мандельштама), фольклорных текстов. Ветхозаветные мифы в творчестве неокмеистов выстраивают поэтическую миромодель, воскрешая человеческую «прапамять»: мифы о

грехопадении человечества («Первое электричество» И. Лиснянской), обретении «духовной родины» («Приазовье» Арс. Тарковского), всемирном потопе («Триптих оливы» И. Лиснянской); миф о блудном сыне («Беженец» Арс. Тарковского), миф о «неопалимой купине» («Костер на снегу» И. Лиснянской), миф о Содоме и Гоморре («Дым», «Вдали от Sodoma» И. Лиснянской). Центральный новозаветный сюжет Голгофы и Спасения («Напрасно выбили...» 1972 года И. Лиснянской), как и в поэзии А. Ахматовой, сопрягается с личной драмой лирической героини, сознательно избирающей путь каторжанки, плакальщицы и схимницы, а также фокусирует внимание читателя на многоипостасном «неоакмеистическом» авторском мифе, являющемся органичным продолжением мифа акмеистического («ахматовского мифа»).

Жертвенный огонь бессмертного творчества, пожирающий гениев, добровольно отдавших себя искусству во имя посмертной славы, становится центральным лейтмотивом стихотворения Арс. Тарковского «Вы, жившие на свете до меня...». Симптоматично, что здесь, вслед за Ахматовой, Арс. Тарковский называет своим духовным наставником и Учителем великого флорентийца, гордого изгнанника Данте Алигьери: «Вы, жившие на свете до меня, / <...> / От Алигьери до Скиапарелли, / Спасибо вам, вы хорошо горели» [6, с. 64]. Мини-цикл стихотворений Арс. Тарковского, объединённых общим названием «Степная дудка», являясь реализацией библейского мифа об исходе, обретении земли обетованной («Земля неплодородная, степная, / Горючая, но в ней для сердца есть / Кузнечика скрипица

костяная...» [6, с. 167]), проецируется на сюжет IV Песни «Inferno», где Данте спускается в Лимб, первый круг католического Ада, где пребывают души ветхозаветных праведников и добродетельных нехристиан, среди которых воспетый поэтами Овидий (43 г. до н. э. – 17 г. н. э.): «Гомер, превысший из певцов всех стран; / Второй – Гораций, бичевавший нравы; / Овидий – третий, а за ним – Лукан» [1, с. 34]. М. Лозинский отмечает: «Метаморфозы» Овидия, равно как «Фарсалия» Лукана, служили автору «Божественной комедии» немаловажными источниками» [1, с. 526]. Герой Арс. Тарковского мужественно «вкушает в Лимбе горечь своей доли», учится смирению, почитая Овидия своим духовным Учителем («С Овидием хочу я брызгу есть / И горевать на берегу Дуная...» [6, с. 166]) и изъявляя желание примкнуть к «славнейшей» школе учёных мужей.

Образ вышеупомянутого Дуная восходит, очевидно, к «приветливому роднику» у Данте: «Высокий замок предо мной возник, / Семь раз обвитый стройными стенами; / Кругом бежал приветливый родник» [1, с. 35]. Число «семь» рефреном повторяется в стихотворном цикле Арс. Тарковского и «Божественной комедии» Данте: изгнание Овидия из Рима длилось семь лет, семь раз обвит стенами высокий замок в Лимбе и «Сквозь семь ворот тропа вовнутрь вела; / Зелёный луг открылся перед нами» [1, с. 35]. Расстояние до Рима в цикле «Степная дудка» («И говорил: – Семь лет пути до Рима!» [6, с. 168]) образно измеряется временем, временем отлучения от родины. Герой мечтает разделить муки первого адского круга вместе с Овидием («Именем своим / Они гремят земле,

и слава эта...» [1, с. 34]), дабы отречься от славы земной ради посмертной славы: «Обо мне земля давно забыла, / Хоть моим рифмовником жива» [6, с. 166].

Образность многих стихотворений Арс. Тарковского непосредственно восходит к «Божественной комедии» Данте. Так, образы «ада» и «рая», апеллирующие, в свою очередь, и к русской православной традиции, наиболее частотны: образ «райского сада» возникает в стихотворении «Белый день» («Вернуться туда невозможно / <...> / Как был переполнен блаженством / Этот райский сад» [6, с. 245], а образ «рая», «первозданного Эдема», – в стихотворении «Стелил я снежную постель...» («И сам себя не узнаю, / <...> / В твоём грядущем, как в раю» [6, с. 255]). Образы «Ада», «Чистилища» и «Рая» чётко дифференцированы, но иногда подаются в метафорическом смысле: в «Полевом госпитале» больница для раненых солдат уподобляется Лимбу – первому кругу дантовского Ада, где казнятся добродетельные нехристиане («Ни оттепелей не было в том лимбе, / Где я лежал в позоре, в нагоме...» [6, с. 97]); в послании «Елене Молоховец» категории Ада, Чистилища и Рая погружаются в иронический контекст: «Где ты, писательница малосольная, / <...> / В каком раю? чистилище? мучилище? / Костедробилище?...» [6, с. 120]; в стихотворении «Загадка с разгадкой» упомянут Хирон – перевозчик мёртвых душ дантовского Ада («Головастый внук Хирона, / Полувсадник-полуконь...» [6, с. 145]); образ «ивы» (символа загробной жизни) пронизывает художественную ткань стихотворения «Флейта» («Наклоняется ива / Над студёным ручьём...» [6, с. 216],

а также лирической песни «Иванова ива», где ива олицетворяет смерть («В своей плащ-палатке, убитый в бою, / Иван возвратился под иву свою...» [6, с. 101]). «Река забвения» (Лета) упомянута в стихотворении «Разобрал голололомку...»: «Под окном – река забвения, / Испарения болот...» [6, с. 273].

Лирический герой Арс. Тарковского – одухотворенная плоть Вселенной, Мировая Душа, он многоипостасен: «домашний сверчок» – в стихотворении «Сверчок» («Если правду сказать, / Я по крови – домашний сверчок...» [6, с. 49]); «воин», убитый в сражении на Калке – в стихотворении «Только грядущее» («Нас тысяча на берегу Каялы...» [6, с. 51]); «первозданный Адам» в «Степи» («И в сизом молоке по плечи / Из рая выйдет в степь Адам...» [6, с. 55]); «старый Гёте» – в стихотворении «Карловы Вары» («Бродит грузный и розоволицый / Старый Гёте, столь преданный вам» [6, с. 67]); «переводчик-востоковед» – в стихотворении «Переводчик» («Ах, восточные переводы, / Как болит от вас голова» [6, с. 73]); «солдат» – в стихотворении «Проводы» («Вытрет губы, наденет шинель / И, не глядя, жену поцелует...» [6, с. 85]); «беженец» – в одноименном стихотворении («Я ноги отморожу на ветру, / Я беженец, я никому не нужен...» [6, с. 88]); «волхв» – в стихотворении «Песня под пулями» («Я волхв, ты волк, мы где-то рядом / В текучем словаре земли...» [6, с. 93]); «новый Мессия» – в стихотворении «Земля» («Я снова пойду за Великие Луки, / Чтоб снова мне крестные муки принять...» [6, с. 100]); античный Марсий – в стихотворении «После войны» («Но сам я стал как Марсий. Долго жил...» [6, с. 105]); «летописец Нестор», «пророк

Иеремия» – в стихотворении «Посредине мира» (*«Я Нестор, летописец мезозоя, / Времён грядущих я Иеремия...»* [6, с. 134]); «Древо жизни», «родословное древо русского языка» – в стихотворении «Словарь» (*«Я ветвь меньшая от ствола России, / Я плоть её, и до листвы моей...»* [6, с. 150]); «Прометей» – в стихотворении «Эсхил» (*«С огнём я играл, как Прометей, / Пока не рухнул на гору кавказскую...»* [6, с. 155]); «придорожная бузина» (прообраз цветавшей бузины) – в «Превращении» (*«Лежу, – / а жилы крепко сращены / С хрящами придорожной бузины»* [6, с. 187]); титан Атлант, подпирающий своим плечом цепь времён – в стихотворении «Жизнь, жизнь» (*«Я каждый день минувшего, как крепью, / Ключицами своими подпираю...»* [6, с. 197]); «сын Авраама», явившийся в мир с божественной миссией (*«Я сын твой, отрада / Твоя, Авраам, / И жертвы не надо / Моим временам...»* [6, с. 230]); в стихотворении «Когда вступают в спор природа и словарь...» ипостаси героя строятся на антитезе: *«Я нищий или царь? Коса или косарь?»* [6, с. 231]; герой находит компромисс, объединяющий разные образные перевоплощения в преображенный Адамом мир (*«Адам косил камыш, а я плету корзину. / Коса, косарь и царь, я нищ наполювину, / От самого себя ещё не отделён»* [6, с. 231]).

Все вышеуказанные образы героя Арс. Тарковского складываются в единый авторский миф и сообщают его поэзии надвременной и надсобытийный характер: «Эпохи в его сознании сопряжены столь тесно, «взаимообменно», столь открыты друг другу, что диалог с Овидием, например, стоит ему ничуть не больших усилий, чем

разговор со случайным собеседником в переделкинских аллеях» [8, с. 16].

Образ «дерева» у Арс. Тарковского чрезвычайно полисемантичен, восходит одновременно к нескольким источникам: «древо жизни», «древо Бытия» – в стихотворении «После войны» (*«Как дерево поверх лесной травы / Распластывает листьев пятерню / <...> / Я вытянулся понемногу»* [6, с. 105]); «древо России», которому сопричастен каждый гражданин – в стихотворении «Словарь» (*«Я ветвь меньшая от ствола России...»*), «родословное древо» семьи Романовых; библейское Древо Познания Добра и Зла в стихотворении «Словарь» (*«Я призван к жизни кровью всех рождений / И всех смертей...»*); индоевропейское «языковое древо» со славянской ветвью, частью которой является русский язык (*«Все эР и эЛь родного языка»*); в стихотворении «Сколько листвы намело. Это лёгкие наших деревьев...» листья становятся родными братьями поэта (*«Листья, братья мои, внушите мне полную веру / В силы и зренье благое моё и моё осязанье...»* [6, с. 296]); «лес самоубийц», терзаемых гарпиями, – в программном стихотворении «Дерево Жанны» (*«Таинственное дерево, откуда / Ко мне слетает птица первой ноты»* [6, с. 62]). Деревья уподоблены античным Атлантам (в греческой мифологии Атлант – сын Иапета и Климены, осуждённый богами держать на плечах небесный свод за попытку овладеть небом), мужественным воинам – в стихотворении-диптихе «Деревья» (*«Зато, как воины стройны, / Очеловеченные нами, / Стоят и соединены / Земля и небо их стволами»* [6, с. 138]).

В стихотворении «Превращение» Арс. Тарковского упомянута «бузина»

(«Лежу, – / а жилы крепко сращены / С хрящами придорожной бузины» [6, с. 187]) – знаковый образ одноимённого стихотворения М. Цветаевой (в стихотворении «Бузина» куст бузины олицетворяет Древо Бытия, которое возвращает бесчисленное множество жизней, обречённых на гибель): «Бузина казнена, казнена! / Бузина – целый сад залила / <...> / Кровью лета – твоей, моей...» [7, с. 371]. Куст бузины становится у поэтов аллегорией жизни, кровеносной системы человеческого организма.

В стихотворении «Эсхил» Арс. Тарковского поэтическое творчество приравнено к мукам Прометея, однако, положив в основу своего произведения древнегреческий миф «Прометей» («И не приметил, как в моих стихах / Свила гнездо Эсхилова трагедия» [6, с. 155]), автор ограничивается рамками трагедии Эсхила «Прикованный Прометей». Миф о том, как Прометей, богоборец, защитник людей, добывший для них огонь с неба и научивший их ремеслам, был прикован Зевсом к скале, в «Эсхиле» даётся в сокращённом виде – именно так, как в стихотворении Арс. Тарковского: «Рухнула со страшным грохотом скала с прикованным к ней Прометеем в неизмеримую бездну, в вековый мрак» [3, с. 100]. Поэт, казнимый «Прометеевой казнью», обречён на муки Вечности, безучастной к его страданиям.

Арс. Тарковский реанимирует эллинистическую мифологию. Сюжет стихотворения «Мщение Ахилла» совмещает цепь мифов древнегреческого эпоса – «Ахилл», «Поединок Ахилла с Гектором», «Приам в шатре Ахилла», «Погребение Гектора», «Смерть Ахилла», «Падение Трои». В соответствии с

оригинальным источником, автор констатирует, что вовсе не мужественному Ахиллесе удалось завоевать Трою, а его сыну Неоптолему и хитроумному Одиссею, соорудившему деревянного коня.

Философичность поэтического творчества, стоическая глубина мысли, восходит к Сократу – стихотворение «Сократ» («Я плоть от вашей плоти, высота / Всех гор земных и глубина морская...» [6, с. 66]); жертвенность творческого порыва, к великому флорентийцу Данте Алигьери и итальянскому астроному Анжело Секки, которым посвящены соответственно стихотворения «Вы, жившие на свете до меня...» («От Алигьери до Скиапарелли, / Спасибо вам, вы хорошо горели» [6, с. 64] и «Анжело Секки» («Ещё ребёнком я оплакал эту / Высокую, мне родственную тень...» [6, с. 69]); неподражаемый Винсент Ван-Гог, с которым поэта роднит грубая простота формы – стихотворение «Пускай меня простит Винсент Ван-Гог...» («А эта грубость ангела, с какою / Он свой мазок роднит с моей строкою...» [6, с. 70]); жертвенный Марсий, с которого за его талант живьём содрали кожу, становится для поэта образцом гения во все времена – стихотворение «После войны» («В страданиях невыносимых, как Марсий, / С которого содрали кожу» [6, с. 105]); Ахматова, прозревающая в поэзии панхронизм времён («Открытый твой ковчег, / Плывущий перед всеми / В твой двадцать первый век...»); античный Эсхил в одноимённом стихотворении («И не приметил, как в моих стихах / Свила гнездо Эсхилова трагедия» [6, с. 155]); Феофан Грек, к которому поэт просится в «подмастерья» – в одноимённом стихотворении

(«Мне должно завещание могил / <...> / И подмастерьем стать у Феофана» [6, с. 269]); украинский философ Григорий Сковорода («Жил в сродстве горделивый смиренный / С древней книгою книг...» [6, с. 275]), Александр Пушкин (цикл «Пушкинские эпитафии») и, наконец, Марина Цветаева, – «распятый Иисус». В пронзительном стихотворении «Стирка белья» посредством бытовых подробностей предсказывается непростая судьба поэта, уподобленная распятию Христа («От серого платья в окне / Темнеют четыре аришина / До двери. / Как в речке на дне – / В зеленых потемках Марина» [6, с. 160]). Все эти образы, выбор которых отнюдь не случаен – неотъемлемые слагаемые поэтики Арс. Тарковского.

Акмеистические доминанты поэтического дара Арс. Тарковского несомненны: повышенные требования к подбору слов в стихотворении («И каждый стих, звучащий дольше дня, / Живёт всё той же казнью Прометеевой» – стихотворение «Эсхил»); образ Нового Адама, внедряющего божественное Слово-Логос во Вселенную – стихотворение «Рукопись» с посвящением А. А. Ахматовой («Я тот, кто жил во времена мои, / Но не был мной» [6, с. 149]); однако в стихотворении «Явь и речь» происходит обратная метаморфоза: именно животворящая мощь поэтического «Словаря» создаёт Нового Адама из «красной глины» («Не я словарь по слову составлял, / А он меня творил из красной глины...» [6, с. 171]), ибо, по преданию, Бог создал Адама из праха земного, из «красной глины»; «сознательный смысл слова, Логос» – единственная цель поэзии (в статье «Утро акмеизма» О. Мандельштама), – отразился в стихотворении

«Словарь» («И потому бессмертен я, пока / Течёт по жилам – боль моя и благо / <...> / Все эР и эЛЬ святого языка» [6, с. 150]); божественная физиология Средневековья («ощущение мира как живого равновесия»), тождественная акмеистическому равновесию земного и небесного начал, проступает в «Оде» («В горло вобрать бы лучистое небо, / Между двумя океанами лечь...» [6, с. 148]).

Музыка и стихия света, составляющие «романский дух» французского символизма (статья Н. Гумилёва «Наследие символизма и акмеизм»), отражены в стихотворении «До стихов» («И странно: от всего живого / Я принял только свет и звук...» [6, с. 151]); в «Степи» Арс. Тарковского рефреном звучит ахматовское «Memoria conservat omnia» («Память хранит всё») «Поэмы без героя»; более того, ода-триптих «Жизнь, жизнь» Арс. Тарковского («На свете смерти нет. / Бессмертны все. Бессмертно всё...» [6, с. 197]) содержит реминисценцию из «Триптиха» А. Ахматовой («Смерти нет – это всем известно...»); поэту дано управлять «бегом времени» («Я вызову любое из столетий...» [6, с. 197]); поэт уподобляется античному Атланту, подпирающему плечом тяжесть минувшего времени, и прорицателю Тирегию, прошедшему сквозь цепь времён – измеряет время расстоянием, «землемерной цепью»; «эвклидово пространство» трёх измерений отброшено: он сам выбирает себе «век по росту» и способен возвращаться из грядущего в прошлое («Я и сейчас, в грядущих временах, / Как мальчик, привстаю на стременах» [6, с. 198]).

Зримая, акмеистическая архитектура поэзии (стихотворение

«Камень на пути») восходит к полисемантическому образу «к а м н я»: «Акмеисты с благоговением поднимают таинственный тютчевский камень и кладут его в основу своего здания» [5, с. 191]. Арс. Тарковский испытывает мистический ужас перед седыми валунами, затерянными в пространстве степей («И на курганах валуны / Лежат – цари сторожевые...» – стихотворение «Степь»), перед немой красноречием человеческой души, спрятанной в камне, как в стихотворении «Я тень из тех теней, которые, однажды...» («И если не лицо, а гипсовая маска / Глядит из-под земли на каждого из нас...» [6, с. 291]). В стихотворении «Пляшет перед звездами звезда...» камень уподобляется плачущему существу («Плачет мать над люлькою пустой, / Плачет крепкий камень под пятой...» [6, с. 250]), а в «Комитасе» камень-мудрец очеловечен («И опять Айя-Софии / Камень ходит предомной...» [6, с. 165]). Стихотворение «Из старой тетради» – аналог ахматовского «Из сожжённой тетради» – возвещает нерушимую связь времён («Подумай только: не было разлуки, / Смыкаются, как воды, времена» [6, с. 159]). Зашифрованные реминисценции в текстах неоакмеистов связаны с авторским приёмом «полицитатности», носящим имплицитный характер. Архетипические образы ассоциируются сразу с несколькими цитатными источниками – библейскими, фольклорными, различными образами отечественной и мировой литературы, благодаря чему обретают несколько «прототекстов» и интерпретаций. Формально это способствует возникновению жанров на стыке двух и более жанровых «валентностей».

Жанровая структура произведений Арс. Тарковского полисемантична: **лирическая исповедь** – «Я учился траве, раскрывая тетрадь...», «Беженец»; **послание** – «Вы, жившие на свете до меня...», «Сократ», «Анжело Секки», «Пускай меня простит Винсент Ван-Гог...», «Елена Молоховец»; **лирический этюд** – «Река Сугакля уходит в камыш...», «Телец, Орион, Большой Пес»; **философский этюд** – «Степь», «Стань самим собой», «Слово», «Дерево Жанны», «Деревья» (диптих), «Словарь»; **воспоминание** – «Могила поэта» (Памяти Н. А. Заболоцкого), «Затмение солнца. 1914», «Стихи из детской тетради»; **солдатская песня** – «Ехал из Брянска в теплушке слепой...», «Песня под пулями», «Иванова ива»; **лирическая «экскурсия»** – «Страус в 1913 году»; **лирический рассказ** – «Град на Первой Мещанской», «У лесника»; **элегия** – «Снова я на чужом языке...», «Ночью медленно время идет...»; **лирический диалог** – «Портрет»; **надпись** – «Надпись на книге» (с валентностью послания); **ода** – «Ода», «Вторая ода», «Ласточки»; **народная лирическая песня** (стилизация) – «Юродивый в 1918 году», «Встали хлопцы золотые...»; **диптих** – «Деревья» (по содержанию – философский этюд); **эпитафия** – «Домой, домой, домой...» (обращено к А. А. Ахматовой); **лирическое воззвание** – «О, только бы привстать, опомниться, очнуться...»; **загадка** (фольклор) – «Загадка с разгадкой»; **лирический цикл** («Сказки и рассказы») – «Кузнечики» (I. «Тикают ходики, ветер горячий...»; II. «Кузнечик на лугу стрекочет...»); «Серебряные Руки», «Дриада», «Румпельштилцхен», «Русалка», «Пауль Клее», «Две японские сказки» (I. «Бедный рыбак»;

II. «Флейта»); **«пушкинские эпиграфы»** (I. «Почему, скажи, сестрица...»; II. «Как тот Кавказский Пленник в яме...»; III. «Разобрал головоломку...»; IV. «В магазине меня обсчитали...»); **лирический гимн** – «Хвала измерившим высоты...»; **сказка** – «Ночная бабочка “Мертвая голова”»; **идиллия** – «Белый день»; **мадригал** – «Григорий Сковорода»; **поэмы** – «Слепой», «Из поэмы “Сорок девушек” (По мотивам каракалпакских народных сказаний)»).

Распространёнными жанрами поэзии Арс. Тарковского являются послание, лирический и философский этюд, воспоминание и лирическая песня (солдатская и народная, являющаяся, скорее, стилизацией), а также лирические циклы. Поэт обращается и к стилизованным фольклорным жанрам (сказке, загадке, народной лирической песне). Арс. Тарковский реанимирует забытые в XX веке жанры: **оду** (XX век с его тяготением к небольшим лирическим формам отказывается от оды) и **мадригал**, обращается к древнейшему канону надгробной **надписи** (эпита-

фии), получившей распространение в начале XIX века, в эпоху сентиментализма.

Множество мифов Ветхого завета, античности, средневекового рыцарства, Возрождения и Нового времени, библейские и евангельские сюжеты, исторические мифы о реальных героях и реминисценции на них – всё скрепляется единым авторским замыслом, индивидуальным авторским «мифом» и воспринимается как личностное переживание запечатлённого в них предания. Художественное время неоакмеистического текста двуслойно: это и мифологическое время Автора-«героя», и время конкретно-историческое, обладающее вселенской перспективой. Воображение поэта возвращается к истокам культуры, началу истории, в «подвал памяти» («Поэма без героя»). Связь прошлого и будущего восстанавливается через обращение поэта к истории, к памяти «ненапрасного прошлого» с целью различить в нём вневременное, апокалиптическое время «во все времена».

ЛИТЕРАТУРА:

1. Божественная комедия / пер. с итал. М. Лозинского; вступ. ст. К. Державина. М.: Правда, 1982. 670 с.
2. Левин Ю.И., Сегал Д.М., Тименчик Р.Д., Топоров В.Н., Цивьян Т.В. Русская семантическая культурная парадигма // Russian Literature (Hague). 1974. № 7-8. Р. 49-84.
3. Легенды и сказания Древней Греции и Древнего Рима / сост. А.А. Нейхардт. М.: Правда, 1987. 576 с.
4. Лейдерман Н. Л. Липовецкий М. Н. Современная русская литература: 1950-1990-е годы: В 2 т.: Учебное пособие для студ. высш. учеб. заведений. 1968-1990 / Липовецкий М. Н. 2-е изд., испр. и доп. М.: Академия, 2006. 688 с.
5. Мандельштам О. Утро акмеизма // Критика русского постсимволизма / Сост., вступ. ст., преамбулы и примеч. О.А. Лекманова. М.: Олимп: АСТ, 2002. С. 189-194.
6. Тарковский А. А. Стихотворения и поэмы. (Поэзия XX века). М.: Профиздат, 2000. 240 с.
7. Цветаева М. Долг повелевает – петь: Стихотворения и поэмы (1908-1941). М.: Вагриус, 2005. 528 с.

8. Чупринин С. Арсений Тарковский: путь и мир: К 90-летию со дня рождения // Тарковский А. А. Стихотворения и поэмы. М.: Профиздат, 2000. С. 16-24.

REFERENCES

1. Bozhestvennaya komediya [Divine Comedy] / Transl. from Italian by M. Lozinski; Introductory article by K. Derzhavin. M., Pravda, 1982. 670 p.
2. Russkaya semanticheskaya kul'turnaya paradigma [Russian semantic cultural paradigm], Levin YU.I., Segal D.M., Timenchik R.D., Toporov V.N., TSiv'yan T.V. // Russian Literature (Hague). 1974. no. 7–8. pp. 49–84.
3. Legendy i skazaniya Drevnei Gretsii i Drevnego Rima [Legends and stories of Ancient Greece and Rome] / Comp. by A.A. Neukhardt. M., Pravda, 1987. 576 p.
4. Leiderman N.L., Lipovetskii M.N. Sovremennaya russkaya literatura: 1950–1990-e gody: V 2 t.: ucheb. posobie dlya stud. vyssh. ucheb. zavedenii. 1968–1990 [Modern Russian literature: 1950–1990s: In 2 vols.: textbook for students. of higher ed. institutions. 1968–1990]. 2nd ed., rev. & enl. M., Akademiya, 2006. 688 p.
5. Mandel'shtam O. Utro akmeizma [Morning of Acmeism] // Kritika russkogo postsimvolizma [Criticism of the Russian postsymbolism] / Comp., introd. article, preface and notes. by O.A. Lekmanov. M., Olimp: AST, 2002. pp. 189–194.
6. Tarkovskii A.A. Stikhotvoreniya i poemu (Poeziya XX veka) [The poems (Poetry of the 20th century)]. M., Profizdat, 2000. 240 p.
7. Tsvetaeva M. Dolg povelevaet – pet': stikhotvoreniya i poemu (1908–1941) [Duty commands – sing: poems (1908–1941)]. M., Vagrius, 2005. 528 p.
8. Chuprinin S. Arsenii Tarkovskii: put' i mir: K 90-letiyu so dnya rozhdeniya [Arseny Tarkovsky: the path and the world: to the 90th anniversary] // Tarkovskii A.A. Stikhotvoreniya i poemu [A. Tarkovsky. Poems]. M., Profizdat, 2000. pp. 16–24.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Фетисова Екатерина Эдуардовна – кандидат филологических наук, Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН);
e-mail: slabkih.ksenia@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ekaterina Fetisova – candidate of Philological Sciences, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN);
e-mail: slabkih.ksenia@yandex.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Фетисова Е.Э. Феномен неоакмеизма в творчестве Арс. Тарковского // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2016. № 4. С. 278-287.
DOI: 10.18384/2310-7278-2016-5-278-287

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

E. Fetisova. Phenomenon of Neo-Acmeism in A. Tarkovsky's poetry // Bulletin of Moscow State Region University. Series: Russian philology. 2016. no. 4. pp. 278-287.
DOI: 10.18384/2310-7278-2016-5-278-287

УДК 82.091

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-5-288-300

**И.А. БУНИН, М.А. АЛДАНОВ, В.В. НАБОКОВ:
СУЖДЕНИЯ ОБ ОДНОМ ПО-РАЗНОМУ****Шадурский В.В.***Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого
173003, Великий Новгород, ул. Большая Санкт-Петербургская, д. 41,
Российская Федерация*

Аннотация. Статья посвящена сопоставлению высказываний Бунина, Алданова и Набокова о русской классической литературе. Рассмотрен аспект отношения к Пушкину, Гоголю и Толстому в литературно-критических высказываниях и эссе этих авторов. Определена специфика точек зрения каждого из трёх взаимосвязанных художников слова на творческое наследие классиков русской литературы XIX века.

Ключевые слова: И.А. Бунин, М.А. Алданов, В.В. Набоков, русская классическая литература, литература русского зарубежья, рецепция А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, Л.Н. Толстого.

**IVAN BUNIN, MARK ALDANOV, VLADIMIR NABOKOV:
DIFFERENT VIEWS ON THE SAME TOPIC****V. Shadursky***Yaroslav-the-Wise Novgorod State University
41, B.St. Petersburgskaya st., Veliky Novgorod, Russian Federation, 173003*

Abstract. The article compares the observations of Bunin, Aldanov and Nabokov on the topic of Russian classical literature. Under consideration are attitudes toward Pushkin, Gogol and Tolstoy, as expressed in the literary criticism and the essays of these three authors. In addition, the specific point of view of each of the three interconnected writers on the creative heritage of classics in Russian literature of the 19th century is elaborated.

Keywords: I. Bunin, M. Aldanov, V. Nabokov, Russian classical literature, Russian Emigre Literature, reception of A. Pushkin, N. Gogol, L. Tolstoy.

Нами уже предпринималось исследование темы «Русские классики в творческом восприятии М.А. Алданова и В.В. Набокова: схождение и полемика» в аспекте переписки двух писателей, что отражено в докладе «Русские классики в творческом восприятии М.А. Алданова и В.В. Набокова: схождение и полемика: аспект переписки» на международной конференции «Набоковские чтения – 2015» в музее В.В. Набокова Санкт-Петербургского государственного университета.

В данной работе речь ведётся об эссе и литературно-критических статьях Бунина, Алданова, Набокова в трёх смысловых «перекрестьях»: А.С. Пушкин,

Н.В. Гоголь, Л.Н. Толстой. Только в некоторых случаях привлекаются высказывания из дневников и воспоминаний; этот аспект творческого наследия писателей-изгнанников ещё ждёт своего интерпретатора, заслуживает большого самостоятельного труда, о чём хорошо сказано в недавней статье Н.Ю. Симбирцевой: «Жанр этих произведений различен, в форме литературных портретов, автобиографий, дневниковых записей, медитативных очерков, эпистолярная писатели передают атмосферу литературной жизни эмиграции» [19, с. 146].

Пушкину все три автора посвятили не одно литературно-критическое сочинение. Но именно старшему современнику Алданова и Набокова повезло услышать лестные отзывы, которые возносили его самого до гения Пушкина. Вот мнение одного из строгих критиков, от чьего пера досталось многим в литературе зарубежья: Г.В. Адамович, неожиданно сопоставляя Бунина с автором «Капитанской дочки», писал ему 20 декабря 1944 г.: «В сущности он единственный не-сумасшедший из великих русских писателей <...>. В вас много от него, от “не дай мне Бог сойти с ума”, и это Вас к нему притягивает» [1, с. 43].

Бунин высказывался о Пушкине многократно, в сформировавшейся ещё до эмиграции эстетической системе Бунина создатель «Онегина» – безусловный гений. Очевидно, что, оказавшись за рубежом, Бунин только укрепляет цельность своей литературной позиции, продолжая противопоставлять творчество современников, преимущественно модернистов, русской классике. Уже в эмиграции он опубликует в «Возрождении» заметку «Думая о Пуш-

кине» [10], выросшую из ответов на 3 анкетные вопроса; каждый ответ – это рассказ о том, как в любом месте и в любое время жива память о Пушкине, ассоциации с ним, ведь Пушкин – это «...воплощение простоты, благородства, свободы, здоровья, ума, такта, меры, вкуса...» [10, с. 3]. Чего стоят такие многозначительные реплики в бунинских дневниках: «Всё перечитываю Пушкина. Всю мою долгую жизнь, с отрочества не могу примириться с его дикой гибелью!» [22, с. 175] (запись 12 февраля 1945 года). В 1949 году по случаю 150-летия со дня рождения поэта Буниным было произнесено короткое, но очень эмоциональное «Слово о Пушкине»: «Полтора века тому назад Бог даровал России великое счастье. Но не дано было ей сохранить это счастье. В некий страшный срок пресеклась, при её попустительстве, драгоценная жизнь Того, Кто воплотил в себе её высшие совершенства» [11, с. 418]. Правда, тогда писатель не смог удержаться, чтобы не выразить свой гнев в отношении советской власти, и сохранение имени Пушкина связал с неизменностью России, с её незыблемыми константами, нравственными ценностями: «Не поколеблено одно: наша твёрдая вера, что Россия, породившая Пушкина, всё же не может погибнуть, измениться в вечных основах своих и что воистину не одолеют её до конца силы ада» [11, с. 418]. Интонации Бунина экспрессивные, он в большей степени выражает пафос, показывает владение риторическими фигурами, нежели характеризует идеи, конкретные образы или стилистические находки Пушкина.

Первые слова Алданова о Пушкине встречаются в дебютном исследовании «Толстой и Роллан», которое создава-

лось ещё в России. Алданов сравнивает Пушкина и других классиков со своим «кумиром» – Л.Н. Толстым. Уже тогда Лев Толстой стал для Алданова образцом политической свободы, свободы сохранять своё достоинство и демонстрировать моральные принципы. На его фоне даже Пушкин кажется совершенно зависимой личностью. В «Загадке Толстого», уже в новой редакции первого тома, вышедшей в 1923 году в Берлине, Алданов, обращаясь к мелким биографическим подробностям, выражает досаду из-за фактов унижения великого поэта, когда тот, находясь в стеснённых обстоятельствах, писал шефу жандармов «...письма, которые нельзя читать без чувства унижения и боли. Он мог написать “Стансы”, когда кости повешенных декабристов ещё не истлели в могиле <...> Он брал денежные подарки от правительства Николая I <...> пел гимны, которым, впрочем, даже не старался придать хотя бы художественное достоинство <...> Так ли писал Пушкин, когда писал для вечности?» [6, с. 107]. Заметим, что здесь нет осуждения, лишь сопоставление фактов с подразумеваемым горьким выводом о том, как отсутствие свободы умаляет творчество гения.

Пушкин не вошёл в предлагаемую Алдановым для Европы «табель о рангах» русских писателей XIX века, потому как «главное и бессмертное в Пушкине – его стихи – никому, кроме русских, не доступно» [5, с. 169], а оценить поэзию Пушкина в переводе невозможно. О непосредственном отношении к Пушкину и его наследию можно узнать также из публицистических статей и очерков Алданова: «Неизданные произведения Пушкина (В связи с конгрессом спиритов)» («Дни»,

Берлин, 1925, № 807); «Пушкин на итальянской сцене» («День русской культуры», Париж, 1926); «О “Памятнике”» («Пушкин», Париж, 1937) и других [23, с. 463].

Интересно, что отношение к пушкинским творениям у Алданова было разным, исторические ошибки автору «Полтавы» не прощались. И, тем не менее, он обладает смелостью обозначить общие линии развития литературы от самого известного классика до самого читаемого современника. Более того, Алданов, который полагал, что не способен по-настоящему оценивать стихи, одну из своих редких работ в отношении поэзии посвятил именно пушкинскому стихотворению, но зато – какому! Та статья, как уже упоминалось, вышла в однодневной газете «Пушкин» в 1937 году. В августе 1836 года, по словам Алданова, Пушкин пишет «...странные, противоречивые стихи...» [7, с. 220], в которых слышен «...гневный, презрительный вызов со стороны раздражённого, измученного человека» [7, с. 221]. Стихи, как известно, создавались с оглядкой на безрадостную судьбу Александра Радищева, но имя создателя «Путешествия из Петербурга в Москву» всё-таки ушло из белого автографа «Памятника»; Алданов посвятил несколько абзацев этой теме, чтобы показать, что Радищев был Пушкину «чужой человек» [7, с. 222]. А вот в других случаях, по мнению Алданова, Пушкин отказался от слов, которые были «сильнее и правдивей», в них была «неоспоримая, совершенная правда» [7, с. 222]. Более того, он приходит к интересному заключению о том, что ценность наследия Пушкина, «...Его бессмертие не только в том, что написал он сам, но и в том,

что «вслед» ему написали другие...» [7, с. 222]. Таким образом, главным в этой статье о Пушкине становится поднимаемая проблема свободы, возможность сохранить свою личность, обращаясь исключительно к правде. Для Алданова-эмигранта, имевшего особые политические воззрения, свобода личности – одна из главных ценностей, которую он готов рассматривать даже в текстологических наблюдениях.

Когда в письме от 25 января 1943 г. Алданов сообщит Набокову, что получил заказ на антологию «Сто лет русской художественной прозы» и что «начать предполагается с Пушкина (с неизбежной, но прекрасной «Пиковой дамы»)» [13, с. 135], а кончить Набоковым, это очевидно сделало бы особую честь автору «Защиты Лукина». Но Алданов, скептик и пессимист, скажет и о самом главном, о том, чего нет в нём, но что есть с избытком в создателе «Онегина»: «...Пушкин был одним из наиболее жизнерадостных людей, когда-либо посетивших землю» [5, с. 165].

Таким образом, алдановский подход к Пушкину совмещает эмоциональную оценку личности и исследовательскую обстоятельность в отношении к текстам.

В той самой статье «Вековой заряд духовности...» Алданов продолжит рассуждения о классике, словно соединяя в одну линию Пушкина, Гоголя и Толстого указанием на произведения, «дышащие страстной любовью к жизни» (у Гоголя), «романтические тона, представляющие необычный соблазн для молодёжи» [5, с. 165] (у Толстого), но пушкинская «жизнерадостность» всё-таки будет первостепенной.

Набоков, как известно, опубликовал речь «Пушкин, или Правда и правдопо-

добие» на французском языке. В ней он высказывается относительно романизированных биографий, а по сути, выступает противником биографического метода и создания литературных жизнеописаний, называя их «правдоподобием». Именно на это время приходится и «работа» Годунова-Чердынцева над книгой о Н.Г. Чернышевском – итог этой оригинальной, талантливой, но претенциозной истории известен. В данном эссе Набоков поразительно заносчив, все, кто омрачил гений Пушкина неадекватным прикосновением, названы либо «посредственными», либо «ограниченными». По его мнению, нужно «улавливать» «живописную правду жизни» [17, с. 550], не более того, и не стоит создавать романов о писателях. Но всё же сам Набоков, не создававший биографий писателя, написал биографию, правда, не художника слова, а одного его произведения – «Евгения Онегина».

Вторая тема общения трёх указанных писателей-«собеседников» – Гоголь.

Гоголь в дореволюционном творчестве Бунина – предмет особого разговора, да и ведётся этот разговор давно. Другое дело – отзывы Бунина, которых становится больше именно после революции. В эмиграции в бунинском восприятии Гоголя появляются и все резкие интонации. В апреле 1940 года он записал: «Не знаю, кого больше ненавижу как человека – Гоголя или Достоевского» [22, с. 47]. Но остались и такие свидетельства современников, цитировавших слова Бунина: «Я – от Гоголя. Никто ничего не понимает. Я из Гоголя вышел» [9, с. 294].

Того же Гоголя Бунин в другое время назовёт иначе: «Мёртвые души»

«нельзя читать серьёзно – очень талантливый шарж и только. А чего только не наплели! <...> И чего только сам не вообразил! <...> России почти не видал, от этого местами нелепое соединение Малороссии и Великороссии» [21, с. 290] (запись 18 сентября 1933 года). А 5 апреля 1942 года напишет: «Вдруг почему-то пришло в голову: Добчинский и Бобчинский... Да: Сквозник-Дмухановский, Яичница... даже Чичиков – всё очень плоско, балаганно – и сто лет все с восторгом повторяют: Добчинский и Бобчинский!» [22, с. 132].

В.Н. Муромцева-Бунина в своём дневнике цитирует слова Бунина, что «...Гоголь сжёг не вторую часть “Мёртвых душ”, а то, что не вышло из этой второй части. Ему хотелось писать в ином стиле, неорганически, а это у него не вышло. Ему хотелось стать Данте, Шекспиром» [22, с. 9] (запись 26 апреля 1934 г.). Через несколько лет Бунин напишет иначе в своём дневнике: «Убеждён, что Гоголь никогда не жёг “Мёртвых душ”» [22, с. 47] (запись 30 апреля 1940 г.).

В эмиграции Бунин даже пишет рассказ-шутку «Жилет пана Михольского» (1936 г.), представляющий собой историю о якобы реальной встрече некоего пана Михольского с Гоголем (литературный источник рассказа – «Анекдот о Гоголе» И.И. Ясинского; правдоподобность «анекдота» Ясинского оспаривал Н.С. Лесков [8, с. 631]). Но это художественная, а не литературно-критическая история, в которой Бунин мог бы написать, что, по его мнению, было «органическим», настоящим в Гоголе, а что – наносным, искусственным, вызывавшим отторжение. Бунин говорил о Гоголе лишь

отрывочно, какого-то выстроенного, продуманного, взвешенного и концептуального направления мысли по поводу создателя «Ревизора» не получили.

Марк Алданов в одной из своих рижских публикаций будет обижен невежеством и невниманием Европы по отношению к русским классикам. Так, в память о Тургеневе появились парижские публикации. Но что в них? «В одной из газет главным произведением Тургенева назвали роман «Рондины» <...> в другой сообщили, что Гоголь, автор «Турасы Бульбы», покончил самоубийством, были и неизбежные «русские степи», но в общем почти всё в некрологах было хорошо и точно; и в некоторых из них упоминался даже Белинский, – кто бы подумал!» [4, с. 2].

Набоков же в работе «Николай Гоголь» в 1944 году своими «исследовательскими» экспериментами вызовет скандал, чего стоит только первая главка, в которой обозначаются главные темы гоголевского творчества – желудок и нос: «...телесный характер его гения. Живот – предмет обожания в его рассказах, а нос – герой-любовник. Желудок всегда был самым знатным внутренним органом писателя...» [16, с. 404-405]. Очевидно, что набоковские метафоры многими бы были восприняты в штыки. Такие статьи не только бы в «Современные записки» не взяли, не взяли бы ни в одно периодическое издание. Набоков произвёл отрицательное впечатление даже на любящих его современников. Вот и письмо Алданова от 15 сентября 1944 г. по сути критический отклик на только что вышедшую книгу «Николай Гоголь»: «Я прочёл её не “в один присест”, но действительно в два. Это

очень блестящая и остроумная книга, одна из Ваших самых блестящих. Солгал бы Вам, если бы сказал, что с ней согласен. У меня есть возражения к каждой странице. Очень ли Вы будете меня презирать, если я скажу, что, по моему глубокому убеждению, Гоголь, при своей самой подлинной гениальности, был много проще, чем Вы его изображаете <...> Проще и зависимее от иностранных влияний. Говоря о художественных приёмах Гоголя, Вы, конечно, часто говорите о Сирине – и это высшая похвала. Знаю, что Вы совершенно равнодушны к чужому мнению и к моему в частности, но всё-таки хотел бы Вам сказать, что я от Вашей книги в восторге. Со многим и согласен» [13, с. 136-137].

А далее Алданов в письме задаёт вопрос, который бы предполагал, что в оценке Гоголя он отчасти «солидарен» с Набоковым. «Попадались ли Вам мои заметки о Гоголе, кое в чём совпадающие с Вашими (напр. о забавных суждениях о “реализме” и “гражданской скорби” Гоголя, о чудовищности основной моральной идеи “Мёртвых душ” – “виноват был, что торговал мёртвыми душами, а надо было торговать живыми”)?» [13, с. 137].

Но ответа не последовало или он остался неизвестным. Набоков, конечно, не мог не знать алдановской оценки создателя «Ревизора», но не продолжил диалог. Вероятно, диалог был ему не интересен, как и не интересен Алданов в качестве инициатора беседы о литературе. И вот ситуация умолчания: нет сведений в эпистолярии, нет факта полемики в литературных статьях и нет продолжения интересной, интригующей темы оценки Гоголя.

Третий предмет общения в нашем диалоге – Толстой.

Известно, что Бунин при жизни Толстого был обласкан его вниманием, большая часть творческого пути Ивана Алексеевича прошла с ориентиром на мировоззрение Льва Николаевича: «Лев Толстой для Бунина – высшее воплощение художественного мастерства и нравственного достоинства» [15, с. 76]. В различных заметках эмигрантской поры Бунин всегда отмечает нечто родственное, объединяющее с ним. Так, откликаясь на статьи Н.А. Цурикова, опубликованные в «Возрождении» в 1926 году, автор «Деревни» писал: «Нет. Это не Толстовские, это наши общие особенности: особенности языка той сравнительно небольшой местности <...> И разве тем же языком пользовались чуть ли не все крупнейшие русские писатели? Потому что чуть не все они – наши» [12, с. 210-211]. И всё же не отрывочные высказывания, а целую книгу о Толстом Бунин написал очень поздно. Очевидно, что писать ему было также мучительно, как Годунову-Чердынцеву писать о своём отце. «Освобождение Толстого» появилось лишь в 1937 году, а вот алдановский текст «Загадка Толстого», как уже отмечалось, отдельным изданием вышел ещё в 1923 году. Бунин был вынужден комментировать книгу Алданова, цитировать её целыми страницами, соглашаясь в точных формулировках, основанных не на беллетристике, а на знании фактов.

Набоков же, работая над лекциями по русской литературе в 1940-м году, по словам И. Толстого, «отвергает морализаторскую “Войну и мир” как “литературу Больших Идей” и предпочитает более домашнюю “Анну Ка-

ренину» с «Иваном Ильичом» [20, с. 10].

Принципиальное различие в этих работах не только по жанру, но и по способу изображения объекта. Бунин широко использовал разнообразные источники: от 90-томного собрания сочинений Толстого до дневников, записных книжек писателя. Но главное – в своём философском повествовании он, по словам О. Михайлова, «славит жизнь Толстого» [14, с. 649], перед которым всю жизнь «благоговел»; Бунин обнаруживает «обретение полной внутренней свободы», «смысл существования». Именно в этом сочинении Бунин не стесняется высоких слов, ведь он пишет о подвиге великого предшественника.

В творческом сознании Бунина происходило постепенное формирование целостного восприятия личности Толстого – от частных дневниковых записей разных лет к роману «Жизнь Арсеньева», где выражается восхищение перед силой как толстовского чувствования прелести земного естества, так и его пронзительных интуиций о тайне смерти. Итоговым на этом пути явилось художественно-философское эссе «Освобождение Толстого» (1937). Удивительно то, что в этом эссе Бунин вспоминает и младшего современника – Алданова.

Набоков напишет две вещи о Толстом, которые, конечно, только условно могут быть названы лекциями, ибо это тоже литературно-критические эссе. В сравнении с гоголевским эссе здесь подход к представлению произведений несколько иной. Объявляется, что именно нравственным содержанием интересны ему «Анна Каренина» и «Смерть Ивана Ильича». Имеется та

же рубрикация по главам и даже выделение особых частей: «Действующие лица», «Хронология Толстого», «Композиция», «Образность», «Комментарии». Рассуждая о романе «Анна Каренина», он всё больше демонстрирует, как работает под его пером реальный комментарий, хотя самый главный комментарий Набокова (комментарий к «Онегину») начнёт создаваться только с 1949 года. Посмотрим на характеристику рассказа «Смерть Ивана Ильича»: сначала он вписывается в биографический контекст творчества Толстого, затем даётся некое обобщение его художественных решений: «Этот рассказ – самое яркое, самое сложное произведение Толстого <...> Стиль Толстого – на редкость громоздкое и тяжеловесное орудийное средство» [18, с. 309]. А уже потом по сценам, по деталям даётся комментарий, в котором мы видим Набокова, переживающего и за обывательское счастье Ивана Ильича, и за его страх смерти, и за его открытие света.

Алданов всеми силами пытается отстоять художественное первенство боготворимого им Льва Толстого. В письме Набокову 13 мая 1942 г. он будет спорить: «Вы преувеличиваете значение композиции и особенно новизны композиции. За исключением “Войны и мира” почти все, кажется, классические произведения русской литературы в композиционном отношении не очень хороши – и не новы» [13, с. 133].

Ответ Набокова не заставил себя долго ждать, уже в письме через неделю 20 мая 1942 года сказано: «Вы совершенно неправы, говоря, что “почти все классические произведения нашей литературы в композиционном отношении не очень хороши и не новы”.

А “Шинель”? А “Дама с собачкой”? А “Петербург”?» [13, с. 134].

А ещё ранее, в 1928 году в рижской газете «Сегодня» Алданов рассуждает о Толстом: «Ушло ли вперёд искусство со времени его смерти? Если б это было так, то хоть некоторые страницы Толстого казались бы нам устаревшими, старомодными. Я ни одной такой страницы не знаю <...> Марсель Пруст вышел из Толстого, – стоит прочесть сцену прощанья Сванна с герцогом и герцогиней Германт. Не превзойдён он, конечно, и в качестве исторического романиста. Говорят, что новейшие исследования сильно поколебали исторический остов «Войны и мира». Дело, вероятно, не в новейших исследованиях. Как историческому романисту, Толстому можно поставить в упрёк лишь некоторый недостаток беспристрастия. У него были любимцы, были и непреодолимые антипатии. Если б Толстой на основании материалов, которые не могли не быть ему известны, *пожелал* подойти к Кутузову так, как он подошёл к Наполеону, – то, по сравнению, любимцем, скорее, оказался бы Наполеон» [2, с. 8].

В завершение раздумий Алданов пишет о том, что беспокоило и его, и Набокова, и Бунина: «В будущую жизнь он верил плохо. “Как-то спросил себя: верю ли я? Точно ли верю в то, что смысл жизни в исполнении воли Бога, воля же в увеличении любви (согласия) в себе и мире, и что этим увеличением <...> я готовлю свою будущую жизнь? **И невольно ответил, что не верю так, в этой определённой форме.** Во что же я верю? – спросил я. Искренне ответил, что в то, что надо быть добрым: смиряться, прощать, любить. В это верю всем существом»

[2, с. 8]. Алданов не удержался от комментария: «Перед неожиданностью этой замены будущей жизни добротой, перед этим бешеным логическим скачком, невольно теряешься. Он говорил ещё и не то. Он себя спрашивал, нельзя ли вообще обойтись без Бога, хотя бы в целях единения «с безбожниками и агностиками». Правда, от этой мысли он отказался. Но почему? От неё, по словам Льва Николаевича, ему становилось слишком тяжело. Да ведь, может быть, тяжело и безбожникам и агностикам?» [2, с. 8]. Как известно, и Алданов и Бунин были скорее безбожниками, а Набоков – агностиком, и всё же имели особое отношение к потустороннему.

В 1930 году в газете «Сегодня» выйдет публикация Алданова «О слоге Толстого». «В отношении к языку Толстого все мы, я думаю, проходим через две “фазы”. Вначале этот язык удивляет своей неправильностью <...> А с годами приходишь к мысли, что нет и не может быть лучше слога. Только подражать не надо. Да и невозможно» [3, с. 3]. Алданов характеризует одну фразу Толстого, непривычную для слуха и грамматики: «Ни один учитель гимназии не мог бы поставить удовлетворительную оценку за такую фразу <...> Разумеется, Толстой очень легко мог сказать то же самое правильное. Но он к учебникам грамматики относился с совершенным презрением. У него своя грамматика, как у него все своё. Наряду с четырьмя «что» в одной фразе, изумительные, ни с чем не сравнимые, стилистические чудеса» [3, с. 3].

Интересно, что в отличие от Бунина, много лет мечтавшего создать книгу о Толстом, у Алданова эссе о Толстом стало одним из первых сочинений, а

тяга к исследованию разных аспектов творчества писателя только увеличивалась, в этой работе Алданов проявляет себя и как поклонник лингвистического анализа. «О слоге Толстого можно написать целую книгу. В такой книге следовало бы посвятить одну главу его галлицизмам, другую его архаизмам. Толстой принадлежал к тому поколению, которое говорило «Штокгольм», «гошпиталь», «пашпорт» (или пачпорт). Я ещё встречал нескольких говоривших так стариков, – теперь, кажется, ни одного из них больше нет в живых <...> Этим искусством оживлять человека при помощи одной фразы, вложенной в его уста, никто не владел так, как Толстой. Когда столичный адвокат Фонарин сообщает Нехлюдову: “теперь губернатора нет, правит должностью **виц**”, когда графиня Екатерина Ивановна говорит, что в Сенате теперь заседают “Ге, Фе, Де...”, – внутри этих людей точно зажигается мощный волшебный фонарь. Из всех черт и признаков высокого искусства дар «оживления», думаю, самый важный и самый драгоценный» [3, с. 3].

Таким образом, Алданов, не романтический по сути человек, посвящал свои исследования обнаружению тех возвышающих приёмов, тех стилистических средств Толстого, которые делали его творчество восторгающим читателя.

В заключение отметим: как в случае эпистолярного общения, так и в случае литературно-критического диалога этих трёх знаменитых авторов вырастает целый сюжет. Общее – всё это писатели, выросшие на классической традиции и вынужденные развиваться в условиях эмиграции. Разное – их роли в диалоге, иногда даже в некоем

соревновании, соперничестве. О причудливой форме литературных взаимоотношений Бунина и Набокова, об истории «взаимно влекущих противоположностей и опасного родства» [23, с. 5] уже написано. Лишь добавим: Набоков в этом соперничестве достигает превосходства, Бунин – мучительно проигрывает, Алданов – примиряется с позицией читателя и писателя-реципиента.

Набоков судит о классиках, как мэтр. Он изучает их, пишет о них, как равный, конгениально понимающий всё. Пишет, защищая Пушкина, жалея Гоголя и восхищаясь Толстым.

Бунин не судит, а пишет с упоением о Пушкине, Толстом с ощущением масштаба их наследия, их личностей; он эмоционально реагирует на «неорганическое» у Гоголя, желая ему только вечной славы; в их произведениях Бунин ищет ответы на вопросы, помогающие достойно жить и достойно, с честью уйти из жизни.

Но, пожалуй, главным искателем и ценителем свободы у русских классиков стал Алданов: «Мне очень хотелось бы сказать, что вся русская литература всегда защищала идеи политической свободы, но, к сожалению, даже это не вполне верно (хотя и близко к истине с некоторыми оговорками)» [5, с. 165]. В подтексте его литературно-критических оценок всегда проявляется отношение исследуемого автора к свободе, а потому многое литературно-критическое, эстетическое у Алданова подчиняется политическому. Но если охарактеризовать позицию Алданова в связи со старшим и младшим современниками, то можно прийти к таким выводам. Алданов пытается помочь Набокову избежать крайностей в

оценках русских классиков, пригождается своими взвешенными оценками Бунину и по сути становится спасительным товарищем, своеобразным

оруженосцем, Санчо Пансой, для этих рыцарей, последних аристократов русской литературы.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Адамович Г.В. Письмо И.А. Бунину 20.12.1944 // И.А. Бунин: Новые материалы. Вып. I / сост., ред. О. Коростелева и Р. Дэвиса. М.: Русский путь, 2004. С. 42-44.
2. Алданов М. О Толстом // Сегодня. 9 сентября 1928. № 244. С. 8.
3. Алданов М. О слоге Толстого // Сегодня. 16 ноября 1930. № 317. С. 3.
4. Алданов М.А. О Доме Тургенева в Париже, его похоронах и его месте в литературе // Сегодня. 3 сентября 1933. № 243. С. 2.
5. Алданов М. Введение в антологию «Сто лет русской художественной прозы» // Алданов М. Вековой заряд духовности: Две неопубликованные статьи о русской литературе / подгот. текстов и публ. А. Чернышева // Октябрь. 1996. № 12. С. 164-175.
6. Алданов М.А. Загадка Толстого // Алданов М.А. Соч. в 6 кн. Кн. 6. М.: Новости, 1996. С. 19-140.
7. Алданов М.А. О «Памятнике» // Центральный Пушкинский комитет в Париже (1935–1937) / сост., предисл. и коммент. М. Д. Филина. Т. 1. М.: Эллис Лак, 2000. С. 218-223.
8. Бабореко А. Рассказы 1932–1952 // Бунин И.А. Собр. соч.: В 6 т. Т. 5. М.: Худож. лит., 1988. С. 629-635.
9. Берберова Н.Н. Курсив мой: автобиография. М.: Согласие, 1996. 734 с.
10. Бунин И.А. Думая о Пушкине // Возрождение. 1926. № 373. 10 июня. С. 3-4.
11. Бунин И.А. Слово о Пушкине // «В краю чужом...»: Зарубежная Россия и Пушкин: Статьи, очерки, речи / Сост., предисл. и коммент. М.Д. Филина. М.: Русский мир; Рыбинск: Рыбинское подворье, 1998. С. 418.
12. Бунин И.А. К воспоминаниям о Толстом // Бунин И.А. Публицистика 1918–1953 годов / под общ. ред. О.Н. Михайлова. М.: ИМЛИ РАН, Наследие, 2000. С. 210-211.
13. «Как редко теперь пишу по-русски...»: Из переписки В.В. Набокова и М.А. Алданова (1940–1956) / предисл. А. Чернышева и Н. Ли; публ., подгот. текста и примеч. А. Чернышева // Октябрь. 1996. № 1. С. 121-146.
14. Михайлов О.Н. Комментарии // Бунин И.А. Собр. соч.: В 6 т. Т. 6. М.: Худож. лит., 1988. С. 625-718.
15. Морозов С.Н. И.А. Бунин – литературный критик // И.А. Бунин и русская литература XX века: По материалам Международной научной конференции, посвящённой 125-летию со дня рожд. И.А. Бунина. М.: Наследие, 1995. С. 72-78.
16. Набоков В.В. Николай Гоголь // Набоков В.В. Собрание сочинений американского периода: В 5 т. Т. 1. СПб.: Симпозиум, 1997. С. 400-522.
17. Набоков В.В. Пушкин, или Правда и правдоподобие // Набоков В.В. Собрание сочинений американского периода: В 5 т. Т. 1. СПб.: Симпозиум, 1997. С. 538-550.
18. Набоков В.В. Лев Толстой (1828–1910) // Набоков В.В. Лекции по русской литературе / пер. с англ., предисл. Ив. Толстого. М.: Независимая газета, 1996. С. 219-315.
19. Симбирцева Н.Ю. Жанровые формы литературных мемуаров первой волны русского зарубежья // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2011. № 2. С. 146-150.
20. Толстой Ив. Несколько слов о «главном герое» Набокова // Набоков В.В. Лекции по русской литературе / пер. с англ., предисл. Ив. Толстого. М.: Независимая газета, 1996. С. 7-12.

21. Устами Буниных: Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы: в 3 т. Т. 2 / под ред. М. Грин. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1981. 319 с.
22. Устами Буниных: Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы: в 3 т. Т. 3 / под ред. М. Грин. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1982. 223 с.
23. Филин М. Об авторах // «В краю чужом...». Зарубежная Россия и Пушкин / сост., вступ. ст. и комм. М. Филина. М.: Рус. миръ: Рыбинск: Рыбинск. подворье, 1998. С. 463-471.
24. Шраер М. Бунин и Набоков. История соперничества. 2-е изд. М.: Альпина нон-фикшн, 2015. 222 с.

REFERENCES

1. Adamovich G.V. Pis'mo I.A. Buninu 20.12.1944 [Letter to I. Bunin 20.12.1944] // I.A. Bunin: Novye materialy. № I [I. Bunin: New materials. I] / Comp., edited by O. Korostelev and R. Davis. M., Russkii put', 2004. pp. 42–44.
2. Aldanov M. O Tolstom [About Tolstoy] // Segodnya. 9 sentyabrya. 1928 [Today. 1928, September 8th]. no. 244. P. 8.
3. Aldanov M. O sloge Tolstogo [On Tolstoy's style] // Segodnya. 16 noyabrya. 1930 [Today. 1930, November 16th]. no. 317. P. 3.
4. Aldanov M.A. O Dome Turgeneva v Parizhe, ego pokhoronakh i ego meste v literature [On the house of Turgenev in Paris, his funeral and his place in literature] // Segodnya. 3 sentyabrya. 1933 [Today. 1933, September 3rd]. no. 243. P. 2.
5. Aldanov M. Vvedenie v antologiyu «Sto let russkoi khudozhestvennoi prozy» [The introduction to the anthology "Hundred years of the Russian artistic prose"] // Aldanov M. Vekovoi zaryad dukhovnosti: Dve neopublikovannye stat'i o russkoi literature. Oktyabr' [M. Aldanov. Secular charge of spirituality: Two unpublished articles on Russian literature. October] / Text prep. and publ. by A. Chernyshev. 1996. pp. 164–175.
6. Aldanov M.A. Zagadka Tolstogo [The Mystery of Tolstoy] // Aldanov M.A. Soch. v 6 kn. Kn. 6 [M. Aldanov. Works in 6 books. Book 6]. M., Novosti, 1996. pp. 19–140.
7. Aldanov M.A. O «Pamyatnike» [On "Monument"] // TSentral'nyi Pushkinskii komitet v Parizhe (1935–1937) [Pushkin Central Committee in Paris (1935–1937)] / Comp., foreword. and comments by M. D. Filin. Vol. 1. M., Ellis Lak, 2000. pp. 218–223.
8. Baboreko A. Rasskazy 1932–1952 [Stories 1932–1952] // Bunin I.A. Sobr. soch.: V 6 t. T. 5 [I. Bunin. Coll. works: In 6 vols. Vol. 5]. M., Khudozhestvennaya lit-ra, 1988. pp. 629–635.
9. Berberova N.N. Kursiv moi: avtobiografiya [My emphasis: the autobiography]. M., Soglasie, 1996. 734 p.
10. Bunin I.A. Dumaya o Pushkine [Thinking about Pushkin] // Vozrozhdenie [Rebirth]. 1926. no. 373. June 10th. pp. 3–4.
11. Bunin I.A. Slovo o Pushkine [Word about Pushkin] // V krayu chuzhom...: Zarubezhnaya Rossiya i Pushkin: Stat'i, ocherki, rechi [In the strange land: Russia Abroad and Pushkin: Articles, essays, speech] / Comp., foreword. and comments by M.D. Filin. M., Russkii mir"; Rybinsk: Rybinskoe podvor'e, 1998. P. 418.
12. Bunin I.A. K vospominaniyam o Tolstom [To memories of Tolstoy] // Bunin I.A. Publitsistika 1918–1953 godov [I. Bunin. Journalism of 1918–1953 years] / Gen. ed. by O. N. Mikhailov. M., IMLI RAN, Nasledie, 2000. pp. 210–211.
13. «Kak redko teper' pishu po-russki...»: Iz perepiski V. V. Nabokova i M.A. Aldanova (1940–1956) ["How rarely do I now write in Russian...": From the correspondence of Vladimir Nabokov and M. Aldanov (1940–1956)] / Foreword. by A. Chernyshev // Oktyabr' [October]. 1996. no. 1. pp. 121–146.

14. Mikhailov O.N. Kommentarii [Comments] // Bunin I.A. Sobr. soch.: V 6 t. T. 6 [I. Bunin. Coll. works: In 6 vols. Vol. 6]. M., Khudozhestvennaya lit-ra, 1988. pp. 625–718.
15. Morozov S.N. I.A. Bunin – literaturnyi kritik [I. Bunin as literary critic] // I.A. Bunin i russkaya literatura XX veka: Po materialam Mezhd. nauchn. konf., posvyashch. 125-letiyu so dnya rozhd. I.A. Bunina. [Ivan Bunin and Russian literature of 20th century: on materials of the Int. scientific. conf. dedicated to 125th anniversary of I. Bunin]. M., Nasledie, 1995. pp. 72–78.
16. Nabokov V.V. Nikolai Gogol' [Nikolay Gogol] // Nabokov V.V. Sobr. soch. amerik. perioda: V 5 t. T. 1 [V. Nabokov. Collected works of the american period: In 5 vols. Vol. 1]. SPb., Simpozium, 1997. pp. 400–522.
17. Nabokov V.V. Pushkin, ili Pravda i pravdopodobie [Pushkin, or the Truth and credibility] // Nabokov V.V. Sobr. soch. amerik. perioda: V 5 t. T. 1 [V. Nabokov. Collected works of the American period: In 5 vols. Vol. 1]. SPb., Simpozium, 1997. pp. 538–550.
18. Nabokov V.V. Lev Tolstoi (1828–1910) [Leo Tolstoy (1828-1910)] // Nabokov V.V. Lektsii po russkoi literature [Vladimir Nabokov. Lectures on Russian literature] / Transl. from English., foreword. by Iv. Tolstoy. M., Nezavisimaya gazeta, 1996. pp. 219–315.
19. Simbirtseva N.YU. Zhanrovye formy literaturnykh memuarov pervoi volny russkogo zarubezh'ya [Genre forms of literary memoirs of the first wave of the Russian Abroad] // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology]. 2011. no. 2. pp. 146–150.
20. Tolstoi Iv. Neskol'ko slov o «glavnom geroe» Nabokova [A few words about Nabokov's "main character"] // Nabokov V.V. Lektsii po russkoi literature [Vladimir Nabokov. Lectures on Russian literature] / Transl. from English., foreword. by I. Tolstoy. M., Nezavisimaya gazeta, 1996. pp. 7–12.
21. Ustami Buninykh: Dnevniky Ivana Alekseevicha i Very Nikolaevny i drugie arkhivnye materialy: v 3 t. T. 2. [Bunin's words: the Diaries of Ivan and Vera Nikolaevna and other archival materials: in 3 vols. Vol. 2]. Frankfurt am Main, Posev, 1981. 319 p.
22. Ustami Buninykh: Dnevniky Ivana Alekseevicha i Very Nikolaevny i drugie arkhivnye materialy: v 3 t. T. 3 [Bunin's words: the Diaries of Ivan and Vera Nikolaevna and other archival materials: in 3 vols. Vol. 3]. Frankfurt am Main, Posev, 1982. 223 p.
23. Filin M. Ob avtorakh [About the authors] // «V krayu chuzhom...». Zarubezhnaya Rossiya i Pushkin ["In the strange land". Russia abroad and Pushkin] / Comp., introd. art and comm. by M. Filin. M., Rus. mir": Rybinsk: Rybinskoe podvor'e, 1998. pp. 463–471.
24. Shraer M. Bunin i Nabokov. Istoriya sopernichestva. [Bunin and Nabokov. The history of the rivalry]. 2nd ed. M., Al'pina non-fikshn, 2015. 222 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шадурский Владимир Вячеславович – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русской и зарубежной литературы Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого;
e-mail: shadvlad@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vladimir Shadursky – candidate of Philological Sciences, associate professor, associate professor at the Department of Russian and Foreign Literature of Yaroslav-the-Wise Novgorod State University;
e-mail: shadvlad@mail.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Шадурский В.В. И.А. Бунин, М.А. Алданов, В.В. Набоков: суждения об одном по-разному // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2016. № 5. С. 288-300.
DOI: 10.18384/2310-7278-2016-5-288-300

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

V. Shadursky. Ivan Bunin, Mark Aldanov, Vladimir Nabokov: different views on the same topic // Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology. 2016. no. 5. pp. 288-300.
DOI: 10.18384/2310-7278-2016-5-288-300

УДК 821.161.1.09

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-5-301-307

ПРОБЛЕМА «РОССИЯ И ЗАПАД» В РОМАНЕ Л.Н. ТОЛСТОГО «АННА КАРЕНИНА»

Шенол А. О.

*Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация*

Аннотация. В статье рассматривается проблема «Россия и Запад» в романе Л.Н. Толстого «Анна Каренина», который служит наглядным примером влияния запада на изменение социального развития российского народа. Актуальность статьи заключается в том, что данная актуальнейшая проблема современности не рассматривалась на основе анализа романа Л.Н. Толстого «Анна Каренина». В статье анализируются положительные и отрицательные стороны влияния вестернизации на российскую общественность.

Ключевые слова: Толстой, роман, Анна Каренина, Россия, Запад, вестернизация.

THE PROBLEM OF “RUSSIA AND THE WEST” IN THE NOVEL “ANNA KARENINA” BY L. TOLSTOY

A. Shenol

*Moscow State Region University
10A Radio St., Moscow, Russian Federation, 105005*

Abstract. The paper is devoted to the problem of “Russia and the West” in the novel “Anna Karenina” by L. Tolstoy, which is considered to be a good example of the influence of the West on the change in the social development of the Russian people. The relevance of the paper is that this actual problem of modernity has not been considered on the basis of analysis of the novel “Anna Karenina” by L. Tolstoy. The positive and negative sides of the influence of westernization on Russian society have been analyzed in the paper.

Keywords: Tolstoy, novel, Anna Karenina, Russia, the West, westernization.

Русский реалистический роман стал отражением глубинных изменений в культуре страны и мира, активно происходивших во второй половине XIX века. И одно из первых мест в этом занимал роман Л.Н. Толстого «Анна Каренина». Несмотря на то что, по собственному признанию писателя, роман этот стал отражением его взглядов на проблемы дома и семьи, в «Анне Карениной» не меньшее значение получает осмысление социокультурных тенденций развития страны, отразившихся в судьбах современников, в формах культурной жизни эпохи, в изменениях привычного уклада, которые получают в романе очень неоднозначную оценку.

Взгляды Л.Н. Толстого на проблему «Россия и Запад» нечасто привлекали внимание исследователей. Возможно, причина этого, прежде всего, заключается в отчётливо антизападнической позиции русского писателя. На это обратил внимание ещё В.В. Зеньковский в работе «Русские мыслители и Европа» [2]; он же привёл подборку наиболее очевидных высказываний писателя на эту тему. Разочарование в идеях «прогресса» и «цивилизации» оказалось для Толстого также разочарованием в «вестернизации», корни которой он видел в утрате современным человеком веры и истинного смысла бытия.

На сегодняшний день Россия переживает серьёзные перемены, которые требуют осознанного цивилизационного самоопределения. В данном положении государству необходимо определиться с выбором курса для дальнейшего исторического развития. Как правило, в процессе общественного развития неизбежно сохраняются некоторые элементы старого (институты, законы, ценности, привычки и т. д.), для адаптации же к новым элементам (создающимся организациям, изменению либо появлению новых правовых норм, и других общественно-политических нововведений) требуется определённое время [2, с. 3-6]. Тем не менее, полностью отбросить старые элементы невозможно, к тому же в этом нет острой необходимости. Перемены необходимы обществу для улучшения условий и качества жизни, но всё же наследие, оставленное нам от предков, стоит сохранить.

В данной статье рассматривается проблема «Россия и Запад» на основе анализа романа Л.Н. Толстого «Анна

Каренина», в котором в числе прочих проблем автор акцентирует внимание читателей на том, каково влияние запада на русское общество.

Реакция Толстого на идеи западной цивилизации и новые тенденции в культурной жизни России отразилась в романе «Анна Каренина» на самых различных уровнях: это бытовая сторона повседневной жизни героев. Особенности отношений, отразившихся в сюжете произведений, наконец, проблема «западного» и «восточного» пути, составляющая предмет историко-культурных размышлений Толстого. Разумеется, писатель чётко обозначил свою позицию, что является противником любых попыток вычленивать из «Анны Карениной» чёткий и однозначный «смысл». Однако это не значит, что такого обобщающего смысла нет. При этом выявилась особенность толстовского реализма в изображении современных культурных тенденций: обобщённые культурные смыслы не высказываются прямо, а выражаются в насыщенном деталями, типичном образе – в том числе целостном «образе времени», который выстраивается в романе Толстого.

На одно из первых мест в этом случае выходит английская «тема», которая проходит через весь роман и концентрируется в связи с изображением некоторых персонажей и обстоятельствах их жизни. Это выражается и в описании вещественного мира, окружающего героев, и в использовании английских слов и выражений. Всё английское участвует в создании определённой ассоциативной ауры, которая по ходу романа принимает всё более чёткие контуры. Первые «звуки» этой темы мы слышим в самом начале ро-

мана. [3, с. 49]. Провинившийся Облонский спокойно завтракает и в это время слышит за дверьми шум и голоса своих детей:

« – Я говорила, что на крышу нельзя сажать пассажиров, – кричала по-английски девочка, – вот подбирай! *«Всё смешалось»*, – подумал Степан Аркадьич [...] и кликнул их. Они бросили шкатулку, представлявшую поезд, и вошли к отцу» [4, с. 10].

Таня с Гришей играют «в железную дорогу» с игрушками, и их детская игра сопровождается английским языком. Но когда мальчик Гриша сделал что-то недозволенное, «на железной дороге» произошла катастрофа. Игра «по-английски» связывается с железной дорогой и таким образом участвует в создании роковой атмосферы вокруг этого образа [3, с. 49-50].

Первые английские слова в романе произносятся Вронским, жизнь которого с разных сторон пропитана «английским» духом. Оказывается, у Вронского есть одно часто повторяющееся выражение, которое мы слышим в первый раз на железнодорожной станции в Москве, где происходит встреча с Анной. На станции Вронский видит Облонского, приехавшего встречать свою сестру, и у них завязывается разговор, в ходе которого он выражается на английском.

« – То есть знаю по репутации и по виду. Знаю, что он умный, учёный, божественный что-то... Но ты знаешь, это не в моей... *not in my line*, — сказал Вронский» [4, с. 64].

Англомания Вронского в данном случае связана с более общей тенденцией – усилением западнических настроений российской элиты, которое в духовном плане нередко приводило

к утрате национальных корней, устоявшихся традиционных ценностей, лишившись которых, человек теряет и внутреннюю гармонию, а значит, возможность быть счастливым. Вронский в романе – сильный, красивый, искренний человек, но он никогда не знал истинных семейных начал; он глубоко связан с темой западного влияния, неоднозначно оцениваемого Толстым в том числе и в связи с судьбой этого героя.

Столь же значительное место в романе занимает тема французских влияний, в том числе французского языка. Это отвечало реальной культурной ситуации того времени, когда французский язык действительно был чрезвычайно распространён в высшем обществе. Поднимая в «Анне Карениной» эту тему, Толстой создаёт типичный образ времени. Однако изучение использования французского языка в романе «Анна Каренина» (кстати, Толстой начал писать новый роман в том же 1873 году, когда роман «Война и мир» был переиздан с заменой части французских текстов на их русский перевод) обнаружило сложную семиотическую функцию этого языка в тексте. Каждый раз, когда герои пользуются французским, этот язык определённым образом даёт оформление ситуации, придавая особую тональность происходящей коммуникации. Вокруг французского языка создаётся целый клубок смыслов.

Самое отрицательное отношение к французскому выражает Константин Левин. Его особенно коробит введение чужого языка в дом, святое место для Левина. Ещё в молодости Левину, так любившему дом и семью Щербацких, было непонятно, «для чего этим трём

барышням нужно было говорить через день по-французски и по-английски» [4, с. 25].

Неоднократно в романе встречается употребление слов иностранного происхождения, обозначающих бытовые реалии, заимствованные из западно-европейской культуры. Это, например, *француженка-гувернантка*, которая когда-то работала в доме Облонских. Само слово «гувернантка» французского происхождения – *gouverner*, означающее управляющая, нанятый воспитатель детей в семье. То же связано и со словом *камердинер* – заимствовано из немецкого – *Kammerdiener*, буквальное значение: «комнатный слуга» при господине в богатом дворянском доме.

Данные заимствованные слова указывают на очевидные признаки западного влияния в повседневной жизни и привычках героев. В романе Л.Н. Толстого «Анна Каренина» мнения относительно воздействия Запада на российское общество особенно заметны со стороны либеральной партии и газет, что отразилось не только на сохранении чистоты русского языка, но также повлияло на уклад жизни людей. В качестве доказательства можно рассматривать сцену, когда Степан Аркадьевич читает либеральную газету: «Он любил свою газету, как сигару после обеда, за лёгкий туман, который она производила в его голове» [4, с. 10]. Кроме того, в этой газете говорилось о том, что мода брака уже устарела, необходимо внести изменения в традиции прошлого. Следует учесть, что улучшение условий жизни гарантирует общественное процветание. Постоянная приверженность старым установкам брака, веры и моды ни к чему хорошему не приведёт, так как

это будет означать, что в обществе не происходит никакого развития.

С первого взгляда может показаться, что западные установки находят отклик у многих представителей русского общества, прежде всего представителей элиты. Именно поэтому, рассматривая оценку Толстым того влияния, которое вестернизация оказывала на русское общество, нельзя обойти стороной положение простого народа, который с точки зрения писателя остаётся носителем традиционных ценностей, и потому возвращение к народным ценностям может рассматриваться как путь сохранения национального начала.

Эта тема в романе связана прежде всего с изображением Константина Лёвина. Например, в сцене, когда Лёвин посещает новый ресторан в западном стиле, он чувствует себя неловко, увидев убранство зала, мебель, зеркала; обращая внимание на манеру поведения дам и на общую атмосферу того заведения, ему некомфортно, он не знает, как вести себя: «Лёвин не то что был не весел, он был стеснён. С тем, что было у него в душе, ему жутко и неловко было в трактире <...> Он боялся запачкать то, что переполняло его душу» [4, с. 89]. Более того, он сравнивает себя с крепостными, которые составляют большую часть русского общества. Он представляет, как будут чувствовать себя простые люди в такой атмосфере и, конечно, становится очевидным факт того, что эти люди будут чувствовать себя неудобно – получается, что большая часть народа оказываются чуждыми в собственной стране.

Следует брать во внимание замечания Лёвина относительно

ухоженности рук и длинных ногтей дворян, одним из представителей которого был Степан Аркадьевич. *«Мы в деревне стараемся привести свои руки в такое положение, чтоб удобно было ими работать; для этого обстригаем ногти, засучиваем иногда рукава. А тут люди нарочно отпускают ногти, насколько они могут держаться, и прицепляют в виде запонок блюдечки, чтоб уж ничего нельзя было делать руками»* [4, с. 89]. Герой считает, что длинные ногти и одержимость вкусами свидетельствуют о лени, навязанной Западом. Желание обходить труд стороной и получать удовольствие от всего, по мнению Лёвина, является абсолютной противоположностью народным принципам жизни. И потому, с точки зрения Лёвина, насколько бы заманчивым ни выглядело западное влияние для русской общественности, оно не соответствует идеалам трудолюбия и скромности русского народа. Кроме того, по мнению Лёвина, русский народ беспокоит единственная проблема – средства к существованию, эту ситуацию не может по-настоящему понять элита, вследствие западного влияния принявшая эвдемонический идеал существования, поиск удовольствия от жизни. Именно этот поиск удовольствия любой ценой составляет смысл существования Стивы Облонского, который неприемлем для Лёвина. Лёвин видит в этом глубоко безнравственное явление, и позиция героя в данном случае близка к авторской.

Нравственные искания Лёвина начинаются именно с этого момента – впервые почувствовав, что привычные формы западного быта, усвоенные высшим обществом, чужды основной массе народа, он начинает

искать те принципы жизни, которые не отделяли бы одну часть общества от другой. Героя Толстого нельзя назвать безоговорочным сторонником старого, однозначным традиционалистом, он понимает, что развитие общества и страны невозможно без изменения сложившихся устоев, однако это изменение должно носить более осмысленный характер. Поверхностная «вестернизация» не приносит успеха ни отдельной личности, ни стране; необходимо искать собственный путь – эта мысль становится одним из открытий толстовского героя в романе, к которому он идёт долго и трудно, путём мучительных духовно-нравственных исканий.

Проблема западного влияния на бытовом уровне, представленная в романе «Анна Каренина», связана с более общим вопросом о внешних и внутренних изменениях, об истинном и ложном просвещении, усвоенном русской литературой толстовского времени ещё из традиции XVIII века. Уже с началом Петровских реформ стало ясно, что западное влияние на русское общество происходило на различных уровнях. Одни люди усваивали лишь внешние черты западного образа жизни, быта, моды, повседневных привычек; другие же обращались именно к проблемам науки и просвещения. Представители европеизированной элиты, усвоившие формы западного образа жизни лишь на внешнем уровне, стали героями русской сатиры XVIII века. «Внешнее» западничество выглядело как карикатура; душевная пустота подражателей прикрывалась внешними приметами «просвещения» и западной моды.

В XIX веке это «внешнее» усвоение бытовых и культурных форм западной жизни также существовало, и его отражение ярко представлено в романе «Анна Каренина». Однако, в отличие от рационалистической сатиры XVIII века Толстой в большинстве случаев избегает однозначных сатирических характеристик; он показывает «европеизированный» на внешнем уровне быт своих героев как что-то само собой разумеющееся. «Вестернизация» повседневности у культурной элиты

стала привычной, однако избегая сатиры, писатель получает возможность более глубоко оценить нравственный вектор происходящих в обществе процессов. Изображение и анализ их социокультурного значения стало одной из главных проблем романа «Анна Каренина», поэтому анализ того, какими способами в творчестве писателя отражается процесс вестернизации русского общества представляет актуальную задачу современной литературоведческой науки.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990. 224 с.
2. Зеньковский В.В. Русские мыслители и Европа. М.: Республика, 2005. 368 с.
3. Леннkvист Б. Путешествие вглубь романа. Л.Н.Толстой Анна Каренина. М.: Языки славянской культуры, 2010. 128 с.
4. Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. Т. 18: Анна Каренина. М: Художественная литература, 1934. 571 с.

REFERENCES

1. Berdyaev N.A. Istoki i smysl russkogo kommunizma [The origins and meaning of Russian communism]. M., Nauka, 1990. 224 p.
2. Zen'kovskii V.V. Russkie mysliteli i Evropa [Russian thinkers and Europe]. M., Respublika, 2005. 368 p.
3. Lennkvist B. Puteshestvie vglub' romana. L.N. Tolstoi. Anna Karenina [Travel deep into the novel. L. Tolstoy. Anna Karenina]. M., Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2010. 128 p.
4. Tolstoi L.N. Polnoe sobranie sochinenii: v 90 t. T. 18: Anna Karenina [Complete works: in 90 vols. Vol. 18: Anna Karenina]. M., Khudozhestvennaya literatura, 1934. 571 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шенол Али Осман – аспирант кафедры русской классической литературы Московского государственного областного университета
e-mail: aosman2811@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ali Osman Shenol – postgraduate student of Department of Classical Russian literature, Moscow State Regional University,
e-mail: aosman2811@gmail.com

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Шенол А.О. Проблема «Россия и Запад» в романе Л.Н. Толстого «Анна Каренина» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия Русская филология. 2016. № 5. С. 301-307.

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-5-301-307

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

A.O. Shenol. The problem of “Russia and the West” in the novel “Anna Karenina” by L. Tolstoy // Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology. 2016. no. 5. pp. 301-307.

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-5-301-307

УДК 821.161.1–6

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-5-308-317

«ДАНО МНЕ ВМЕСТЕ БЫТЬ С ТОБОЮ...»: ТВОРЧЕСКИЙ ДИАЛОГ И.И. КОЗЛОВА И В.А. ЖУКОВСКОГО

Якушкина Н.М.*Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10а, Российская Федерация*

Аннотация: Статья посвящена творческому диалогу В.А. Жуковского и И.И. Козлова, который возник благодаря многолетней дружбе и общности литературных интересов двух литературно одарённых личностей. Материалом исследования стали стихотворения двух поэтов, дневниковые записи и эпистолярный И.И. Козлова, статья В.А. Жуковского «О дружбе». В статье выявляются общие образы и мотивы литературного наследия двух поэтов, особое внимание уделяется мотиву спасения, связанного с образами челнока, паруса. Анализируется стилистический уровень поэзии В.А. Жуковского и И.И. Козлова. Если для творчества первого поэта характерен мистический пафос и условность поэтического видения, при несомненном серьёзном отношении к поэзии как выражению духовной жизни, то второй при передаче жизни духа передаёт психологическое состояние духовной личности.

Ключевые слова: В.А. Жуковский, И.И. Козлов, литературное общение, формирование творческих индивидуальностей.

"I WAS MEANT TO BE TOGETHER WITH YOU...": A CREATIVE DIALOGUE OF I. KOZLOV AND V. ZHUKOVSKY

N. Yakuskina*Moscow State Region University
10A Radio St., Moscow, Russian Federation, 105005*

Abstract. The article is devoted to the creative dialogue of V. Zhukovsky and I. Kozlov, which arose due to the long-term friendship and common literary interests of two literary gifted personalities. As the material of the study served two poets' poems, diaries and epistolary by I. Kozlov, V. Zhukovsky's article "Friendship." The article identifies the common images and motifs of the literary heritage of the two poets, focusing on motive of salvation associated with the images of the shuttle, the sail. We analyze the stylistic level of poetry of V. Zhukovsky and I. Kozlov. If creativity of the first poet is characteristic of mystical pathos and conventional poetic vision with the undoubted serious attitude to poetry as an expression of the spiritual life, the second poet conveys the psychological state of spiritual personality in transmission of the spirit of life.

Keywords: V. Zhukovsky, I. Kozlov, literary communication, the formation of creative individuals.

Дружба И.И. Козлова и В.А. Жуковского носила очень глубокий и продолжительный характер. Их знакомство состоялось в 1808 г., когда В.А. Жуковский переехал в Москву для редактирования «Вестника Европы». Что могло объединять обычного чиновника департамента государственных имуществ и уже тогда известного и читаемого всей Россией поэта? «Он сразу заметил Козлова и оценил в нём, по-видимому, литературные интересы и образованность, а не искусство балетного танцора, о котором так охотно говорят многие исследователи. Вскоре Жуковский стал не только близким другом, но и литературным наставником Козлова» [7, с. 9].

Безусловно, их сближение основывалось на общности литературных интересов и предпочтений. Разделяя концепцию своего учителя: «Жизнь и поэзия – одно», Козлов «с самого начала своего творческого пути провозгласил право поэта на глубоко личные, лирические излияния, за которыми, однако, стоит объективный мир в его сложном многообразии» [7, с. 17]. Тем не менее, поэзия Козлова весьма отличается от поэзии Жуковского. Если сравнивать произведения, в которых прослеживаются одни и те же мотивы, написанные в одном и том же жанре, читателю не составит труда определить авторство каждого. Несмотря на то что в творческом наследии Жуковского много стихотворений, воспевающих веру, сострадание, надежду и настоящее смирение, его муза никогда бы не повторила музу Козлова. Для этого бы ему пришлось оказаться на месте «слепого музыканта».

Когда Козлов окончательно потерял зрение, а болезнь ног навечно прико-

вала его к постели, Жуковского в России не было. Тяжело пережив эту разлуку, которая выпала на самое тяжёлое для него время, И.И. Козлов в феврале 1822 г., через месяц после возвращения Жуковского на родину, создаёт одно из значительнейших своих произведений, которое впоследствии станет программным для всего его творчества – послание «К другу В<асилию> А<ндреевичу> Ж<уковскому>. По возвращении его из путешествия». Поэт признаётся в нём, что год разлуки был «уныл» и «чёрен» для него. За это время очень многое переменялось в его судьбе, но он спешит заверить друга, что он «любить не разучился» [7, с. 59]: воспоминания грели и успокаивали его душу. В этом дружеском послании И.И. Козлов вспоминает о своём «счастливом прошлом, исполненном жизненной энергии, пылких мечтаний и молодой отваги» [7, с. 18]:

*С душой, наполненной огнём,
Я волн и бурь не утратился, -
И в лёгком челноке моём
Отважно по морю пустился <...>*
[7, с. 61]

Образ челнока был одним из самых популярных в русской литературе начала XIX века. Его можно встретить в творчестве К.Н. Батюшкова («Любовь в челноке», 1810 г.), Д.В. Давыдова («И звёздочка моя», 1834 г.), А.И. Полежаева («К моему гению»), А.С. Пушкина («Арион», 1827 г.). Но первым открыл эту выразительную метафору для отечественной поэзии В.А. Жуковский в стихотворении 1809 года «Путешественник»:

*Вдруг река передо мною –
Вод склоненье на восток;
Вижу зыблемый струёю
Подле берега челнок <...>* [6, с. 98]

Призываемый тайным голосом плыть на восток странник оказывается в челноке, который должен был вынести его к «храму чудесному». Однако челнок с обречённым на гибель героем теряется в «безвестном океане» [6, с. 99].

В другом его стихотворении «Пловец» (1812 г.) героя, на сей раз «вихрем бедствий гонимого» из родной стороны, так же, как и в прошлом произведении, челнок во время бури заносит «в океан неисходимый». Но финал в этой истории иной. Лирический герой спасается при помощи божественного Провидения, которое было его «тайным кормщиком» [7, с. 20].

И.И. Козлов хорошо знал, что его друг «искал настоящей веры и долго шёл к православию, увязая в болотах немецкого и английского романтизма, где смешаны были в некое единство пантеизм, протестантизм, какие-то архаические верования, разные поэтические домыслы...» [2, с. 52].

Спустя три года в стихотворении «Младенец» (1815 г.) Жуковский вновь обращается к сюжету о челноке, бурей застигнутого в водах неизвестного океана. Здесь поэт рисует картину совершенного доверия и веры в помощь Провидения. Абсолютная беспомощность человека подчёркивается и тем, что в образе лирического героя выступает младенец:

Чёлн забыт... а гибель, страх?

Их невинность и не знает.

Улыбаясь, на цветах

Мой младенец засыпает.

Вот пример! Беспечно в свет!

Пусть гроза, пускай волненье;

Нам погибели здесь нет;

Правит чёлн наш Провиденье... [6, с. 252-253]

Видимо, именно от В.А. Жуковского этот романтический образ был унаследован И.И. Козловым. С этой выразительной метафорой в его творчестве мы встречаемся уже в первом его стихотворении «К Светлане» (1821 г.). В нём поэт отождествляет свою жизнь с «беспарусным челноком», который был «разбит свирепую волною». Здесь мы обнаруживаем явное созвучие с «Пловцом» Жуковского:

Вихрем бедствия гонимый,

Без кормила и весла,

В океан неисходимый

Буря чёлн мой занесла... [7, с. 143]

В послании «К другу В.А. Жуковскому. По возвращении его из путешествия» Козлов вновь использует романтический образ челнока. Но теперь он готов, как и странник Жуковского («Путешественник», 1809 г.), несмотря на бурю жизненных невзгод, пуститься в своём челноке по неизведанным водам океана, чтобы обрести «небесную нетленность» [7, с. 61].

Образ челнока является сквозным в творчестве И.И. Козлова. К нему он снова обратится в 1833 году, написав стихотворение «Два челнока». По мнению И.Д. Гликмана, оно также «написано под прямым влиянием Жуковского» [7, с. 20]. Тем не менее, чувствуется разница в поэтической трактовке этого образа друзьями-стихотворцами. У Козлова «мистический пафос, религиозная символика уступают место конкретно-поэтической образности. Аллегория становится прозрачной и светлой, небесные ангелы заменяются верой в успех и удачу, которая воплощается в поэтическом образе сияющей, приветной звезды» [7, с. 20]. Однако образ «разбитого бурей пловца» также волнует поэта. В 1835 году он напишет

стихотворение «Пловец», в котором лирический герой будет изображён не в критический момент крушения челнока, как у Жуковского, а смотрящим на синее море пловцом, пережившим описываемое бедствие много лет назад, но помнящим о нём с той же болью и страданием. В стихотворении представлен взгляд человека, оказавшегося в состоянии живого мертвеца. Когда-то его «чёлн, влекомый яркою звездой» разбила буря «неизбежных бед», но ему удалось спастись. Но вместе с челноком на «дне морском» оказались все его мечты, надежды, чаяния на светлое будущее.

Переосмысление сюжета Жуковского коснулось и финала произведения Козлова. Если у первого заключительная строфа заканчивается стремлением «жить» и «дышать», то заключительная часть второго наполнена грустью и «горючих слёз» об «истлевших мечтаниях»:

*И сердца радостных мечтаний,
Истлевших от горючих слез!..*
[7, с. 61]

Ещё один символический образ встречается в послании «К другу В.А. Жуковскому. По возвращении его из путешествия» – маленькая птичка, несущая счастье, которая случайно залетела в жизнь И.И. Козлова, но остаться не захотела:

*И, лишь залётная, она
Мелькнёт, прельстит и улетает*
<...> [7, с. 61]

Перед поэтом проплывают пять лет болезни, долгих, мучительных, полных страдания и боли. Ему горько, что вместе с ним страдают и его близкие. Поэт не может больше радовать ту, что с ним «шла радостно рука с рукой». Он переживает, что потерял всякую возможность:

*Душою быть семьи своей,
Щитом, отрадой, упованьем
Подруги милой и детей <...>*
[7, с. 61-62]

И.И. Козлов был женат на Софье Андреевне Давыдовой. В счастливом браке родилось двое детей. По дневникам поэта можно судить, насколько трогательными и нежными были отношения в семье И.И. Козлова. «25 апр., четверг [1818]. По прочтении Св. Евангелия, снарядившись в путь, я пришёл в спальню помолиться Богу, обнял и расцеловал жену и детей, дал им сласти, поцеловал их... Да благословит меня Господь Иисус Христос и да возвратит мне здоровье и счастье с моей женой и детьми... Жена моя была очаровательна ко мне; она так заботилась, чтоб мне было хорошо; мне было так тяжело оставлять своих, даже на самое короткое время... » [5, с. 4-5].

Вся скорбь И.И. Козлова выразилась в этих строчках, о которых Пушкин писал: «Ужасное место, где поэт описывает своё затмение, останется вечным образцом мучительной поэзии» [8, с. 174]. Поэт сравнивает себя с одиноким, никому не нужным огоньком:

*Так догорит, одинок,
Забывтый в поле огонёк...* [7, с. 63-64]

Как жить, когда ощущаешь невероятную физическую и душевную боль? Как смириться с постигшим тебя несчастьем? Как найти в себе силы идти дальше по этому жизненному пути? И.И. Козлов в послании к своему другу даёт ответ:

*О друг! поверь, единый Бог,
В судьбах своих непостижимый,
Лишь он, Всесильный, мне помог...*
[7, с. 64]

В тот момент, когда отчаяние достигло своего наивысшего предела, поэт чувствует, что в его, казалось бы, мёртвом теле загорелся новый огонёк. Он снова хочет жить, мечтать, любить, творить, чувствовать!

Но вдруг... хвала тебе, Творец!

Ты не забыл своё творенье!

Ты видишь глубину сердец,

Ты слышишь тайное моление.

Хвала тебе, мой страх исчез!..
[7, с. 64]

Спасительным кругом для И.И. Козлова стала дружба с А.А. Воейковой, оказавшейся с поэтом в мучительный период обострения болезни. В послании Козлов называет её Светланой, тем самым обращая внимание читателя на то, что это и есть та самая племянница и крестница В.А. Жуковского, которой её любимый дядя посвятил свою знаменитую «Светлану»:

Светлана добрая твоя

Мою судьбу переменила,

Как ангел Божий низлетя,

Обитель горя посетила ...

[7, с. 65].

Здесь возникает характерный для русского романтизма образ Провиденья, который можно увидеть в «Пловце» Жуковского. Если под первым Провидением как у Козлова, так и у Жуковского подразумевается Высшая сила, то роль «второго провиденья» автором послания отводится А.А. Воейковой. Он называет её ангелом, посланным в его жизнь, чтобы утешить, укрепить веру в то, что жизнь не закончена, что его несчастье – это испытание, через которое он познает то, что дано далеко не всем.

Ещё одним утешением для поэта являются сны, в которых он видит себя в окружении близких ему людей, здо-

ровым и счастливым, созерцающим необыкновенные картины природы:

Так, снов пленительный обман

В замену истины мне дан;

Он жизни памятью остался ...

[7, с. 66].

«Самый мощный всплеск интереса к феномену сна (если не брать в расчёт XX в.) приходится на эпоху романтизма. Романтики, которые строят свою художественную вселенную на принципах двоемирия, осознают сон как важнейшую категорию бытия. Каждый поэт-романтик, используя предшествующий культурный опыт в осмыслении этого мотива, привносит что-то своё в трактовку явления сна» [10, с. 8]. Интерпретируя этот образ в своём творчестве, И.И. Козлов опирается на сложившуюся в зарубежной литературе метафору «жизнь есть сон» (её можно проследить в творчестве В.А. Жуковского, Е.А. Баратынского, М.Ю. Лермонтова и других отечественных поэтов XIX века). «Слепой музыкант» русской литературы признаётся, что только во сне он чувствует себя по-настоящему живым и счастливым человеком, поэтому ему так часто не хочется просыпаться. В то же время поэт понимает, что сон – это всего лишь «пленительный обман», но он благодарен ему за возможность вновь «видеть Божий свет»:

Ах! удаётся часто мне

Смотреть на Божий свет во сне...

[7, с. 66]

Таким образом, поэтическое толкование мотива сна в творчестве И.И. Козлова строится по форме: жизнь – сон – «пленительный обман». В послании «К другу В.А. Жуковскому. По возвращении его из путешествия» поэт рассказывает своему другу и чи-

тателю о двух своих снах... В одном из них поэт видит себя на берегу Москвы-реки, в другом – спящему представляются картины ночного Петербурга.

Известно, что поэт продолжительное время жил в обеих столицах, где у него были свои любимые места. Так, описываемые в послании просторы около Москвы-реки соотносят с «Васильевским, загородным домом князя Юсупова, близ Воробьёвых гор» [7, с. 446]. Поэт, никогда не бывавший за границей, признаётся другу:

*Как ты, мой друг, я не скитался
В чужих далёких сторонах:
Всё родина в моих мечтах...* [7, с. 67]

Чтобы преодолеть свой душевный кризис, И.И. Козлов начинает усиленно работать. Перед ним открывается новый мир слов, звуков, образов:

*Мне льётся в душу вдохновенье,
И сердце бьётся, дух кипит,
И новый мир мне предстоит;
Я в нём живу, я в нём мечтаю,
Почти блаженство в нём встречаю;
Уж без страданья роковой
Досуг в занятиях протекает <...>* [7, с. 68]

Погружаясь в мир книг, перечитывая Ломоносова, Карамзина, Жуковского, поэт забывает о своих страданиях:

*Мы с ними чувствуем живей,
Добрее, пламенней бываем, –
Так Русь святая нам святей,
Когда Карамзина читаем...* [7, с. 68]

«Козлов с большой выразительностью и душевным подъёмом говорит о могуществе поэзии, которая придаёт силы, обогащает, преображает, наполняет высшим смыслом жизнь» [7, с. 19]:

*О, друг, поэзия для всех
Источник силы, ободренья,*

*Животворительных утех
И сладкого самозабвенья!
Но для меня лишь в ней одной
Цветёт прекрасная природа!
В ней мир разнообразный мой!
В ней и веселье и свобода!..* [7, с. 69]

Несчастье, постигшее поэта, позволило ему увидеть истинное назначение поэзии. Для себя он определил, чему он будет служить и во что верить:

*Изведал я, что убивать
Не могут грозные страданья,
Пока мы будем сохранять
Любви чистейшей упованья.
И здесь ли, друг, всему конец?
Взгляни... над нашими главами
Есть небо с вечными звездами,
А над звездами их Творец!* [7, с. 69]

Это послание можно назвать лирической исповедью, которую открывает И.И. Козлов своему другу. Поэт, который не пережил подобного несчастья, не смог бы с такой точностью и правдивостью выразить боль и страдание, всю сложность душевного состояния человека, оказавшегося в подобном положении.

«Послание отличается задушевностью тона, горячностью и искренностью поэтической речи, то есть теми особенностями, которые вообще свойственны лучшим произведениям Козлова и которые были отмечены такими его современниками, как А.С. Пушкин, Н.В. Гоголь, Н.И. Гнедич, П.А. Вяземский, А.И. Тургенев, Н.Н. Раевский» [7, с. 18], не говоря уже о самом Жуковском. Адресат «был потрясён этим посланием. В нём так полно раскрылось дарование Козлова, его душа, а Жуковский знал эту душу лучше всех» [2, с. 117].

Некоторые современники увидели в этом стихотворении только скорбь

об утраченном счастье. Но И.И. Козлов не жалуется на судьбу. Он рассказывает, как постигшее его несчастье изменило его жизнь, что помогло ему справиться с унынием и отчаянием. Показано душевное состояние человека в переломный момент его жизни. «По словам Н.А. Полевого, к поэту-слепцу ходили – не разделять бремя скорби и болезни, но слушать поэта, говорить с ним, дивиться этому непонятному психологическому явлению. Говоря с Козловым, я забыл, что он слепой, что бремя болезни приковало его к одру страдания. Мы говорили о многом, и необыкновенная память и обширные сведения Козлова изумили меня» [4, с. 550].

Лирический герой не только этого послания, но и других произведений Козлова – это «не только страдающая, но и стойкая, борющаяся личность, утверждающая себя в любви к жизни, в преодолении жизненных невзгод и бедствий. Если к этому прибавить художественную достоверность и подлинность переживаний героя, то станет понятным тот интерес, который возбуждала поэзия Козлова среди читателей двадцатых и тридцатых годов» [4, с. 550]. «Послание к другу» есть сокровищница, в которой схоронил поэт свои собственные ощущения <...>, освящённые его страданием и преображённые в тихом, но пламенном чувстве вдохновения поэтического» [9, с. 23].

1 января 1832 г. И.И. Козлов пишет второе послание В.А. Жуковскому. Если первую эпистолу можно сравнить с исповедью, то вторая напоминает нам молитву, в которой И.И. Козлов в канун Нового года просит Творца о милости для него, его семьи и драгоценного друга:

*Молю Подателя щедрот,
Чтоб Он хранил меня с женою,
С детьми моими – и с тобою,
Чтоб мне в тиши свой век прожить,
Всё тех же, так же всё любить...*
[7, с. 218]

Здесь нет уже того отчаяния, которое слышалось в первом послании. Стихотворение проникнуто тихой радостью, кротостью, надеждой на светлое будущее:

*О друг! Прелестен Божий свет
С любовью, дружбою, мечтами;
При тёплой вере горя нет;
Она дружит нас с небесами.
В страданиях, в радостях Он с нами,
Во всём печать Его щедрот:
Благословим же Новый год! [7, с. 218]*

Проанализировав эти послания, мы можем увидеть, как много связывало двух замечательных друзей, двух гениальных поэтов, В.А. Жуковского и И.И. Козлова. Их судьбы переплетены, как в жизни, так и в творчестве. В.А. Жуковский всегда старался помочь и поддержать «слепого музыканта» русской литературы. Когда болезнь почти совсем завладела Козловым, он «не упускал случая навестить его, побеседовать с ним, принести новых книг, переписывался с ним. Бывало даже – вместе со слугой Козловых – Лукьяном – нёс его на руках из дома в дрожки, чтобы он мог ехать на какой-нибудь литературный вечер» [3, с. 187].

В дневнике И.И. Козлова Жуковский упоминается почти в каждой записи. Последний мог бывать у «слепого музыканта» несколько раз в неделю. Вместе они могли читать, обмениваться мыслями о тех или иных произведениях, обсуждать их общие литературные дела. Известно, что В.А. Жуковский занимался пуб-

ликацией его стихотворений. Чувствуя приближение своей кончины, И.И. Козлов поручает своему другу издать собрание его сочинений. В 1840 году выходит первое посмертное издание сочинений поэта, подготовленное В.А. Жуковским («Собрание стихотворений Ивана Козлова». Чч.1 и 2. Третье издание. СПб., 1840» [7, с. 441]).

Несмотря на дружеские отношения и совсем незначительную разницу в возрасте, И.И. Козлов считал себя учеником В.А. Жуковского. Он разделял взгляды своего учителя относительно русской литературы. «Жуковский, – по словам В.Г. Белинского, – был первым поэтом на Руси, которого поэзия вышла из жизни... До Жуковского на Руси никто и не подозревал, чтоб жизнь человека могла быть в тесной связи с его поэзией и чтоб произведения поэта могли быть вместе и лучшею его биографией» [4, с. 550]. «Этот по существу важнейший принцип романтической лирики стал доминирующим в поэзии Козлова» [6, с. 17]. По словам Шевырёва, И.И. Козлов, «избравши содержанием своей поэзии себя самого, могли unsuccessfully представить ощущения своего сердца, столь ему знакомые и, вероятно, столь часто у него в жизни повторяемые...» [9, с. 23]

Несмотря на общие литературные интересы и параллели в творчестве, именно биографический феномен дружбы останется главной нитью, связывающей сердца двух гениальных поэтов. Они знали истинную цену этому человеческому богатству и делали всё, чтобы сохранить его на протяжении всей своей жизни.

В своей знаменитой речи «О дружбе» (1801 г.) В.А. Жуковский произнёс: «Что больше и приятнее может зани-

мать нас в эти минуты, посвящённые всему доброму, как не дружба – небесная, благодатная, услаждающая горести, оживляющая радости и наслаждения житейские?... Дружба не боится ни злобы, ни предрассудков, никакая сила не может разлучить сердец, соединённых самою природой...» [2]. В.А. Жуковский характеризует дружбу как «чистый, неразрывный союз двух сердец, рождённых одно для другого» [2]. Доказательством истинности этого высказывания сможет послужить сердечная дружба двух великих поэтов первой половины XIX века – В.А. Жуковского и И.И. Козлова. Избравши предметом творчества мир собственных чувств и переживаний, И.И. Козлов смысл своих поэтических излияний находил в сочувствии и «сомыслии» своих друзей, своего окружения. Его творчество явилось поэтической иллюстрацией высказывания В.А. Жуковского: «Человек без человека был бы самою бедною, беспомощною тварью на свете!.. Счастлив тот, кто нашёл себе друга испытанного, постоянного, кто нашёл его тогда, когда он более всего нужен. Не довольно того, чтобы уметь выбирать друга, должно уметь всегда быть ему другом...» [2].

Оба поэта учились друг у друга: И.И. Козлов с рекомендательных представлений друга и учителя оттачивал свою художественную форму, В.А. Жуковский учился истинной вере, воплощение которой он увидел в друге-страдальце. Будучи отгороженным от внешнего мира, И.И. Козлов не отрицал его и, подобно тому, как вся «русская литература в лучших своих образцах никогда не замыкалась лишь в сфере внутренней

жизни» [1], искал источник вдохновения в наличии живого общения с дружелюбно расположенными к нему людьми.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Алпатова Т.А., Киселёва И.А. Человек – идеал – общество: проблемы аксиологии литературы // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2010. № 2. С. 136-141.
2. Афанасьев В. Жизнь и лира. Художественно-документальная книга о поэте Иване Козлове. М.: «Детская литература», 1977. 192 с.
3. Афанасьев В.В. Жуковский. 2-е изд. М.: Мол. Гвардия, 1987. 399 с.
4. Белинский В.Г. Сочинения Александра Пушкина. Московский телеграф, 1828, № 4. С. 563.
5. Грот К.Я. Дневник И.И. Козлова. С-Петербургъ.: Типография М. Стасюлевича, 1906. 33 с.
6. Жуковский В.А. Собрание сочинений: В 4 т. М.–Л.: Гос. изд-во худож. лит., 1959–1960. Т. 1: Стихотворения. 1959. 480 с.
7. Козлов И.И. Полное собрание стихотворений / вступ. ст., подготовка текста и прим. И.Д. Гликмана. Л.: Сов. писатель, 1960. 507 с.
8. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений. Т. 13. С. 174.
9. Пятаева А.В. Художественное своеобразие поэзии Ивана Козлова: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Волгоград, 2007. 167 с.
10. Рудакова С.В. Мотив сна в лирике Е.А. Баратынского // Вестник МГГУ им. М.А. Шолохова. Филологические науки. 2012. № 3. 220 с.

REFERENCES

1. Alpatova T.A., Kiseleva I.A. Chelovek – ideal – obshchestvo: problemy aksiologii literatury [The person – the ideal – the society: issues of axiology of literature] // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology]. 2010. no. 2. pp. 136–141.
2. Afanas'ev V. ZHizn' i lira. KHudozhestvenno-dokumental'naya kniga o poete Ivane Kozlove [Life and Lira. Artistic-documentary book about the poet Ivan Kozlov]. M., «Detskaya literatura», 1977. 192 p.
3. Afanas'ev V.V. Zhukovskii [Zhukovskiy]. 2nd ed. M., Molodaya Gvardiya, 1987. 399 p.
4. Belinskii V.G. Sochineniya Aleksandra Pushkina [Works By Alexander Pushkin] // Moskovskii telegraf [Moscow Telegraph]. 1828. no. 4. P. 563.
5. Grot K.YA. Dnevnik I.I.Kozlova. [Diary of I. Kozlov]. St. Petersburg.: Tipografiya M.Stasyulevicha, 1906. 33 p.
6. Zhukovskii V.A. Sbranie sochinenii: V 4 t. T. 1: Stikhotvoreniya [Collected works: In 4 vols. Vol. 1: Poems]. M.–L., Gos. izd-vo khudozh. lit., 1959–1960. 480 p.
7. Kozlov I.I. Polnoe sobranie stikhotvoreniy [Complete poems]. L., Sovetskii pisatel', 1960. 507 p.
8. Pushkin A.S. Polnoe sobranie sochinenii. T. 13 [Complete works. Vol. 13]. 174 p.
9. Pyataeva A.V. Khudozhestvennoe svoeobrazie poezii Ivana Kozlova: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk: 10.01.01 [Artistic peculiarities of poetry of Ivan Kozlov: abstr. candidate of Philological Sciences thesis.]. Volgograd, 2007. 167 p.
10. Rudakova S.V. Motiv sna v lirike E.A. Baratynskogo [Dream motive in the poetry of E. Baratynsky] // Vestnik MGGU im. M.A. Sholokhova. Filologicheskie nauki [Bulletin of Sholokhov MSHU. Philological Sciences]. 2012. no. 3. pp. 220.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Якушкина Наталия Михайловна – старший преподаватель кафедры методики преподавания русского языка и литературы Московского государственного областного университета;
e-mail: Yakuwkina@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yakushkina Nataliya M. – senior lecturer at the Department of Methodology of teaching Russian language and literature of the Moscow Region State University
e-mail: Yakuwkina@mail.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Якушкина Н.М. «Дано мне вместе быть с тобою...»: творческий диалог И.И. Козлова и В.А. Жуковского // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2016. № 5. С. 208-317.
DOI: 10.18384/2310-7278-2016-5-308-317

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

N. Yakuskina. "I was meant to be together with you...": a creative dialogue of I. Kozlov and V. Zhukovsky // Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology. 2016. no. 5. pp. 308-317.
DOI: 10.18384/2310-7278-2016-5-308-317

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-5-318-325

XV МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ОНОМАСТИКА ПОВОЛЖЬЯ»

Ковалёв Г.Ф.¹, Супрун В.И.²

¹Воронежский государственный университет

394018, Воронеж, Университетская площадь, д. 1, Российская Федерация

²Волгоградский государственный социально-педагогический университет

400066, Волгоград, пр. им. В.И. Ленина, д. 27, Российская Федерация

XV INTERNATIONAL SCIENTIFIC CONFERENCE "ONOMASTICS OF THE VOLGA REGION"

G. Kovalyov¹, V. Suprun²

¹Voronezh State University

1, Universitetskaya Sq., Voronezh, Russian Federation, 394018

²Volgograd State Social and Pedagogical University

27, V. Lenin Pr., Volgograd, Russian Federation, 400066

Прошло почти полвека после того, как выдающийся ономатолог мирового уровня Владимир Андреевич Никонов (1904–1988) организовал первую конференцию «Ономастика Поволжья» в Ульяновске. Позже интерес к ней то повышался, то несколько угасал, однако в последнее время произошёл качественный скачок в деятельности этого научного форума, что отразилось не только в росте числа участников, в постоянно расширяющейся географии докладчиков, но и – главное – в неуклонно повышающемся уровне качества докладов и сообщений. С каждой конференцией значительно расширяются сфера ономастических исследований и области практического применения их результатов. «Вопросы языкознания» регулярно сообщали о результатах предыдущих конференций поволжских ономатологов (о XIII конференции см.: [1]).

13 сентября 2016 года в актовом зале бывшего Арзамасского государственного педагогического института, прекрасного учебного заведения с большой и интересной историей, ставшего ныне филиалом Нижегородского университета (ННГУ), открылась XV Международная научная конференция «Ономастика Поволжья». Конференция проходила при поддержке Волгоградского государственного социально-педагогического университета и Института этнологии и

© Ковалёв Г.Ф., Супрун В.И., 2016.

антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН.

На торжественном открытии выступили проректор ННГУ Т.Н. Беспалова, представители руководства Арзамаса, директор Арзамасского филиала ННГУ, доктор филологических наук, профессор С.Н. Пяткин; председатель постоянно действующего организационного комитета конференции «Ономастика Поволжья» доктор филологических наук, профессор Волгоградского социально-педагогического университета В.И. Супрун; председатель арзамасского организационного комитета конференции доктор филологических наук, профессор Л.А. Климкова; доктор филологических наук, профессор Витебского университета им. П.М. Машерова Республики Беларусь А.М. Мезенко. В адрес конференции поступили приветствия от участника первой конференции «Ономастика Поволжья» доктора филологических наук, почётного профессора Пензенского педагогического университета, заслуженного деятеля науки РФ В.Д. Бондалетова; доктора филологических наук, профессора Российского университета дружбы народов, председателя правления Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам М.В. Горбаневского.

Пленарное заседание открыл доклад Н.В. Васильевой (Институт языкознания РАН, Москва) «Ономастическая норма: два аспекта», в котором рассматривались проблемы нормы ономастических единиц в аспекте их связи с грамматикой, интерес к чему был характерен для 1970-80-х годов, и прагматикой имён собственных, внимание к чему наблюдается в настоящее

время и обуславливается как антропоцентризмом современной лингвистики, так и глобализационными процессами в современном обществе. А.М. Мезенко (Беларусь, Витебский университет им. П.М. Машерова) в докладе «Классическая цветовая триада в зеркале урбанонимии» проанализировала характеристики частотности и особенности семантики микропонимов с колористической номинацией *белый – красный – чёрный* в системе названий внутригородских объектов на территории Беларуси.

Свой доклад «Двусоставные имена как важный этап формирования индоевропейской антропонимии» В.И. Супрун (Волгоградский социально-педагогический университет) и А.В. Данилов (Санкт-Петербургский университет) посвятили рассмотрению структуры и истории семантико-деривационного слияния древнейших имён-пожеланий в двусоставные имена в различных индоевропейских языках. Авторы выделили и описали типичные модели образования таких имён, выявили воздействие композитных имён на формирование славянской гипокористики. Л.А. Климкова (Арзамасский филиал ННГУ) в докладе «Славянская языковая миграция в Нижегородское Окско-Волжско-Сурское междуречье» указала на важнейшую роль словообразовательных и лексико-семантических характеристик в микропонимическом пространстве исследуемого региона в связи с этническими перемещениями. Эти характеристики, по мнению автора, сами являются и культурными компонентами, и этноязыковыми идентификаторами.

В докладе «Прецедентные имена как элементы “языка культуры”» Т.Б. Рад-

биль (ННГУ) рассматривал возможности личных имён выступать в качестве знаков и символов культуры. Одним из путей культурной апроприации собственного имени, по мнению автора, является его использование в качестве «прецедентного феномена», когда оно приобретает несвойственные ему в стандартном употреблении номинативные и экспрессивные свойства. В докладе Г.Ф. Ковалёва (Воронежский университет) «Пройду по Абрикосовой, сверну на Виноградную...» рассматривалась специфика функционирования такой микротопонимической категории, как названия улиц. Автор на базе составленного им двухтомного «Словаря микротопонимии Воронежской области» показал, что они часто отражают административно-социальные характеристики, не присущие природным реалиям, а также подвержены явлениям моды.

В.Л. Васильев (Новгородский университет им. Ярослава Мудрого) в докладе «Об исторической основе регионального топонимического словаря» обосновал важность использования исторической документации при составлении словарей, в которых трактуются названия населённых пунктов. Автор опирался на личный опыт составления Словаря новгородской топонимии. Так, только в топонимах на В за пять столетий сохранилось без внешних изменений менее четверти всех ойконимов (*Ватагино, Великая Нива* и др.), тогда как 65–70% ойконимов разнонаправленно модифицировали основы и / или форманты (*Ванино → Ванютино, Усово → Варгусово, Захожай → Великий Заход*), а примерно 9% названий утратились и заместились другими ойконимами

(*Коковино → Васильково, Кривцово → Витебско, Къшова Гора → Воскресенское* и др.). С.А. Мызников (Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург) проанализировал прозвища, зафиксированные в русских диалектах и в «Словаре русских народных говоров» и отметил, что многие из них функционируют в зоне этноязыковых контактов.

Серьёзную, но трудноразрешимую проблему затронул в докладе «Советский топонимический субстрат в топонимии современной России» А.А. Кузнецов (ННГУ). Автор рассматривает феномен советской топонимии в постсоветской России. Для Нижегородской области это *мост Николая Пахомова, улицы №-летия Октября, № Съезда Партии, Ленина, Кирова* и пр., предприятия, населённые пункты, носящие имена Володарского, Дзержинского, Кирова и др. Указано на две тенденции, характерные для советской внутригородской урбанонимии: 1) распространение в названиях принципа образования годонима от родительного падежа антропонима вместо притяжательных прилагательных; 2) распространённость использования антропонимов без форманта в качестве топонима (*Киров, Тутаев, Лермонтов, Маркс, Энгельс*) в отличие от традиционной притяжательной формы (*Ярославль, Романов, Павловск, Татищево* и др.).

В оргкомитет конференции было представлено 127 докладов 137 авторов-ономатологов из 41 города России: Анапа, Арзамас, Астрахань, Белгород, Борисоглебск Воронежской области, Великий Новгород, Волгоград, Волгодла, Воронеж, Грозный, Екатеринбург, Иваново, Йошкар-Ола, Казань,

Кострома, Махачкала, Москва, Набережные Челны, Нижний Новгород, Новозыбков Брянской области, Орёл, Пенза, Пермь, Петрозаводск, Самара, Санкт-Петербург, Саранск, Симферополь, Смоленск, Сургут, Сыктывкар, Тамбов, Тверь, Тольятти, Улан-Удэ, Ульяновск, Уфа, Ханты-Мансийск, Шуя, Элиста, Якутск, Ярославль. Особенностью этого научного форума было участие в нём учителей, краеведов, любителей родного языка из небольших городов и сёл страны: Боровичи Новгородской области, Заборье Смоленской области, Княгинино Нижегородской области, Новые Параты Республики Марий Эл, Сухой Лог Свердловской области. Были представлены также 22 статьи зарубежных учёных (Азербайджан, Беларусь, Индонезия, Казахстан, Польша, Украина), а также 10 сообщений начинающих исследователей из числа иностранных студентов и магистрантов, обучающихся в Ульяновском педагогическом университете им. И.Н. Ульянова (Китай, Вьетнам, Туркменистан, Франция). К началу конференции был издан сборник материалов [2]. На пленарном и секционных заседаниях присутствовало около 1000 человек.

14 сентября начались секционные заседания. Всего состоялось 8 секционных (утренних и вечерних) заседаний. В работе секции «Теория и методология ономастических исследований» обсуждались вопросы ономастической моды, проблемы модного выбора и модного изобретения имён собственных (О.В. Врублевская, Волгоград); происхождение топонимов *Булгар* и *Сувар* в Среднем Поволжье (А.К. Шапошников, Москва); основные аспекты изучения тюркского корня и

характеристики типов односложных корневых основ (А.Г. Шайхулов, Уфа). Доклад С.А. Журавлёва (Йошкар-Ола) «Метаязыковой статус субстандартных единиц в ономастике» вызвал дискуссию о содержании термина *субоним* и его соотношении с другими ономастическими терминами.

В секции «Проблемы антропоники» были затронуты особенности функционирования онимов в русских говорах Республики Мордовия, выявлены изменения, происходящие в смысловой структуре данных единиц в частной диалектной системе, охарактеризованы фразеологические единицы с компонентами-антропонимами (Э.Н. Акимова, Т.И. Мочалова, Саранск). В.В. Шаповал (Москва) рассмотрел 118 крестьянских прозвищ, собранных М.К. Герасимовым в районе Череповца и опубликованных в 1898 и 1910 годах, которые показывают ряд текстологических разночтений, оценка и верификация которых необходима для принятия окончательного решения об их причинах и выбора правильного варианта. Л.А. Батырева (Шуя) исследовала состав антропонимов в эпистолярных текстах середины XX в., вариативность имён собственных и её причины. А.А. Кузнецов (Нижний Новгород) выявил исторический, текстологический и ономастический аспекты этимологии имени владимирского князя Георгия (1188-1238) в Лаврентьевской летописи. В докладе И.М. Ганжиной (Тверь) на материале «Дозорной книги г. Твери 1616 года» анализировалась структура основных формул идентификации лица в целом, а также формальная и содержательная сторона отдельных компонентов именования; выявлены ведущие антропо-

нимические тенденции исследуемого периода.

В секции «Проблемы топонимики» доклады были посвящены вопросам региональной топонимии: необходимости уточнения реестра географических названий Ульяновской области, проведения хронологического анализа фонетических и грамматических вариантов, введения в научный оборот неофициальных вариантов и установления степени их частотности (Е.Ф. Галушко, Ульяновск); региональным особенностям лексико-семантических и топонимических систем, номинирующих природные реалии самарского Поволжья (Т.Е. Баженова, Самара); рукописям Ростовского и Арзамасского уездов XVII века как источнику данных о топонимии финно-волжского происхождения (Ю.В. Смирнова, Москва). На материале названий водных объектов были рассмотрены мордовские элементы современной топонимии Тамбовской области, имеющие общефинно-угорские истоки (А.С. Щербак, Тамбов). Проблемы гидронимии представлены в выступлениях Н.В. Беленова (Самара) об архаичной индоевропейской гидронимии в Среднем Поволжье, времени её формирования, структуре и этноязыковой принадлежности; и М.С. Любова (Арзамас) о времени, причинах, истории возникновения гидронимов Нижегородского Правобережья.

На секции «Вопросы микротопонимики и урбанонимики» были охарактеризованы микротопонимы разных регионов: названия Костромской области, которые образованы на основе глагольных конструкций и представляют собой особую императивную модель имён собственных (Е.В. Цвет-

кова, Кострома); микротопонимы села Котиха Арзамасского района Нижегородской области, принципы их номинации (О.В. Лихачёва, Арзамас); микротопонимия Яшкульского района Республики Калмыкии и характерные для этого региона принципы номинации (А.М. Ибрагимова, В.В. Бокова, Н.А. Кичикова, Элиста); представлена структура микротопонимического поля *дом*, построенного на основе регионального материала, в том числе апеллятивов, входящих в одноимённое семантическое поле и являющихся его компонентом (Е.А. Забродкина, Арзамас). Доклад М.Л. Дорофеев (Витебск) был посвящён исследованию структуры виконимного семантического поля «локализация», сформированного из названий, отражающих специфику расположения внутрисельского объекта. Автором установлены конститuentы анализируемого семантического поля, определены основные семантические модели и антонимические пары, его формирующие.

Проблемы урбанонимии были затронуты в докладах Р.В. Разумова (Ярославль) о специфике урбанонимов-посвящений писателям, поэтам и литературным критикам, в котором исследователь прослеживает историю данного типа собственных имён, особенности создания подобных названий в больших и малых городах; Т.П. Соколовой (Москва) о феномене прецедентности в нейминге (продуктивных моделей прецедентной номинации) на примере названий жилых комплексов как специфической составляющей урбанонимического пространства; Л.Ю. Кодыневой (г. Боровичи Новгородской обл.) о терминах, обозначающих нелинейное городское

пространство в населённых пунктах Новгородской области. В исследовании С.В. Рябушкиной (Ульяновск) показаны некоторые особенности денумеральных собственных имён, используемых в качестве официальной и неофициальной номинации.

В рамках секции «Ономастическая периферия и ономастическое пограничье» рассматривались проблемы исследования рекламных имён (прагматонимов, эргонимов, геортонимов). Т.П. Романова (Самара) выступила с докладом об отражении ценностных ориентиров современного потребителя в российской прагматонимии (на материале марочных номинаций конфектно-шоколадной продукции). Автором установлено, что современный адресат выбирает в основном отечественные конфеты и шоколад, о чём свидетельствует многообразие торговых марок, создаваемых на русском языке и отражающих реалии русской национальной культуры. В выступлении Е.В. Захаровой (Ульяновск), Н.А. Митрофановой (Уральск, Казахстан) рассматривались закономерности, лежащие в основе номинации пунктов общественного питания: применение манипулятивных технологий (обращение к значимым понятиям и образам), использование элементов языковой игры и креолизации в оформлении вывесок. О.В. Никифорова (Арзамас), проанализировав с точки зрения семантики и структуры названия праздников, содержащих антропонимы, приходит к выводу, что геортонимы отражают существенные для традиционной культуры стороны жизни нижегородского крестьянина. Е.Ю. Любова (Арзамас) на материале мифонимов, зафиксированных на

территории Нижегородской области, устанавливала их специфические функции: прагматическую, табуирования, персонификации и антропоморфизации. М.В. Ахметова (Москва) представила «эффекты вариантности» в употреблении названий жителей населённых пунктов.

Секция «Литературная и фольклорная ономастика» объединила исследователей онимов в художественном тексте: антропонимов в исторических романах В.И. Костылева «Кузьма Минин» и «Питирим» и антропонимов Писцовой и переписной книг XVII века по Нижнему Новгороду (Е.С. Медведкова, Тольятти); возможных прототипов одного из героев романа Б.А. Садовского «Пшеница и плевелы» – живописца Епафродита-Афродита Егорова, связанных с именем героя (С.Н. Пяткин, Арзамас); отантропонимических жаргонных образований в языке художественной литературы о Великой Отечественной войне (Т.В. Демидович, Волгоград); имён собственных в английском и русском художественном тексте XIX века, различие в принятых в английской и русской лингвокультурах формах номинации именами собственными знатных особ (Г.Т. Безкоровайная, Москва); языковых средств экспликации концепта «дворянская усадьба», функционирования бинарной номинации микрополя «Сад» в историко-литературном (*барский сад*) и региональном (*Барский сад*) аспектах (Т.В. Чумакова, Арзамас).

Участники секции «Педагогические аспекты ономастики» познакомились с возможностью использования имён собственных в качестве материала для лингвистического анализа при изучении основных разделов социолингви-

стики (И.В. Крюкова, Волгоград). Были рассмотрены разновидности именованний ребёнка-дошкольника, функционирующие в социальном поле семьи, доказано, что целенаправленное изучение антропонимии в школе должно начинаться с осмысления учеником своего речевого опыта, связанного с восприятием и употреблением собственного имени (Л.В. Козлова, Орёл). На заседании была обсуждена проблема формирования культуроведческой компетенции младших школьников на уроках обучения грамоте, проанализированы дидактические и воспитательные возможности ономастической лексики на материале «Русской азбуки», необходимые для формирования коммуникативных умений и универсальных учебных действий младших школьников (Л.В. Филиппова, Арзамас).

На секции «Ономастика в восприятии начинающих исследователей» были представлены доклады магистрантов и студентов из России, Китая, Вьетнама, Туркменистана, Франции, а также школьников из Арзамаса. Личным именам были посвящены выступления Гао Джэньян (Чаньчунь, КНР), Чжу Юминь (Хайнань, КНР), Буй Тху Хиен (Ханой, Вьетнам), Фам Хань Линь (Ханой, Вьетнам), А.Я. Овезовой (Дашогуз, Туркменистан), микроантропонимическому пространству говоров – доклады О.К. Васяевой (Арзамас), А.М. Есаяевой (Арзамас); литературной ономастике – сообщения О.Б. Сидоровой (Арзамас), К.В. Костиной (Арзамас), Д. Ефимовича (Арзамас). Вопросы топонимии и микротопонимии рассматривались в докладах Лу Юаньюань (Чаньчунь, КНР), Чжу Синьяо (Чаньчунь, КНР), Ю.В. Корчагиной (Арзамас), Н.Н. Поп-

ковой (Арзамас) и др. Выступление А. Устимовой (Арзамас) посвящено периферийным разрядам ономастики; С.А. Аннаевой (Туркменабат, Туркменистан) – иностранным именам в русском тексте; К. Жильда (Безансон, Франция) – имени собственному как культурному символу.

По сложившейся традиции на конференции прошёл круглый стол «Арзамасский край в истории и культуре народов России», в работе которого приняли участие представители разных научных дисциплин: филологи (лингвисты и литературоведы), историки, географы, культурологи и философы.

В рамках общения участников конференции со студентами, магистрантами, аспирантами историко-филологического факультета вуза доктором филологических наук, профессором Белгородского университета В.К. Харченко был проведён мастер-класс «Ориентиры лингвистического поиска на современном этапе». В филиале ННГУ состоялась акция «Секреты ономастики» в рамках проходящего в вузе социально-просветительского проекта «Арзамасский грамотей». Арзамасские студенты активно участвовали в работе конференции, помогали гостям ориентироваться в вузе и городе. Преподаватели Арзамасского филиала ННГУ провели ряд экскурсий по городу и окрестностям, познакомили с историей и достопримечательностями Арзамаса, Болдино и Дивеево.

Завершающим аккордом конференции стала презентация города Ульяновска, в котором на базе Ульяновского педагогического университета в 2017 году будет проведена XVI конференция «Ономастика Поволжья», посвящённая 50-летию этого научного форума.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Супрун В.И. XIII Международная конференция «Ономастика Поволжья» // Вопросы языкознания. 2013. № 3. С. 157–159.
2. Ономастика Поволжья: матер. XV Междунар. науч. конф. / Под ред. Л.А. Климковой, В.И. Супруна; Арзамасский филиал ННГУ. Арзамас; Саров: Интерконтакт, 2016. 529 с.

REFERENCES

1. Suprun V.I. XIII Mezhdunarodnaya konferentsiya «Onomastika Povolzh'ya» [XIII international conference "Onomastics of the Volga region"] // Voprosy yazykoznaniya [Questions of Linguistics]. 2013. no. 3. pp. 157–159.
2. Onomastika Povolzh'ya: mater. XV Mezhdunar. nauch. konf. [Onomastics of the Volga region. XV Intern. scientific conf.]. Arzamas; Sarov, Interkontakt, 2016. 529 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Ковалёв Геннадий Филиппович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой славянской филологии Воронежского государственного университета;

e-mail: kovalev@phil.vsu.ru

Супрун Василий Иванович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и методики его преподавания Волгоградского государственного социально-педагогического университета;

e-mail: suprun@vspu.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Gennady Kovalyov – doctor of Philological Sciences, professor, the Head of the Department of Slavic Philology of the Voronezh State University;

e-mail: kovalev@phil.vsu.ru

Vasily Suprun – doctor of Philological Sciences, professor at the Department of Russian and a technique of its teaching of the Volgograd State Social and Pedagogical University;

e-mail: suprun@vspu.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Ковалёв Г.Ф., Супрун В.И. XV Международная научная конференция «Ономастика Поволжья» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2016. № 5. С. 318–325.

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-5-318-325

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

G. Kovalyov, V. Suprun. XV International scientific conference "Onomastics of the Volga Region" // Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology. 2016. no. 5. pp. 318–325.

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-5-318-325

РЕЦЕНЗИИ

УДК 821.161.1.09. Лесков

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-5-326-330

РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ В.В. ЛЕДЕНЁВОЙ «СЛОВО ЛЕСКОВА»: МОНОГРАФИЯ. М., 2015. 260 С.

Калесник Е.Ю.

*Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация*

REVIEW OF V. LEDENEVA'S MONOGRAPH «LESKOV'S WORD»: MONOGRAF. M., 2015. 260 P.

E. Kalesnik

*Moscow State Region University
10A Radio St., Moscow, Russian Federation, 105005*

Творчество русского писателя – классика Н.С. Лескова – богатейший источник знаний о России, русском народе. Его произведения учат всматриваться и вслушиваться в Россию, удивляться, размышлять и сопереживать. Неповторимым и завораживающим является язык произведений писателя. Лингвистов всегда привлекал язык выдающихся мастеров слова, а последние годы особенно возрос интерес к изучению своеобразия языка и стиля Н.С. Лескова. Большая заслуга в области изучения лексики писателя принадлежит Валентине Васильевне Леденёвой. Ею проделана огромная работа по изучению языка художественных, публицистических и эпистолярных текстов Н.С. Лескова. Результат – множество интереснейших статей и монографий, в т. ч. и словарь, составленный на основе эпистолярного творчества Н. Лескова 1890-х годов, дающий подробное представление о богатстве лексического материала писателя. Книга «Слово Лескова», многие материалы которой были опубликованы исследовательницей в разные годы, посвящена полиаспектному лингвистическому анализу конкретных лексем писателя. Книга разделена на пять глав («Лесков – писатель поистине русский», «Вехи ментального и духовного пространства эпистолярных текстов Н.С. Лескова», «Творческая деятельность в оценке словом Н.С. Лескова», «Сила коннотации, или жизнь слов в контекстах Н.С. Лескова», «Ономастическая составляющая идиолекта Н.С. Лескова»), в которых нашли отражение отдельные области исследования.

© Калесник Е.Ю., 2016.

Оригинально и интересно уже само оформление книги. Когда берешь её в руки, то возникает чувство, что держишь в руках что-то таинственное и сокровенное, а когда начинаешь читать, то понимаешь, что перед тобой раскрываются не только тайны слова любимого писателя, но и тайны его души. Доискиваясь до глубинного смысла слова Н. Лескова, автору удаётся раскрыть и творческую индивидуальность писателя, и склад его личности, и его отношение к литературе и писательской деятельности. В.В. Леденёва отобразила и непрерывные духовные поиски Н.С. Лескова, и его неутомимую работу над собой, поскольку в книге в основном рассматривается период 90-х годов, который был связан для Лескова с переоценкой ценностей, с поиском истины. Исследовательница не только даёт тщательный анализ множества слов и выражений, но и предоставляет читателям обширный иллюстративный материал (сначала даны толкования, далее идут иллюстрации из художественных, публицистических и эпистолярных произведений Лескова). Примечательно, что в книге представлены не только письма Л.Н. Толстому, И.С. Аксакову, М.Н. Каткову, С.Н. Шубинскому, но и малоизвестная переписка с молодой писательницей Л.И. Веселитской (Микучич), а также неопубликованные письма философу и поэту В.С. Соловьёву.

Прекрасно подобранными эпиграфами (цитатами о Н.С. Лескове из творчества разных писателей и литературоведов – Н.И. Либана, Д.С. Лихачёва, И.В. Столяровой, Б.М. Эйхенбаума, Л.Н. Толстого, И.П. Видуэцкой, Ж.-К. Маркадэ) автор даёт читателю

духовный посыл на восприятие и понимание текста. Исследование самой лексемы *слово* показывает, насколько было «ценно слово для писателя» [1, с. 39], насколько Н.С. Лесков был убеждён в «творимости» [1, с. 38] слова. Во многих текстах писателя, отмечает автор, видна убеждённость писателя в том, что с помощью Божественного дара слова он должен «бороться за свет в душах людей» [1, с. 84]. Анализируя употребление слова «язык» в эпистолярной писателем, В. Леденёва показала, как Лесков – выдающийся мастер слова, язык которого узнаётся сразу, – работал над ним, каким нелёгким писательским трудом он создавался, а анализ слов, связанных с трудом писателя, даёт читателю понимание того, насколько высока была ценность писательского труда для Н.С. Лескова, какие высокие требования предъявлял он к себе и к людям, которые хотят называться писателями. «Лесков – писатель поистине русский» [1, с. 15], – пишет автор и показывает, как широко российская география в текстах Лескова, как органично вплетаются в его произведения русские приметы и поверья, и даже жизнь народа «течёт по православному календарю» [1, с. 18]. Особенностью неповторимого стиля Лескова является широкое использование просторечных и диалектных слов, и в книге автор рассматривает употребление в письмах писателя слова *посилье*. Исследуя слова, связанные с воззрениями писателя на веру и религию, автор решительно отвергает «мысли о неверии» [1, с. 58], поскольку «в письмах перед адресатом предстаёт христианская личность» [1, с. 60]. В. Леденёва показывает, что «вера для Лескова – поддерживающая сила» [1,

с. 61], а в творчестве зрелого периода видно даже более глубокое понимание Лесковым духовного пути человека. Во многих текстах писатель говорит «о необходимости тёплой веры» [1, с. 56], и поэтому слово *смысл* (смысл жизни, смысл слова) тоже связан с верой, жизнь без смысла понимается писателем как «жизнь бездуховная, жизнь без нравственного основания» [1, с. 112]. Важно, что слова, связанные в письмах Лескова с размышлениями «об истинной вере, о пути к Богу» [1, с. 82], названные исследовательницей по-особенному тепло – «светлые» [1, с. 77] – показывают, что представления о вере, Боге и добре у Лескова напрямую связаны с представлениями о них народа и потому предстают перед читателем как органическая часть русской культуры. Рассказывая о том, что человек в его отношениях с обществом всегда являлся предметом интереса писателя, В. Леденёва подчёркивает, что не люди, а их пороки были предметом критики зрелого Лескова, убеждённого в том, что человек всегда «сохраняет главное качество – добро» [1, с. 44]. Особенности творческого пути писателя видны и в употреблении им слов *свобода* и *люди*, первое из которых связано и с личной независимостью, и с покоем, и с творчеством, и с одиночеством; а под вторым понимается в первую очередь «окружающая социальная среда, по отношению к которой писатель ощущает и родство, и отчуждённость» [1, с. 48]. Наблюдения над словами «художник» и «мастерство» дают представление, что всем своим творчеством Н.С. Лесков доказывал творческую одарённость русского народа, и это стало яркой особенностью его стиля. «Стремление показать необычную

талантливость – даже избранность простого русского человека является идиостилевой константой писателя, доказать это – важнейшая интенция его творчества» [1, с. 142], – пишет автор. Завершают книгу наблюдения над употреблением в текстах Н.С. Лескова имён некоторых писателей и поэтов. Имя великого предшественника – Пушкина, а также пушкинские строки используются Лесковым в качестве «ключевого слова, опорной «рамки» [1, с. 212]. Интересно, что значимость для писателя имени Пушкина проявилась и в том, что во многих художественных произведениях писатель характеризовал духовное наполнение персонажей, показывая, значимо ли для них имя Пушкина. Тютчевские строки, употребляемые Н. Лесковым, «запечатлевают живую реакцию прозаика на заключённую в них идейно-эстетическую и эмоциональную оценку России, её природы и духа народа поэтом» [1, с. 213]. Проницателен авторский взгляд на «диалог» с Лермонтовым – любимым поэтом Лескова, – художественный мир и идейные убеждения которого были близки мировоззренческим позициям писателя, и потому «наиболее часто прямо или косвенно имя поэта вкладывается и в лесковскую речь, и в речь героев» [1, с. 220]. Лермонтовские строки Н.С. Лесков цитирует, размышляя о России, о нравственном состоянии современного ему общества, о религии и вере. На примере одного из ранних публицистических произведений писателя – «Объяснение г. Стебницкого» – В.В. Леденёва делает интересные выводы об употреблении имени *Фет* в произведениях писателя. Лесков, не принимавший идеи революционного преобразования жизни, вы-

сказал своё неприятие этого в романе «Некуда», сыгравшего роковую роль в его последующей творческой судьбе, гротескно изобразив оппозиционно настроенные кружки нигилистов, а многих деятелей революционно-демократического лагеря сделав прототипами отрицательных персонажей романа. В своём «Объяснении...» Лесков попытался оправдаться, и В.В. Леденёва показывает, что имя Фета (который не у многих свих современников находил поддержку и понимание) здесь явилось прецедентным в значении «непонятый», «незаслуженно хулимый» [1, с. 227], а также, что с именем поэта для Н. Лескова связаны и поиски своего, особого пути в творчестве.

Обобщая сказанное, можно утверждать, что монография «Слово Лескова» представляет интерес для филологов разного профиля, для всех,

кто интересуется и занимается творчеством Н.С. Лескова, размышляет над вопросами авторской лексикографии, а словарь писателя рассматривает не только как культурную ценность, но и возможность ближе понять творчество писателя и его внутренний мир. Автор обращается ко всем любителям творчества Лескова, и каждый может найти в этой книге что-то своё, затрагивающее его душу. В заключении своей работы В.В. Леденёва пишет: «Вчитываться в произведения и работать над словом Лескова, восхищаться причудливой вязью сцеплений разнообразных по происхождению, стилистической окраске и частоте единиц идиолекта автора – благодарный род научной деятельности, интереснейшее занятие...» [1, с. 240], и, читая книгу, понимаешь, что это действительно так.

ЛИТЕРАТУРА

1. Леденёва В.В. Слово Лескова: монография. М., 2015. 260 с.

REFERENCE

1. Ledeneva V.V. Slovo Leskova: monografiya [Leskov's word: monograph]. M., 2015. 260 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Калесник Елена Юрьевна – учитель русского языка и литературы, МОУ СОШ №3 г. Серпухова, аспирант;
e-mail: helirmai@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Elena Kalesnik – teacher of Russian language and literature. School N3 of Serpukhov, postgraduate student;
e-mail: helirmai@yandex.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Калесник Е.Ю. Рецензия на монографию В.В. Леденёвой «Слово Лескова»: монография. М., 2015. 260 с. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2016. № 5. С. 326-330.

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-5-326-330

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

E. Kalesnik. Review of V. Ledeneva's monograph «Leskov's word»: monograph. M., 2015. 260 p. // Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology. 2016. no. 5. pp. 326-330.

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-5-326-330

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета» основан в 1998 г. Выпускается десять серий журнала: «История и политические науки», «Экономика», «Юриспруденция», «Философские науки», «Естественные науки», «Русская филология», «Физика-математика», «Лингвистика», «Психологические науки», «Педагогика». Все серии включены в составленный Высшей аттестационной комиссией Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук по наукам, соответствующим названию серии. Журнал включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Печатная версия журнала зарегистрирована в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Полнотекстовая версия журнала доступна в Интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), а также на сайте Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru).

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ: РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ
2016. N 5

Над номером работали:

Литературные редакторы Т.Е. Шаповалова, Д.Д. Дрошнев
Переводчик И.С. Шаповалов
Компьютерная вёрстка Д.А. Заботиной

Отдел по изданию научного журнала
«Вестник Московского государственного областного университета»
Информационно-издательского управления МГОУ
105005, г. Москва, ул. Радио, д.10А, офис 98
тел. (495) 723-56-31; (495) 780-09-42 доб. 6101
e-mail: vest_mgou@mail.ru
сайт: www.vestnik-mgou.ru

Формат 70x108/₁₆. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Minion Pro».

Тираж 500 экз. Уч.-изд. л. 22, усл. п.л. 20,75.

Подписано в печать: 30.12.2016 г. Дата выхода в свет: 23.01.2017 г. Заказ № 2016/12-12.

Отпечатано в ИИУ МГОУ
105005, г. Москва, ул. Радио, 10А